А. В. Карташовъ.

Лекціи по Исторіи Русской Церкви.

С.П.Б. Дух. Академія.
1900-1901 акад. г.

Разрѣшается литографировать въ количествѣ 55 экз.

Ректоръ Академіи
Епископъ Сергій

1901 г. 25/IV.

Литогр. Богданова Ерт. пер. 1/12

Историко-критическій очеркъ систематической обработки русской церковной исторіи.

Какъ особая дисциплина исторія русской церкви почти всецѣло принадлежитъ XIX-ому столѣтію. XVIII-вѣкъ, съ относительнымъ успѣхомъ двинувшій разработку русской исторіи вообще, тѣмъ самымъ подготовилъ почву и для появленія церковной исторіи Россіи. Уже въ историческихъ трудахъ Татищева, Щербатова, Болтина, помимо готоваго фактическаго матеріала, было высказано не мало и общихъ взглядовъ на церковно-историческія событія. Правда, раціоналистическій духъ времени такъ рѣзко сказался на этихъ воззрѣніяхъ, что въ большинствѣ случаевъ они могли сыграть развѣ только отрицательную роль антитезы для будущихъ изслѣдователей исторіи отечественной церкви. Таково, напр., у Татищева и Болтина представленіе духовенства силой враждебной просвѣщенію народа, корыстной въ отношеніи къ богатствамъ и власти и потому опасной для свѣтскаго правительства; таковъ - у Болтина и Щербатова откровенно-утилитарный взглядъ на религію какъ на орудіе государственныхъ интересовъ. Но всѣми этими сужденіями открывался рядъ важнѣйшихъ церковно-историческихъ вопросовъ, намѣчались задачи

послѣдующихъ изысканій въ этой области. Однако изъ среды школьно-образованныхъ дѣятелей тогдашней духовной литературы не сразу явились готовые исполнители предстоящей задачи: написанія цѣльнаго опыта русской церковной исторіи. Мысль объ этомъ долгое время была чужда представителямъ церковныхъ круговъ, потому что старая духовная школа, вполнѣ довольствуясь формальной схоластической наукой, совсѣмъ забыла объ исторіи, которая начала по мѣстамъ входить въ школьныя программы только съ конца XVIII в. Характеренъ въ данномъ отношеніи отзывъ св. синода на задуманное россійской академіей въ 1734 г. изданіе хронографовъ. Св. Синодъ опредѣлилъ: „разсуждаемо было, что въ академіи затѣваютъ исторіи печатать, въ чемъ бумагу и прочій коштъ терять будутъ напрасно, понеже въ оныхъ писаны лжи явственныя... Изъ приложеннаго для аппробаціи видится, что томовъ оныхъ исторіи будетъ много, и если напечатаны будутъ, чтобы многіе были къ покупкѣ охотники, безнадежно, понеже и стиль одинъ воспящать будетъ. А хотя бы нѣкоторые къ покупкѣ охоту возъимѣли, то, первому тому покупку учиня, до послѣдующихъ весьма не приступятъ. Того ради не безопасно, дабы не принеслось оттого казенному капиталу какова убытка." Опредѣленіе возъимѣло силу. Не мудрено, что при такихъ условіяхъ мысль

объ исторіи русской церкви въ началѣ предносилась не русскому уму Адама Буркхарда Селлія, датчанина по происхожденію, съ 1734 по 1737 г. преподававшаго латинскій языкъ въ Александроневской семинаріи, а въ 1745 г. принявшаго здѣсь же въ лаврѣ православіе и іеромонашескій санъ съ именемъ Никодима († 1746 г.) Занявшись, по указанію академика Байера, русской исторіей, онъ приготовилъ нѣсколько сочиненій справочно-библіографическаго характера. Одно изъ нихъ, обширное и законченное, носитъ названіе „De Rossorum Hierarchia". Здѣсь заключаются свѣдѣнія о нашей іерархіи: о степеняхъ епископскихъ каѳедръ въ разныя эпохи русской исторіи, о всероссійскихъ митрополитахъ и патріархахъ, о всѣхъ епархіальныхъ епископахъ; о соборахъ русскихъ и бывшихъ въ другихъ земляхъ по дѣламъ русской церкви; о главнѣйшихъ монастыряхъ и ихъ настоятеляхъ; объ училищахъ; о святыхъ и мученикахъ. Всѣ свѣдѣнія сопровождаются ссылками на источники. Хотя этотъ трудъ въ отдѣльномъ видѣ и не появлялся въ печати (оригиналъ его хранится въ моск. арх. мин. ин. дѣлъ), но онъ не потерялъ своего значенія для исторіографіи, потому что впослѣдствіи, какъ увидимъ, цѣликомъ вошелъ съ поправками и дополненіями въ знаменитую Евгеніевско-Амвросіевскую „Исторію россійской іерар—

ліи[x]." Другой близкій Россіи иностранецъ, печатно выразившій въ 1768 г. желаніе имѣть исторію русской церкви, былъ извѣстный Шлецеръ (Russische Annalen Th III, S. 106 [xx])

Но Екатерининское время было уже благо—

Примѣчаніе x) Если не стѣснять себя предѣлами собственно-русской исторіи, то начало трудовъ, подобныхъ Савелліеву, можно относить и къ болѣе раннему времени. Съ появленіемъ уніи въ юго-западной Руси польско-уніатская литература впервые начала аппелировать во свидѣтельство своей правоты къ русской церковной исторіи. Въ соч. Льва Кревзы „Оборона Уніи" (Вильно 1617 г. Русск. Истор. Библ. т. IV) былъ напечатанъ біографическій каталогъ кіевскихъ митрополитовъ отъ Михаила до Ипатія Потѣя съ тенденціей доказать ихъ всегдашнее единеніе съ римской каѳедрой. Въ отвѣтъ на это Захарія Копыстѣнскій въ своей Памнодіи (1621-22 г.) далъ такой же каталогъ съ противоположнымъ освѣщеніемъ, при чемъ былъ болѣе пространнымъ въ изложеніи церковныхъ событій. Этотъ послѣдній каталогъ послужилъ впослѣдствіи основою для такихъ же работъ Сильвестра Коссова (въ примѣч. къ „Патерикону"; Кіевъ 1635 г. на польск. яз.) и св. Димитрія Ростовскаго (изд. въ Любопытномъ мѣсяцесловѣ на 1776 г.). Св. Димитрію еще припис. и такъ наз. „московскій каталогъ," оканчивающійся патрі—

пріятнымъ для развитія русской исторіи. Вмѣстѣ съ славой русскаго оружія сталъ замѣтнымъ и подъемъ національнаго самосознанія въ образованныхъ кругахъ; наравнѣ съ крайнимъ увлеченіемъ философіей du bon sens, въ извѣстной части общества появляется и „старорудумы." Интересъ къ родной старинѣ

архимъ Іоакимомъ (ркп. Спб. Д. Акад. № 251)

Крезза также имѣлъ своихъ продолжателей. Кульчинскій въ книгѣ подъ заглавіемъ „Specimen ecclesiae ruthenicae etc. (Romae 1733 г.) излагаетъ свѣдѣнія и о кіевскихъ митрополитахъ и о русскихъ святыняхъ конечно съ той же грубо-тенденціозной точки зрѣнія. Такова же Лодыкевича „dissertatio historico-critica de archiepiscopis metropolitanis kijoviensibus. 1770 г.

xx) Wann wird ein Mann aufstehen, der seinem und allem gelehrten Volke eine russische Kirchengeschichte liefert? Для перваго раза, впрочемъ, намѣчался скромный идеалъ - видѣть хотя бы іерархическо-хронологическій каталогъ: wäre es auch, für's erste, nur eine richtge chronologische Angabe, wann jedes Bisthum gestiftet worden sammt der Namen und der Folge aller Bischöfe auf einander: auch trockene Register würden schon — vom Werthe seyn u. s. w.

быстро возрастаетъ. Издается цѣлый рядъ историй (въ томъ числѣ и Татищевская), лѣтописей, документовъ. Въ это время и для духовныхъ писателей открывается новый предметъ: исторія русской церкви. Мысль объ ней носится, такъ сказать, въ воздухѣ. Его занимается москов. архіеписк. Амвросій Зертисъ-Каменскій, еще въ бытность свою префектомъ александро-невской семинаріи перенявшій по смерти Селлія его рукописи, часть которыхъ впрочемъ осталась въ семинарской - теперь въ нашей академической библіотекѣ. Но историческія записки Амвросія были уничтожены невѣжественной чернью вмѣстѣ за его трагической кончиной во время чумы 1771 года. Московскій протоіерей архангельскаго собора Петръ Алексѣевъ (+1801 г.*) успѣлъ даже составить цѣлое „Начертаніе исторіи греко-россійской церкви" въ 6-ти част. отъ Р. Х. до Екатерины II-ой; оно однако и доселѣ не увидѣло свѣта. На счастье

---

*) Извѣстенъ своими интригами противъ высшей монашествующей іерарх. и угодничествомъ передъ свѣтской властью. Одинъ изъ своихъ переводовъ съ латинскаго онъ посвятилъ имп. Екатеринѣ II „истиннаго божества истинной намѣстницѣ", а при коронаціи Павла I на особицу отъ всѣхъ присутствовавшихъ духовныхъ особъ поцѣловалъ у императора не только руку, но и мечъ на бедрѣ его; на вопросъ же Павла - что это значитъ? - отвѣчалъ, что такъ было въ Византіи.

~~на счастье~~ нашей науки на нее въ это вре-
мя обратилъ свое просвѣщенное вниманіе
московскій митр. Платонъ. Сдѣлавшись ар-
химандритомъ троицкой лавры (съ 1766 г.)
онъ приказалъ начальству лаврской семи-
наріи учредить особый классъ исторіи, за
постановкой котораго не переставалъ вни-
мательно наблюдать и по переходѣ сво-
емъ на митрополичью каѳедру, предпи-
сывая выдѣлять церковную исторію въ
особый предметъ ~~предметъ~~ преподаванія
для богословскаго класса. Между тѣмъ бла-
годаря сближенію съ московскимъ универси-
тетомъ и новиковскимъ обществомъ, митр.
Платонъ заинтересовался преимущественно
отечественной исторіей и рѣшился напи-
сать учебное руководство по исторіи рус-
ской церкви. Въ 1805 г. онъ закончилъ и из-
далъ „Краткую россійскую церковную
исторію" въ 2-хъ томахъ, счастливо начи-
ная его рядъ систематическихъ работъ по
данной наукѣ, которыя надолго становят-
ся случайной монополіей іерархическихъ лицъ.
(Платонъ, Иннокентій, Евгеній, Филаретъ, Ма-
карій), что объясняется исторіей ученаго мо-
нашества, въ кое до нѣкотораго времени
шелъ цвѣтъ д.-академической молодежи,
и отчасти цензурными условіями стара-
го времени, благодаря которымъ писать исто-
рію своей церкви, предметъ столь недале-
кій отъ живой дѣйствительности, было не
всегда легко даже подъ прикрытіемъ іерар-
хическаго авторитета. Впрочемъ произведе-

ніе м. Платона меньше всего заслуживаетъ названія системы. По примитивному плану древнихъ лѣтописцевъ, оно располагаетъ факты, извлеченные изъ этихъ последнихъ, въ одномъ безразличномъ хронологическомъ рядѣ, подраздѣляя ихъ на многочисленныя главки, ничѣмъ внутренно не обусловленныя. Извѣстенъ строгій, хотя можетъ быть, немного не безпристрастный отзывъ объ этой исторіи восходящаго тогда свѣтила на горизонтѣ русской ~~церкви~~ науки — старорусскаго викарія Евгенія Болховитинова. Въ одномъ дружескомъ письмѣ отъ 8-го апр. 1806 г. онъ писалъ: „О нововышедшей нашей церковн. исторіи скажу вамъ,[1] что это отнюдь не исторія, а лѣтопись, въ коей на лыко лѣтосчисленія безъ порядка нанизаны бытія, какъ будто вмѣстѣ и калачи, и сайки и бублики. Исторія должна быть въ системѣ, т. е. въ раздѣленіи на періоды, эпохи, и въ подборѣ единообразныхъ матерій по статьямъ, или главамъ, а тутъ, хотя видишь главы, но не найдешь причины, почему эта или другая глава начинается на этой, а не на другой странице. Итакъ раздѣленія ея отнюдь не есть раздѣленія исторіи. 2) Много находится парадоксовъ.... 3) Много также тутъ хвастливаго ханжества, а съ другой натужнаго безпристрастія." По всѣмъ этимъ причинамъ, „а особливо по первой" преосв. Евгеній признавалъ „лѣтопись сію", къ сожалѣнію, непригодную для преподаванія въ

классъ и кромѣ того укоряемъ ее въ весьма ощутительномъ недостаткѣ — отсутствіи цитацiи (пріемъ не расчитанный на услуги дальнѣйшему развитію науки). Впрочемъ къ концу письма критикъ желаетъ, чтобы многое его осталось „подъ завѣсою скромности. Ибо совѣстно и грѣшно явно отнимать славу у почтеннаго старца. Будемъ думать для себя, а не для другихъ, кои могутъ быть еще лучше насъ оцѣнять сіе произведеніе." Онъ не ошибся. Стоя не на формальной только точкѣ зрѣнія, въ трудѣ м. Платона можно указать не мало достоинствъ и даже значительныхъ. Прежде всего — весьма замѣтную критичность въ отношеніи къ содержанію и качеству своихъ источниковъ. Такъ, онъ подозрительно относится къ сказанію о проповѣди ап. Андрея въ Руси (I, 12-13), отчасти къ повѣсти о крещеніи князя Владиміра (I, 22 и 27) и къ созорному дѣянію еретика Мартина (I s. 90). Качество „степенныхъ книгъ" м. Платонъ не признаетъ настолько надежнымъ, чтобы не требовалось отъ историка осмотрительности при пользованіи ими (II с. 53-54). Затѣмъ авторъ „Краткой церковной исторіи" проявилъ такъ много историческаго чутья, что нѣкоторыя его собственныя догадки раскрыты documents... и удержаны наукой до настоящаго времени; это

его мнѣніе: объ отсутствіи храмовъ и жрецовъ у др.-русскихъ язычниковъ (I, 7 ff), о причинѣ вѣротерпимости монголовъ (I, 136-137), о происхожденіи Лжедимитрія I-го (II, 167 ff). Весьма глубокомысленны и важны для насъ его сужденія о причинахъ раздѣленія русской митрополіи (I, 277-279), или, напр., о значеніи власти русскихъ патріарховъ по сравненію съ митрополитами ихъ предшественниками (II, 100-101). Замѣчательно еще въ трудѣ м. Платона то обстоятельство, что онъ всюду слѣдуетъ выраженному имъ въ предисловіи убѣжденію, что „первое любезное и привлекательное исторіи свойство есть истина и безпристрастіе". Потому вопреки отрицательнымъ взглядамъ вольнодумныхъ историковъ XVIII в. на прошлое нашей церкви, маститый авторъ „не можетъ себя воздержать, чтобы россійскому духовенству не дать похвальнаго и справедливаго свидѣтельства", что онъ съ любовью и восполняетъ на протяженіи всей своей исторіи. Но не закрываетъ глазъ и на темныя явленія и даже выставляетъ ихъ со всею рѣзкостью и въ жизни общества (I, 126-127) и духовенства (I, 127, 101), и монашества (I, 61-62). Часто м. Платонъ высказываетъ и свои личныя мнѣнія по поводу тѣхъ, или иныхъ историческихъ фактовъ, чѣмъ сообщаетъ

много живости и публицистическаго интереса своему повѣствованію. Сужденія его возвышенны и гуманны (I, 28, 117, 283–284) любопытны (т. II с. 234–5; 275; I, 15) Послѣ всего неудивительно, если проф. Знаменскій характеризуетъ исторію м. Платона, какъ „трудъ рѣдкій по талантливости, полной обиліемъ фактовъ, мѣткихъ замѣчаній и серьезной критики, преимущественно направленной противъ тенденціозныхъ взглядовъ на церковь историковъ XVIII в., хотя тоже въ свою очередь не чуждый нѣкоторыхъ современныхъ идей, напр. относительно древнихъ чудесъ и суевѣрій“.

Въ порядкѣ хронологической постепенности мы должны были бы говорить о церковной исторіи преосвящ. Иннокентія, но въ историческомъ разборѣ систематическихъ работъ по исторіи русс. церкви было бы несправедливо въ угоду только единству темы не упомянуть объ историческихъ трудахъ кіевскаго митрополита Евгенія Болховитинова (1767–1837), такъ много содѣйствовавшихъ успѣху нашей науки именно въ первое время ея развитія, хотя они и не представляютъ собой цѣльной церковно-исторической системы. Посланный въ 1785 г. въ качествѣ лучшаго воспитанника Воронежской семинаріи въ московскую академію Евфимій (его первое имя) Болховитиновъ по желанію м. Платона вмѣстѣ съ нѣкоторыми

друзьями студентами посѣщалъ и московскій университетъ, черезъ который вскорѣ сдѣлался членомъ новиковскаго товарищескаго кружка. Отсюда его симпатія къ русской литературѣ и исторіи. По возвращеніи въ родную семинарію онъ преподаетъ тамъ русскую исторію и занимается разработкой мѣстной старины. Въ 1800 г. является въ Петербургъ, принимаетъ монашество, дѣлается префектомъ александро-невской главной семинаріи и вскорѣ преподаетъ здѣсь церковную исторію, привлекая студентовъ къ разработкѣ преимущ. русс. церковной исторіи, кк видно изъ ряда напечатанныхъ тогда же диссертацій. И впослѣдствіи на всѣхъ мѣстахъ своей епархіальной дѣятельности — въ Новгородѣ, Вологдѣ, Калугѣ, Псковѣ и Кіевѣ онъ является неутомимымъ собирателемъ всевозможныхъ матеріаловъ мѣстной, главнымъ образомъ церковной, исторіи. Рядомъ учено-историческихъ работъ ознаменовывалъ онъ каждое свое мѣстопребываніе, безкорыстно оставляя иногда, за собственнымъ недугомъ, систематически собранный матеріалъ въ распоряженіе будущихъ работниковъ науки (какъ, напр., въ Воронежѣ и Вологдѣ). Въ своей ученой дѣятельности м. Евгеній является характернымъ выразителемъ убѣжденія гр. Ник. Петр. Румянцева, къ приснопамят-

-ному кружку котораго принадлежалъ нашъ іерархъ, — что еще не время было писать нашу исторію, пока не собраны и не приведены въ извѣстность едва тронутые тогда (въ нач. XIX в.) многочисленные матеріалы библіотекъ и архивовъ. Поэтому всѣ его труды по исторіи русской церкви запечатлѣны характеромъ того іерархическаго направленія, отдаленное начало котораго мы уже подмѣтили у Захаріи Копыстенскаго, а ближайшее у Адама Селлія; всѣ они сводятся къ тому, чтобы завершить наконецъ подготовительную, черновую работу для написанія русской церковной исторіи: создать „исторію россійской іерархіи" — этотъ „компасъ историческій" по выраженію Шлецера. Съ этого центральнаго труда, носящаго именно такое названіе и начинается рядъ крупнѣйшихъ работъ ученаго іерарха по исторіи русской церкви, о которыхъ мы и скажемъ нѣсколько словъ, не упоминая о многочисленныхъ его произведеніяхъ меньшаго значенія и объема, или чисто историко-литературнаго содержанія. „Исторія россійской іерархіи" задумана и начата Евгеніемъ еще въ петербургскіе годы (1800-1804); но широта намѣченной программы и сложность занятій по должности викарія старорусскаго (1804-1805) заставили его, по переѣздѣ въ Новгородъ, поискать здѣсь себѣ помощника для этой работы.

И. д. доц. Ант. Карташов.

Таковымъ оказался энергичный префектъ тамошней семинаріи, іером. Амвросій Орнатскій, впослѣдствіи (съ 1819 г.) „грозный" еп. Пензенскій x); его имя стоитъ и въ за-главіи сочиненія, какъ имя автора.
Но какъ по собственному признанію Евген (письмо къ Анастасевичу. — Др. и Нов. Росс. 18 т. XVIII, с. 355), такъ и по заключеніямъ специ-альнаго изслѣдованія его трудовъ xx) ему (Ев-нію) принадлежитъ половина труда и даже болѣе, если не забывать цѣну ини-ціативы и общей редакціи. „Исторія ро-сійской іерархіи", изданная (М. 1807–1815 г.) 6ти томахъ и семи книгахъ (VIй томъ со-ставляютъ двѣ книги), распадается на двѣ неравныхъ части. Первая вся вмѣща-ется въ первомъ томѣ и содержитъ соб-ственно историко-іерархическія свѣдѣні и кромѣ того — о соборахъ, о святыхъ, о духовныхъ школахъ. (Вотъ болѣе подробны перечень ея содержанія: Введеніе и подробное хронологическое обозрѣніе рус-ской іерархіи по порядку учрежденія епар

---

x) Набожный, суровый, безпощадно-справе-ливый онъ и улучшилъ и измучилъ свою епархію, рѣзко разошелся со свѣтскими влас-ми Пензы и въ 1825 г. удалился на покой въ Кирилловъ-Бѣлозерскій м.; тамъ онъ прове-послѣдніе годы своей жизни (†1827 г.) въ стр затворѣ, приказавъ сказать даже роднымъ что Амвросій мертвъ.

xx) Полетаевъ. Труды м. Кіев. Евг. Болховитинов по исторіи русс. церкви. Каз. 1889 г. стр. 82–86.

(по отношенію) съ указаніемъ степеней этихъ послѣднихъ въ разное время ихъ существованія.- О высшемъ церковн. управленіи: о русскихъ митрополитахъ, патріархахъ, о св. Синодѣ, его членахъ и об.-прокурорахъ.- О епархіяхъ настоящихъ и упраздненныхъ.- О соборахъ русскихъ и внѣ Россіи по дѣламъ русской церкви бывшихъ.- О русскихъ святыняхъ.- Историческій обзоръ русскихъ духовныхъ школъ съ отдѣльной исторіей дух. академій и списками начальств. лицъ семинар.: новгородской, троицко-лаврской и харьковскаго коллегіума.) <u>Вторая</u> часть заполняетъ собою остальные томы и содержитъ сначала общее введеніе во исторію русскихъ монастырей (о ихъ началѣ, имуществахъ, уставахъ, оффиціальныхъ степеняхъ), затѣмъ частныя свѣдѣнія о главнѣйшихъ и всѣхъ остальныхъ монастыряхъ по алфавитному порядку. Такимъ образомъ „Исторія росс. іерархіи“ даетъ даже больше, чѣмъ обѣщаетъ ея заглавіе. Это разнообразіе предметовъ содержанія „исторіи р. і.“ объясняется ея происхожденіемъ изъ вышеупомянутаго труда Никодима Селлія, переводъ котораго съ солидными поправками и дополненіями она представляетъ, какъ явствуетъ изъ многихъ писемъ м. Евгенія и изъ заглавія рукописнаго ея оригинала. Послѣдній сохранился среди рукописей москов. синод. типогр. (№ 405), гдѣ въ свое время печаталась „исторія“; его заглавіе такое: „Опытъ повѣствованія о россійской іерархіи, сочиненной на лат. яз. Никодимомъ Селліемъ, монахомъ Алексан-

дро-Невскаго монастыря, а нынѣ съ по-
ной рукописи переведенный, справленный
съ лѣтописями и др. рукописями, располо-
жен по нынѣшнему порядку іерархіи
сійской, во многомъ дополненный и д
ный до настоящаго времени." Богат
содержаніе этого творенія еще и досе
не исчерпано вполнѣ новѣйшими из
ніями и литературой по предмету р
церковной исторіи.

Другой замѣчательный для насъ
богатству и важности своего содержанія трудъ
Евгенія — его „Описаніе Кіево-Софійскаго собор
исторія кіевской іерархіи (Кіевъ 1825г.). Здѣсь
исторія Софійскаго собора предваряется дв
этюдами изъ начальной исторіи христіанст
Руси, а за нею слѣдуетъ рядъ обстоятельны
графій всѣхъ кіевскихъ митрополитовъ съ
кимъ изложеніемъ современныхъ имъ церко
событій, такъ что въ результатѣ по
какъ-бы цѣльный историческій очеркъ жизни
ской церкви въ древній періодъ и затѣмъ — запа
- русской церкви до послѣдняго времени. Втор
половина книги занята „прибавленіемъ" или тек
томъ многочисленныхъ документовъ, относящихся
къ предмету и въ большинствѣ случаевъ впервы
народованныхъ авторомъ. Какъ бы дополнен
къ „Исторіи кіевской іерархіи" служитъ вслѣ
за нею вышедшее въ 1826 г. историческое „Опи-
саніе Кіевопечерской Лавры" также „съ при-
вокупленіемъ разныхъ грамотъ и выписокъ, объ
няющихъ оное".

Славу м. Евгенія въ исторіи русской лит

[..]ры составляютъ два его словаря: „Словарь исто[..]ческій о бывшихъ въ Россіи писателяхъ духовнаго [..]на Греко-россійской церкви" (т. I–II. 1818 г. и изд. 2е [..]правл. и умнож. 1827 г.) и „Словарь русскихъ свѣт[..]ихъ писателей, соотечественниковъ и чужестран[..]цевъ, писавшихъ въ Россіи" (т. I–II. 1845 г.); для насъ [..]вѣчно интересенъ первый изъ нихъ, по многимъ пун[..]ктамъ навсегда остающійся первоисточникомъ для [..]графическихъ и историко-литературныхъ спра[..]вокъ о дѣятеляхъ русской церкви, древнихъ и новыхъ.
[..] 1836 г. (С. П. Б.) м. Евгеній, отчасти на основаніи [..]ихъ же прежнихъ трудовъ, издалъ „Словарь исто[..]рическій о святыхъ, прославленныхъ въ россійской [..]церкви и о нѣкоторыхъ подвижникахъ благочестія, [..]мѣстно чтимыхъ".

Оставивъ намъ столь обширное ученое наслѣдіе, [..] Евгеній однако всю жизнь не собрался написать [..]льнаго очерка исторіи русской церкви. Его „Исторія Славено-русской церкви отъ начала ньѣ[..]шнихъ временъ" доведена только до конца XI в. и [..]печати не вышла. (Хранится въ Кіево-Софійской [..]борной библіотекѣ; 1-я часть, введеніе, есть и въ [..]шей Акад. библіотекѣ: № 254). Объясняли это [..]вленіе складомъ ума м. Евгенія, „ума регистра[..]турнаго" (Преосв. Иннокентій Борисовъ). „Это былъ [..]инъ изъ величайшихъ собирателей, которые когда [..]либо существовали", говорилъ о немъ М. П. Пого[..]динъ, „это былъ русскій Миллеръ — Это былъ ка[..]кой-то статистикъ исторіи. Онъ, кажется, даже [..]усамъ, если гдѣ чего ему не доставало въ исто[..]ріи; для него было это какъ будто все равно. Что [..]есть — хорошо, а чего нѣтъ, нечего о томъ и думать. [..]никакихъ разсужденій, заключеній." А критикій

на-слово ἀρχίεп. Филаретъ (Обзоръ рус. дух. литер.) кончаетъ свою характеристику работъ Евгенія слѣдующимъ образомъ: „въ м. Евгеніи сколько изумляетъ собою обширность свѣдѣній его, столько-же поражаетъ бездѣйствіе размышляющей силы, часто и рѣзко высказывающееся."

Вторымъ послѣ Платонова обобщительнымъ трудомъ по исторіи русской церкви можетъ считаться „Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII в." (Отд. I–II. СПб 1817 г.) Иннокентія (Смирнова), скончавшагося въ санѣ еп. Пензенскаго († 1819 г.). Начертаніе представляетъ собою результатъ его преподавательскихъ чтеній 1-му курсу нашей Академіи (1812–1814 г.), когда русская церковная исторія излагалась совмѣстно съ общей, поэтому до нея черёдъ доходитъ здѣсь только во 2-мъ отдѣленіи или томѣ. Въ этомъ произведеніи мы видимъ уже попытку вывести матеріалъ нашей науки изъ сырого состоянія лѣтописнаго распорядка, отыскать въ изучаемыхъ фактахъ общій смыслъ и сообразно ему установить связь между событіями, но хорошо усвоенные ученымъ авторомъ схоластическіе пріемы сослужили ему въ данномъ случаѣ плохую службу: „Начертаніе" вышло прекраснымъ образцомъ того, какъ не слѣдуетъ писать исторію; его дѣленія и группировка фактовъ представляютъ какую-то безсмысленную вивисекцію живыхъ и цѣльныхъ явленій исторіи. Прежде всего авторъ усвоилъ дурной примѣръ западныхъ историковъ эпохи всевозможныхъ „Origines" и „Antiquitates" — излагать исторію по отдѣльнымъ вѣкамъ съ якобы особой, индивидуальной ихъ характеристикой,

въ сущности до смѣшного внѣшней и искусствен-
ной. Но еще бо́льшую искусственность и дробность
онъ ввелъ въ распредѣленіе матеріаловъ по стро-
го-однообразнымъ для каждаго вѣка предметнымъ
рубрикамъ. Здѣсь окончательно ставится крестъ
надъ внутреннимъ единствомъ отдѣльныхъ событій
съ одной стороны и надъ ихъ качественнымъ разнооб-
разіемъ съ другой. Анатомическій ножъ схоласти-
ки дѣлитъ цѣлостные факты на мелкія частицы,
которыя затѣмъ и собираются в пестрые букеты
подъ заголовками: „Пособія успѣхамъ церкви", „Со-
дѣйствіе Промысла", „Бѣдствія церкви," „Состоя-
ніе ученія", „Ученіе", „Іерархія", „Достопамятныя
лица," „Ереси и расколы." Что изъ этого получает-
ся, можно прослѣдить хотя-бы на примѣрѣ XVII-го
вѣка. Въ отдѣлѣ объ условіяхъ, „способствовавшихъ
успѣхамъ Россійской церкви" безъ слова о смутномъ
времени прямо сообщается о изгнаніи изъ Москвы
поляковъ усиліями Минина, Пожарскаго, Патрі-
арховъ Гермогена, Филарета и Троицкихъ геро-
евъ, и только непосредственно слѣдующій затѣмъ
абзацъ „О путяхъ Промысла" на перекоръ естествен-
ному порядку событій кратко сообщаетъ о появ-
леніи 1-го Самозванца. Дальше глава (II) о „бѣд-
ствіяхъ церкви" говоритъ о Самозванцахъ уже подроб-
нѣе, но въ особой опять рубрикѣ — о „преданіи Мо-
сквы полякамъ." Въ главѣ (III) о „Состояніи Ученія"
отдѣльный параграфъ трактуетъ объ „исправ-
леніи книгъ", но въ слѣдующей главѣ (IV) „о богослу-
женіи" рѣчь необходимо сводится къ тому-же; въ
дальнѣйшей (V) главѣ „объ іерархіи", частнѣе „о
соборахъ россійскихъ" — опять выступаетъ на сце-
ну исторія книжныхъ исправленій. Кажется до-

вольно повторений. Все-таки авторъ въ главѣ (VI) о „достопамятныхъ лицахъ“ еще разъ приподноситъ намъ запоздалыя свѣдѣнія о патріархахъ Гермогенѣ, Филаретѣ, Никонѣ и ихъ заслугахъ. Десять разъ заводя рѣчь о книжныхъ исправленіяхъ, онъ однако ухитрился сохранить исторію происхожденія раскола до послѣдней (VII) главы своего повѣствованія: это особенно характерный результатъ принятой въ книгѣ систематизаціи! И такъ повсюду: „ученіе“ и „ереси“ раздѣляются, а благочестивые князья, примѣрные пастыри, затмѣнія и землетрясенія соединяются вмѣстѣ подъ именемъ „пособій церкви“. Не украшается описанный трудъ и критичностью въ отношеніи къ своимъ источникамъ, свидѣтельствомъ чего являются, напр., обильныя заимствованія изъ Степенной книги и Никоновой лѣтописи, репутація которыхъ и тогда уже стояла довольно невысоко. Оттого немало можно встрѣтить въ книгѣ фактовъ сомнительныхъ и невѣроятныхъ. Не говоримъ уже о томъ, что здѣсь почти совсѣмъ отсутствуетъ внутренняя исторія церкви. Слогъ книги крайне сжатый, темный, отмѣнно тяжелый. Можетъ быть нѣкоторыя свойства „Начертанія“ опредѣлялись и указаніями сверху. Комиссіей духовныхъ Училищъ въ то время изданы были въ руководство академическимъ преподавателямъ правила, которыми вмѣнялось въ обязанность не допускать при изложеніи исторіи: „а) усиленнаго критицизма, который орудіемъ односторонней логики покушается разрушить историческіе памятники; в) произвольнаго систематизма, который --- воображаетъ народъ и его исторію невольнымъ развитіемъ какой-нибудь роковой для него идеи, и с) неосмотрительнаго политическаго направленія. -- Излагая со-

[...]ытие просто, кратко, върно, съ чистыми первоначаль[...]ными источниками свѣдѣній, преподаватель долженъ [о]бращать особенное вниманіе на черты нрав[с]твенныя въ исторіи, на слѣды Провидѣнія Божія [в]ъ происшествіяхъ общественныхъ и приключеніяхъ [ч]астныхъ, на связь и послѣдовательность въ судьбахъ народовъ нравственнаго улучшенія и благоденствія, [и]ли, напротивъ — нравственнаго повреждения и упад[к]а благосостоянія. Въ параллель съ этимъ шла и [с]трогость цензуры, на которую такъ часто жало[...]валься м. Евгеній при выпускѣ своихъ безобидныхъ исто[...]рическихъ работъ.

Мы нѣсколько подробно остановились на харак[...]теристикѣ „Начертанія", имѣвшаго слишкомъ не[...]большое значеніе въ развитіи нашей науки, потому [ч]то оно имѣло свою продолжительную исторію, такъ [ка]къ до 60-хъ годовъ было обязательною классическою кни[...]гою въ духовныхъ семинаріяхъ и долгое время (до 40-хъ [го]довъ) связывало руки и академическимъ наставни[...]камъ.

Слѣдующая по времени печатная система исторіи русской церкви, доведенная до учрежденія въ Россіи патріаршества, принадлежитъ перу нѣмецкаго профессора Филиппа Штраля, долго [ж]ившаго въ Россіи, откуда онъ уѣхалъ послѣ 1812 года. Откликаясь на призывъ Шлецера, онъ издалъ въ Гал[...]ле въ 1827 году „Beyträge zur russischen Kirchengeschichte", гдѣ систематически собралъ и обозрѣлъ славяно-русскіе источники для русской церковной исторіи, сдѣлалъ хронологическій перечень событій ея до 1825 г. включительно, приложилъ исторію русскихъ лжеученій и сектъ и далъ хронологическую таблицу русскихъ митрополитовъ и патріарховъ параллель-

но съ княземи и царями. Въ 1830 г. въ Галле же вышла его „Geschichte der russischen Kirche", I-r Theil. Въ перечнѣ литературы предмета, данномъ въ предисловіи, авторъ указываетъ очень много иностранныхъ сочиненій о Россіи, но изъ содержанія его книги открывается, что онъ полною рукою черпалъ главнымъ образомъ изъ русскихъ лѣтописей и историковъ: Амвросія (= Исторія Росс. іерархіи), Татищева, Щербатова, Карамзина; послѣднимъ онъ всецѣло подчиняется и въ своихъ общихъ взглядахъ на развитіе русской исторіи. Но особенно выступаетъ зависимость автора отъ Шлецера во взглядахъ на достоинство Кіевскаго лѣтописнаго свода, каждую строку котораго онъ приписываетъ Нестору и принимаетъ съ благоговѣніемъ, постоянно титулуя послѣдняго: „ehrwürdige Nestor". Свой разсказъ Штраль, подобно митроп. Платону, ведетъ по княженіямъ и царствованіямъ русскихъ государей, такъ что въ трудахъ этихъ двухъ ученыхъ исторія русской церкви находится какъ бы только еще въ процессѣ своего выдѣленія изъ области исторіи гражданской. Но принципъ дѣленія на періоды у Штраля іерархическій. Поэтому онъ время отъ 988 по 1588 г. считаетъ за одинъ періодъ жизни русской церкви, когда глава ея — митрополитъ находился въ зависимости отъ КП. патріарха; отъ 1588—1702 г. — второй періодъ, періодъ независимости; отъ 1702—1721 — третій и отъ 1721 г. четвертый. Излагая главную нить церковныхъ событій хронологически, онъ въ послѣдующихъ, болѣе краткихъ отдѣлахъ обозрѣваетъ уже по предметной системѣ: каноническія права и взаимоотношенія духовныхъ лицъ (II Abschnitt), имущественное положеніе церкви (III - Abschnitt), церковное право и дисципли-

(IV), церковное вѣроученіе (V) и монашество (VI).
этомъ произведеніи нѣмца-католика обращаетъ
себя вниманіе примѣрное безпристрастіе въ пере-
ѣ и освѣщеніи фактовъ исторіи чуждой ему церкви,
мчемъ выдержанъ далѣе іератическій тонъ на-
ихъ древнихъ источниковъ. При этомъ качествѣ,
связи съ обстоятельностью изложенія и наличностью
ученаго аппарата трудъ Штрауса былъ несомнѣн-
полезнымъ пособіемъ для его продолжателей, хотя
издатаній изъ нихъ особенно. Филаретъ не ци-
руетъ его въ своей исторіи.
Впрочемъ еще задолго до появленія въ свѣтъ это-
последняго труда, въ 1838 г. издалъ свою необшир-
ю „Исторію россійской церкви" (СПб.) извѣстный
ругими своими работами по духовной литературѣ
дрей Никол. Муравьевъ. Прославленный фимисъ,
ъ здѣсь совсѣмъ не блещетъ достоинствами из-
женія, а принимаемый за стиль сплошной пане-
ирическій тонъ его рѣчей только усугубляетъ его
ѣхъ противъ указаннаго еще митроп. Платономъ
любезнаго и привлекательнаго исторіи свойства
истины и безпристрастія." Изложенная въ перво-
тномъ хронологическомъ порядкѣ приспособитель-
къ преемству русскихъ митрополитовъ и патрі-
ховъ, „Исторія Муравьева" изъ біографіями почти
граничивается, съуживая такимъ образомъ со-
ржаніе церковной исторіи до minimum'a, а
леду тѣмъ какъ далѣе м. Платонъ въ свой хроно-
гическій списокъ событій заноситъ часто факты,
рактерные для внутреннихъ сторонъ церковной
изни. Слѣдовательно книжка Муравьева въ нѣкото-
ыхъ отношеніяхъ дѣлаетъ положительно шагъ на-
дъ даже по сравненію съ значительно старѣйшей

ся „исторіей" московскаго митрополита. Однако благодаря стараніямъ автора, она переведена была на языки: англійскій (1842 г.), нѣмецкій (1857 г.), новогреческій (1857 г.) и въ Россіи выдержала три изданія (1838, 1840, и 1845).

Настоящую ученую исторію русской церкви въ своемъ отечествѣ мы имѣемъ со времени выхода въ свѣтъ „Исторіи русской церкви" архіеп. Филарета т. I–V. 1-ое изд. Рига–Москва 1847–1848 гг. Начало своимъ занятіямъ по этому предмету Филаретъ Гумилевскій положилъ еще въ 1830 году, когда непосредственно по окончаніи курса Москов. Дух. Акад. и принятіи монашества онъ былъ оставленъ баккалавромъ по каѳедрѣ церковной исторіи. Онъ не любилъ стѣснять себя обязательнымъ въ то время учебникомъ, ревностно трудился надъ своими уроками и видимо наибольшую часть научныхъ симпатій удѣлялъ отечественной исторіи, такъ что заразилъ любовью къ ней своего талантливаго ученика А. В. Горскаго, который черезъ три года занялъ его мѣсто по каѳедрѣ. Филаретъ былъ переведенъ по желанію московскаго митрополита на богословіе, затѣмъ былъ поставленъ инспекторомъ (1833 г.) и наконецъ ректоромъ Академіи (1835), но не покидалъ своихъ занятій прежнимъ предметомъ. Горскій жилъ въ его квартирѣ; постоянная близость поддерживала единство ихъ научныхъ увлеченій. Съ началомъ изданія при Москов. Академіи Журнала (съ 1843 г.) А. В. Горскій напечаталъ въ немъ рядъ прекрасныхъ монографій по древней русской церковной исторіи, между тѣмъ Филаретъ, переведенный въ 1841 г. на Рижскую каѳедру, напечатавъ въ отрывкахъ очень немногое, созидалъ цѣльный трудъ по исторіи рус-

ской церкви, который и намѣревался выпустить заразъ въ полномъ объемѣ. Ближайшимъ поводомъ къ его изданію послужило, какъ кажется, появленіе первыхъ работъ новаго великана нашей науки, о. архимандрита Макарія, начавшаго печатать въ Христ. Чтеніи съ 1845 г. очерки изъ исторіи христіанства въ Россіи до св. Владиміра. Какъ бы загораживая дорогу смѣлому молодому изслѣдователю, преосвящ. Филаретъ въ 1846 г. оканчиваетъ и сдаетъ въ цензуру свою исторію. Въ 1847 г. въ Ригѣ выпускаетъ прямо IV-ый (патріаршій) томъ, а въ Москвѣ III-ій; на слѣдующій годъ въ Москвѣ же напечатаны и остальные три тома (I, II, V). Богатство научныхъ матеріаловъ, впервые привлеченныхъ здѣсь въ такомъ изобиліи съ спеціальною цѣлью освѣщенія исторической жизни русской церкви, возбуждали у современныхъ рецензентовъ только чувство почтительнаго уваженія передъ капитальнымъ трудомъ Филарета. Въ первый разъ здѣсь исторія русской церкви представлялась въ стройномъ дѣленіи по періодамъ и предметамъ: въ пяти томахъ вмѣщались пять періодовъ русской церковной жизни: I — до нашествія монголовъ, II — до раздѣленія митрополіи, III — до учрежденія патріаршества, IV — періодъ патріаршества и V — синодальнаго управленія до 1825 г. Послѣдній періодъ былъ исключительной новостью для своего времени, и иниціатору его разработки пришлось выслушать замѣчаніе св. Синода, находившаго неудобнымъ обличать высшее духовное правительство, хотя бы и прежняго времени, въ протестантствѣ, на что онъ отвѣчалъ, что „съ сыновнею почтительностью" принимаетъ указанія и постарается исправить ихъ во второмъ изданіи книги, каковое и явилось въ 1859 г., пролежавъ въ цензурѣ 10 лѣтъ.

Этотъ 5-ый томъ, написанный въ ту пору, когда матеріалы для данной эпохи были извѣстны еще въ незначительномъ количествѣ, а условія времени не позволяли говорить многаго, конечно не могъ быть всесторонне-полнымъ. Такъ въ немъ нѣтъ никакой исторіи самого главного церковно-правительственного учрежденія — св. Синода, совершенно умолчано о массонствѣ, о мистицизмѣ Александровскаго времени, о библейскомъ обществѣ и связанныхъ съ ними дѣлахъ и событіяхъ, слишкомъ мало говорится объ имущественныхъ правахъ церкви и жизни духовенства и т. п. Но при всемъ томъ авторъ привлекъ для своей цѣли массу свѣдѣній и мелкихъ подробностей отчасти изъ ркп. источниковъ, а больше всего изъ обширнаго круга извѣстныхъ ему историческихъ пособій и изъ нихъ съ обычной ему скупостью на слово и дѣловитостью составилъ столь обстоятельныя повѣствованія по отдѣльнымъ вопросамъ (о миссіонерствѣ, о западно-русской церкви, о сектахъ, о монастырскихъ подвижникахъ), что ихъ, какъ свое неизбѣжное пособіе, отражаютъ въ себѣ и послѣдующіе курсы исторіи синодальнаго періода. Обращаемся къ характеристикѣ труда архіеп. Филарета въ его цѣломъ.

Прежде всего, въ самомъ раскрытіи историческаго процесса жизни русской церкви и его отдѣльныхъ сторонъ, въ трудѣ преосвящ. автора замѣчается преобладаніе такъ сказать оффиціальной точки зрѣнія, смотрящей на исторію главнымъ образомъ со стороны правительственныхъ перемѣнъ и дѣйствій отдѣльныхъ выдающихся личностей. Слабо развиты отдѣлы о религіозно-нравственномъ состояніи церковнаго общества, вслѣдствіе чего всѣ расколы и ереси не рѣдко представляются какими-то случайными, со внѣ привзошед-

шими явленіями, возникшими въ невѣжественныхъ массахъ подъ воздѣйствіемъ злонамѣренныхъ обольстителей. Но иной постановки дѣла трудно было бы и ожидать отъ историка того времени, когда передъ нимъ стоялъ еще никѣмъ не развѣнчанный образецъ „Исторіи государства россійскаго" Карамзина, исторіи чисто политической, а исторія внутренней жизни народной только еще предносилась нѣкоторымъ, какъ недостигнутый идеалъ (Полевой „Исторія русскаго народа"). Въ пріемахъ уясненія отдѣльныхъ событій въ преосв. Филаретѣ часто сказывается воспитанникъ формальной богословской школы, который взамѣнъ настоящаго анализа конкретныхъ фактовъ довольствуется апріорными разсужденіями общаго характера; въ нихъ падаетъ и запутывается. Такъ напр. съ одной стороны считаетъ Монгольское иго мѣрою Провидѣнія, „врачующей нравственныя болѣзни русскаго народа" (II-1848г. стр. 143), а съ другой — трактуетъ объ „усиленіи въ немъ пороковъ монгольскихъ" (III-1851г. стр. 213 и II-стр. 145). (Слишкомъ поверхностно думаетъ объяснить авторъ и прекращеніе княжескихъ усобицъ — II стр 144) (Ср. II-стр 52). Отъ схоластики пострадала и внѣшняя сторона работы. У преосв. Филарета всѣ стороны церковной жизни въ каждомъ періодѣ разсматриваются особо по однообразнымъ предметнымъ отдѣламъ. Но такое стремленіе къ внѣшней систематизаціи историческаго матеріала переходитъ у него должную мѣру (хотя и не до такой крайности, какъ у Иннокентія) и вредитъ цѣльности историческихъ картинъ. Такъ напр., благодаря строго предметному плану работы — съ одной стороны, дѣятельность отдѣльныхъ патріарховъ (т. IV) совершенно разрывается на нѣсколько частицъ и теряетъ свою индивидуальную физіономію, а съ дру-

ой — въ одномъ отдѣлѣ „церковнаго управленія" какъ-то анахронистически соединяются вмѣстѣ: исторія церковнаго управленія при патріархахъ Іовѣ и Гермогенѣ съ приказами патріарха Филарета и даже съ монастырскимъ приказомъ временъ Петра Великаго.

Отличительныя свойства преосвящ. Филарета, какъ литературнаго дѣятеля, общія всѣмъ его печатнымъ трудамъ: краткость, субъективность и рѣзкость въ выраженіяхъ, характеризуютъ собой и его исторію. Онъ не скрываетъ своихъ симпатій и антипатій, напр., при изображеніи борьбы Феофана Прокоповича противъ Феофилакта Лопатинскаго (V, стр. 54-59), при описаніи бироновщины (стр. 118-121), или поведенія Іоанна Грознаго (т. III), причемъ Александровскую слободу именуетъ „берлогой"; также рѣзко отзывается въ предисловіи къ 1-му изд. I-го тома о Карамзинѣ и Татищевѣ.(x)

Одновременно съ Филаретомъ выступалъ на поприще научной разработки исторіи русской церкви младшій

(x) „Почтенный исторіографъ Карамзинъ," говоритъ Филаретъ, „написавшій такую прекрасную картину минувшей судьбы Россіи, въ первыхъ томахъ своей исторіи нерѣдко дѣлаетъ странные отзывы о церковныхъ событіяхъ. Отчего это? Оттого, что незадолго предъ тѣмъ возвратясь изъ Парижа, онъ еще не освободился отъ злокачественного воздуха Палерояля. Въ послѣднихъ томахъ исторіи онъ уже не тотъ. Петръ Великій отечески наказывалъ Татищева за вольнодумство, умно приговаривая: не соблазняй вѣрующихъ честныхъ душъ — не на то старались тебя выучить, чтобы ты былъ врагомъ общества и церкви. Однако или урокъ былъ недовольно выразителенъ; или ученикъ

его современникъ — впоследствіи митрополитъ Макарій. Макарій воспитанникъ Кіевской академіи выпуска 1841 года. Въ качествѣ курсового сочиненія онъ представилъ „исторію своей академіи" (напечат. въ 1843 году въ СПб.), и по принятіи монашества, немедленно былъ оставленъ баккалавромъ по вновь открывавшейся каѳедрѣ русской церковной и гражданской исторіи (последняя до 1841 г. была групповымъ предметомъ). Съ осени 1841 г. іером. Макарій уже началъ свои чтенія, пространно излагая свѣдѣнія о христіанствѣ на территоріи теперешняго русскаго государства до св. кн. Владимира и болѣе кратко обозрѣвая собственно исторію русской церкви до 1588 г. Черезъ годъ онъ былъ переведенъ на богословіе въ Петербургскую академію, гдѣ вскорѣ на страницахъ „Христіанскаго Чтенія" стали появляться результаты его годичной кіевской работы. Такъ печаталась въ видѣ статей въ теченіе 1845–46 г. и затѣмъ вышла отдѣльной книгой „История христіанства въ Россіи до равноап. князя Владимира, какъ введеніе въ исторію русской церкви." (СПб. 1846 г.)

Архимандрита Макарія хвалили какъ историка еще за его первое печатное произведеніе: „Исторію Кіевской Дух. Академіи" (1843 г.), а съ выходомъ настоящаго „Введенія въ исторію русской церкви" онъ сразу всталъ въ рядъ первоклассныхъ работниковъ русской науки.

былъ тутъ: Татищевъ въ своей исторіи нерѣдко смотритъ на церковь иностранцемъ." Въ послѣдующихъ изданіяхъ своей исторіи преосвящ. Филаретъ опустилъ эту выходку по совѣтамъ многочисленныхъ рецензентовъ, тѣмъ болѣе, что и фактически она оказывалась не совсѣмъ точной, такъ какъ изъ Парижа Карамзинъ возвратился въ 1790 году, а исторію началъ писать съ 1803 года.

М. П. Погодинъ аттестовалъ „Введеніе", какъ „сочиненіе ученое, европейское, служащее новымъ блистательнымъ доказательствомъ нашей зрѣлости." Не столь похвально отозвался о „Введеніи" покойный А. А. Куникъ, тогда еще адъюнктъ Акад. Наукъ, куда оно было представлено на премію. Но наиболѣе отрицательно отнесся къ труду Макарія архіеп. Филаретъ; противъ нѣкоторыхъ его положеній онъ даже полемизировалъ печатно (Чт. И. О. Ист. и др. рс. 1846 г. № 4); во введеніи къ своей исторіи Филаретъ лаконически называетъ книгу Макарія „многорѣчивой", а въ письмѣ къ А. В. Горскому вскорѣ послѣ того выражается такъ: „Петербургскіе рецензенты недовольны мною особенно за изображеніе бояръ Никонова времени. Пусть о. Макарій забавляетъ ихъ водянистыми разсказами безъ мысли и силы и пустыми догадками о проповѣди апос. Андрея славянамъ."
Въ данномъ случаѣ преосвящ. Филаретъ, самъ отрицательно отнесшійся къ сказанію объ ап. Андреѣ, нападалъ дѣйствительно на слабое мѣсто въ трудѣ Макарія, который представляетъ собою блестящую но и послѣднюю попытку отстоять дорогую традицію при помощи устарѣлаго арсенала голословныхъ ссылокъ на византійцевъ безъ всякой провѣрки ихъ исторической цѣнности. Кромѣ того книга Макарія является до нѣкоторой степени и „многорѣчивой", потому что въ поискахъ за непрерывной исторіей христіанства послѣ временъ апостольскихъ по всему побережью Чернаго моря, она увлекаетъ повѣстью объ очень отдаленныхъ отъ насъ территоріяхъ Грузіи и Арменіи. Подъ вліяніемъ главной своей тенденціи она грѣшитъ и противъ исторической этнографіи, находя славянъ и даже русскихъ тамъ, гдѣ не совсѣмъ позволяли это и современныя ей научныя мнѣнія. Тотъ же недостатокъ скепсиса, или

точнѣе апологетическая тенденціозность съ неизбѣжными натяжками въ доказательствахъ характеризуютъ собою и вторую половину книги, посвященную исторіи христіанства собственно въ государствѣ Русскомъ до крещенія кн. Владимира включительно. Несмотря на всё это, „Введеніе" пр. Макарія и досел[ѣ] служитъ прекраснымъ сборникомъ указаній и матеріаловъ по затронутымъ въ немъ вопросамъ.

Архимандритъ Макарій, также въ свою очередь не преклонявшійся передъ учеными достоинствами исторіи Филарета, рѣшилъ по выходѣ ея въ 1847 г. продолжать печатаніе въ „Христіанскомъ Чтеніи" своихъ кіевскихъ лекцій.(x) Дѣйствительно въ трехъ книжкахъ журнала былъ помѣщенъ его „Очеркъ исторіи русской церкви въ періодъ до-татарскій", въ отдѣльномъ изданіи (СПб. 1847) носящій заглавіе: „Взглядъ на исторію русской церкви до нашествія татаръ." Но это еще не было началомъ „Исторіи русской церкви" преосвящ. Макарія. Въ масштабѣ, пропорціональномъ его обширному „Введенію", онъ началъ обозрѣвать тотъ-же домонгольскій періодъ только съ 1853 по 1857 г. въ статьяхъ „Христіан. Чтенія", составившихъ три первыхъ тома „Исторіи русской церкви" (СПб. 1857 г.). Послѣ нѣкотораго промежутка, преосв. Макарій, будучи уже на харьковской каѳедрѣ, въ 1866 г. выпустилъ 4ый и 5ый томы, и затѣмъ черезъ краткіе сроки въ 4, 3, 2, 1 годъ, онъ дарилъ любителей русской науки всё возраставшими

(x) Въ письмѣ къ пр. Иннокентію (Борисову) отъ 28 янв. 1847 г. онъ замѣчаетъ: „смотря на такія качества исторіи пр. Филарета, я не устыдился начать съ нынѣшней книжки Христ. Чтенія печатаніе своихъ краткихъ и бѣдныхъ записокъ по русской церковной исторіи, которыя набросалъ еще въ Кіевѣ, въ первый годъ моего бакалаврства, поисправивши теперь лишь кое-что."

И. д. доц. Ант. Карташевъ.

въ своемъ объемѣ и достоинствахъ томами „Исторіи" вплоть до года своей кончины (1882), такъ что послѣдній XII-ый томъ, прерывающійся на исторіи Большого Московскаго Собора 1667 г., изданъ уже послѣ смерти автора (СПБ. 1883 г.) его братомъ протоіер. Казанскаго собора. Въ Харьковѣ же въ 1867 г. переизданы пр. Макаріемъ въ исправленномъ видѣ его три первые тома и томъ вводный.

Выдающееся достоинство монументальнаго творенія м. Макарія — это его чрезвычайная фактическая полнота, благодаря которой оно представляетъ для историковъ русской церкви такую же сокровищницу всякаго знанія, какой является исторія С. М. Соловьева для историковъ гражданскихъ. Фактическая полнота въ изложеніи древняго періода соединяется и съ новизной пущенныхъ въ ученый оборотъ матеріаловъ. Преосв. Макарій, какъ извѣстно, самъ открылъ много памятниковъ древней письменности и содѣйствовалъ уясненію ихъ литературной исторіи въ своихъ статьяхъ, помѣщавшихся преимущественно въ академическихъ „Извѣстіяхъ." Какъ рѣдкій знатокъ нашихъ рукописныхъ сокровищъ, онъ собралъ въ своемъ трудѣ для цѣлей церковной исторіи весь этотъ извѣстный ему матеріалъ, сообщивъ много новыхъ текстовъ въ объемистыхъ приложеніяхъ къ томамъ первой половины своей исторіи и сдѣлавъ множество цѣнныхъ указаній въ своихъ обстоятельныхъ примѣчаніяхъ. Оттого, быть можетъ, въ этихъ томахъ авторъ, обремененный массой неизученныхъ, сырыхъ документовъ, часто даетъ намъ вмѣсто мотивированныхъ историческихъ картинъ только систематически подобранные матеріалы, при томъ далеко не всегда проведенные черезъ горнило строгой крити-

ки. Оперируя здѣсь надъ множествомъ разрозненныхъ фактическихъ данныхъ, онъ невольно увлекается ихъ детальной группировкой и впадаетъ въ схоластическій грѣхъ столь неблагопріятныхъ для исторіи внѣшнихъ дѣленій и подраздѣленій. Поэтому первые томы исторіи м. Макарія, оставаясь и досель драгоцѣнными по своему фактическому содержанію, съ постепеннымъ ростомъ русской науки, конечно утратили большую долю своего значенія собственно въ изслѣдовательномъ и историкоописательномъ отношеніяхъ. Но если въ первыхъ своихъ томахъ м. Макарій является для настоящаго времени не столько критикомъ, сколько собирателемъ историческихъ матеріаловъ, то въ томахъ дальнѣйшихъ онъ зарекомендовалъ себя талантомъ истаго историка, подъ перомъ котораго разнородные и разноязычные документы сливаются въ живую картину прошлой жизни, передаваемую замѣчательно простымъ и легкимъ литературнымъ языкомъ: привычку къ схоластической дробности преосвященный авторъ покидаетъ совершенно и разрозненное сводитъ во едино (здѣсь уже нѣтъ шаблонныхъ отдѣловъ: іерархія и паства, церковное право, богослуженіе и т. п.). Недостатки его начальныхъ томовъ — замѣтная некритичность, то апологетическій, то полемическій тонъ, — объясняемые духомъ времени, уступаютъ здѣсь мѣсто безпристрастію историка, для котораго служебныя цѣли раскрываемыхъ имъ событій прошлаго не имѣютъ интереса. Поэтому, напр., насколько часто преосв. Макарій дѣлаетъ вылазки противъ раскола при раскрытіи церковно-археологическихъ отдѣловъ своей исторіи въ 50-хъ годахъ, настолько же безстрастно пишетъ онъ исторію возникновенія его въ сво-

емъ последнемъ томѣ. Итакъ во второй и бо́льшей своей половинѣ исторія митр. Макарія по всей справедливости досель занимаетъ въ наукѣ первенствующее положеніе труда, еще никѣмъ не превзойденнаго.

Въ основу дѣленія исторіи русской церкви на періоды преосв. авторъ полагаетъ единую идею, которой, по его выраженію, „проникаются и связуются въ одно стройное цѣлое" всѣ отдѣльные моменты этой исторіи, именно — идею отношеній русской церкви къ церкви восточной и, главнымъ образомъ, идею внѣшнихъ ея отношеній къ Константинопольскому патріарху. Отсюда имъ намѣчаются три періода исторіи русской церкви: періодъ совершенной зависимости последней отъ КП. патріарха (988–1240 г., періодъ греческій), періодъ постепеннаго перехода ея отъ этой зависимости къ самостоятельности (1240–1589 г., періодъ греко-русскій) и ея самостоятельности (1589–1867 г. - русскій). Такое начало дѣленія исторіи русской церкви, имѣя всѣ преимущества единства и чисто-церковнаго характера, привело однако къ тому, что первый періодъ у митр. Макарія распался въ изложеніи на три отдѣла [отд. и т. I: отъ первого митрополита до избранія митр. Иллариона, 988–1051 г.; отд. и т. II: отъ митр. Илларіона до избранія Климента Смолят., 1051–1147 г.; отд. и т. III: отъ митр. Климента Смолят. до 1240 года], въ ущербъ цѣльности представленія объ этомъ несомнѣнно однородномъ періодѣ, а въ последнемъ періодѣ объединились два весьма разнородныхъ отдѣла русской церковной жизни (1-ый съ 1589 г., 2-ой съ 1700 г.). Секретъ такого результата данной періодизаціи кроется въ одно-

сторонности принципа, положеннаго въ ея основу, забывающей, что и вся сумма внѣшнихъ для церкви факторовъ историческаго развитія русскаго народа (перенесеніе политическихъ центровъ, эволюція государств. власти и т. п.) также являются неизбѣжнымъ опредѣлителемъ ея судебъ и что, только не упуская изъ виду этого обстоятельства, можно открыть начало раздѣленія исторіи русской церкви, не страдающее недостатками формальной узости и противорѣчія реальной исторической дѣйствительности.

Въ 1871 г. вышло первое изданіе „Руководства къ русской церковной исторіи" проф. П. В. Знаменскаго, которое потомъ нѣсколько разъ переиздавалось съ исправленіями и дополненіями въ смыслѣ расширенія его хронологическихъ границъ. Именно 1-ое изданіе оканчивалось только царствованіемъ Елизаветы Петровны. По напечатаніи въ „Православномъ Собесѣд." за 1875 г. своихъ живописныхъ „Чтеній изъ исторіи русской церкви за время царств. Екатерины II", авторъ помѣстилъ ихъ, въ сокращеніи и съ добавленіями по незатронутымъ въ нихъ вопросамъ, въ слѣдующемъ изданіи „Руководства" (Каз. 1876.), законченномъ царствованіемъ Павла I. „Чтеніями изъ исторіи русской церкви за время царствованія Александра I" обогатились дальнѣйшія изданія „Руководства" (1886 и 1888 г.). Оно безъ сомнѣнія должно занять мѣсто въ ряду самостоятельныхъ церковно-историческихъ системъ и по своему плану и по подбору фактовъ и по искусству построенія. Правда, авторъ излагаетъ здѣсь исторію догматически: безъ цитатъ и ученой критики explicite, предлагаетъ читателю, такъ сказать, уже свою бѣловую работу, не говоря

черновой, но во всемъ его изложеніи чувствуется солидное знаніе первоисточниковъ, изъ которыхъ имъ самостоятельно извлечено множество цѣнныхъ фактовъ, обставленныхъ при томъ же многозначительными замѣчаніями и мѣткими характеристиками, проливающими свѣтъ на характеръ цѣлыхъ эпохъ. Прекрасны, напр., его краткія, но содержательныя характеристики: религіознаго состоянія русскаго народа вскорѣ послѣ крещенія (стр. 11-13, изд. 1876 г.), общественнаго значенія въ древности храма (стр. 32-34), отношеній между церковью и государствомъ въ XIV–XV вв. (стр. 74-75) и множество другихъ. Очень выразительно изложены: характерный въ русской исторіи XVI-ый вѣкъ, смутное время, исторія патр. Никона, реформы Петра Вел. и т. д. Однимъ словомъ, опытное перо профессора, тонко умѣло владѣющаго во всѣхъ своихъ трудахъ искусствомъ историческаго построенія,(x) въ равной мѣрѣ сказывается и здѣсь. Оттого его „Руководство" представляетъ изъ себя наилучшую у насъ по данному предмету книгу для чтенія. Къ отличительнымъ достоинствамъ содержанія „Руководства" относится и то, что оно отводитъ меньше, чѣмъ это дѣлалось до него, мѣста разсказу о внѣшнихъ событіяхъ, а съ бо́льшею подробностью и съ бо́льшимъ вниманіемъ изображаетъ внутреннюю жизнь церкви, религіозно-нравственное состояніе русскаго общества. Вся книга написана въ видѣ очерковъ, характеризующихъ отдѣльные

(x) Онъ не археологъ, не критикъ документовъ, не аналитикъ, а синтетикъ, живописатель, и всѣ его монографіи поэтому относятся къ синодальному періоду — къ эпохѣ обильныхъ и достовѣрныхъ матеріаловъ.

моменты русской церковной жизни; поэтому дѣленія ея довольно дробны (до 10 моментовъ), хотя очень естественны. Въ послѣднемъ изданіи (СПб. 1896 г.) „Руководство“ передѣлано въ учебникъ и расположено по программѣ Учебнаго Комитета.

20 лѣтъ тому назадъ нашу науку подарилъ своимъ замѣчательнымъ произведеніемъ профессоръ Е. Е. Голубинскій; это – его „Исторія русской церкви“ т. I, 1 и 2 половины. М. 1880–81 гг. Періодъ первый, Кіевскій или до-монгольскій. Здѣсь много ученый профессоръ, обладающій выдающимся критическимъ талантомъ, смѣло подошелъ къ первоначальной исторіи русской церкви съ пріемами строгаго историка, и осторожно созидаемое зданіе ея несомнѣнно пострадало въ своей цѣльности подъ ударами его критики, но несомнѣнно-же и то, что рядъ поднятыхъ профессоромъ вопросовъ принесъ рѣдкую заслугу исторической истинѣ. Начало нашей исторіи, какъ это обстоитъ обычно и у всѣхъ народовъ, скрывается отъ насъ подъ покровомъ полулегендарныхъ сказаній. Самыя положительныя извѣстія объ этомъ времени не настолько надежны, ясны и обстоятельны, чтобы ими можно было спокойно пользоваться безъ предварительнаго усиленнаго и тщательнаго ученаго экзегесиса. Вотъ на этомъ-то многотрудномъ поприщѣ взвѣшиванія на вѣсахъ ювелира всѣхъ деталей въ извѣстіяхъ о нашей древнѣйшей исторіи и опредѣленія удѣльнаго вѣса ихъ исторической достовѣрности и потрудился съ честію достоуважаемый московскій профессоръ. Ему мы обязаны блестящимъ анализомъ „сказанія о посѣщеніи Руси апостоломъ Андреемъ,“ извѣстій о крещеніи Аскольда и Дира, русскаго кня-

зя въ Сурожъ, св. Ольги, св. Владиміра, о крещеніи различныхъ концевъ Руси, о началѣ русской митрополіи и т. д., — анализомъ многихъ отдѣльныхъ документовъ (церковные уставы) и древнихъ литературныхъ памятниковъ.

Но помимо критики въ трудѣ проф. Голубинскаго замѣчательна и выдающаяся творческая работа. Многое, что у его предшественниковъ выглядѣло страннымъ, необъяснимымъ, загадочнымъ, здѣсь получило смыслъ и весьма естественное, весьма правдоподобное объясненіе. Въ виду скудости свидѣтельствъ лѣтописей и древнихъ памятниковъ о первоначальныхъ временахъ русской церкви, то малое, что они даютъ, авторъ обсуждаетъ съ тщательностью необыкновенною, причемъ истощаетъ всѣ возможныя предположенія и способы пониманія всякой іоты и черты, проявляя рѣдкую проницательность и силу анализа; къ этимъ даннымъ онъ подходитъ съ цѣлымъ арсеналомъ вопросовъ и тамъ, гдѣ у другихъ сообщаются одни голыя свидѣтельства, подобранныя изъ документовъ, у него, благодаря полнотѣ вопросныхъ категорій (что? какъ? почему? для чего?) воскресаетъ передъ нами прошлая жизнь въ чертахъ живой конкретности, насколько, разумѣется, это возможно при наличныхъ научныхъ средствахъ, которыя обширная эрудиція профессора нашла возможнымъ увеличить еще широкимъ примѣненіемъ сравнительнаго метода. Матеріалъ для своихъ сравненій Е. Е. Голубинскій заимствуетъ какъ изъ исторіи греческой, и отчасти западныхъ церквей, такъ изъ позднѣйшей исторіи самой русской церкви; путемъ такой

ретроспекціи онъ извлекаетъ не мало вѣроятныхъ предположеній, служащихъ къ объясненію тѣхъ или другихъ явленій церковной жизни домонгольскаго періода. Только благодаря всѣмъ этимъ пріемамъ и могли быть созданы почти изъ ничего такіе содержательные и оригинальные отдѣлы, какъ — объ епархіальномъ управленіи, о приходахъ и приходскомъ духовенствѣ, о средствахъ содержанія духовенства, о началѣ монастырей, объ архитектурѣ деревянныхъ церквей и т. п.

Новизна и оригинальность въ освѣщеніи фактовъ, столь характерныя для „Исторіи" проф. Голубинскаго, являются плодомъ какъ его чрезвычайной проникновенности, способной, напр., объяснить мотивы апостольскаго дѣла св. Владиміра и развить мысль о неудавшейся попыткѣ этого великаго князя ввести на Руси настоящее просвѣщеніе, такъ и — своеобразной постановки вопросовъ, которую онъ мотивируетъ обычно изъ существа самихъ изучаемыхъ предметовъ и обсуждаетъ ихъ съ точки зрѣнія общаго взгляда на дѣло, въ духъ котораго онъ и вводитъ читателя передъ раскрытіемъ каждаго отдѣльнаго вопроса (напр., I, стр. 223 ff.). И именно благодаря научной широтѣ и глубинѣ этихъ-то общихъ воззрѣній профессора на предметы, подлежащіе его изслѣдованію, его произведеніе и заключаетъ въ себѣ такъ много того свѣта, при которомъ мы не только видимъ историческіе факты, но и понимаемъ ихъ; а это — цѣль исторіи. Строго научная почва, на которой покоятся всѣ общія разсужденія автора, гарантируетъ ему и то высокое достоинство безпристрастія, примѣромъ

котораго можетъ служить хотя-бы его отношеніе къ вопросу о поставленіи митрополитовъ изъ природныхъ русскихъ въ домонгольскую эпоху. Выражая мысль о принципіальномъ правѣ русской церкви устроить свое управленіе независимо отъ грековъ (I, стр. 223 ff.) и предполагая изначальную автокефалію русской церкви (ibid.-229 ff.), онъ однако не увлекается, какъ иные, этой патріотической идеей, и при изложеніи исторіи м. Климента Смолят. присоединяется къ суду нѣкоторыхъ его современниковъ, что такой порядокъ поставленія митрополитовъ былъ и неправиленъ и неполезенъ (ibid.-268 и слѣд.), а господство у насъ въ періодъ удѣльный митрополитовъ-грековъ признаетъ положительнымъ и величайшимъ благомъ (ibid.- с. 277-283). На той же высотѣ безпристрастія ученый историкъ стоитъ и при случаяхъ абсолютной оцѣнки историческихъ фактовъ (напр., 2, стр. 527, 748), въ которой онъ не можетъ отказать себѣ, какъ человѣкъ необыкновенно живо заинтересованный предметомъ своего изученія. Вообще публицистическій элементъ, къ соблазну нѣкоторыхъ, отличаетъ это ученое произведеніе. Но, говоритъ проф. Малышевскій, „отнимать право публициста у историка было бы не только несправедливо, но и прискорбно. Это значило бы подрывать значеніе самой исторіи, призванной вести насъ къ самопознанію. Публицистика въ историкѣ роняетъ

свою цѣну тогда, когда она выступаетъ въ немъ не какъ непосредственный выводъ изъ самостоятельнаго изображенія явленій прошлаго, а какъ предвзятое поученіе, формулируемое на искусственномъ подборѣ фактовъ и примѣровъ изъ прошлаго. Совершенно иного рода публицистика нашего историка. Коренясь исходными мотивами въ высшихъ идеалахъ жизни, предносившихся мысли историка, она твердо опирается на научно опредѣляемомъ отношеніи изображаемой прошлой жизни къ этимъ идеаламъ или къ современной дѣйствительности, составляющей наслѣдіе прошлаго. Такъ поставленная, она составляетъ несомнѣнное достоинство въ историкѣ. Искренность, прямота, смѣлость, какъ черты любви къ правдѣ, къ истинѣ, возвышаютъ это достоинство въ немъ.

Но насколько автору дорога идейная сторона дѣла, внутренній смыслъ церковно-историческихъ событій, настолько же усерденъ онъ и въ разработкѣ лежащихъ на предварительномъ пути къ этому деталей. Въ своей исторіи проф. Голубинскій выступаетъ передъ нами во всемъ достоинствѣ трудолюбивѣйшаго работника науки, сообщившаго цѣлый рядъ скрупулезно-критическихъ приложеній: изслѣдованій (I, 1, стр. 496 ff, 545 ff.; I, 2, стр. 271 слл., 626 слл.) и текстовъ (I, 1, стр. 194 слл, 507 слл.; I, 2, 417 слл., 657 слл.)

и отдающаго свой трудъ на судъ науки лишь во всеоружіи документально-фактической обстановки. Отъ полноты его богатой эрудиціи не одна крупица выпадаетъ и на долю русской исторіи вообще. (См. напр., о черноморскихъ руссахъ I, 1 стр. 33-48; о норманизмѣ руссовъ — ibid. 48 сл.; о русской миѳологіи I, 2, стр. 728 сл. и множество частныхъ замѣтокъ, разсѣянныхъ въ примѣчаніяхъ).

Съ тѣмъ-же характеромъ является и недавно вышедшая въ свѣтъ первая половина II-го тома Исторіи Е. Е. Голубинскаго. М. 1900 г. Періодъ 2-й, Московскій; отъ нашествія монголовъ до митр. Макарія включительно. Здѣсь пока изложена за указанное время только глава объ управленіи церкви, точнѣе — представлена только исторія жизни и административной дѣятельности русскихъ митрополитовъ. Отказываемся дѣлать перечень всѣхъ новинокъ и частичныхъ открытій для науки, заключенныхъ въ новомъ томѣ знаменитой исторіи, потому что это значило бы цитировать чуть не каждую его страницу. Для примѣра можно указать хотя-бы на уясненіе вопроса о столкновеніи м. Кипріана съ Новгородцами изъ-за мѣсячнаго суда, — о причинахъ назначенія Исидора митрополитомъ русскимъ и отправленія его на Флорентійскій соборъ, — на характеристики

митрополитовъ: Макарія, какъ знаменитѣйшаго изъ всѣхъ высшихъ пастырей русской церкви, м. Даніила и претендента Митяя и т. п. Однимъ словомъ всё, что у его предшественниковъ представляетъ простую передачу содержанія документальныхъ данныхъ, почти не сопровождаемую столь усилительными коментаріями, то здѣсь неожиданно освѣщается ученымъ профессоромъ при помощи тѣхъ богатыхъ средствъ и методическихъ пріемовъ, которые были отмѣчены уже въ первомъ его томѣ. Вмѣсто какого-то отвлеченнаго, безцвѣтнаго повѣствованія о какихъ-то ничѣмъ понятнымъ, видимымъ не обусловленныхъ поступкахъ и дѣйствіяхъ историческихъ лицъ той эпохи, здѣсь получается болѣе живое, правильное и связное представленіе о жизни и отношеніяхъ далекаго прошлаго, и въ этомъ заключается превосходящее преимущество новаго тома „Исторіи" передъ произведеніемъ митр. Макарія, которое за описанный періодъ, можно сказать, является теперь уже просто систематическимъ собраніемъ матеріаловъ, уступая честь настоящей исторіи труду проф. Голубинскаго.

Въ предисловіи къ этому тому авторъ еще разъ напоминаетъ и мотивируетъ свое раздѣленіе исторіи русской церкви на три періода: Кіевскій, Московскій и Петербургскій съ подраздѣле-

ніемъ второго на двѣ половины, гранью между которыми полагается жизнь и дѣятельность всероссійскаго митрополита Макарія.

Въ последнее время въ законченномъ видѣ входитъ въ обращеніе — „Руководство по исторіи русской церкви" А. Доброклонскаго (Вып. I–IV. М. 1884–1893 г.). Не преслѣдуя цѣлей самостоятельнаго изслѣдованія въ области русской церковной исторіи, это руководство, безъ всякой критики и полемики противъ чужихъ мнѣній, въ положительной формѣ излагаетъ по стройно-выработанному плану церковно-историческій матеріалъ въ томъ освѣщеніи, на которое уполномочиваетъ его современная научная литература по нашему предмету, какъ систематическая, такъ и монографическая. Данными послѣдняго рода литературы, а также самостоятельными справками съ источниками авторъ замѣтно обогатилъ свое изложеніе патріаршаго періода и въ особенности синодальнаго, при чемъ постоянная цитація въ такихъ случаяхъ представляетъ для самостоятельнаго изслѣдователя полную возможность имѣть дѣло здѣсь съ опредѣленными историческими цѣнностями и съ удобствомъ подвергать ихъ нужной переоцѣнкѣ. Что же касается IV-го выпуска, то слѣдуетъ замѣтить, что онъ представляетъ изъ себя самый полный у

насъ сводъ историческихъ свѣдѣній о послѣднемъ періодѣ исторіи русской церкви; можно упрекнуть его развѣ въ сухости изложенія, отличающей все „Руководство“, и пожалуй въ недостаткѣ идейнаго освѣщенія фактовъ.

Въ хронологической группировкѣ матеріала авторъ подражаетъ идеѣ Е. Е. Голубинского въ томъ отношеніи, что соединяетъ время отъ 1237 г. по 1588 г. въ одинъ періодъ „сѣверно-русской митрополіи“, выдѣляя время патріаршества однако въ особый, третій періодъ. Напрасно только г. Доброклонскій въ погонѣ за внѣшней стройностью не изложилъ отдѣльно начальной исторіи жизни западно-русской митрополіи, разсѣявъ её по частицамъ среди предметныхъ рубрикъ своего второго выпуска (= періода), потому что въ дальнѣйшемъ періодѣ онъ все-же вынужденъ былъ излагать её особо. За исключеніемъ этой частности руководство написано очень стройно. Какъ цѣльный обобщительный итогъ современнымъ литературнымъ пріобрѣтеніямъ по наукѣ исторіи русской церкви, оно въ правѣ расчитывать на заслуженную признательность со стороны образованныхъ читателей и преподавателей этой науки.—

Распространеніе христіанства на Руси.

— .. —

Начальная эпоха.

Русь крещена свят. вел. княз. Владимиромъ. Но начало этого событія, конечно, кроется въ вѣкахъ предшествующихъ. Долгъ исторіи не не констатировать только факты прошлаго, а и раскрывать ихъ причинныя отношенія, и послѣднее даже въ большей степени чѣмъ первое. Поэтому обратимся въ глубь вѣковъ, чтобы прослѣдить начальныя судьбы распространенія христіанства на Руси, какъ причину ея позднѣйшаго всеобщаго крещенія.

Terminus a quo нашихъ разсужденій нельзя обозначить съ математической точностью, какъ нельзя указать его и для начала самой „Руси". Одно только было ясно даже для нашихъ предковъ XI-го и начала XII вѣковъ, что „сдѣ (т.е. в русской землѣ) не суть апостоли учили," что „тѣломъ апостоли не суть сдѣ были": тожъ говорится въ лѣтописной повѣсти объ убіеніи варяговъ-христіанъ при

Владиміръ. То же повторяетъ и преподобный Несторъ въ своемъ чтеніи свв. Бориса и Глѣба. Тѣмъ не менѣе въ одномъ изъ сказаній, входящихъ въ составъ „Повѣсти временныхъ лѣтъ," русскій редакторъ уже проявилъ тенденцію [не только простительную, но даже симпатичную] связать русское христіанство съ временами апостоловъ. Назвавъ нашего первоучителя Меѳодія „настольникомъ Андрониковымъ" (= апостолъ изъ числа 70-ти), онъ продолжаетъ: „Тѣмъ же словѣньску языку учитель есть Андроникъ апостолъ, въ Моравы бо ходилъ; и апостолъ Павелъ училъ ту, ту бо есть Илюрикъ, его же доходилъ апостолъ Павелъ, ту бо быша словѣни первое. Тѣмже и словѣньску языку учитель есть Павелъ, отъ него же языка и мы есмо Русь, тѣмъ же и намъ Руси учитель есть Павелъ." Если таковы были взгляды русскихъ людей по вопросу объ апостольскомъ сѣяніи на нивѣ русской до начала XII вѣка включительно, то очевидно только послѣ этого времени они приняли ту увѣренную форму, какая сообщена имъ повѣстію о посѣщеніи русской страны апост. Андреемъ Первозваннымъ. Повѣсть эта вставлена въ Кіевскомъ лѣтописномъ сводѣ среди разсказа о разселеніи русскихъ славянъ. При упоминаніи имени Полянъ рѣчь сразу переходитъ къ описанію „пути изъ Варягъ въ Греки" и наоборотъ „изъ Грекъ по Днѣпру -- въ море Варяжское, и по тому морю

-- до Рима". „А Днѣпръ втечетъ", говорится здѣсь, „въ Понетьское море, еже море словетъ Руское, по нему же училъ апостолъ Онъдрѣй, братъ Петровъ, яко же рѣша". Характерно въ послѣднихъ словахъ проявленіе нѣкотораго скепсиса автора въ отношеніи къ передаваемому факту, въ виду чего онъ и спѣшитъ сложить съ себя отвѣтственность за его достовѣрность ссылкой на источники. Но непосредственно дальше за тѣмъ онъ, или всего скорѣе другой какой-то его продолжатель уже смѣло развиваетъ робко брошенное литкіе въ цѣлое сказаніе наполовину трогательно-поэтическое и наполовину совсѣмъ неэстетическое, даже нелѣпое. Апостолъ Андрей изъ приморскаго малоазійскаго города Синопа приходитъ въ Крымскій Корсунь; здѣсь онъ узнаетъ, что близко днѣпровское устье, и рѣшается пойти черезъ него въ Римъ. Случайно останавливается онъ на ночлегъ на отмели подъ нагорнымъ берегомъ Днѣпра, на мѣстѣ будущаго Кіева. „Заутра вставъ" онъ указуетъ ученикамъ своимъ на близъ лежащія горы, предсказываетъ о имѣющемъ быть здѣсь градѣ великомъ и церквахъ многихъ, поднимается на горы, благословляетъ ихъ и ставитъ крестъ, а затѣмъ продолжаетъ путь свой до Новгорода, гдѣ дивится банному самоистязанію, о чемъ и разсказываетъ по приходѣ въ Римъ.

На вопросъ объ исторической досто-

вѣрности сказанія послужитъ намъ отвѣтомъ историко-литературная справка о его постепенномъ развитіи. Книга дѣяній апостольскихъ, распространяясь только о двоицѣ первоверховныхъ апостоловъ, хранитъ молчаніе о судьбѣ остальныхъ изъ 12-ти. Это обстоятельство дало поводъ еще въ древне-христіанскомъ мірѣ развиться богатой апокрифической литературѣ различныхъ „Πράξεις", „Περίοδοι", „Μαρτύρια" и „Θαύματα", подробно представлявшихъ апостольскіе труды и подвиги многихъ отъ лика 12 и 70-ти. Цѣлый циклъ такихъ сказаній имѣетъ своимъ предметомъ проповѣдь апостоловъ Петра, Андрея и Матвія въ странахъ припонтійскихъ: въ странѣ антропофаговъ или Мирмидонянъ и въ странѣ варваровъ. Древность ихъ весьма почтенная. Дѣло въ томъ, что апокрифическую литературу апостольскихъ дѣяній избрали орудіемъ своей пропаганды среди православныхъ многочисленныя гностическія секты первыхъ вѣковъ и впослѣдствіи манихеи. Поэтому анализъ апокрифическихъ сказаній интересующаго насъ цикла приводитъ къ возможности относить доныне ихъ настоящую редакцію ко II вѣку, предполагая ихъ начало въ концѣ I-го вѣка: при такомъ условіи сохраненіе въ нихъ зерна исторической истины легко допустимо. Вмѣстѣ съ крайне-фантастическимъ содержаніемъ, эти апокрифы заключаютъ въ себѣ не менѣе за-

гадочную географическую и этническую номенклатуру, дающую впрочемъ безъ особеннаго труда прозрѣвать въ ней теперешнія кавказскія страны, прилегающія къ Черноморью, и земли сосѣдняго приазовскаго края. Но этотъ сколько-нибудь реальный терминологическій элементъ апокрифовъ первой формаціи въ ихъ дальнѣйшей исторіи потерпѣлъ едва-ли выгодныя для историческей правды измѣненія. Изобильная еретическая начинка первыхъ апокрифовъ сама собой открывала поводъ къ ихъ усиленной и частой передѣлкѣ въ духѣ другихъ вѣроученій въ болѣе раннюю эпоху и въ духѣ православно-церковномъ особенно въ V и VI вѣкахъ; были и безтенденціозныя подражанія. Насколько при этомъ соблюдалось правило исторической точности видно хотя-бы изъ крайняго примѣра коптскаго Синаксаря, гдѣ припонтійскіе географическіе термины приспособляются по созвучію къ знакомымъ автору египетскимъ названіямъ и вся исторія апостольской проповѣди переносится на родную ему африканскую территорію.

Параллельно съ пространными сказаніями объ апостольскихъ миссіонерскихъ путешествіяхъ развивались и извѣстія по формѣ краткія, — въ видѣ списковъ или каталоговъ, отмѣченныхъ именами: Ипполита Портуенскаго (II в.), Доровея Тирскаго (IV в.), Софронія, друга блаж. Іеронима (+375 г.) и Епифанія еп. Кипрскаго (+403). Каталоги эти, въ сохранившихся редакціяхъ, несомнѣнно позднѣйшаго происхожденія, чѣмъ время жизни ихъ мнимыхъ авторовъ, и въ отношеніи къ извѣстіямъ о миссіонерскомъ дѣлѣ въ части

ности ап. Андрея восходятъ къ первоначальнымъ апокрифамъ и ихъ позднѣйшимъ церковнымъ передѣлкамъ (отъ V до VIII в.) какъ своему источнику; при этомъ неопредѣленная апокрифическія страны варваровъ и антропофаговъ здѣсь категорически локализируются въ Скиѳіи, хотя съ наклонностью видѣть въ ней Скиѳію не европейскую, а азіатскую (прикаспійскую).

Отголосокъ самостоятельнаго церковнаго преданія хотятъ видѣть у историка Евсевія: „Когда св. апостолы и ученики Господа нашего Іисуса Христа," читаемъ у него въ III, 1, „разсѣялись по всей вселенной, то Ѳома, какъ содержитъ преданіе (ὡς ἡ παράδοσις περιέχει), получилъ въ жребій себѣ Парѳію, Андрей Скиѳію... Петръ, какъ извѣстно проповѣдывалъ въ Понтѣ и Галатіи --- Это сказано слово въ слово (κατὰ λέξιν) у Оригена въ третьей части его толкованій на Бытіе." ^x) Но въ приведенномъ мѣстѣ можно было бы видѣть рѣшительное свидѣтельство въ пользу древности церковнаго преданія объ апостольскомъ удѣлѣ Андрея Первозваннаго только въ томъ случаѣ, если бы весь этотъ отрывокъ дѣйствительно принадлежалъ Оригену; между тѣмъ спеціальный значекъ, стоящій передъ словомъ «Петръ» во многихъ авторитетныхъ рукописяхъ исторіи Евсевія заставляетъ скорѣе думать, что извѣстіе объ ап. Андреѣ принадлежитъ самому Евсевію и современному ему церковному преданію. Евсевія повторяютъ Руфинъ („ап. Андрей, какъ намъ передано, проповѣдывалъ въ Скиѳіи") и Евхерій Ліон.

^x) Это сочиненіе Оригена до насъ не дошло.

скій † 449 („quantum narrat historia, ап. Андрей смягчилъ проповѣдью Скиѳовъ.")

Въ VIII, IX-мъ и послѣдующихъ столѣтіяхъ накопившійся вѣками матеріалъ въ формѣ апокрифическихъ и церковныхъ сказаній, краткихъ извѣстій и посѣянныхъ всюду тѣми и другими мѣстныхъ преданій послужилъ источникомъ къ составленію новыхъ „дѣяній", „похвалъ", и „успеній" апостоловъ. Здѣсь миссіонерская дѣятельность ап. Андрея распадается на цѣлыхъ три проповѣдническихъ путешествія, скопированныхъ съ путешествій ап. Павла, причемъ Первозванный апостолъ уже съ полною опредѣленностью проводится черезъ Скиѳію европейскую и по сѣверному и западному побережью Черного моря проходитъ до Византіи, гдѣ и поставляетъ перваго епископа городу - Стахія. Изъ повѣствованій послѣдняго рода слѣдуетъ отмѣтить разсказъ монаха Епифанія, такъ какъ въ немъ есть нѣкоторые элементы, вошедшіе впослѣдствіи и въ русское сказаніе. Епифаній жилъ въ концѣ VIII и началѣ IX в., когда жгучимъ вопросомъ современности былъ вопросъ объ иконахъ. Подъ вліяніемъ этого церковнаго интереса Епифаній, какъ и нѣкоторые другіе лица того времени, предпринялъ своего рода учено-археологическое путешествіе по прибрежнымъ странамъ Евксинскаго Понта съ цѣлью изучить мѣстные памятники и преданія, касающіеся внѣшняго богопочитанія во времена апостоловъ. Поэтому въ своемъ повѣствованіи объ ап. Андреѣ онъ тщательно отмѣтилъ всѣ священныя изображенія, жертвенники, храмы и кресты, ведущіе свое начало по преданію мѣстныхъ жителей, отъ временъ проповѣди у нихъ назван-

ного ученика Христова. Здѣсь между прочимъ не разъ упоминается о „желѣзномъ жезлѣ съ изображеніемъ животворящаго креста, на который апостолъ всегда опирался." Неподалеку отъ Никеи въ Виѳиніи „блаженный ап. Андрей, низвергнувъ гнусную статую Артемиды, поставилъ тамъ животворящее изображеніе спасительнаго креста." Далѣе къ востоку, въ Пафлагоніи „онъ избралъ мѣсто молитвы, удобное для построенія жертвенника, и освятилъ его, воздвигнувъ знаменіе животворящаго креста." Вотъ откуда ведутъ свое начало и крестъ и жезлъ, фигурирующіе въ двухъ версіяхъ русскаго сказанія. У монаха Епифанія ап. Андрей изъ кавказскихъ странъ приходитъ на сѣверъ черезъ Керченскій проливъ прямо въ Воспоръ (теперешнюю Керчь), не обходя Меотическаго залива (настоящаго Азовскаго моря), откуда проходитъ въ крымскіе города Ѳеодосію и Херсонъ; изъ Херсона черезъ Синопъ онъ возвращается въ Византію.*)

Гораздо смѣлѣе выражаются позднѣйшіе греки и шире представляютъ себѣ районъ миссіонерской дѣятельности ап. Андрея на сѣверъ отъ Чернаго моря. Никита Давидъ Пафлагонскій (въ концѣ IX и началѣ X вѣка), извѣстный своею біографіею патріарха Игнатія, составилъ рядъ риторическихъ похвальныхъ рѣчей въ честь апостоловъ. Въ похвалѣ ап. Андрею онъ выражается такъ:

---

*) Епифаніево „Повѣствованіе" почти буквально копируется анонимнымъ авторомъ: „Πράξεις καὶ περίοδοι τοῦ ἁγ. καὶ πανευφ. ἀπ. Ἀνδρέου, ἐγκωμίῳ συμπεπλεγμέναι" (IX в.?), перефразируется Метафрастомъ (X в.) и авторомъ грузинскаго житія ап. Андрея (X в.?

„Получивъ въ удѣлъ сѣверъ, ты обходилъ Иверовъ и Сарматовъ, Тавровъ и Скиѳовъ, всякую страну и городъ, которые лежатъ на сѣверѣ Евксинскаго Понта и которые расположены на его югѣ." „Итакъ, обнявъ благовѣстіемъ всѣ страны сѣвера и всю прибрежную область Понта -- онъ приблизился къ оной славной Византіи." Подъ такимъ угломъ зрѣнія и терминологія древнихъ апокрифовъ теперь съ рѣшительностью примѣнялась къ пространствамъ южной Россіи. Еще у хрониста Іоанна Малалы (VI в.) имя Мирмидонянъ (антропофаговъ апокрифовъ) отожествляется съ Болгарами, когда они обитали у Меотики. Въ глазахъ Льва Діакона (X в.) Мирмидонія находилась тамъ-же, и Мирмидоняне уже считались предками русскихъ, а владѣнія русскихъ около Азовскаго моря — Мирмидоніей. „Во всякомъ случаѣ," говоритъ проф. В. Г. Васильевскій, „не подлежитъ ни малѣйшему сомнѣнію, что въ XI в. имя Мирмидонянъ на ряду съ другими, унаслѣдованными отъ классической древности названіями, служитъ для обозначенія русскихъ." *) Такимъ образомъ въ византійскомъ преданіи и литературѣ XI-го вѣка существовали всѣ основанія

---

*) См. его аргументацію въ „Русско-Визант. Отрывкахъ." Ж. М. Н. Пр. 1877 г. т. 189. с. 178 ff. Имя Мирмидонянъ, полагаютъ, перенесено мыслью еще раннѣйшихъ составителей каталоговъ въ Скиѳію черезъ сближеніе его съ Мирмикіономъ, колоніей, помѣщавшейся на сѣв.-вост. оконечности Таврическаго полуострова. См. напр. Карту европейск. Сарматіи по Птоломею. Изд. проф. Кула-

для составленія хожденія ап. Андрея по Русской землѣ. И византійцы даже прямо внушали это вѣрованіе русскимъ людямъ. Таково письмо къ русскому князю Всеволоду Ярославичу написанное отъ лица императора Михаила Дуки (1072–1077 г.) его секретаремъ Михаиломъ Пселломъ, знаменитымъ ученымъ своего времени съ цѣлью сватовства за брата императора дочери Всеволода. Одинъ изъ аргументовъ къ тѣснѣйшему союзу дворовъ здѣсь слѣдующій: „Духовныя книги и достовѣрныя исторіи научаютъ меня, что наши государства оба имѣютъ одинъ нѣкій источникъ (ἀρχή) и корень, и что одно и тоже спасительное слово было распространено въ обоихъ, одни и тѣ-же самовидцы божественнаго таинства и его вѣстники провозгласили въ нихъ слово евангелія". Это конечно намекъ на ту-же еще болѣе дорогую для Византіи въ ея борьбѣ съ Римомъ традицію апостольскаго начала византійской каѳедры черезъ Стахія, ставленника Андреева, хотя списокъ его якобы 18-ти преемниковъ до исторически-извѣстнаго Митрофана (315–325 г.) есть чистѣйшій вымыселъ.

Какъ скоро почва была подготовлена, русское сказаніе не замедлило появиться. Его внутреннія несообразности — путешествіе изъ Крыма въ Римъ черезъ Ладогу, приниженіе апостольскаго достоинства и т. п., такъ велики, что обычно ироническая критика Голубинскаго доходитъ здѣсь чуть не до сарказма. Но мы не будемъ бить лежачаго. Постараемся только отыскать возможный рядъ

ковскаго. Кіевъ 1899 г.

идей, послужившій ближайшею матеріей для образованія отдѣльныхъ составныхъ частей сказанія. Прежде всего авторъ должно быть смутно сознавалъ пустынное состояніе русской страны въ началѣ нашей эры, поэтому онъ и ведетъ по ней апостола только мимоходомъ. Но куда же онъ могъ направить его по великому водному пути, въ какой извѣстный пунктъ древне-христіанскаго міра? Отъ варяговъ, бывальцевъ всего свѣта, сочинитель могъ слыхать, что какъ всѣ дороги ведутъ въ Римъ, такъ и по варяжскому морю ихъ земляки добираются до вѣчнаго города. Самое направленіе апостола въ эти страны какъ будто имѣетъ нѣкоторую связь съ преданіями норманнскаго сѣвера. Именно существуетъ, къ сожалѣнію неизданная, исландская сага объ апостолѣ Андреѣ. Равнымъ образомъ извѣстно, что въ древности ап. Андрей считался патрономъ Шотландіи.

Вліяніе варяжскихъ росказней съ вѣроятностью замѣчается и въ повѣсти о новгородскихъ баняхъ, какъ извѣстно процвѣтающихъ на финско-скандинавскомъ сѣверѣ. По крайней мѣрѣ сохранился разсказъ, занесенный нѣкіимъ Діонисіемъ Фабриціемъ (XVI – XVII в.) въ свою „Livonicae historiae compendiosa series", будто-бы существовалъ во время оно близъ Дерпта доминиканскій монастырь Фалькена, гдѣ бѣдствующая отъ недостатка средствъ къ жизни братія рѣшила отправить къ папѣ слезное письмо, въ которомъ доминиканцы рисуютъ свою суровую строгую жизнь относительно пищи, питья и плотоумерщвленія. Здѣсь, между прочимъ, они разсказываютъ, что каждую

субботу умертвляютъ плоть свою въ страшно истопленныхъ баняхъ, бичуютъ себя розгами и обдаются холодной водой. Папа удивился и отправилъ своего посланца самолично узнать дѣла монастыря; по угощеніи его ввели въ жарко истопленную баню. Когда пришло время париться вѣниками, нѣжный итальянецъ не выдержалъ: онъ выскочилъ изъ бани, говоря, что такой образъ жизни невозможенъ и неслыханъ между людьми. Возвратившись въ Римъ, онъ разсказалъ папѣ о видѣнной диковинѣ"... (Чт. въ общ. Нест. кн. I стр. 281.)
Какъ видите, юмористически-нелѣпый разсказъ очень напоминаетъ нашъ лѣтописный. У нашего автора-южанина въ разсказѣ о новгородскихъ баняхъ очевидно была и опредѣленная, не особенно - высокая цѣль. Такъ прекрасно возвеличивъ свой родной Кіевъ, онъ, по русскому обычаю - трунить надъ всякимъ, кто не нашей деревни -, рѣшилъ представить Новгородъ въ глазахъ апостола въ самомъ невыгодномъ свѣтѣ. Новгородцы такъ это и поняли, потому что въ отвѣтъ на кіевскую редакцію повѣсти они создали свою собственную, въ которой не отвергая прославленія Кіева и умалчивая совершенно о баняхъ, увѣряютъ, что св. Андрей, "во предѣлы великаго сего Новаграда отходитъ внизъ по Волхову и ту жезлъ свой погрузи мало въ землю и оттолѣ мѣсто оно прозвася Грузино" (это - Аракчеевское помѣстье, верстахъ въ 15-ти отъ ст. Волховъ Николаевск. ж.д.). Чудотворный жезлъ этотъ изъ дерева незнаемаго хранился, по свидѣтельству писателя (1537г.) житія Михаила Клопскаго, въ его время въ андреевской церкви села Грузина.

Для опредѣленія повода къ составленію русскаго сказанія и времени его внесенія въ лѣтопись предлагаемъ гипотезу Малышевскаго. Вышеупомянутое письмо греческаго императора Михаила Дуки отъ 1074 г., внушавшее мысль о проповѣди ап. Андрея на Руси, нашло при русскомъ дворѣ довольно интеллигентную и любознательную среду прежде всего въ лицѣ самого князя Всеволода Ярославича, который по словамъ сына его Владимира Мономаха, „дома сѣдя пять языкъ умѣяше" — въ томъ числѣ конечно и греческій, тѣмъ болѣе что и женатъ былъ въ первый разъ на греческой царевнѣ. Дочь Всеволода Янка, рожденная отъ Гречанки, предполагаемый объектъ сватовства въ 1074 г., также вѣроятно знала греческій языкъ, какъ видно изъ послѣдующаго. Достать и прочитать „духовныя книги достовѣрныя и исторіи", повѣствующія объ ап. Андреѣ, они имѣли такимъ образомъ прямую возможность. Замѣчателенъ послѣ этого такой фактъ. Въ 1086 г. Янка постригается въ монашество. Всеволодъ строитъ для нея церковь и монастырь въ честь ап. Андрея. Очевидно пересадка идеи апостольской проповѣди на Руси съ византійской почвы на русскую въ это время уже состоялась. Нуженъ былъ только нѣкоторый промежутокъ времени и пожалуй ближайшій поводъ для облеченія идеи въ пластическія формы. Такой моментъ и поводъ можно усматривать въ половинѣ XII вѣка въ спорахъ о законности поставленія Климента Смолятича, когда Царьградъ и Новгородъ встали противъ Кіева, который долженъ былъ защищать свой авторитетъ и право на самовластное

поставленіе митрополитовъ всѣми возможными средствами. Правда во время споровъ на благословеніе ап. Андрея не ссылались. Но эта юридически - слабая, хотя и утѣшительная для участниковъ пострадавшей въ концѣ концовъ русской партіи, идея могла кого-нибудь изъ нихъ заинтересовать такъ сказать заднимъ числомъ и побудить къ разработкѣ, можетъ быть - и самого лишеннаго въ 1155 г. каѳедры и долго еще послѣ того жившаго Климента, „великаго книжника и философа." Характерно, что въ сказаніи осмѣивается Новгородъ и о Царьградѣ упорно замалчивается. Вопреки греческимъ источникамъ, приводящимъ ап. Андрея въ Византію, въ русской повѣсти онъ отправляется въ Римъ и оттуда, несмотря на все попутье, не заходитъ въ Царьградъ, а возвращается прямо „въ Синопію." Что и въ лѣтопись сказаніе попало около этого времени, а не позднѣе, свидѣтельствуетъ фактъ его распространенности во всѣхъ лѣтописяхъ (кромѣ древней Новгородской), говорящій о томъ, что оно сдѣлалось составною частью лѣтописнаго повѣствованія прежде, чѣмъ лѣтопись Кіевская, какъ общерусская, смѣнилась частными лѣтописями различныхъ концевъ русской земли.-

Занесенное въ лѣтописи и нѣкоторыя житія, особенно въ эпоху литературной производительности при всероссійскомъ митрополитѣ Макаріѣ, преданіе о посѣщеніи русской страны св. ап. Андреемъ Первозваннымъ стало общерусскимъ вѣрованіемъ, которое по свидѣтельству иностранцевъ всегда съ увѣренностью исповѣдывалось или предъ всѣми вопрошающими ихъ о вѣрѣ. Извѣстно, что Іоаннъ Грозный, на предложеніе со стороны

iез. Антонія Поссевина уніи по примѣру грековъ, отвѣчалъ: „Греки для насъ не Евангеліе; мы вѣримъ Христу, а не Грекамъ — — мы получили вѣру при началѣ христіанской церкви, когда Андрей, братъ апостола Петра, приходилъ въ эти страны, чтобы пройти въ Римъ. Такимъ образомъ мы въ Москвѣ приняли христіанскую вѣру въ то самое время, какъ вы въ Италіи, и содержимъ её ненарушимо." Тѣмъ же аргументомъ и съ неменьшей энергіей защищалъ самобытность русскихъ церковныхъ обрядовъ передъ греками Арсеній Сухановъ, говоря имъ: „вѣру вы изъ начала пріяли отъ ап. Андрея, а мы такожде отъ ап. Андрея." Съ укрѣпленіемъ даннаго преданія въ Московской Руси, оно возродилось въ XVII в. и въ Руси Кіевской. Его встрѣчаемъ мы въ Палинодіи Захаріи Копыстенскаго, вышедшей въ 1621 г. Въ томъ же году Кіевскій соборъ санкціонировалъ это вѣрованіе и рѣшилъ установить праздникъ въ честь Первозваннаго апостола: „понеже, говорятъ отцы собора, св. ап. Андрей есть первый архіепископъ Константинопольскій, патріархъ вселенскій и апостолъ Русскій и на Кіевскихъ горахъ стояли ноги его и очи его Россію видѣли и уста благословили, и сѣмена вѣры онъ у насъ посадилъ, то справедливымъ и богоугоднымъ дѣломъ будетъ возстановить торжественно и нарочито праздникъ его. Воистину Россія ничѣмъ не меньше другихъ восточныхъ народовъ, ибо и въ ней проповѣдывалъ апостолъ." Послѣ этого у южно-руссовъ преданіе объ ап. Андреѣ повторяется очень часто и возникаютъ попытки опредѣлить мѣсто апостольскаго стоянія и водруженнаго имъ креста.

Самъ Петръ Великій не усумнился раздѣ-

лять это вѣрованіе своихъ подданныхъ, учредивъ первый въ Россіи орденъ именно въ честь св. Андрея Первозваннаго съ надписью: „Sanctus Andreas Patronus Russiae". Императрица Елизавета Петровна заложила въ Кіевѣ на андреевской горѣ церковь въ честь Апостола (1744 г.), „а въ 1832 г. одинъ археологъ мечтатель (Лохвицкій), занимавшійся раскопками въ Кіевѣ, думалъ не только съ полною точностью опредѣлить мѣсто водруженія креста св. Андреемъ - въ фундаментѣ бывшей Воздвиженской церкви, но и найти остатки самаго креста." (Малышевскій)

Между тѣмъ наука, въ лицѣ нѣмцевъ XVIII в. и русскихъ ученыхъ XIX столѣтія, до крайности заподозрила вѣру въ историческую значимость русскаго сказанія о проповѣди ап. Андрея. И дѣйствительно, какъ показываетъ приведенная нами вкратцѣ литературная исторія сказанія, придавать ему историческую цѣнность никакъ нельзя; ея нельзя приписать даже всѣмъ позднѣйшимъ греческимъ источникамъ о проповѣди ап. Андрея, за исключеніемъ, строго говоря, однихъ только первичныхъ апокрифовъ, таящихъ въ себѣ преданіе II и I-го вѣковъ. Но въ виду такой глубокой древности преданія, заключеннаго въ этихъ послѣднихъ, кажется, безъ насилія ученой совѣсти можно при желаніи допустить, что Первозванный апостолъ, если и не былъ въ странахъ на сѣверъ отъ Чернаго моря, то былъ въ Грузіи и Абхазіи, а можетъ быть и въ Крыму, освятилъ своими стопами, такимъ образомъ, часть территоріи теперешней Россійской Имперіи и потому есть ближайшій къ намъ пространственно самовидецъ Христа, болѣе чѣмъ кто-либо другой изъ лика 12-ти —

— нашъ патронъ и апостолъ „земли руской".—

—Ⅱ—

Не связывая, однакожъ, собственно русскаго христіанства съ временами апостоловъ, мы должны мысленно перенестись въ вѣка позднѣйшіе. Густой мракъ скрываетъ отъ насъ начало историческей жизни русскаго народа и вмѣстѣ съ тѣмъ начало его знакомства съ христіанской религіей. Поэтому намъ удобнѣе отправляться отъ извѣстнаго, т.-е. воспроизвести ту, старѣйшую по исторической извѣстности этнографическую обстановку руской территоріи, которая могла служить и служила нашимъ предкамъ посредникомъ въ этомъ знакомствѣ,— опредѣлить границу той волны христіанства, которая въ своемъ распространеніи отъ греко-римскаго міра черезъ народовъ, ближайшихъ къ отдаленнѣйшимъ достигла въ извѣстное время и русскаго народа. При этомъ уясняется предъ нами и тѣ обстоятельства, благодаря которымъ Русь стала въ христіанствѣ православною, а не латинскою. Впрочемъ заранѣе можно назвать въ этомъ случаѣ роковое значеніе ея географическаго отношенія къ Византіи: всѣ западные варвары неизбѣжно отошли въ удѣлъ культурнаго миссіонерства Рима, а восточные — Византіи.

Оставивъ до времени въ сторонѣ вопросъ о юго-западныхъ границахъ Руси, обращаемся прямо къ югу. Древніе греки христіанскаго періода различали двѣ Скиѳіи въ Европѣ: великую — отъ Танаиса (= Дона) до Истра (= Дуная) и малую, составлявшую внутреннюю провинцію имперіи въ сѣверо-восточ-

ной Мизіи между низовьями Дуная и Чернымъ моремъ съ главнымъ городомъ Томи (Τόμοι, Τόμις), который можно пріурочить къ теперешнимъ болгарскимъ Кюстендже, или Мангаліи. Акты мученическіе свидѣтельствуютъ о распространеніи здѣсь христіанства уже въ первыхъ вѣкахъ. Первое упоминаніе о скиѳскомъ епископѣ имѣется отъ времени Діоклетіана. Цѣлый рядъ затѣмъ епископовъ скиѳскихъ или томитанскихъ извѣстенъ до позднѣйшихъ временъ: каѳедра въ Томи значится еще въ каталогѣ епископій, отмѣченномъ именемъ Льва императора (нач. X в.).(x) Населеніе Томитанской провинціи состояло изъ племенъ ѳракійскихъ, а съ конца IV и нач. V вѣка и славянскихъ (предковъ нынѣшнихъ болгаръ). Вотъ къ этой-то области и относится большинство древнихъ св.-отеческихъ свидѣтельствъ о христіанствѣ у Скиѳовъ, которыя старыми историками поспѣшно толковались въ примѣненіи къ русскимъ славянамъ. Но правда то, что для послѣднихъ христіанство Малой Скиѳіи не проходило безслѣднымъ. Непосредственно съ Малой Скиѳіей по другому берегу Дуная сосѣдила одна изъ разновидностей русскаго славянства — Угличи или Уличи(xx) и Ти-

---

(x) На самомъ дѣлѣ этотъ каталогъ представляетъ редакцію XII вѣка.—

(xx) Защитники перваго чтенія ссылаются на то, что мѣстность, занимаемая Угличанами между Чернымъ Моремъ, Дунаемъ и Прутомъ называлась Угломъ, по гречески ὄγλος, а теперь по турецки Буджакъ = уголъ. Н. Барсовъ считаетъ правильнѣе чтеніе „Уличи", потому что они жили у Лукоморья. Завитневичъ

верцы,[x] границы которыхъ простирались отъ Дуная до Буга. Если только въ Птоломеевыхъ (II в.) Тирагетахъ видѣть именно Тиверцевъ, то ихъ поселеніе здѣсь мы вправѣ относить ко II–III вв. Въ обитавшихъ здѣсь Словинахъ и Антахъ Прокопія и Іорнанда (VI в.) слѣдуетъ признать тѣхъ же нашихъ соплеменниковъ. Такое близкое и давнее сосѣдство Уличей и Тиверцевъ съ христіанскими народами, отчасти даже родственными, каковыми могли быть мизійскіе славяне, вѣроятно было причиной немалочисленныхъ обращеній въ христіанство. По крайней мѣрѣ Константинъ Порфирородный говоритъ, что въ его время (X в.) на пространствѣ теперешней южной Россіи начиная отъ Дуная находились inter urbium collapsarum fabricas ecclesiarum indicia quaedam et cruces ex lapide tophino exculptae (C. h. B. XXIX p. 87. Ven.). Слѣдуетъ однако оговориться, что несомнѣнно большую часть этихъ памятниковъ нужно отнести на счетъ христіанства нѣкоторое время обитавшихъ здѣсь Готовъ. Начатки христіанства у Тиверцевъ и Уличей естественно исчезли начиная съ конца IV в.,[xx] когда ихъ территорія надолго сдѣлалась торной дорогой для дикихъ восточныхъ народовъ, стихійно тяну-

---

предлагаетъ форму „Суличи", т. е. выходцы съ рѣки Сулы (Полтав. губ.).—

[x] Τύρας — древнее названіе Днѣстра.—

[xx] Христіанство могло воскреснуть у этихъ окраинныхъ нашихъ соплеменниковъ только въ половинѣ IX в., когда оно введено было въ сосѣдней и родственной Болгаріи; но это только предположеніе.

вшихся на западъ: Гунновъ, Аваръ, Болгаръ, Мадьяръ. Только послѣ сказаннаго мы въ правѣ нѣкоторыя святоотеческія свидѣтельства о Скиѳіи относить дѣйствительно къ Скиѳіи великой, болѣе къ намъ близкой. Таково извѣстное выраженіе блаж. Іеронима, что въ его время „хладная Скиѳія согрѣвается теплотою вѣры" (Scythia frigora fervent calore fidei).(x)

На пространствахъ той же великой Скиѳіи, такъ сказать, внутри поселеній Тиверцевъ и Угличей начинается и исторія христіанства у Готовъ. Готы въ началѣ III в. двинулись съ прибалтійскаго побережья къ югу и осѣли на Дунаѣ по всему сѣверу Чернаго моря, покоривъ своей власти и русско-славянскія племена. Первое массовое обращеніе въ христіанство среди западныхъ Готовъ послѣдовало около 323г. послѣ рѣшительной побѣды надъ ними Константина Великаго. Епархіальнымъ центромъ для новообращенныхъ назначенъ тотъ-же Томи малой Скиѳіи, служившій какъ-бы миссіонерской базой in partibus infidelium.(xx) Но національный готскій епископъ Вульфила, при-

---

(x) Хотя нужно помнить, что признакъ холода въ устахъ южанина еще не уполномочиваетъ насъ тотчасъ-же покидать малую Скиѳію и переходить въ дальносѣверную, потому что, напр., Овидій, сосланный въ Томи, въ мѣстность по нашему жаркую, находилъ, что въ той странѣ nihil est nisi non habitabile frigus.

(xx) На 1-мъ вселенскомъ соборѣ присутствуетъ уже отъ провинціи Готіи епископъ Theophilus Gothiae metropolis, какъ значится въ болѣе надеж-

нявшій арiанство, имѣлъ свой центръ гдѣ-то въ Великой Скиѳіи, потому что только въ 348 году, вслѣдствіе гоненія на христіанъ, воздвигнутаго вице-королемъ Атанарихомъ, онъ переселился съ своими единовѣрцами въ предѣлы имперіи въ Никополь.(x) Вотъ и всѣ древнѣйшіе эпизоды христіанства въ Великой Скиѳіи.

Часть Готовъ, прилегавшихъ къ Крыму, прочно засѣла въ этомъ послѣднемъ, такъ что не захотѣла даже слѣдовать за своими родичами, ушедшими съ Теодерихомъ въ Италію (въ половинѣ V в.).

ныхъ спискахъ; а metropolis = Томи, потому что въ древнихъ надписяхъ этотъ городъ именуется μητρόπολις Εὐξείνου и просто μητρόπολις; и скиѳскіе епископы подписывались: episcopus provinciae Scythiae metropolitanus.—

(x) Въ Великую же Скиѳію простиралась и миссіонерская дѣятельность Іоанна Златоуста. По свидѣтельству Ѳеодорита онъ „узнавъ, что нѣкоторые кочевники-Скиѳы, имѣвшіе свои шатры у Дуная, жаждутъ спасенія, нашелъ людей, возревновавшихъ по апостольскимъ трудамъ, и послалъ ихъ къ нимъ." Онъ же въ похвальномъ словѣ Златоусту говоритъ: „Имѣешь ты и другое сходство съ апостолами — ты первый водрузилъ жертвенники у скиѳовъ, живущихъ въ телѣгахъ." Но къ Угличамъ и Тиверцамъ это никакъ не можетъ быть относимо, потому что исторія не знаетъ славянъ въ кочевомъ быту и уже Тацитъ (I-е) отличаетъ ихъ, какъ имѣющихъ дома отъ Сарматовъ, кочующихъ въ кибиткахъ.—

здѣсь, въ древнемъ обиталищѣ Грековъ, послужившемъ и для Руси культурнымъ мостомъ къ Византіи, они уже не могли уйти отъ ига новой ...ремліи. Крымское христіанство у самихъ греков[ъ] ведетъ свою исторію отъ I вѣка,(x) но правиль[н]о устроенная Херсонисская (возлѣ Севастополя) епархія получила начало только съ IV столѣтія. Около VIII в. на ряду съ ней возникаютъ еще двѣ греческихъ епархіи: Сугдойская (Σουγδαία) или Сурожская (нынѣшн. Судакъ) и Фулльская (Φοῦλλα) (по мнѣнію проф. Кулаковского нын. Старый [Эски]-Крымъ). Остальныя части Крыма подпали въ церковномъ отношеніи подъ вліяніе Готовъ, дальнѣйшая многовѣковая исторія которыхъ здѣсь, какъ показываютъ недавнія изслѣдованія русскихъ византологовъ, имѣетъ связь и съ начальной исторіей русскаго христіанства. Крымскіе Готы, получившіе христіанство, какъ полагаютъ, отъ каппадокійскихъ плѣнниковъ послѣ морского набѣга на берега Малой Азіи въ концѣ III в., имѣли свою епархію сначала только въ Воспорѣ (др.-греч. Пантикапей, нын. Керчи), существованіе которой свидѣтельствуется доселѣ каталогами епархій XII вѣка. Но въ VII вѣкѣ мы узнаемъ о существованіи епископской каѳедры въ самомъ центрѣ готскихъ поселеній въ южномъ Крымѣ, расположенныхъ на пространствѣ отъ Алушты до Балаклавы, именно въ г. Дори (= Тавръ въ готск. произношеніи), кото=

(x) Сосланный сюда Климентъ Римскій нашелъ здѣсь до 2000 такихъ же изгнанниковъ-христіанъ, занятыхъ каторжными работами на государственныхъ каменоломняхъ.

рыи отождествляютъ съ нынѣш. мѣст. Манкупъ (къ сѣверу отъ Ялты). Готская архіепископія въ Дори, имѣвшая съ VIII в. титулъ и права митрополіи, пережила даже самую націю готовъ, вымершую около XVII в., и уже съ однимъ титуломъ „готѳійской", хотя и съ греческой паствой и іерархіей, перешла въ вѣдѣніе русскаго Св. Синода по завоеваніи Крыма Екатериной II.

При импер. Юстиніанѣ I учреждается третья, наиболѣе для насъ интересная готская каѳедра, въ зависимости отъ митрополіи Дорійской. Часть Готовъ, называвшихся Тетракситами, жившая прежде нашествія Гунновъ на Керченскомъ полуостровѣ, подъ давленіемъ послѣднихъ перешла черезъ проливъ на Кавказскій берегъ и поселилась здѣсь на Таманскомъ полуостровѣ. Въ 548 г. по поводу устроенія Юстиніаномъ епархіи въ землѣ Лазовъ и Авазговъ или Абхазцевъ (нын. Черноморскій округъ и сѣв. Кутаисской губ.) съ каѳедрой въ Никопсіи (нын. Пицунда), сосѣдніе Готы-Тетракситы отправили къ императору посольство съ просьбой о постановленіи имъ епископа. Рѣчь шла очевидно о замѣщеніи Фанагорійской (нынѣш. Тамань) каѳедры, представитель которой въ послѣдній разъ упоминается на соборѣ 518 года. Но изъ недавно опубликованнаго de Boor'омъ списка епархій Константинопольскаго патріархата, относимаго къ VIII вѣку, видно, что Фанагорія, заселенная теперь Готами-Тетракситами, все еще служа резиденціей епископской каѳедры, пріобрѣла уже новое имя,(*) переходящее затѣмъ и въ

(*) Хотя еще въ первые годы VIII-го столѣтія Фана-

русскую исторію, именно: Ταματάρχα, позднѣе Тъматάρχα, Τὰ Ματάρχα или Μετάρχα, русск. Тъмутараканъ (нын. Тамань)(xx). Можетъ быть на первый разъ покажется даже страннымъ, если мы скажемъ, что здѣсь, въ христіанской Таматархѣ, да еще въ VIII вѣкѣ, т.е. до начала русскаго государства, мы пришли въ самую Русь. Откуда пошла русская земля? — этотъ вопросъ, поднятый въ наукѣ еще въ первой половинѣ XVIII в., не перестаетъ занимать умы и даже сердца спеціалистовъ вплоть до настоящаго момента, когда, благодаря послѣднимъ отечественнымъ трудамъ по византиновѣдѣнію, мы присутствуемъ при зарожденіи новой гипотезы относительно происхожденія русскаго имени (да отчасти и племени) — именно гипотезы готской, дополняющей прежнюю, наиболѣе состоятельную, норманнскую. Для нашихъ цѣлей полезно имѣть о ней нѣкоторое представленіе. Греческіе писатели, когда хотѣли называть русскихъ не вульгарнымъ, а литературнымъ классическимъ именемъ, то до временъ позднѣйшихъ (т.е. даже спустя нѣсколько столѣтій по крещеніи Руси) прибѣгали къ термину Тавро-Скиѳы, т.е. Скиѳы, живущіе въ Тавріи, скиѳы таврическіе. Когда же русскіе жили въ Тавридѣ? Около 140 г. по Р.Хр. Птоломей помѣщаетъ Тавро-скиѳовъ въ окрестностяхъ Ахиллесова бѣга (Ἀχιλλέως Δρόμος — между устьемъ Днѣпра и Перекопомъ, гдѣ теперь

горія встрѣчается съ своимъ прежнимъ именемъ. —

(xx) Имя тъмутараканской епархіи, какъ митрополіи, упоминается въ греческихъ актахъ XII и даже XIV в. —

находится узкій островъ Тендеръ и коса Джарылгачъ); а византійцы тамъ же помѣщаютъ руссовъ, называя ихъ „Дромитами" отъ мѣста обитанія; теперешній о. Тендеръ на Итальянскихъ картахъ XIV–XVIII-вв. именуется Rossa. На тѣхъ же картахъ по западному берегу Крымскаго полуострова въ окрестностяхъ нын. Евпаторіи значится мѣстность: Rossofar, Rossoca. На новый, болѣе южный пунктъ мѣстожительства Тавроскиѳовъ внутри полуострова указываютъ выраженія: а) житія Іоанна Готскаго, написаннаго въ первой половинѣ IX в., что „земля Тавроскиѳовъ находится подъ страною (подъ властію) Готовъ" и — в) житія херсонисскихъ мучениковъ, написанн. ранѣе конца X в., что „Корсунь находится въ епархіи Тавроскиѳовъ." Однако съ большею сравнительно ясностью есть возможность проследить исторію Руссовъ (Тавро-Скиѳовъ), жившихъ на Таманскомъ полуостровѣ и при устьяхъ Дона. До тѣхъ поръ пока ученые не уяснили для себя фактъ существованія этихъ Руссовъ, Тмутараканское княжество, совершенно оторванное отъ центральныхъ приднѣпровскихъ славяно-русскихъ земель, представлялось какой-то загадкой, и русская церковная исторія не отставала отъ гражданской въ путаницахъ и противорѣчіяхъ при изложеніи первыхъ шаговъ исторической жизни русскаго народа. Неяснымъ представлялся цѣлый рядъ свидѣтельствъ арабскихъ писателей IX, X и XI вв. Одинъ изъ нихъ сообщаетъ, что Русь живетъ на какомъ-то болотистомъ и нездоровомъ островѣ; другой говоритъ, что она живетъ на семи островахъ. Глядя на карту Таманскаго

полуострова, легко убѣдиться, что характеристика мѣстности подходитъ къ нему, какъ нельзя болѣе. Ибнъ-Даста, писавшій въ первыхъ годахъ X в., опредѣляетъ островъ, на которомъ жили Руссы тогда, какъ расположенный недалеко отъ Хазеранъ (т.-е. Хазаріи) и Болгаріи (бывшей тогда приблизительно на границѣ нынѣшнихъ областей Донской и Кубанской и Ставропольской губ.), куда Руссы сбывали добычу отъ своихъ постоянныхъ грабежей. Высказанное опредѣленіе снова подкрѣпляетъ убѣжденіе, что рѣчь идетъ о Тамотархѣ.(x) Другимъ средоточіемъ русскихъ поселеній сѣвернѣе Таматархи былъ, по словамъ арабовъ, городъ Русія при устьѣ Дона, называемаго ими Русской рѣкой. Этотъ городъ Ρωσία упоминается затѣмъ въ греческихъ документахъ второй половины XII вѣка и на итальянскихъ картахъ послѣдующаго времени называется Rossi, Rosso, а рѣка Донъ — fiume Rosso. Впрочемъ на послѣднемъ археологическомъ съѣздѣ въ Кіевѣ Ю. Кулаковскій поддерживалъ мнѣніе проф. Брука, что Ρωσία тождественна съ Воспоромъ (= Керчью), потому что у арабскаго географа Эдризи, трудъ котораго составленъ въ Сициліи въ 1153 г., городъ Rusia значится въ 20 миляхъ къ западу отъ Матархи. „Устье Русской рѣки" Эдризи также полагаетъ между Солдайей (= Сугдеей) и Матархой, очевидно отождествляя съ нимъ Керченскій пролив

(x) Такъ какъ послѣдняя area занимаема Руссами и Готами-Тетракситами, то сюда вѣроятно переносится и мысль пѣвца Игорева похода, когда онъ говоритъ о готскихъ красныхъ дѣвахъ, поющихъ пѣсни при брезѣ синяго моря.—

ливъ; въ этомъ отожествленіи онъ не одинокъ: уже хронистъ Ѳеофанъ считаетъ данный промысъ устьемъ рѣки Дона.—

Что Черноморскіе Руссы—не славяне, какъ и вообще Руссы, основавшіе русское государство, а норманны, хотя и охотно мѣшавшіеся съ славянами,—это ясно по многочисленнымъ признакамъ. Избѣгая подробностей (x), напомнимъ только немногое. Весьма выразительно то обстоятельство, что Константинъ Порфирородный, самъ принимавшій русскую княгиню съ ея пестрой въ племенномъ отношеніи свитой, самъ ведшій съ ней переговоры, рѣзко различаетъ русскій языкъ отъ славянскаго при описаніи днѣпровскихъ пороговъ, изъ коихъ каждый по его записи назывался двояко: по русски (ῥωϭιϭτί) и по славянски (ϭκλαβινιϭτί), причемъ славянскія имена намъ понятны безъ комментаріевъ (Вулнипрахъ, Островунипрахъ, Неясытьи т.д.), а русскіе (Варуфоросъ, Ульворси, Айфаръ), оказывается, съ удобствомъ объясняются изъ древнескандинавскихъ языковъ. Черезъ эти пороги, какъ торжествующе говорятъ норманисты, никакъ не перешагнуть ихъ противникамъ. Свидѣтельство изъ арабскаго писателя Ал-Бекри, относящееся къ половинѣ IX в., тоже различаетъ руссовъ и славянъ; оно гласитъ, что „главнѣйшія изъ племенъ сѣвера говорятъ по славянски, потомучто смѣшались съ ними—

(x) За ними желающіе могутъ обратиться къ лекціямъ о началѣ русскаго государства проф. Томсена (Чтен. въ Общ. Ист. и др. росс. 1891 г. кн. I),—значительно, правда, устарѣвшимъ, но все-же весьма убѣдительнымъ.

(т.е. съ славянами), какъ, напримѣръ, Баданака (Печенѣги), и Русь и Хазары." Интересенъ еще разсказъ, опредѣляющій самую національность Руссовъ, занесенный въ западныя, такъ называемыя Бертинскія лѣтописи подъ 839 г. т.е. до образованія Кіевскаго государства. Лѣтописецъ передаетъ, что въ Ингельгеймъ, столицу франкскаго императора Людовика Благочестиваго пришли послы отъ византійскаго императора Өеофила, а вмѣстѣ съ ними „нѣкоторые люди, которые называли себя, т.е. народъ свой Росъ (qui se, id est gentem suam, Rhos vocari dicebant)"; они пришли въ Византію отъ ихъ собственнаго царя по имени хакана (chacanus, т.е. очевидно каганъ), но назадъ не хотѣли возвращаться той же дорогой, боясь одного жестокаго и варварскаго народа. Поэтому Өеофилъ просилъ Людовика пропустить ихъ домой черезъ свою державу. Однако, не смотря на солидную рекомендацію, къ пришельцамъ отнеслись весьма подозрительно, и императоръ, „прилежно испытавъ причину прихода ихъ, открылъ, что они изъ Свеоновъ", т.е. Шведовъ (comperit, eos gentis esse Sueonum). Какъ бы экспертиза ни была поверхностна, во всякомъ случаѣ уже самое направленіе этихъ Росовъ домой черезъ сердце Европы говоритъ за то, что ихъ національность въ общемъ угадана вѣрно и отличена даже отъ хорошо извѣстныхъ и на западѣ норвежскихъ и датскихъ норманновъ. Выводъ отсюда тотъ, что Русь - это восточные скандинавы, не забывшіе даже своей сѣверной прародины; мѣсто жительства ихъ намъ извѣстно; да на него же указываетъ и названіе ихъ главы хака=

номъ(x) — явное вліяніе близкихъ сосѣдей-хозаръ.(xx) Откуда же они стяжали себѣ это странное имя Ῥῶς, Русь? — Если они, по приведеннымъ свидѣтельствамъ, мѣшались съ славянами и усвояли ихъ языкъ (Аль-Бекри), заимствовали отъ хозаръ государственную терминологію (хаканъ), то ближе всего имъ было заимствовать что либо отъ своихъ непосредственныхъ сосѣдей и въ Крыму и въ Таматархѣ — готовъ, такихъ же восточныхъ Скандинавовъ (съ остр. Готландъ), какъ и они сами, говорившихъ только другимъ нарѣчіемъ одного и того-же древне-германскаго языка. И есть основаніе видѣть такое заимствованіе именно въ національномъ имени Руси. Готы — не крымскіе только, а и всѣ другіе, называли себя не просто готы (gotar), а съ прибавкой hreiŧ-gotar, hreþ-gotar, hroþgotar и чаще всего прямо hroþ, что значитъ славные, блестящіе готы(xxx). Изъ формы Hroþ прямо получается греческая Ῥῶς. Хотя спеціалисты (Браунъ) не допускаютъ возможности получить непосредственно изъ Hroþ славянскую форму Русь, но образованіе послѣдней могло пройти болѣе сложный путь. Любопытно, что Эсты, Ливы и Финны называли, или называютъ и

(x) Ибнъ-Даста тоже называетъ князя русовъ хаканъ-Русъ.—

(xx) Примѣненіе этого титула митрополитомъ Иларіономъ къ в.кн. Владиміру есть лишь поздняя реминисценція изъ далекаго прошлаго черноморско-тмутараканской Руси.

(xxx) ŧ = δ, TH (англ.), ד; þ = ϑ, th (англ.), ת.—

теперь Шведовъ Rots, Rotsi, Ruotsi, Ruossi. Покойный академикъ Куникъ въ специальномъ изслѣдовании (Berufung der schwedischen Rodsen) производивший это имя отъ Rodr (нѣм. Ruder; Rodsmen = гребцы, мореходы), соглашался въ послѣднее время, что оно могло произойти отъ готского Hrōþ, которое западные финны въ глубокой древности перенесли съ своихъ прибалтийскихъ сосѣдей - Готовъ на родственныхъ послѣднимъ пришельцевъ изъ-за моря - Шведовъ. Къ восточнымъ славянамъ имя Готовъ = Hrōþ въ началѣ передалось не непосредственно, а черезъ густую среду финновъ. Финское сочетание звуковъ uo (въ словѣ Ruossi = hrōþ) обычно передается въ славянскомъ черезъ у, какъ напр. и въ имени финского племени Suomi = въ лѣтописи сумь; поэтому Ruossi = Русь. Слѣдовательно имя Русь, образовавшееся при посредствѣ финновъ у русскихъ славянъ въ вв. III–IV для обозначения владычествовавшихъ тогда надъ ними Готовъ, хранилось въ этой формѣ и передавалось на востокъ (хазарамъ, арабамъ) для обозначения того-же народа (готовъ), оставшагося впослѣдствии только въ Крыму. Итакъ, крымские готы называли себя — hrōþ. Греки, кромѣ именъ Γότθοι, γόθοι, въ послѣдствии могли прилагать къ Готамъ и ихъ собственное имя, буквально передаваемое по гречески — ῥῶς. Славяне и восточные люди называли готовъ - Рус(ь). Но благодаря единству языка готовъ и интересующихъ насъ тавро-скиѳовъ (= руссовъ) сосѣдние народы легко смѣшивали эти двѣ единоплеменныя народности и переносили имя одной на другую, а тавро-скиѳы, съ течениемъ вре-

мени принимавшіе въ себя все болѣе сторон-
нихъ элементовъ, то въ видѣ славянъ, то
въ видѣ приходящихъ съ норманнскаго сѣве-
ра родичей, менѣе всего могли упрямствовать
въ непринятіи присвояемаго имъ со стороны
имени (Hróþ = Ῥῶς = Русь), нужнаго для обозначе-
нія новой формы ихъ этническаго и бытового су-
ществованія. Такимъ путемъ получилась Русь,
Русь въ первой степени, Русь норманнская.

Живя совмѣстно и, можетъ быть, до нѣко-
торой степени слитно съ единоплеменными го-
тами-христіанами близъ епископской каѳедры
въ Таматархѣ, Руссы, какъ цѣлый народъ, однакоже
долго не принимали христіанства, не смотря на то,
что оно быстро охватывало всѣ окрестные народы
сѣвернаго Кавказа. Выше упомянутый вновь опубли-
кованный списокъ каѳедръ Константинопольскаго па-
тріархата VIII столѣтія упоминаетъ подъ вѣдѣніемъ
готскаго дорійскаго митрополита — епископовъ: он-
гурскаго (ὁ Ὀνογούρων) — народа, жившаго по верхнему бас-
сейну Кубани, итильскаго (ὁ Ἀστήλ), т.е. столичнаго ха-
зарскаго, и Хвалисскаго (ὁ Χουάλης) — вѣроятно прикас-
пійскаго. Сѣверно-кавказскіе аланы (предки осетинъ), какъ
навѣрное теперь извѣстно, также приняли хри-
стіанство вмѣстѣ съ своимъ княземъ въ самомъ
началѣ X вѣка. Руссы же унаслѣдовали отъ Го-
товъ образъ жизни морскихъ пиратовъ и про-
должали опустошать сосѣдніе берега Кры-
ма и Малой Азіи. Все-таки въ концѣ
концевъ съ нихъ именно началось просвѣ-
щеніе свѣтомъ христіанской вѣры и все-
го русскаго міра. —

Умъ человѣческій такъ коротокъ въ сравненіи съ сложнѣйшею цѣпью причинъ и слѣдствій міроваго бытія, охватывающей людей со всѣхъ сторонъ въ ихъ личной дѣятельности, что они обычно не вѣдаютъ, что творятъ: въ погонѣ за ближайшимъ, не подозрѣваютъ дальнѣйшихъ результатовъ своихъ поступковъ, результатовъ зачастую совсѣмъ неожиданныхъ по своему характеру. Черноморскіе русскіе практиковали только свое обычное ремесло, когда безжалостно грабили благоустроенныя греческія колоніи и провинціи, но ихъ разбойничьи набѣги обратились въ одно изъ средствъ ихъ собственной христіанизаціи. Возвышенная и всепокоряющая сила культуры доказала на этотъ разъ свою мощь, какъ и въ тысячахъ другихъ подобныхъ случаевъ. Средневѣковой Византіи выпало на долю тяжелое испытаніе вести сплошную борьбу за свое существованіе съ могучимъ разноплеменнымъ моремъ выступившихъ на сцену исторіи варваровъ. Физическая сила была безусловно на сторонѣ послѣднихъ.[x] Но все же косматыя голо-

---

x) Одинъ только видъ богатырскихъ фигуръ варваровъ повергалъ византійцевъ въ изумленіе, кк видно, напр., изъ выразительныхъ латинскихъ стиховъ одного очевидца пріема въ 558 г. аварскихъ пословъ императоромъ Юстиніаномъ, тѣхъ Аваръ, которые по нашей лѣтописи: „бышя тѣломъ велици и умомъ горди:" In facies cecidere suas, stratosque tapetes

вы дикарей одинъ за другими склонились перед[ъ]
блескомъ ромэйскихъ троновъ и сіяніемъ крес[та]
Византія одержала надъ ними лучшую
побѣду, за это запечатлѣла добромъ имъ, ко-
торого они никогда не должны забывать.
И не безъ самопожертвованій досталась эта
побѣда: не легко было видѣть сынамъ древ-
ней Эллады, какъ высокій культурный ти[пъ]
ихъ страны понижался, такъ сказать, по[ро-]
тился дикими пришельцами: Ἐσκλαβώθη δ[ὲ]
πᾶσα ἡ χώρα, съ горечью замѣчаетъ Конст[ан-]
тинъ Порфирородный, καὶ γέγονε βάρβαρος.
Но Византія не оскудѣвала разумнымъ соз-
наніемъ своихъ духовныхъ преимуществъ. Кто
не раздѣлитъ, съ глубокимъ сердечнымъ сочув-
ствіемъ, благородной вѣры въ силу просвѣще-
нія, выраженной въ словахъ образованнѣйша[го]
Эллина XII в. Михаила Акомината, написан-
ныхъ по поводу завоеваній Константинопол[я]
и Греціи крестоносцами (1204 г.): „Запустѣли
города, въ которыхъ водились хоры музъ
и властвовала Өемида и процвѣтала фи-
лософія. Но намъ не слѣдуетъ предаваться
унынію и ограничиваться сѣтованіями. Тѣ,
которые ~~себя~~ считаютъ себя нашими повели-
телями, столько же понимаютъ въ сло-
весныхъ искусствъ, какъ ослы въ музыкѣ.
А мы не будемъ забывать философіи и не пе-
рестанемъ украшать себя добродѣтелью
и образованностью: въ этомъ мы найдемъ дѣй-
ствительное средство властвовать надъ наши[ми]

Fronte ferunt, longisque implent spatiosa capillis
Atria et Augustam membris immanibus aulam....

ми повелителями какъ надъ дикими звѣрями. Захвативъ крѣпости и замки, они думаютъ повелѣвать посредствомъ насилія, отнимая у насъ имущество и пищу. Но тамъ не можетъ быть надежнаго и прочнаго господства, гдѣ побѣдители не обладаютъ ни природными, ни пріобрѣтенными преимуществами. Никто же не скажетъ, что львы, леопарды, или волки властвуютъ надъ людьми, хотя бы они когтями и зубами достигали того же, чего и наши повелители. И никогда не удастся имъ вполнѣ побѣдить насъ, хотя бы они присвоили себѣ всѣ наши стяжанія, хотя бы оставили насъ нагими, или коснулись бы самой плоти нашей.[1]"

Древнѣйшія свидѣтельства о знакомствѣ Руси съ византійскимъ христіанствомъ и даже о принятіи крещенія, какъ неожиданныхъ результатовъ ея военныхъ экскурсій, сохранились въ житіяхъ двухъ греческихъ епископовъ — Стефана Сурожскаго и Георгія Амастридскаго. Прошли цѣлые десятки лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ въ 1844 г. А. В. Горскій обратилъ вниманіе ученаго міра на эти два источника, пока не былъ положенъ конецъ крайне противорѣчивымъ сужденіямъ разныхъ ученыхъ объ ихъ исторической значимости образцовымъ изслѣдованіемъ проф. В. Г. Васильевскаго (Русск.-Виз. отрывки въ Ж. М. Н. Пр. 1878 и 1889 г. и Русско-Визант. Изслѣдов. СПб. 1893 г.), который подвергъ изученію данные памятники въ ихъ цѣломъ составѣ и поставилъ въ связь съ опредѣленными моментами византійской исторіи. Поэтому не повторяя старыхъ, мы излагаемъ воз-

можность изложить дѣло въ положительной формѣ.

Въ славяно-русскихъ сборникахъ, начиная съ XV вѣка, встрѣчается довольно часто житіе св. Стефана Еп. Сурожскаго. Древне-русск. Сурожъ - это нынѣшнее мѣстечко Судакъ на южномъ берегу Крыма между Ялтой и Феодосіей, - ближе къ послѣдней. (Греческое имя города Σουγδαία, какъ догадываются аланскаго (= осетинскаго) происхожденія, а русское - Сурожъ можетъ быть ведетъ свое начало отъ эпохи переселенія народовъ, когда въ Крыму появились различные соплеменники Гунновъ и Болгаръ, между прочими и нѣкіе Сорози. Но просвѣщенное ядро городскаго населенія состояло изъ грековъ.) Стефанъ представленъ въ житіи Каппадокійскимъ уроженцемъ, получившимъ образованіе въ КП-лѣ, тамъ же принявшимъ иночество и епископскій санъ отъ православнаго патріарха Германа. Въ разгаръ иконоборства царей Льва Исаврійскаго (Савроса 717-741) и Константина Копронима (Гноетезнаго) (741-775) онъ выступаетъ исповѣдникомъ, будучи уже еп. Сурожскимъ. Какъ добрый пастырь онъ прославляется даромъ чудотворенія при жизни и по смерти. Для насъ представляетъ интересъ одно изъ двухъ его посмертныхъ чудесъ, приписанныхъ въ концѣ житія подъ особыми заглавіями, именно слѣдующее: „По смерти же святаго мало лѣтъ минулу, пріиде рать велика русская изъ Новаграда князь Бравлинъ (вар. Бравалинъ) силенъ зѣло," который одолѣлъ всю прибрежную кр

скую полосу отъ Корсуни до Керчи и подступилъ къ Сурожу. Послѣ десятидневной битвы онъ ворвался въ городъ и разбивъ двери вошелъ въ церковь св. Софіи. Тамъ на гробѣ св. Стефана былъ драгоцѣнный покровъ и множество золотой утвари. Но какъ только все это было пограблено, „князь разболѣся, обратися лице его назадъ, и лежа пѣны точаше. възпи глаголя, великъ человѣкъ святъ, иже здѣ.“ Князь приказалъ боярамъ принести похищенное обратно къ гробницѣ, но не могъ встать съ мѣста; тогда снесены были сюда-же и всѣ свящ. сосуды, взятые изъ Корсуни и Керчи, но князь оставался въ прежнемъ положеніи. Св. Стефанъ предсталъ предъ нимъ въ видѣніи („во ужасѣ“) и сказалъ: если не крестишься въ церкви моей, то не возвратишься и не выйдешь отсюда. Князь согласился. Явились священники во главѣ съ архіепископомъ Филаретомъ и крестили исцѣленнаго князя вмѣстѣ со всѣми его боярами, взявъ обѣщаніе съ нихъ отпустить всѣхъ христіанскихъ плѣнниковъ. Судя по хронологіи житія св. Стефана, всецѣло относящейся къ VIII-му столѣтію, въ разсказанномъ происшествіи, бывшемъ „спустя немного лѣтъ по смерти святаго,“ мы имѣемъ дѣло съ древнѣйшимъ фактомъ нашей исторіи, и весь вопросъ въ томъ, какова степень достовѣрности самаго житія и приписки о чудесахъ, параллели для которой не имѣется въ греческихъ текстахъ? Анализъ житія открываетъ въ немъ очень пространныя выписки изъ славянскаго перевода жизнеопи-

нія Іоанна Златоуста, приписываемаго Георгію Александрійскому, изъ славянскаго же перевода „Луга духовнаго" Іоанна Мосха и даже изъ житія русскаго митрополита Петра, написаннаго митр. Кипріаномъ (†1406 г.); ясный знакъ, что оно составлено русскимъ человѣкомъ не раньше первой половины XV в. и не позднѣе взятія Сурожа Турками въ 1475 г., чего еще не знаетъ житіе. (Въ нашихъ святцахъ имя Стефанъ Сурожскій появляется только съ XV...
Но не смотря на такое позднее происхожденіе и нѣкоторыя внутреннія несообразности, разбираемое житіе хранитъ въ своемъ составѣ весьма древнюю основу, слѣды которой видны въ цѣломъ рядѣ точныхъ историческихъ деталей, выгодно отличающихъ по мѣстамъ русскую редакцію даже отъ единственно-извѣстной на греческомъ языкѣ. (По рукописи Халкинской библіотеки XII–XV в.) *) Таковы напр., указаніе имени родины — Моривасъ — греч. въ род. п. Βοςι-βάσου, упоминаніе о супругѣ Константина Копронима Иринѣ „дочери керченскаго царя" (она была дочь хазарскаго царя) Въ разсказѣ о чудесахъ упоминается князь Юрій Тарханъ. Черта глубоко-правдивая для исторіи Сурожа въ VIII в., когда онъ былъ подъ властью хазаръ и въ немъ должны были жить привилегированныя лица — „тарханы". Тамъ же называется клирикъ Филаретъ, какъ преемникъ Стефана по архіепископскому достоинству; вѣроятно къ нему именно и относится упоминаніе о какомъ-то списк. Фило...

*) Греч. текстъ добытъ черезъ Ив. Г. Троицкаго и напечатанъ В. Г. Васильевскимъ въ „Русск.-Виз. Изслѣд."

речь во письмахъ Феодора Студита (+826 г.) къ архимандриту сосѣдней съ Сурожемъ Готіи. Наконецъ, при описаніи нападенія русскихъ, каѳедральный храмъ Сурожскій именуется св. Софіею; что это точно соотвѣтствуетъ исторической дѣйствительности, видно изъ одной древней греческой замѣтки на полѣ синаксаря, принадлежавшаго греку-сурожанину, объ обновленіи въ г. Судежѣ въ 793 г. храма св. Софіи. Въ роли крестителя русскаго князя выступаетъ извѣстный намъ архіеп. Филаретъ, которому прилично было оставаться въ живыхъ на своей каѳедрѣ „спустя немного лѣтъ" по смерти Стефана; а смерть послѣдняго можно полагать въ концѣ VIII вѣка; если отождествлять съ нимъ Стефана, еп. Сугдайскаго, подписавшаго опредѣленія 7-го вселенскаго собора. Словомъ, все приводитъ насъ къ убѣжденію, что составитель славянскаго житія св. Стефана въ XV вѣкѣ почерпнулъ разсказъ о крещеніи русской рати въ Сурожѣ изъ древняго греческаго подлинника, написаннаго въ духѣ полнаго соотвѣтствія изображаемой эпохѣ VIII-го и начала IX вв.*) Итакъ предъ нами встаетъ

---

*) Интересъ русскаго книжника къ личности Стефана Сурожскаго, и возможность обращенія къ греческому оригиналу объясняются древними и продолжительными связями русскихъ съ Сурожемъ, начало которыхъ мы можемъ помѣтить уже въ XII в., потому что вышеупомянутый авторъ приписокъ въ греч. Синаксарѣ подъ 24 іюля сдѣлалъ замѣтку о праздн

фактъ крещенія русскихъ въ началѣ IX-го ст
лѣтія т. е. приблизительно за полвѣка до того
срока, съ котораго ведетъ династическую исторію р

ваніи „въ этотъ день памяти святыхъ новоявлен
мучениковъ въ русскихъ странахъ Давида и Романа
(= Бориса и Глѣба), убитыхъ собственнымъ братомъ
Окаяннымъ Святополкомъ." О торговлѣ русскихъ ку
цовъ въ Сурожѣ въ XIII ст. имѣются и арабскія и евр
пейскія свидѣтельства. А Ипатьевская лѣтопись
съ другой стороны, констатируетъ ~~фактъ~~ присутств
сурожскихъ купцовъ на Руси: во Владимірѣ Вол
ском въ 1288 году. Южно-русскія былины знаютъ
кихъ то богатырей суровцевъ или суровцевъ. Съ XIV в
мѣчаются уже частыя указанія на пребываніе су
рожскихъ купцовъ на Руси и въ частности въ Моск
но въ то же время сурожцами начинаютъ назы
ваться и природные русскіе люди, только ѣзди
шіе въ Крымъ и торговавшіе привозными суро
скими, или, какъ говорили, суровскими товарами
(вотъ разгадка таинственной для многихъ въ Пете
бургѣ надписи „суровскій магазинъ"). По грамотам
XV в. извѣстны нѣсколько купеческихъ фамилій,
или московскихъ торговыхъ домовъ, ведшихъ посто
янныя сношенія съ Сурожемъ. Объ одномъ изъ т
кихъ купцовъ Степанѣ Васильевичѣ Сурожско
родословныя книги сообщаютъ, что онъ прибыл
въ 1403 г. къ вел. князю Василію Дмитріевичу „и
своей вотчины изъ Сурожа" и что отъ него пошли
Головины и Третьяковы. „Если позволительно, за
мѣчаетъ проф. Васильевскій, гадать о томъ, кт
могъ вывести изъ Сурожа житіе св. Стефана и
дѣйствовать его популяризаціи посредствомъ

скаго государства и русскаго племени наша начальная лѣтопись. Чудесная форма разсказа объ этихъ фактахъ не должна обострять нашего скепсиса, потому что именно въ отрывкахъ чудесъ въ житiйной литературѣ историки и находятъ наибольшее количество реальныхъ бытовыхъ данныхъ для исторiи отдѣльныхъ областей и городовъ. Косвенно правдивость факта нашествiя русскихъ на Сурожъ подтверждается и однимъ мѣстомъ такъ называемой Италiанской легенды о перенесенiи мощей св. Климента: на распросы Константина-философа относительно древняго храма Климента обращенные къ жителямъ Корсуня (въ 856–861г.) x) послѣднiе ему отвѣчали, что вслѣдствiе частыхъ набѣговъ варваровъ здѣсь подверглись разрушенiю не только окрестности Корсуня, но была опустошена и даже сдѣлалась необитаемой и большая часть той страны (ob multitudinem incursantium Barbarorum locus ille desertus est, et templum neglectum atque destructum, et magna pars regionis illius fere desolata et inhabitabilis

---

перевода на русскiй яз., то слѣдуетъ вспомнить о родоначальникахъ Головиныхъ, носившихъ имя Стефана; всего семья и родъ долженъ былъ сохранять особый интересъ къ памяти святит.; къ тому же родъ выѣзжаго куп(~~ечества~~)ца былъ, по видимому, сословный: попадаются въ немъ путешественникъ во Iерусалимъ, два казначея, одинъ изъ членовъ рода носитъ прозванiе Предобраго (CCLXXIX) Во всякомъ случаѣ скорѣе всего купцы могли вывезти изъ Сурожа жит. св. Стефана, мѣстнаго сурож. святаго, котораго они должны были, по словамъ Голубинскаго, почитать подобно тому кк купцы, торгующiе на Нижегород. ярмаркѣ почитаютъ препод. Макарiя

x) Предполагаемые годы хазарской миссiи славян. первоучителя.

reddita) Далѣе если указаніе на то, что русская
рать пришла изъ „Новаграда“ и не есть произволь-
ный домыселъ русскаго компилятора житія, то д
него найдется нѣкоторое объясненіе въ имени древ
го Νεάπολις'а = Новгорода, находившагося около т
перешняго Симферополя, неподалеку отъ предпола
гаемыхъ поселеній руссовъ въ западномъ Крыму, гд
на итальянскихъ картахъ значатся „гавань
Варяговъ“ (Varangolimen) и мысъ Rossofar. Этот
Новгородъ могъ быть и для Руси болѣе отдален
ной только ближайшимъ сборнымъ пунктомъ,
изъ котораго она обрушилась на Сурожъ. Имя р
скаго князя „Бравлинъ“ (въ менѣе исправныхъ р
передѣланное въ „бранливаго“ князя очевидно д
того, чтобы осмыслить непонятные звуки) на
европеизированный слухъ готовъ съ перваго раза
счесть за славянское, происходящее отъ слова
„бравый“; но вѣдь это слово французское, вѣр. гр
ко-латинское, въ русскомъ языкѣ очень и очен
новое. Да и для имени съ окончаніемъ на ИН
намъ не подъискать аналогіи — ни среди -миро
славовъ, -полковъ, ни среди Добрынь, Путятъ
и т. п., между тѣмъ какъ среди извѣстныхъ
по Игореву договору съ греками 944 г. варяжскихъ
именъ мы встрѣчаемъ три съ такимъ оконча-
ніемъ: Устинъ (рунич. Austin, Ustin), Фрастѣнъ
(рунич. Frustin), Фурстѣнъ (Furstin). Въ средне
вѣковой Германіи мы достаточно найдемъ та
кихъ именъ, какъ Батгулинъ, Берніовинъ, а у Ис
дора Испанскаго извѣстнаго писателя VII в. бы
даже знакомый вестготскій епископъ Бра-
уліонъ. Слѣдовательно намъ можно еще н
торопиться подниматься вверхъ по Днѣпру

[въ] поискахъ за Русью, которая крестилась въ [Ю]рьевѣ. Предъ нами еще авангардъ Руси въ ея [с]ближеніи съ Византіею и воспріятіи духовнаго вліянія послѣдней — Русь варяжско-черноморская.

Свидѣтельство о смиряющемъ вліяніи византійскихъ святынь на этихъ буйныхъ руссовъ сохранилось еще въ житіи св. Георгія Амастридскаго. (Въ латинскомъ переводѣ напечатано въ Ac. SS. Bolland. Febr. t. 3. д. XXI, а въ подлинникѣ съ Парижск. codexa Васильевскимъ Р. Виз. Изсл. 1893 г.) Въ концѣ житія въ качествѣ посмертнаго чуда повѣствуется: „Было нашествіе варваровъ, Руси, народа, какъ всѣ знаютъ, въ высшей степени дикаго и грубаго, не носящаго въ себѣ никакихъ слѣдовъ человѣколюбія. Звѣрскіе нравами, безчеловѣчные дѣлами, обнаруживая свою кровожадность однимъ своимъ видомъ, ни въ чемъ другомъ, что свойственно людямъ, не находя такого удовольствія, какъ въ смертоубійствѣ, они — этотъ губительный и на дѣлѣ и по имени х) народъ, начавъ разореніе отъ Пропонтиды и посѣтивъ прочее побережье, достигъ наконецъ и до отечества святаго, посѣкая нещадно всякій полъ и всякій возрастъ." Когда Русскіе вошли въ храмъ и увидѣли гробницу св. Георгія, то бросились къ ней, воображая найти тамъ сокровища, но вдругъ члены ихъ онѣмѣли и они стали безпомощными. Тогда предводитель ихъ въ страхѣ призвалъ одного изъ плѣнниковъ христіанъ и допросилъ, какая сила произвела такое дѣйствіе и какой требуетъ она жертвы? После данныхъ объясненій, онъ

х) Вѣроятно намекъ на библейскаго ראש = Ῥῶς у пророка Iезек. XXXVIII гл.

обѣщалъ свободу всѣмъ христіанамъ и приношеніе ихъ Богу. И вотъ по молитвамъ христіанъ, варвары освобождаются отъ божественнаго гнѣва, устраивается нѣкоторое примиреніе и сдѣлка ихъ съ христіанами, и они уже больше не оскорбляли святыни?
Амастрида или Амастра, теперь Амассера, находится на малоазійскомъ берегу Чернаго моря приблизительно на половинѣ разстоянія между Синопомъ и Константинополемъ. Цвѣтущее состояніе этого города въ древности обусловливалось торговыми связями съ противоположными побережьями Понта. Никита Пафлагонянинъ (кц. IX и нач. X вв.) такъ восхваляетъ свою Амастриду „Амастра, око Пафлагоніи, и лучше сказать, — едва не всей вселенной. Въ нее какъ на общее торжище стекаются Скиѳы, живущіе по сѣверной сторонѣ Евксина, а равно и тѣ, которые расположены къ югу.... во всемъ, что привозится сушей или моремъ, здѣсь нѣтъ недостатка. Городъ щедро снабженъ всѣми удобствами" и т. д. Понятно послѣ этого, почему жертвой набѣга сдѣлалась именно Амастра. Время нападенія опредѣляется по внутреннимъ признакамъ, даннымъ въ содержаніи самого житія. Во епископа поставляетъ Георгія патріархъ Тарасій (784-806) и несомнѣнно не позднѣе 790 г., потому что на соборѣ 787 года присутствуетъ Григорій Амастридскій, а въ 790 г. Георгій Амастридскій принимаетъ бѣжавшаго изъ Крыма Іоанна Готскаго, какъ видно изъ житія этого послѣдняго. Скончался Георгій вѣроятно въ царствованіе Никифора Логоѳета (802-811 г.), потому что это послѣдній императоръ, упо-

минаемый въ житіи; а нѣкоторые частные признаки даютъ возможность пріурочивать его кончину къ 806 году. Для опредѣленія того, сколько времени протекло послѣ смерти Георгія до написанія его житія, потому что въ этотъ именно промежутокъ произошло нашествіе русскихъ, служитъ характерное умолчаніе въ житіи объ иконахъ, хотя авторъ имѣлъ десятки поводовъ говоритъ объ нихъ; въ такихъ случаяхъ онъ прибѣгаетъ къ самымъ туманнымъ и иносказательнымъ выраженіямъ. А исторія иконоборства даетъ знать, что когда злѣйшій врагъ иконъ Левъ Армянинъ палъ въ 820 г. жертвой заговора, то преемникъ его Михаилъ Косноязычный издалъ строгій указъ: „чтобы никто не смѣлъ приводить въ движеніе языкъ свой ни противъ иконъ, ни за иконы; но пусть пропадетъ и сгибнетъ соборъ Тарасія, также какъ и соборъ Константина, или недавно вновь собранный при Львѣ, и пусть глубокое молчаніе будетъ правиломъ во всемъ, что напоминаетъ иконы." Такое положеніе дѣлъ сохранило свою силу до смерти императора Өеофила т. е. до 842 г.[x)] Ergo и наше житіе написано не позднѣе 842 г. Какъ видно изъ его содержанія оно произнесено было авторомъ въ родѣ рѣчи

x) Проф. Васильевскій находитъ даже автора разбираемаго житія „Діаконъ Игнатій, какъ вѣроятный авторъ житія и Амастридскій епископъ Іоаннъ" — эта маленькая главка въ его „Визант.-Русск. Изслѣд." образецъ ученаго изслѣдованія!

на церковномъ торжествѣ въ честь святого. Слѣдовательно авторъ не могъ прибѣгнуть къ совершенному вымыслу при изображеніи обстановки чуда, такъ какъ въ лицѣ старшаго (своего) поколѣнія своихъ слушателей имѣлъ живыхъ свидѣтелей варварскаго нашествія; это подкрѣпляетъ достовѣрность послѣдняго событія, а съ другой стороны показываетъ, что для 842 г. – крайній срокъ написанія житія – оно было уже фактомъ отдаленнаго прошлаго. Значитъ въ данномъ случаѣ предъ нами новый примѣръ ознакомленія съ христіанствомъ до-рюриковой Руси въ началѣ IX столѣтія. На родину этой Руси есть въ житіи намекъ при описаніи ея вандальскихъ подвиговъ: „храмы ниспровергаются святыня оскверняется; на мѣстѣ ихъ алтари, беззаконныя возліянія и жертвы, то древнее таврическое избіеніе иностранцевъ (ξενοκτονία), у нихъ сохраняющее свою силу (νεάζουσα) убійство дѣвственныхъ мужей и женъ." Вспоминая весьма распространенное, связанное съ исторіей Ифигеніи, преданіе о томъ, что жители Тавриды приносили въ жертву иностранцевъ, приставававшихъ къ ихъ берегу, авторъ, какъ видно, убѣжденъ, что Руссы и есть прямые потомки древнихъ Тавровъ, до новѣйшихъ временъ сохранившіе (νεάζουσα) свой кровожадный обычай.

Съ теченіемъ времени отвага руссовъ-пиратовъ возрасла еще больше, и мы видимъ ихъ уже подъ стѣнами самого Царьграда. Интересенъ случай этого нашествія, какъ по разнообразію и   многочисленныхъ свидѣтелей о немъ византійскихъ и русскихъ, такъ и по ш

ротъ миссіонерскихъ послѣдствій, которые ста-
вятся съ нимъ въ связь нѣкоторыми лѣто-
писцами. Данное нападеніе Руссовъ на Констан-
тинополь имѣло мѣсто въ ц. Михаила III (842-867)
и патріаршество знаменитаго Фотія (858 г.-891 г.)
и свидѣтелемъ тревожнаго событія является
прежде всего самъ Фотій, отъ котораго мы имѣ-
емъ двѣ произнесенныхъ по этому поводу церков-
ныхъ рѣчи. Особенный переполохъ произвело въ
столицѣ то, что коварные руссы обрушились на
городъ совершенно неожиданно, какъ разъ въ тотъ
моментъ, когда императоръ съ войскомъ от-
сутствовалъ по случаю похода на арабовъ. На
200 ладьяхъ (какъ гласятъ нѣкоторыя свидѣ-
тельства) они вторглись изъ Евксинскаго Понта
въ проливъ и прошли въ Пропонтиду (Мрамор. м.),
жестоко опустошая окрестные берега и острова
и избивая жителей.*) Затѣмъ высадившись подъ
стѣнами КП-ля русскіе возвели окопы и при-
ступили къ дерзкой осадѣ. Временный градона-
чальникъ Орифа немедленно оповѣстилъ импе-
ратора о несчастіи, и тотъ, покинувъ войско,
поспѣшилъ въ столицу, съ трудомъ перебрав-
шись черезъ проливъ съ малоазійскаго берега (ὁ δὲ

*) На одномъ изъ группы Принцевыхъ острововъ,
такъ называемомъ Теревинѳѣ, они ограбили на-
ходившагося тамъ въ заточеніи патр. Игнатія,
по словамъ его жизнеописателя: „Ipsius denique
patriarchae coenobia barbarico furore et impetu
incursantes, tota supellectili direpta, spoliarunt,
aliosque supra viginti et familliarimos captos,
in uno navigii trochantere omnes securibus tru-
cidarunt (Никита Пафл.)

βασιλεὺς καταλαβὼν (μόλις ἴσχυσε διαπεράσαι). Но императоръ могъ соорудить, повидимому, далеко не грозную военную оборону. И вотъ, разсказываетъ п. Фотій во второй своей рѣчи „на нашествіе Руси" „когда мы, лишенные всякой помощи и не имѣя никакой подмоги отъ людей, воодушевлялись надеждами на одну Матерь-Слова,---когда ея ризу носили всѣ до одного вмѣстѣ со мною для отраженія осаждающихъ, тогда, по неизреченному человѣколюбію,... помиловалъ Господь достояніе свое. Поистиннѣ досточтимая одежда-эта риза Богоматери. Носилась она вокругъ этихъ стѣнъ: и непріятели непостижимо какъ обращали тылъ свой. Покрывала она городъ: и насыпь ихъ разсыпалась какъ по данному знаку. Прикрывала она осажденныхъ: и осада непріятелей не удавалась сверхъ чаянія, которымъ они окрылялись. Ибо, какъ только дѣвственная риза эта обнесена была по одной стѣнѣ, и-варвары сняли осаду города, и мы избавились отъ ожидаемаго плѣна и сподобились нечаяннаго спасенія." Таковъ прозрачный разсказъ авторитетнаго современника событія, освѣщающій одну сторону дѣла безъ излишнихъ преувеличеній, не смотря на всю любовь Фотія къ красному слову. Въ проповѣдяхъ п. Фотія была даже прямая цѣль возбудить покаянное чувство въ жителяхъ столицы путемъ ораторски-преувеличеннаго представленія надвигавшейся опасности съ одной стороны и милосердія Бога, спасающаго-съ другой. Хотя, по утвержденію знатоковъ дѣла (C. de Boor. Byz. Zeitschr. 1895. IV-B. 3-4 H. S. 459-60) при всемъ несчастіи отъ нашест-

русскихъ для окрестностей КП-ля, самому городу за его неприступными стѣнами не могло грозить серьезной опасности отъ шайки морскихъ воиновъ не располагавшихъ никакими осадными орудіями, и вся осада руссовъ сводилась только къ смѣлой демонстраціи передъ застигнутой врасплохъ столицей. Благоразуміе требовало во время прекратить безплодную военную угрозу, пока силы императора не увеличились, и возвратиться во свояси. Такъ, повидимому, и было по словамъ той же бесѣды Фотія: „нечаянно, говоритъ онъ, произошло нашествіе враговъ, неожиданно оказалось и удаленіе ихъ, необъяснимъ былъ ихъ страхъ, когда они - презренные предались бѣгству (ἀπροσδόκητος ἐπέστη ἡ ἔφοδος τῶν ἐχθρῶν ἀνέλπιστος ἐδείχθη ἡ ἀναχώρησις αὐτῶν - ἄφατος ἦν αὐτῶν ὁ φόβος. εὐκαταφρόνητοι γεγόνασι τῇ φυγῇ) А въ хроникѣ Іоанна діакона Венеціанскаго, писанной около 1000 года говорится даже о тріумфальномъ возвращеніи нападавшихъ: Eo tempore Normanorum gentes (сильное доказательство германизма руссовъ) cum trecentes sexaginta navibus Constantinopolitanam urbem adire ausi sunt. Verum quia nulla ratione inexpugnabilem ledere valebant urbem, Suburbanum fortiter patrantes bellum quam plurimos ibi occidere non pepercerunt, et sic predicta gens cum triumpho ad propriam regressa est". Но лѣтописцы послѣдующаго времени обыкновенно не любятъ скромныхъ повѣствованій современниковъ и очевидцевъ описываемыхъ событій. Ихъ восторженному взору прошлое рисуется въ болѣе яркихъ краскахъ.

Поэтому, такъ называемый, продолжатель Амартола (II/2 X в.), а за нимъ Симеонъ Логоѳетъ (II/2 X в.) и Левъ грамматикъ (нач. XI в.) утверждаютъ, что императоръ послѣ молитвъ въ Влахернскомъ храмѣ вмѣстѣ съ п. Фотiемъ, вынесли съ псалмопѣнiемъ святой омофоръ Богородицы, приложили его къ поверхности моря, и - между тѣмъ какъ предъ этимъ была тишина и море было спокойно, внезапно поднялось дуновенiе вѣтра и непрерывное возстанiе волнъ и суда безбожныхъ Руссовъ разбились и только немногiе изъ нихъ избѣгали опасности." Однако, чтобы сохранить ядро этого послѣдняго преданiя, de Boor (s. 462-64) предполагаетъ, что Фотiй констатировалъ въ своей рѣчи только что совершившiйся фактъ отступленiя Руссовъ отъ стѣнъ города, а что вслѣдъ затѣмъ имп. Михаилъ, собравшись съ силами, могъ достичь возвращавшихся грабителей на морѣ и нанести имъ пораженiе, можетъ быть даже и не безъ содѣйствiя случившейся бури. По крайней мѣрѣ такимъ путемъ намъ становится нѣсколько понятными тѣ переговоры съ византiйцами о мирѣ, соединенные съ просьбою себѣ епископа, въ которые руссы вступили, по свидѣтельству многихъ хронистовъ, вскорѣ по-лѣ пораженiе. До нѣкоторой степени сближаетъ эти два событiя - описанное нашествiе русскихъ и ихъ ~~крещенiе~~ обращенiе къ истинной вѣрѣ - и самъ п. Фотiй, который говоритъ о послѣднемъ какъ уже о совершившемся фактѣ въ своемъ окружномъ посланiи къ восточнымъ патрiаршимъ престоламъ 866 или 67 г.г.: „и не только этотъ народъ (=болгары) промѣнялъ

первое нечестіе на вѣру во Христа, но даже и многими многократно прославленные (τὸ παρὰ πολλοῖς πολλάκις θρυλλούμενον - πολυθρύλλητος, пресловутый) и въ жестокости и скверноубійствѣ всѣхъ оставляющіе за собою такъ называемые Русь (τὸ Ῥῶς), которые поработивъ находящихся кругомъ себя и отсюда помысливъ о себѣ высокое, подняли руки и противъ Ромейской державы, - въ настоящее время даже и эти промѣняли эллинское и нечестивое ученіе, которое содержали прежде, на чистую и неподдѣльную христіанскую вѣру, съ любовію поставивъ себя въ чинѣ подданниковъ (ἐν ὑπηκόων τάξει) и друзей нашихъ, вмѣсто разоренія насъ и великой противъ насъ дерзости, которую имѣли незадолго. И до такой степени разгорѣлись въ нихъ желаніе и ревность вѣры, что приняли епископа и пастыря и лобызаютъ обычаи (θρησκεύματα) христіанъ съ великимъ усердіемъ и ревностію." Объ обстоятельствахъ самого крещенія Руси мы находимъ свѣдѣнія опять только у послѣдующихъ хронистовъ. Одинъ изъ продолжателей Ѳеофана (XI в.) и повторяющій его Кедринъ (XI в. - XII в.) сообщаютъ кратко, что Русскіе послѣ неудачнаго нападенія на Константинополь, спустя немного времени посылаютъ въ царствующій городъ пословъ, прося Божественнаго крещенія, что и было - ὃ καὶ γέγονε." Но подробно описываетъ эту исторію Константинъ Порфирородный (X в.) и вслѣдъ за нимъ Зонара (XII в.) Архіепископъ прибываетъ въ русскую страну и держитъ миссіонерскую рѣчь передъ княземъ и собраніемъ старцевъ. Въ подтвержденіе истинности проповѣди отъ него тре-

богомъ чуда: „просятъ самую книгу вѣры Хри-
стіанской, т.е. божественное и священное Еванге-
бросить въ раскаленный огонь, обѣщаясь, если оста-
нется невредимою, приступить къ Богу, котор-
онъ проповѣдуетъ!“ И брошена была въ печь съ ог-
немъ книга св. Евангелія. По прошествіи доста-
точнаго времени, когда печь погасла, обрѣтенъ
былъ священный свитокъ — неповрежденнымъ... та-
что даже кисти на концахъ связывавшихъ его шну-
ровъ не потерпѣли никакого вреда или измѣне-
нія. Увидѣвъ это и бывъ поражены величіемъ
чуда варвары безъ колебаній начали креститься.
Приведенный рядъ свидѣтельствъ говоритъ о весь-
ма серьезномъ событіи: о массовомъ крещеніи рус-
скихъ съ устроеніемъ у нихъ епископской каѳедры.
Къ какой же Руси это относится? Изъ слова п.
Фотія видно, что, хотя это былъ народецъ не-
значный (ἔθνος ἀφανές) и не многочисленный (ἀ-
ριθμητον), впервые напавшій на столицу Ромей-
ской державы, тѣмъ не менѣе извѣстный пе-
реизвѣстный византійцамъ (τὸ ἄκρα πολλοῖς
πολλάκις θρυλλούμενον) и еще прежде вѣдавшій
силу ихъ оружія, потому что „для него нѣкогда
одинъ слухъ ромейскаго имени казался невыно-
симо-страшнымъ“ (οἷς γὰρ οὐδὲ Ῥωμαίων φήμη
μόνη φοβητή ποτε κατεφαίνετο). А пресловутая
въ бурномъ смыслѣ Русь, съ которою приходи-
лось до того времени греческой имперіи имѣть
непріятности, — была въ ту пору одна — это Русь
съ государственнымъ центромъ „Воспоръ-Та-
матархъ“. Вопросъ о Руси въ данномъ мѣстѣ
приходится ставить потому, что русскій
составитель „повѣсти временныхъ лѣтъ“ (въ

начала XIIв.) найдя, какъ онъ самъ указываетъ, въ славянскомъ переводѣ продолжателя Амартола разсказъ о нападеніи Руси на Царьградъ при имп. Михаилѣ,*) и, съ другой стороны, располагая мѣстными преданіями о томъ, что еще Кій ходилъ къ Царю-граду, равно туда же ходили Аскольдъ и Диръ, не усомнился, благодаря хронологической сообразности, вставить имена послѣднихъ въ буквально-заимствованный разсказъ о подвигахъ языческой Руси.**) Но такъ какъ въ использованной хроникѣ повѣствованіе кончается пораженіемъ Руси и нѣтъ ни слова о ея крещеніи, то и нашъ лѣтописецъ ровно ничего не говоритъ объ этомъ. И только уже въ XVIв. составители Степенной книги и Никоновской лѣтописи на основаніи сербскаго пересказчика Зонары позаимствовались вышеприведеннымъ повѣствованіемъ о крещеніи руссовъ, присоединивъ къ нему имена Аскольда и Дира, но не уничтоживъ представленія своего источника о жительствѣ этихъ руссовъ въ Черноморьѣ.

---

*) Впрочемъ она имѣлась едва ли не уже въ распоряженіи предшественника его, составителя „начальнаго свода" (въ I/2 XIв.)

**)

Хроника Амарт.	Л. Лѣтопись.
„Царь же (Михаилъ) на Агаряне изыде воевать. дошедшю же ему Черныя рѣки и [illegible], вѣсть ему епархъ посла, яко Русь на Костянтинъ градъ идуть.	Въ л. 6374. Иде Асколдъ и Диръ на Греки и пріидоша въ 14 лѣто Михаила царя. Царю же отшедшю на Огаряны и дошедшю Черныя рѣки, вѣсть епархъ посла к нему, яко Русь на Царьгородъ идуть и т. д. — буквальная параллель.

Въ результатѣ получилась слѣдующая комбинація:, роди же нарицаемии Русь, иже и Кумани, живяху въ Евксинопонтѣ, и начаша плѣновати страну Римляньскую, и хотяху пойти и в Константиноградъ; но възбрани имъ вышний промыслъ, паче же и приключися имъ гнѣвъ Божий, и тогда възвратишася тиціи князи ихъ Аскольдъ и Диръ." И дальше — разсказъ о крещеніи. Въ томъ, конечно, нѣтъ ничего удивительнаго, что недостатокъ критической обработки первыхъ источниковъ нашей древнѣйшей исторіи, открывалъ возможность раздѣлять эту лѣтописную традицію подавляющему большинству русскихъ историковъ до послѣдняго времени. Но особенно долго и упорно отстаивали её такъ наз. норманнисты (во главѣ съ Э.Э. Куникомъ), потому что она казалась имъ тѣснѣйшимъ образомъ связанной съ главной позиціей ихъ школы, незнавшей никакой другой Руси до Рюрика и его свиты, т.е. до 862 г. А такъ какъ нѣкоторые византійцы давали поводъ относить первое нашествіе Руси на Царьградъ къ нѣсколько раннѣйшему моменту, то была взята подъ защиту дата этого событія, поставленная русскимъ лѣтописцемъ, по которому Аскольдъ и Диръ пошли „на Греки" въ 14 лѣто Михаила цесаря, въ лѣто 6374-е иначе въ 866 г. т.е. не прежде чѣмъ они успѣли отдѣлиться отъ Рюрика и устроиться княжями въ Кіевѣ. Споръ, такимъ образомъ, сосредоточился около года разбираемаго событія. Проф. Голубинскій въ своей исторіи выступилъ съ сильно аргументированнымъ мнѣніемъ

на основаніи Никиты Пафлагонянина,*) Симеона Логоѳета и Венеціанской хроники, въ пользу 860 или въ крайнемъ случаѣ начала 861 года. И что особенно укрѣпляетъ вѣру въ силу солидныхъ научныхъ выкладокъ, такъ это блестящее документальное подтвержденіе соображеній московскаго профессора. Въ 1894 г. Францъ Кюмонъ, профессоръ Гентскаго университета (въ Бельгіи) обнародовалъ краткую византійскую анонимную хронику (Recueil de travaux publiés par la Faculté de Philos. et Lett. de Gand. 1894 г. 9-me fasc. Anecdota Bruxellensia. I), въ которой сохранилось скрупулезно-точное опредѣленіе года, мѣсяца и числа перваго русскаго нашествія на Царьградъ. Оказывается, оно было дѣйствительно въ 860 г. 18-го іюня. Ἐπὶ τῆς αὐτοῦ (Μιχαὴλ) βασιλείας, значится въ хроникѣ, μηνὶ Ἰουνίῳ ιη' (ἰνδικτιῶνος) η' ἔτους ςτξη' τῷ ε' ἔτει τῆς ἐπικρατείας αὐτοῦ,**) ἦλθον Ῥῶς

---

*) Г. Пападуло-Керамевсъ, подвергнувшій сомнѣнію подлинность „житія патр. Игнатія" Никиты Паф., откуда заимствуются интересующія насъ хронологическія показанія, въ полемикѣ съ Васильевскимъ самъ же признаетъ древнюю основу въ этомъ произведеніи; къ ней, конечно, принадлежитъ и данный хронологич. пунктъ, потому что работа предполагаемаго фальсификатора (если только она была) должна была коснуться совершенно иныхъ сторонъ житія (Виз. Вр. 1899 г. т. VI с. 1-2.)

**) Всѣ эти три опредѣленія года находятся въ полномъ согласіи между собою. 6368 г. = 860 г., дѣйствительно 5-ому году его самостоятельнаго (безъ матери Ѳеодоры) правленія, считая

σὺν νηυσὶ διακοσίαις, αἳ διὰ πρεσβειῶν τῆς πανυμνήτου Θεοτόκου κατεκυριεύθησαν ὑπὸ τῶν χριστιανῶν καὶ κατὰ κράτος ἡττήθησαν καὶ ἠφανίσθησαν.[3] Но проф. Голубинскій, стоя на вѣрной точкѣ зрѣнія относительно года нашествія Руси, вмѣстѣ съ своими противниками смотритъ довѣрчивыми глазами на начальную хронологію русской лѣтописи (I, 1-я 21) и какъ тѣ находитъ якорь спасенія въ датѣ 865-66 года, для того, чтобы приписать походъ Аскольду и Диру, такъ и онъ замѣняя этотъ годъ 860-мъ, рѣшительно отвергаетъ въ немъ участіе кіевскихъ князей, потому что одинаково съ ними (своими противниками) считаетъ годомъ воцаренія названныхъ рюриковыхъ князей хронологическую цифру 862. Между тѣмъ въ настоящее время, уже давно разшатанное довѣріе къ начальной хронологіи русской лѣтописи, благодаря тщательнѣйшему анализу ея, про-

---

съ марта 856 года; тогда же 860 г. будетъ и 8-мъ въ счетѣ индиктовъ: (860-312):15=36 въ ост. 8 = indictio

[3] Какъ явствуетъ отсюда, христіане не только вооруженіемъ своимъ взяли верхъ надъ русскими заступленіемъ Богоматери, но и одолѣли ихъ военною силою, истребивъ руссъ явно (ἠφανίσθησαν — страд. з.) — На сколько не слѣдуетъ пренебрегать старыми латинскими учеными трудами видно изъ того, что вопросъ о годѣ нашествія Руси рѣшали выводы извѣстнаго Ассемани, который въ своихъ Kalendaria Ecclesiae Universae, изд. въ Римѣ, 1755 г., признавалъ таковымъ 860-й или конецъ 859-го. Комментаторъ Баронія, Паги также относитъ нападеніе Руссовъ къ 861 г. (Baronii. Annal. eccl. T. XIV, Lucae, 1743 p. 654, VII)

изведенному академикомъ Шахматовымъ (Исходная точка лѣтосчисленія повѣсти временныхъ лѣтъ. Ж.М.Н.Пр. 1897 г. мартъ. Хронологія древнѣйшихъ русскихъ лѣтописныхъ сводовъ. ibid - апрѣль) можетъ служить точною оцѣнкою чуть ли не каждой отдѣльной даты. При аналитическомъ взглядѣ на древнюю лѣтопись въ ней открывается рядъ наслоенныхъ другъ на друга лѣтописныхъ сводовъ, всѣ событія которыхъ расположены по особымъ хронологическимъ таблицамъ, представляющимъ собою съ ариѳметическою безупречностью проведенную систему лѣтосчисленія, но, увы, всякій разъ исходящую изъ ошибочно-найденнаго основанія. Составитель „начальнаго Кіевскаго лѣтописнаго свода" (въ 2/к №16), вѣрно опредѣливъ, при помощи Амартоловой хроники годъ воцаренія имп. Михаила именно 6350 (842-ой) при отысканіи года его царствованія, въ который случился походъ Руси, былъ сбитъ съ толку цифрой ІВ, досель сохранившейся по традиціи на поляхъ рукописи этой хроники и означающей главу повѣствованія; принявъ ее за годъ царствованія, онъ нашествіе русскихъ поставилъ подъ 6362 (854) годомъ (безъ упоминанія Аскольда и Дира). Дальнѣйшій сводчикъ-составитель „первой редакціи повѣсти временныхъ лѣтъ" (въ 1116 году) принялъ этотъ 6362 (854) годъ не за годъ нашествія, а за начальный годъ царствованія Михаила и вмѣстѣ за начало русской земли, почему и призваніе русскихъ князей излагалъ подъ этимъ самымъ годомъ. Но, повторяя ошибку 1-го редактора, относительно цифръ ІВ, онъ два похода Аско-

да и Дира получилъ уже 6374 (866 г.) Составитель „второй редакціи повѣсти временныхъ лѣтъ" (въ 1118 г.) отыскалъ себѣ новаго руководителя въ хронологическихъ исчисленіяхъ, именно „Никифора патріарха лѣтописецъ вскорѣ" — (Nik. п. χρονογραφικὸν σύντομον) который снабдилъ его новой ошибочной цифрой 1-го года царя Михаила — 6360 (852 г.), отступающей назадъ на 2 года по сравненію съ найденной прежнимъ редакторомъ (6362 = 854), такъ что, удерживая за 6374 (866) годомъ старое значеніе года русскаго нашествія, составитель „второй редакціи повѣсти врем. лѣтъ" принужденъ былъ перенести послѣднее съ 12 года царствованія Михаила на 14-ый. Такимъ же произвольнымъ путемъ этотъ редакторъ вычислилъ и знаменитый 6370 (862) годъ, перетянувъ къ нему разсказъ о призваніи князей. Эта редакція вмѣстѣ съ своей хронологической системою и сдѣлалась типичною для нашихъ лѣтописей.
Такимъ образомъ, послѣ этого, такъ сказать, „разоблаченія" нашей лѣтописной хронологіи, придавать реальнаго значенія ея цифрамъ намъ не приходится, и принимая дѣйствительный годъ русскаго нашествія на КП-ль 860-й, мы вовсе не имѣемъ основаній eo ipso (вслѣдъ за Голубинскимъ) отвергать и возможность участія въ немъ Аскольда и Дира, потому что не связаны лѣтописной хронологіей. Но это только отрицательная сторона дѣла; найти положительныя доказательства такого участія очень мудрено.
Во всякомъ случаѣ допустить учрежденіе въ это время епископской каѳедры въ Кіевѣ

значитъ допустить несообразность: быстрое и бесслѣдное ея исчезновеніе. Но противъ такого допущенія красноречиво свидѣтельствуетъ дальнѣйшая исторія языческаго Кіева и полное отсутствіе преданія о такомъ важномъ фактѣ, какъ открытіе благоустроенной церкви съ епископомъ во главѣ. Очевидно, этотъ пунктъ мыслимо примѣнять только къ Черноморской Руси. Среди писемъ п. Фотія сохранилось одно, неизвѣстно какого года, говорящее о томъ, что этотъ уголокъ infidelium дѣйствительно былъ предметомъ его миссіонерскихъ попеченій. Письмо адресовано къ Антонію, епископу Босфора-Крымскаго (= Керчи), который (Босфоръ) назывался навѣрное въ X–XIII ст. Росіей (Ρωσία) и около котораго по ту и по другую сторону жили Руссы. „Нѣкогда, пишетъ патріархъ, Скиѳскій Понтъ былъ ἄξενος.... Теперь благодаря твоимъ трудамъ, поднятымъ въ борьбѣ за умноженіе здѣсь служенія Богу, онъ можетъ назваться не только εὔξεινος, но и εὐσεβής, какимъ онъ и есть. Можешь понять, какою радостію и утѣхою полна душа моя, когда пишу это тебѣ! Если еще и іудеевъ, тамъ живущихъ, ты какъ пишешь, плѣнишь въ послушаніи Христу..., то я отъ всей души буду привѣтствовать плоды такихъ прекрасныхъ надеждъ, какія я всегда питалъ относительно тебя." Пусть это не тотъ самый епископъ, котораго послалъ Фотій для крещенія руссовъ, во всякомъ случаѣ это одинъ изъ тѣхъ дѣятелей, которые путемъ обращенія единицъ и группъ постепенно подготовили здѣсь то массовое, съ княземъ во главѣ, крещеніе руссовъ,

которое послѣдовало за ихъ походомъ на Царь-градъ и которое не было здѣсь совершенно безпочвеннымъ (а этимъ именно и страдаетъ мнѣніе, относящее данный фактъ къ Кіеву) Руссы Крыма и Таматархи, издревле прилегавшіе здѣсь къ каѳедрамъ греческимъ и готскимъ, какъ мы видѣли уже давно обращались въ христіанство и къ изучаемому времени, имѣли, повидимому, даже въ переводѣ на свой языкъ нѣкоторыя священныя и богослужебныя книги. Я имѣю въ виду то знаменитое мѣсто житія св. Кирилла — первоучителя, которое, по выраженію Голубинскаго, сокрушило головы нашимъ славянофиламъ. Будучи въ Корсуни приблизительно въ 856–861 г.г. Кириллъ „обрѣте ту евангеліе и псалтырь русьскими письмены писано и человѣка обрѣтъ глаголюща тою бесѣдою, и бесѣдова съ нимъ и, силу рѣчи пріимъ, своей бесѣдѣ прикладаа различьнаа письмена гласнаа и согласнаа и къ Богу молитву творя, вскорѣ начать чести и сказати, и мнози ся ему дивляху, Бога хваляще." Позвольте выразить смѣлую увѣренность, вопреки ходячему мнѣнію о чрезвычайной неясностности этого мѣста, что при помощи того же житія оно объясняется довольно легко и опредѣленно. Прежде всего до очевидности ясно, что здѣсь пришлось столкнуться св. Кириллу не съ славяниномъ-русскимъ, потому что въ ту пору величайшей близости славянскихъ нарѣчій, солунянину, „добрѣ славянски бесѣдующу" совсѣмъ не составляло никакого труда „принимать силу" всякой другой, не-македонской, славянской рѣчи; да

труда соединеннаго съ молитвой о сверхъестественной помощи, въ результатѣ котораго получилось крайнее удивленіе окружающихъ; значитъ - лингвистическій даръ св. первоучителя блеснулъ здѣсь привычною ему побѣдою въ преодолѣніи трудностей дѣйствительно новаго по корню языка. Но убѣдительнѣе всего то, что самъ св. Кириллъ, когда въ Моравіи пришлось ему столкнуться съ узко-политиканской теоріей трехъ священныхъ языковъ, въ своей полной идеалистической правдѣ репликѣ, противопоставляетъ русскій языкъ славянскому, какъ ранѣе получившаго освященный богослужебнымъ употребленіемъ. „Мы же, возражалъ онъ, многи роды знаемъ, книги умѣюща и Богу славу воздающа своимъ языкомъ кождо; явѣ же суть си: Ормени, Перси, Авазъзи (Абхазцы), Иверии (Грузины), Сугди (= Сугдіане, частью Аланъ-Осетинъ = Косогдіане = Косоги = Ясы), Готои, Обри (даже Авары!) Руси, Козари, Аравляни, Египтяне, Сури и иніи мнози (!!)." Отсюда если бы Руси, славящіе Бога своимъ языкомъ, были славяне, то въ прямыхъ интересахъ Кирилла, обвиняемаго въ новаторствѣ была бы нарочитая ссылка на этотъ фактъ въ доказательство того, что усвояемая имъ славянскому языку богослужебная роль совсѣмъ не новая затѣя, а явленіе пріобрѣтшее нѣкоторыя права давности и узаконенное церковною практикою; между тѣмъ онъ умалчиваетъ примѣры до далекихъ египтянъ и аравлянъ включительно, ища себѣ въ нихъ косвеннаго оправданія. Но въ приведенной вереницѣ аналогій для насъ важно также

и противоположение факта коптской священной литературы таковой же русской, важно потому, что вслѣдъ за другими и наши почтенные профессора Голубинскій и Малышевскій съ удивительнымъ увлеченіемъ выражаютъ свое убѣжденіе въ томъ, что видѣнныя Кирилломъ свящ. русскія книги – это книги готскія, документально, такъ сказать, въ натурѣ намъ извѣстныя. Намъ же кажется, что послѣ словъ св. Кирилла приходится только констатировать то положеніе, что германскую филологію, счастливую обладаніемъ драгоцѣннаго перевода Вулфилы, судьба не хотѣла побаловать сохраненіемъ еще и русскаго перевода свящ. книгъ, равно драгоцѣннаго и для нашей исторіи. И странно видѣть въ такомъ допущеніи что-либо неудобопріемлемое. Если бы даже не было предъ нами авторитетнаго свидѣтельства Кириллова житія, то и тогда мы, имѣя въ виду только характеръ восточной церкви, чуждой внѣшняго универсализма, должны были бы допустить церковное употребленіе языковъ не только коптскаго, сирскаго, армянскаго, грузинскаго, готскаго и какихъ угодно другихъ, потому что всюду здѣсь были епископскія каѳедры иногда на государственно-привилегированномъ положеніи: не могли же эти національныя церкви стоять и совершать свое успѣшное миссіонерское дѣло только однимъ греческимъ языкомъ. Но слова Кирилла положительно увѣряютъ насъ въ томъ, что многочисленные прецеденты церковнаго употребленія національныхъ языковъ на древнемъ востокѣ послужили благими примѣрами и для

Аланъ (Сугди) и для Абхазцевъ, и для Хозаръ, даже для Аваръ; не составляли исключенія и Руссы. Что мы не имѣемъ всѣхъ этихъ интереснѣйшихъ документовъ — повинна въ томъ рука времени... Словомъ, былъ у черноморскихъ руссовъ ко времени 860-хъ годовъ, т.е. ко времени ихъ массоваго крещенія въ собственнѣйшемъ смыслѣ „русскій" переводъ священно-богослужебныхъ книгъ, или сдѣланный непосредственно съ греческаго, или метафразированный съ родственнаго готскаго. Самое исканіе и принятіе русскими епископа отъ п. Фотія могло быть только націонализированіемъ (съ готовыми уже литературно-богослужебными средствами) какой либо изъ существующихъ каѳедръ Евѳорской или Метархійской-готско-тетракситской, вѣрнѣе всего первой: не съ этого ли времени и не съ этого ли повода Воспоръ и сталъ назыв. Россіею?

Успѣхъ христіанства среди русскихъ съ открытіемъ здѣсь для нихъ епископской каѳедры, должно думать, въ той или иной степени отразился и на Кіевской Руси. Порукою въ томъ служатъ давнія связи, соединявшія Тмутараканскую ~~областью~~ Русь съ болѣе молодою, но быстро возраставшею въ государственномъ отношеніи Русью Кіевскою, такъ что въ 1/2 Х в., какъ видно изъ Игорева договора съ греками, первая находится уже въ подчиненномъ положеніи у послѣдней. Общеніе той и другой Руси обусловливалось единствомъ организовавшаго ихъ норманнскаго элемента. Если государственная организація новго-

родской и кіевской Руси быстро сформировалась подъ вліяніемъ варяговъ, пришедшихъ съ сѣвера, то столько же быстрое сближеніе и сліяніе этихъ послѣднихъ съ мѣстнымъ славянскимъ населеніемъ произошло не безъ посредства прибывавшихъ къ нимъ съ юга единоплеменниковъ-руссовъ, еще раньше слившихся съ славянами и разумѣвшихъ ихъ языкъ. (Ан. Бекри). Такое взаимообщеніе варяжскихъ массъ Черноморья съ правящими классами кіевскаго государства сложилось на почвѣ государственно-экономическихъ интересовъ и географическихъ условій. Считая необходимымъ вкратцѣ изобразить эту сторону дѣла, мы попутно освѣтимъ и непосредственно интересныя для насъ нити, связывавшія всю сѣверную (новгородско-кіевскую) Русь съ прямымъ источникомъ христіанства — Византіею. — Знаменитый въ началѣ нашей исторіи водный путь „изъ Варягъ въ Греки" по рѣкамъ балтійскаго бассейна и Днѣпру извѣстенъ былъ по памятникамъ исторіи еще финикійцамъ, и затѣмъ съ V-го в. до Р. Х. и греческимъ купцамъ-искателямъ янтаря. Съ этого времени приднѣпровскіе Скиѳы вели почти непрерывныя торговыя сношенія съ Греціею черезъ ея понтійскія колоніи Ольвію (при устьѣ Буга, около Николаева) и Боспоръ (Керчь), доставляя туда сырые продукты и получая предметы искусственнаго греческаго производства. Такая тысячелѣтіями установленная связь земель нынѣшней родиной Россіи съ высококультурною Греціей на зарѣ нашей исторіи принимаетъ

форму какого-то стихійнаго тяготѣнія. Съ привнесеніемъ въ среду будущихъ русскихъ-славянъ отъ южныхъ и сѣверныхъ народовъ искуства мореплаванія ихъ корабли неудержимо стремятся къ самому центру славнаго царства Рамсесъ, къ богатому Царьграду и ихъ торговые наѣзды естественнымъ образомъ связываются съ военными походами, такъ что образовалась какъ будто рокова традиція, по которой всѣ наши князья до Ярослава Владиміровича включительно ходили войною на Византію (впрочемъ всѣ, г-а ѣздила съ мирными цѣлями) Изъ описаній Константина Багрянороднаго и договоровъ первыхъ кіевскихъ князей съ греками получается живое представленіе о томъ, до какой степени ежегодные экономическіе обороты новгородско-кіевскаго государства къ X-му вѣку привыкли правильно функціонировать только при условіи византійскаго рынка, важное значеніе котораго вы для себя князья старались отстаивать всяческими средствами. Князья, собравъ во время зимнихъ объѣздовъ съ подвластныхъ имъ славянскихъ племенъ большую дань натурою, нагружали ею цѣлый караванъ рѣчныхъ судовъ, приготовлявшихся съ разныхъ концовъ тотчасъ по вскрытіи рѣкъ къ Кіеву, и направляли его по весеннему половодью Днѣпромъ и Чернымъ моремъ прямо въ греческую столицу. Къ княжескому каравану съ преобладающимъ варяжскимъ составомъ экипажа, который носилъ названіе послов̆ъ, присоединялись и суда частныхъ торговцевъ, такъ наз. гостей, вѣроятно славянъ изъ г.г. Кіева

Чернигова, Переяславля, Смоленска и др. Прибывш[ие]
останавливались у „св. Мамы"; такъ назывался
монастырь св. Маманта (Μάμας, -αντος) и распо-
ложенное около него предмѣстье столицы, нахо-
дившійся, по вѣроятнѣйшему разслѣдованію, на
берегу Босфора выше Золотаго Рога (Ѳ. Успенскій.
Лѣтоп. Историк.-фил. при Новоросс. Унив. II Визант.
отд. I, 1892), внутрь котораго осторожные греки
очевидно не хотѣли впускать вооруженную фло-
тилію чужестранцевъ. Въ продолженіе шести
мѣсяцевъ русскіе оставались здѣсь и производи-
ли свою торговлю, живя на привилегирован-
номъ положеніи — весьма достаточный срокъ
для того, чтобы ознакомиться съ бытомъ и ре-
лигіей византійцевъ. Особыми посредниками въ
этомъ знакомствѣ для нихъ могли служить
ихъ земляки, вѣроятно иногда въ одиночку оста-
вавшіе въ царствующемъ градѣ для торговли,
а также таврическіе руссы, служившіе по най-
му въ придворной гвардіи (этеріи = ἑταιρεία); о
нихъ есть упоминаніе уже въ 854 г., затѣмъ
въ олеговомъ договорѣ 911 года и въ соч. имп. Кон-
стантина „De ceremoniis"; по свидѣтельству
послѣдняго всѣ эти руссы были крещены.x)
Крестившіеся русскіе должны были имѣть
здѣсь свой приходскій центръ, который и по-
старались усмотрѣть нѣкоторые ученые
(Schlumberger; Успенскій) для эпохи X в. въ од-
номъ документѣ 1361 года, гдѣ говорится о
монастырѣ Варяжской Богоматери (Θεοτόκ[ου]

---

x) Изъ его же сочиненій узнаемъ еще, что въ крит-
скомъ походѣ участвовала русская эскадра въ 700
человѣкъ экип.; въ италіанск. пох. 936 г. упоминается
415 р.; въ другомъ критскомъ п. 949 г. участвовало 9 русск.
судовъ и на нихъ было 629 человѣкъ.

οςος τῆς Βαρδυγιωτίσσης), находившемся въ XIV
столѣтіи позади алтаря св. Софіи. Но архе-
ологи (Кондаковъ) предупреждаютъ, что за та-
кими названіями какъ Παναγία Καστελλιώτισσα,
Παναγία Βαρδυγιώτισσα скорѣе всего скрываются
я мелкія техническія отличія въ изображе-
ніяхъ Богоматери, которыя различали иконо-
писцы, чѣмъ серьезные историческіе факты. —
По истеченіи лѣтняго сезона торговая компа-
нія русскихъ обязана была возвращаться
обратно, слушая цѣлямъ греческаго вывоза.
Но если съ великими затрудненіями, описан-
ными у К. Порфиророднаго, русскіе сплавляли
свои суда черезъ днѣпровскіе пороги по теченію
разливу, то едва ли возможно было проводить
свой грузъ черезъ эти препятствія по низкой
осенней водѣ и сверхъ того еще противъ тече-
нія, а волокъ равнялся бы верстамъ 80-ти. Это
соображеніе и нѣкоторыя документальныя
свидѣтельства заставили изслѣдователей на-
правлять обратныхъ русскихъ гостей изъ Царь-
града другимъ, болѣе удобнымъ путемъ, суще-
ствовавшимъ еще въ XVIII в. (Брунъ. Записк. Одес.
общ. ист. т. V; Иловайскій. Разысканія) черезъ Бос-
форъ Киммерійскій т. е. Керченскій проливъ въ
Азовское море и оттуда по рр. Міусу, кратко-
му волоку, по Волчьей водѣ, притоку Самары,
и этой послѣдней въ Днѣпръ. Важно здѣсь
то, что кіевскіе люди ходили, такимъ обра-
зомъ, черезъ древнюю русскую землю: черезъ Бос-
форъ и Тамматарху. Здѣсь черноморскіе рус-
сы-варяги смѣшались съ варягами кіевски-
ми и отправлялись на службу къ богатому

И. д. доц. Ант. Карташовъ

Л. VIII Русская ц. исторія

Лит. Богдановой Зин.

и смѣнившему кіевскому князю, каковымъ, по свидѣтельству араб. писателя Ал-Массуди, былъ уже Диръ. Этимъ притяженіемъ къ молодому, могущественному государственному центру въ Кіевѣ, управляемому единоплеменниками для черноморскихъ русскихъ варягами, и объясняется, вѣроятно, оскуденіе [illegible] тмутараканской Руси. Здѣсь, можетъ і открыться и секретъ того неоспоримаго факта, что имя Русь, принесенное по лѣтописному представленію забалтійскими варягами, утвердившими свою власть въ Изборскѣ, Ладогѣ и Бѣлоозерѣ, почему то однако осталось чуждымъ нашему сѣверу и, наоборотъ, крѣпко привилось на югѣ, ставъ сначала индивидуальнымъ прозваніемъ для кіевскихъ князей и ихъ варяжской дружины; оно было въ Кіевѣ прямымъ наслѣдіемъ, усвоеннымъ „матери русскихъ городовъ" пришлыми княжескими дружинниками отъ ихъ древней метрополіи — Тмутаракани. Доброе наслѣдіе Тмутараканской Руси заключалось и въ усиленіи черезъ пришельцевъ христіанскаго элемента среди правящихъ варяжскихъ классовъ Кіевскаго государства. Поэтому массовое крещеніе таврическихъ русскихъ, съ учрежденіемъ у нихъ епископской каѳедры должно быть разсматриваемо къ событіе важн

*) Такъ что для полноты представленія о нашемъ историческомъ прошломъ дозволительно, кажется, усматривать не два, а уже при отношеніи государственнаго центра и сообразно съ этимъ насчитывать четыре періода русской государственной исторіи I) Тмутараканскій II, Кіевскій III, Московскій IV, Петербургскій

то своимъ посаждениемъ и для Кіева.

Вотъ какой длинный рядъ соображеній, основанныхъ на уясняемыхъ гражданскими исто-рикали отношеніяхъ Руси черноморской и Руси кіевской, даетъ возможность желающимъ отста-ивать преданіе объ участіи Аскольда и Дира въ походѣ на КП-оль въ 860 году въ качествѣ главно-командующихъ не иначе какъ надъ соединен-ными силами той и другой Руси и объ участі-ихъ въ последовавшемъ затѣмъ принятіи гре-ческой вѣры. Единственное положительное сви-дѣтельство о христіанствѣ Асколода и Дира можно видѣть въ сообщеніи лѣтописца о томъ, что въ его время нѣкій Ольма поста-вилъ на Аскольдовой могилѣ церковь во имя св. Николая, при чемъ присоединяютъ догадку, что это было христіанское имя Асколода. Аргументъ этотъ, однако, и не надеженъ и да-етъ возможность какъ разъ обратнаго истол-кованія: во первыхъ, по объясненію того же лѣ-тописца, Ольма построилъ себѣ домовую цер-ковь надъ могилой Аскольда (разумѣется, возвы-шеннымъ холмикомъ) просто потому, что она находилась на его дворѣ, а во вторыхъ, м. б., по тому же самому, почему св. Владимиръ велѣлъ ставить первыя церкви „по мѣстамъ идеже (прежде) стояху кумиры" т. е. въ знакъ торжества христіанства надъ язычествомъ.

Но это только одинъ частный выводъ изъ всѣхъ вышеизложенныхъ соображеній о свя-зяхъ двухъ центровъ Руси: мы приводили ихъ собственно въ болѣе широкихъ цѣляхъ: въ цѣляхъ пониманія дальнѣйшей, доходив-

ной исторіи христіанства въ Кіевѣ. Именно те-
перь насъ уже не долженъ удивлять тотъ фак[тъ],
что спустя нѣсколько десятилѣтій, пада-
ющихъ на княженіе Олега (879-912г.), въ оффиці-
альномъ документѣ Игорева правленія (912-945)
т.е. въ договорѣ съ греками 945г. предъ нами
выступаетъ существующая въ Кіевѣ многочис-
ленная, полноправная и даже господственная
партія варяго-русскихъ христіанъ. Русь, какъ сто-
рона договаривающаяся, согласно тексту до-
кумента распадается на двѣ партіи: кре-
щенную и некрещенную. „Иже, говорится здѣсь,
помыслитъ отъ страны русскія разрушити
таковую любовь, и елико ихъ крещеные пріяли
суть, да пріимутъ месть отъ Бога Вседержи-
теля.... и елико ихъ не крещено есть, да ни
имутъ помощи ни отъ Бога, ни отъ Перуна,
и далѣе тѣже выраженія: „ли крещенъ-ли
некрещенъ", „ли хрестеянъ-ли нехрестеянъ."
Въ заключеніе послы русскіе говорятъ о себѣ:
„мы же, елико насъ крестилися есмы, кля-
хомся церковью святого Ильи въ сборнѣй
церкви, и предлежащемъ честнымъ крестомъ
и харатьею сею, хранити все еже есть напи-
сано на ней.... а некрещенная Русь да пола-
гаютъ щиты своя ..... и прочая оружія, да
клянутся о всемъ, яже суть написано на
харатьи сей." Такое открытое признаніе
христіанской партіи, при господствѣ на
Руси языческой религіи, не иначе должно объ-
яснять, какъ по крайней мѣрѣ ея весьма
значительнымъ количествомъ, и лѣтописецъ
прямо подтверждаетъ это, говоря, что въ Ту-

ору въ Кіевѣ „мнози бѣша варязи христіане." Но
ксть договора говоритъ еще о большемъ: кре-
щенные всюду поставлены на первомъ мѣстѣ;
что уже означаетъ не полноправность только
русскихъ христіанъ, а и превосходство ихъ
надъ некрещенными. Христіанской партіи, пови-
димому, принадлежало и все веденіе переговоровъ
ъ греческимъ правительствомъ. „Мы же елико
насъ крестилися есмы"... выражаются особѣ
ступающіе въ договоръ русскіе-христіане, а
язычникахъ въ третьемъ лицѣ (какъ бы прене-
брежительно): „а не крещенная Русь полагаютъ
щиты своя"... Помимо этого само собою напраши-
вается выводъ, предъ которымъ и не отступа-
етъ проф. Голубинскій, „что долженъ быть отне-
сенъ къ числу сторонниковъ христіанства, или
къ числу христіанъ внутреннихъ самъ великій
князь т.е. Игорь: будь великій князь на сто-
ронѣ язычниковъ, онъ терпѣлъ бы христіанъ,
о уже ни въ какомъ случаѣ не предоставилъ
ы имъ преобладанія; ибо иначе его поведеніе
было бы совершенною и невозможною безсмы-
слицей." Не слѣдуетъ забывать того, что Игорь
былъ женатъ на Ольгѣ, а ея внутренняя при-
надлежность къ христіанству за время су-
пружеской жизни съ Игоремъ едвали подле-
житъ сомнѣнію.*) Противъ рѣшительнаго

Въ объясненіе того, почему же въ такомъ случаѣ
орь не сдѣлался религіознымъ реформаторомъ
ссіи, можно указать на относительную непроч-
ость его положенія въ Кіевѣ, какъ одного изъ пер-
ыхъ государей пришлой династіи, еще не сдѣ-
лавшейся для славянскихъ подданныхъ „своею",

столь широкихъ выводовъ, извлекаемыхъ изъ договора 945 г., предостерегаютъ напоминаніемъ, что документъ этотъ редактированъ греками: отсюда и предпочтеніе крещенныхъ некрещенникамъ (Соболевскій, Малышевскій). Но грекамъ здѣсь всего приписать нельзя; ихъ редакція была таковa именно потому, что могла быть принята княземъ и отражала дѣйствительное положеніе религіозныхъ отношеній въ Кіевѣ. Справедливо замѣчаютъ, что множество христіанъ при Игорѣ явилось въ Кіевѣ не ех abrupto, что они были тамъ и въ предшествующее княженіе Олега (879-912), потому что существовали вызвавшія ихъ причины, а между тѣмъ въ договорѣ 912 года, также редактированномъ греками, о Руси христіанской хранится полное молчаніе: очевидно для строгаго язычника Олега въ противоположность Игорю ея оффиціально не существовало.

Отвѣтъ на вопросъ, какимъ образомъ такъ сильно христіанизировался въ данный моментъ Кіевъ и откуда появились здѣсь „мнози варязи христiане"? надѣемся, ясенъ изъ предыдущаго: это — звавшіеся въ Византіи по дѣламъ торговымъ и военнымъ,x) и

въ противоположность времени св. Владиміра, когда вел. князь сталъ для народа своимъ человѣкомъ, которому онъ могъ простить посягательства на вѣру отцевъ.

x) Такъ, напр., по заключеніи договора 912 г. къ разсказываетъ наша лѣтопись, „царь Леонъ

пришельцы изъ Византіи со службы при импе-
раторскомъ дворѣ на службу къ родному кня-
зю, это — пришельцы изъ Тмутараканской Руси.
Одно положительное свидѣтельство, правда нѣ-
сколько позднѣйшаго времени — 983 года говоритъ,
что сдѣлавшійся жертвою языческаго фана-
тизма „Варягъ пришелъ изъ Грекъ и держаше
вѣру крестеяньску".

Съ источникомъ христіанства кіевскихъ
Варяговъ связываютъ и разъясненіе вопроса о
соборной церкви св. Иліи, въ которой крещеная
Русь приносила свою клятву. О ней упоминает-
ся въ договорѣ дважды и при томъ такимъ
образомъ, что въ первомъ, не совсѣмъ яснымъ
случаѣ, она представляется церковью КП-льскою,
во второмъ и вполнѣ вразумительномъ — цер-
ковью Кіевскою. Многіе видятъ здѣсь двѣ различ-
ныхъ церкви, тѣмъ болѣе, что въ КП-лѣ въ то
время дѣйствительно была церковь св. Иліи.

почти послы русскіе дарми, златомъ и паволока-
ми и фофудьями (ἐσύδα = χλαμὺς βασιλική χρυσῆ), и
приставити къ нимъ мужи свои показати имъ цер-
ковную красоту и полаты златыя и въ нихъ су-
щаа богатства, злато много и паволоки и
камене драгое, и страсти Господня, и вѣнецъ
и гвоздие, и хламиду багряную, и мощи святыхъ,
учаще я къ вѣрѣ своей и показующе имъ
истинную вѣру." Хотя цѣль грековъ при-
томъ видимо была иные той, какую при-
писываетъ имъ нашъ лѣтописецъ, но ре-
зультатъ могъ быть вполнѣ согласный
съ его догадкою.

Въ такомъ случаѣ предполагаютъ, что КП-льская церковь, бывшая въ распоряженіи крещенныхъ варяго-руссовъ, послужила прототипомъ и матеріею такой же церкви въ Кіевѣ, устроенной варягами пришельцами изъ Царьграда.

Названіе кіевской церкви св. Иліи „соборною" слѣдуетъ понимать, конечно, согласно съ тогдашнимъ греческимъ словоупотребленіемъ. Καθολική ἐκκλησία у грековъ означала или каѳедральную, епископскую церковь,[x)] или церковь мірскую, не монастырскую, куда не дозволялось входить женщинамъ;[xx)] или церковь общественную, приходскую, а не домовую. Къ Кіеву всего скорѣе приложимъ послѣдній смыслъ. Разъ многіе варяги были христіане — то, какъ люди богатые, они, слѣдуя очень распространенному тогда у грековъ обычаю имѣли у себя въ Кіевѣ, конечно не мало домовыхъ церквей, а одинъ храмъ общій, приходскій — это и есть „соборная церковь св. Иліи".

Итакъ, на порогѣ нашей христіанской исторіи, какъ и государственной, лежитъ тотъ соблазнительный фактъ, раздѣляющій между собою сердца славянофиловъ и западниковъ, что иниціаторами и предтечами духовнаго возрожденія славяно-русскаго народа являются нѣ-

x) Такъ какъ у грековъ не было города, гдѣ бы не было епископа, то у нихъ въ каждомъ городѣ былъ и „соборъ-καθολική ἐκκλησία" не въ номинальномъ только смыслѣ. Потрачательное у насъ это названіе, слѣд., говоритъ о вдовствѣ большинства русскихъ соборовъ.

xx) Зная этотъ смыслъ термина καθολική ἐκκл., переводч-

не иноплеменные намъ пришельцы варяго-руссы, которыхъ и въ политическомъ отношеніи, по выраженію поэта, „русская земля подъяла." Ихъ роль въ этомъ случаѣ не мимолетна, а продолжается до самаго момента всеобщаго крещенія русскаго народа. Съ перваго раза можетъ показаться, что грубымъ, воинственнымъ норманнамъ совсѣмъ не къ лицу почтенная роль христіанизаторовъ нашихъ предковъ. Это и дало поводъ преосвящ. Филарету къ ироническому замѣчанію: „Да, если Варяги-Норманны, а Норманны не болѣе какъ морскіе разбойники: то характеръ варяговъ - прекрасный проводникъ христіанства; только отъ нихъ Русскіе и могли научиться христіанству!" (т. I с. 12-13, 1-е изд.) x) Слова его, однако - плодъ недоразумѣнія. Именно воинственная скитальческая жизнь варяговъ и дѣлала ихъ относительно развитыми, ставила въ разрядъ людей болѣе воспріимчивыхъ къ культурѣ и религіи народовъ христіанскихъ, а оторванность отъ родной почвы облегчала имъ разрывъ съ старой вѣрой.

Но не приносили-ли насъ варяги западнаго христіанства съ своего норманскаго сѣвера? Положительныхъ извѣстій о томъ не имѣемъ; а priori можно, конечно, предположить единичные случаи этого рода послѣ того какъ со II/4 IX в. оно начало тамъ не быстро распространяться. Но эти единицы дол-

---

...икъ Святославова Сборника и передалъ его словами: ...обышная церкы"

x) Впослѣдствіи онъ самъ отказался отъ своего мнѣнія (Рус. св. Ч. с. 36.)

ины были теряться въ массѣ христіанъ греческаго происхожденія и безъ труда сливаться съ ними въ ту эпоху относительнаго безразличія востока и запада въ вѣроисповѣдномъ отношеніи. Только съ теченіемъ времени, въ XI вѣкѣ, когда въ Скандинавіи сдѣлалось общепринятымъ латинство, а у насъ организовался греческій обрядъ, появилось понятіе объ особой „варяжской вѣрѣ." Но и тогда ея представители еще сравнительно легко ассимилировались съ русскимъ православіемъ, по скольку можно судить по примѣру Шимона варяга, „оставившаго", по разсказу Кіево-печерскаго патерика, „латинскую буесть и принявшаго истинную вѣру Господню со всѣмъ домомъ своимъ, съ дружиною въ числѣ яко три тысячи душъ и со іереи своими." Поэтому мнѣніе, будто уже при св. Владимірѣ кіевскіе варяги христіане были латинянами, что и заставило его добывать изъ Корсуни священниковъ и свящ. сосуды для устроенія русской церкви (Лященко. Замѣтки о соч. Феодосія, писателя XII в. СПб. 1900 г. с. 20), основано на крайнемъ преувеличеніи возможнаго единичнаго явленія и на неясномъ представленіи всей предшествующей исторіи кіевскаго христіанства и тѣхъ путей, какими оно распространялось здѣсь изъ своихъ источниковъ — Византіи и Таматархи. Приведеніе же Владиміромъ изъ Корсуня священниковъ объясняется просто тѣмъ, что для такого обширнаго дѣла, какъ крещеніе цѣлаго народа и повсемѣстнаго устроенія приходской жизни, требовалось возможно

большее количество священниковъ, при чемъ, конечно, можно предполагать, что кіевскіе варяжскіе священники, привыкшіе къ своему „русскому" богослуженію*), непонятному для народа, въ миссіонерскомъ дѣлѣ Владиміра и дѣйствительно не играли первостепенной роли, какая по всей вѣроятности принадлежала священникамъ болгарскимъ. Но возвратимся къ прерванному повѣствованію.

По смерти Игоря, за малолѣтствомъ Святослава дѣлами русскаго государства управляла **Ольга** (съ 945 по 957 приблиз. год.), первая великая княгиня, принявшая христіанство. Укрѣпленіе и возрастаніе при ней христіанства въ Кіевѣ поэтому предполагаются сами собою. Обращеніе въ христіанство в. кн. Ольги достаточно было бы объяснять ея выдающимся умомъ, съ какимъ является она въ лѣтописныхъ преданіяхъ („яже бѣ мудрѣйши всѣхъ вѣкъ" говорятъ о ней Владиміровы бояре). Мудрая жена не могла остаться равнодушной и невоспріимчивой къ вѣрованіямъ христіанской половины высшаго варяжскаго общества. Впрочемъ нѣкоторое объясненіе ея предрасположеній къ христіанству можно было бы находить въ самомъ ея происхожденіи; если бы вопросъ о немъ окончательно былъ рѣшенъ. До послѣдняго времени царило одно, никѣмъ подробно не раскрытое, мнѣніе, заимствованное изъ лѣтописей, и житій, составленныхъ въ XVI в., что Ольга была „псковитяни" т. е. изъ сѣверно-русскаго г. Пскова отъ рода воряжскаго. Но въ юбилейномъ 1888 годѣ архим. Леонидъ выступилъ съ новымъ мнѣніемъ (Рус. стар. іюль). Въ одномъ лѣтописцѣ

Примѣч. *) По Голубинскому кіевскіе христіане совершали богослуженіе, конечно, на готскомъ яз.

конца XV вѣка, писаннымъ вѣроятно во владимирской землѣ, среди нѣсколько новыхъ варіантовъ нашелся и слѣдующій: „Игоря же жени (Олегъ) въ Болгарѣхъ, пояша же за него княжну именемъ Ольгу.“ Архим. Леонидъ заключилъ отсюда, что руская традиція о псковскомъ происхожденіи Ольги получилась въ результатѣ смѣшенія старинной болгарской Плискувы, лежавшей на военной дорогѣ между Доростоломъ и Преславою, откуда и привелъ Игорю жену Олегъ во время своихъ походовъ на Византію, съ позднѣе построеннымъ самой же Ольгой въ памятъ ея родины рускимъ г. Псковомъ (Плесковомъ); при этомъ предполагается, что Олегъ назвалъ болгарскую княжну своимъ варяжскимъ именемъ въ женской формѣ. Никто не умѣлъ такъ согласовать традиціонныя воззрѣнія руской исторіи съ послѣдними выводами науки какъ покойный проф. Ив. Игн. Малышевскій. Но въ данномъ случаѣ онъ всецѣло всталъ на защиту стариннаго мнѣнія. Въ обстоятельной статьѣ (Кіевск. Стар. 1889 г. Іюль - августъ) онъ доказывалъ какъ древность самаго Пскова рускаго, уже существовавшаго въ 903 году, когда приведена была къ Игорю Ольга, такъ и опредѣленность представленія о немъ всѣхъ русскихъ лѣтописцевъ, какъ именно о рускомъ городѣ; затѣмъ - сгруппировалъ всю сумму данныхъ о родовыхъ отношеніяхъ Олега къ Игорю, откуда получаетъ большую вѣроятность мысль о томъ, что Ольга взята была изъ семьи родственниковъ Олега, владѣвшихъ Изборскомъ и Плесковымъ и что бракъ этотъ устроенъ былъ мудрымъ Олегомъ въ цѣ-

лямъ упроченія нововозникавшей династіи преднамѣренно, такъ какъ по расчету годовъ Ольга взята была за 25 лѣтняго Игоря недорослой, не болѣе какъ 10-лѣтней дѣвочкой. Въ заключеніе профессоръ предполагалъ: не простая ли тутъ ошибка во владимірскомъ лѣтописцѣ и не замѣнено ли здѣсь выраженіемъ „въ Болгарѣхъ" древнее чтеніе „въ Боларѣхъ", какъ это случилось съ даннымъ словомъ въ одномъ разсказѣ Кіево-печерскаго патерика, а если не такъ, то не простой ли это домыслъ поздняго книжника, примѣръ каковаго можно видѣть въ одной краткой лѣтописи, писанной въ XVII вѣкѣ. (Сборн. Им. П. Б.) Именно послѣ разсказа о походѣ Олега на Царьградъ, въ ней говорится „и послѣ женился князь Игорь Рюриковичъ во Плескове, поя себѣ княжну Ольгу, дщерь Тмутаракана, князя Половецкаго." Но приведенная цитата, наоборотъ, показалась весьма многозначительной о. Леониду: онъ усмотрѣлъ въ ней (въ отвѣтн. статьѣ Кіевск. Стар. 1889 г. октябрь) отголосокъ древняго свидѣтельства о болгарскомъ происхожденіи Ольги, неумѣлую поправку первоначальнаго предполагаемаго чтенія: „Послѣ женись князь Игорь Рюриковичъ въ Тмутараканѣ, поя себѣ княжну Ольгу, дщерь князя тмутараканскаго!" „Лѣтописецъ XVII вѣка", замѣчаетъ о. Леонидъ, „не понявъ смысла этого извѣстія вздумалъ пояснить его слѣдующимъ образомъ: онъ вмѣсто „въ Тмутараканѣ" поставилъ „въ Плесковѣ," но по добросовѣстности не выключилъ вовсе слова Тмутараканъ (инстинктивно понявъ, что оно въ этомъ извѣстіи имѣетъ ка-

кое то выдающи значеніе), а только изъ хорографическаго термина сдѣлалъ имя собственное; вмѣсто же князя „тмутараканскаго" поставилъ (по догадкѣ) „половецкаго", чтобы избѣгнуть повторенія одного и того же слова, уже измѣненнаго имъ въ своемъ значеніи." Выводъ отсюда тотъ, что Ольга взята изъ Болгаріи, но не дунайской, а приазовской или такъ наз. Черной Болгаріи, прилегавшей къ Тмутаракани. Вопросъ о Плесковѣ о. архимандритъ, въ этой статьѣ совсѣмъ выключаетъ изъ числа спорныхъ пунктовъ даннаго спора, выражая свое убѣжденіе въ томъ, что внесеніе имени Плескова, какъ родины Ольги, въ древнюю лѣтопись произошло не ранѣе XIII в., такъ какъ въ древнихъ проложныхъ житіяхъ св. Ольги нѣтъ ни одного слова о происхожденіи ея изъ Пскова. Для нашей цѣли новыя теоріи о происхожденіи кн. Ольги грозятъ, такимъ образомъ, принести даже излишнюю услугу. При нихъ намъ придется объяснять не христіанство, а язычество Ольги. Несомнѣнный фактъ, что Ольга родилась и до своего крещенія уже въ преклонномъ возрастѣ была язычницей, но едва ли мыслимо было бы найти въ X в. княжну-язычницу въ дунайской Болгаріи, гдѣ христіанство съ II/2 IX в. было господствующей религіей, не легко — и въ черной Болгаріи, нѣсколько вѣковъ знакомой съ христіанствомъ, а особенно въ такомъ центрѣ какъ Тмутаракань. Итакъ, во всякомъ случаѣ, благопріятныхъ условій облегчающихъ обращеніе вел. кн. Ольги въ христіанство находится достаточно. Неяснымъ только остается вопросъ:

когда и гдѣ она крестилась?

Наша лѣтопись подъ 955 годомъ помѣщаетъ цѣлую повѣсть о крещеніи Ольги въ Цареградѣ. Греческій царь, при встрѣчѣ съ Ольгою плѣнился ея красотой и умомъ и откровенно заявилъ ей: „подобна еси царствовати въ градѣ с нами". Ольга, понявъ къ чему клонитъ эта рѣчь, отвѣчала: „азъ погана есмь, да аще мя хочеши крестити, то крести мя самъ; аще ли ни, то не крещуся." И царь крестилъ её вмѣстѣ съ патріархомъ, назвавъ её Еленою. Послѣ этого царь позвалъ къ себѣ Ольгу и не обинуясь заявилъ: „хощю тя пояти собѣ жену." Но Ольга, повидимому, оказалась на высотѣ своего положенія, какъ носительница необыкновеннаго ума, который въ ту пору отождествлялся съ хитростью, и обезоружила императора слѣдующимъ вопросомъ: „како хощеши мя пояти, крестивъ мя самъ и нарекъ мя дщерею, а въ хрестеянехъ того нѣсть закона, а ты самъ вѣси?" „Переклюкала мя еси Ольга", отвѣчалъ перехитренный императоръ, и, одаривъ Ольгу многими дарами, отпустилъ, „нарекъ ю дъщерью собѣ." Византійскіе лѣтописцы Кедринъ (XIв.) и Зонара (XIIв.), русскій инокъ Іаковъ (XIв.) и одинъ западный лѣтописецъ (продолжатель Регинона), современникъ Ольги, также говорятъ, что она крестилась въ КП-лѣ. Но уже давно замѣчено странное, наводящее серьезную тѣнь сомнѣнія на этотъ фактъ обстоятельство, что имп. Константинъ Порфирородный въ своемъ „Изложеніи церемоній византійскаго двора — Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τάξεως," подробно описавъ произведен-

ный имъ лично пріемъ княгини Ольги, ни единымъ словомъ ни обмолвился о ея крещеніи. Кстати сказать, изъ этого описанія съ несомнѣнностью открывается, что Ольга была въ КП-лѣ въ 957 г., потому что отмѣченные дни ея пріема во дворцѣ — 9 сентября въ среду и 18 октября въ воскресенье — за все царствованіе Константина (945-959) приходилось въ такомъ сочетаніи дня и числа только на 946 и 957 годъ; но къ первому году нельзя пріурочивать событія въ виду нѣкоторыхъ показаній описанія относительно членовъ царской семьи. Софистическое объясненіе молчанія имп. Константина о крещеніи русской княгини его спеціальною цѣлью — описывать въ обрядникѣ только придворныя церемоніи — крайне неудовлетворительно. Наоборотъ нужно думать, что крещеніе такой высокопоставленной особы, должно было бы только исключительнымъ образомъ осложнить придворныя церемоніи и дать поводъ къ прямому объясненію такого осложненія. Между тѣмъ пріемъ Ольги, по указанію самого описателя, скопированъ съ предыдущаго пріема сарацинскихъ пословъ и не заключаетъ въ себѣ ничего особеннаго[2]. Поэтому Голубинскій и утверждаетъ, что говорить о крещеніи Ольги въ Царградѣ мы не имѣемъ права: она крестилась раньше этой поѣздки дома, въ Кіевѣ, и присутствіе въ ея свитѣ пресвитера Григорія есть прямое доказательство ея принадлежности къ церкви; а такъ какъ, по свидѣтельству, монаха Іакова она пожила въ христіанствѣ 15 лѣтъ, то, вычитая ихъ изъ года ея смерти — 869, получаемъ 854-годъ

я крещенія. Но мы не думаемъ соглашаться
съ выводомъ почтеннаго ученаго, который совсѣмъ
не объясняетъ намъ причины предполагаемаго
заблужденія лѣтописцевъ, особенно западнаго
современника Ольги, который, какъ увидимъ ни-
же, могъ имѣть самое близкое отношеніе къ
Кіеву, или къ лицамъ тамъ бывшимъ. Безу-
словно, конечно, справедливо то, что „обрядникъ"
им. Константина служитъ опроверженіемъ на-
шего лѣтописнаго сказанія, по которому отно-
шенія этого императора къ Ольгѣ предста-
вляются излишне-симпатичными. Въ опи-
саніи Константина, наоборотъ, совершенно не-
замѣтно никакихъ духовно-отеческихъ отношеній
его къ юной христіанкѣ. Наоборотъ оно все про-
никнуто какой то холодной сдержанностью и
даже озаглавлено страннымъ образомъ точь
въ точь такъ, какъ надписаны рѣчи п. Фотія
по поводу враждебнаго нападенія русскихъ: εἰς
τὴν ἔφοδον τῶν Ῥῶς т. е. „на нашествіе Руси". Есть
и еще подозрительные признаки въ этомъ родѣ.
Ольга принималась во дворцѣ осенью. Между тѣмъ
обычнымъ временемъ прибытія въ КП-ль русскихъ
былъ конецъ іюня и начало іюля мѣсяцы. Оль-
га безъ сомнѣнія прибыла туда вмѣстѣ съ
своими караванами; иначе ей пришлось бы со-
брать новую вооруженную охрану, чтобы про-
биться черезъ кочевья печенѣговъ. Значитъ ей
пришлось не одинъ мѣсяцъ дожидать царска-
го пріема, и оптимистическій разсказчикъ-па-
тріотъ, авторъ повѣсти русской лѣтописи,
редставившій свою княгиню предметомъ особо-
естнаго вниманія императора, въ концѣ кн-

И. д. доц. Антонъ Карташовъ

л. IX. Русская ц. исторія

Лит. Толмачева Дрз. пер. 1.

цовъ проговорился объ этомъ. Когда Ольга возвратилась въ Кіевъ, то, повѣствуетъ онъ: „присла къ ней царь Греческій, глаголя: „яко много дарихъ тя; ты бо глаголаше ко мнѣ, яко аще возъвращюся въ Русь, многи дары прислю ти: челядь, воскъ и скъру и вои въ помощь." Но Ольга велѣла передать ему на это весьма язвительный отвѣтъ: „аще ты такожде постоиши у меня въ Почайнѣ, якоже азъ въ Суду, то тогда ти дамъ," и отпусти слы, се рекъши т.е. отпустила ихъ ни съ чѣмъ. Послѣ всѣхъ описанныхъ ухаживаній за нею императора и „нареченія дочерью себѣ" финалъ совсѣмъ неожиданный. Стало быть что-то не такъ и лѣтописецъ досель скрывалъ отъ насъ оборотную сторону медали. Очевидно двухмѣсячное стояніе въ Судѣ т.е. въ Босфорѣ, вѣроятно на русскомъ подворьѣ св. Маманта, въ ожиданіи пока устранятся всѣ дипломатическія препятствія и порфирородные соблаговолятъ принять варварскую княгиню предъ свои свѣтлыя очи, горькою обидою запало въ сердцѣ Ольги, питавшей широкіе, благородно честолюбивые замыслы. Что же, въ такомъ случаѣ, за причина такихъ затрудненныхъ или натянутыхъ отношеній между Ольгою и царскимъ дворомъ? Намъ кажется ее можно усматривать въ нѣкоторой притязательности самой русской княгини. Проф. Ө. И. Успенскій видитъ цѣль Ольгина посѣщенія КП-ля въ торговыхъ и земскихъ интересахъ; въ доказательство обращаетъ вниманіе на составъ ея свиты, принимавшейся во дворцѣ и награжденной подарками. „Изъ 88 человѣкъ, приглашенныхъ къ столу, было 44 торговыхъ людей, пом

по тогдашнему выраженію гостей, и 22 повѣрен-
ныхъ или пословъ отъ русскихъ бояръ (οἱ ἀποκρισι-
άριοι τῶν ἀρχόντων Ῥωσίας). Очевидно главнѣйшій
элементъ въ свитѣ былъ не военный, а торговый;
22 представителя отъ бояръ могутъ указывать
на такое же число городовъ и волостей, по которымъ
сидѣли подчиненные русскому князю правители.
Это — скажемъ мы, во первыхъ. Во вторыхъ, нужно
признать справедливыми слова Карамзина, что
„Ольга, плѣненная лучемъ сего новаго свѣта (т.е.
христ. лит.) захотѣла быть христіанкою, и сама
отправилась въ столицу имперіи и вѣры грече-
ской, чтобы почерпнуть ее въ самомъ источникѣ.“
Но дальнѣйшія похожденія Ольги, соединявшіяся
въ ея воображеніи съ актомъ крещенія, сво-
дятъ въ нашемъ лѣтописномъ повѣствованіи,
явно тенденціознымъ, сочиненнымъ, видимо, послѣ
постигшей Ольгу неудачи, какъ бы въ утѣшеніе
ей, можетъ быть тѣмъ же пресвитеромъ Гри-
горіемъ,*) въ цѣляхъ представленія дѣла предъ
неосвѣдомленными современниками и исто-
ріей въ такомъ видѣ, какъ было желательно
ей самой. Именно здѣсь мы видимъ, прежде
всего, желаніе ея — быть крещенной самимъ па-

---

*) Начальная лѣтопись составлена на основаніи мно-
гихъ такихъ отдѣльныхъ записей. Письменность
на руси кіевской существовала по крайней мѣрѣ
со времени появленія первыхъ христіанъ. Помимо
всего прочаго, о существованіи письменности гово-
рятъ непреложные документы: договоры съ греками
912 и 945 г. Писаны по славянски вѣроятно и русски-
ми и греческими буквами и, наконецъ, кириллицей,
заимствованной отъ болгаръ.

тріархомъ и воспринятой самимъ императоромъ, нареченія его духовной дочерью. Желаніе стать крестницей порфирородного было для Ольги не пустой, тщеславной мечтой, и единственнымъ тогда средствомъ выйти хоть и изъ княжескаго, но все нечернаго, въ глазахъ Византіи и Европы, тѣла, сбросить кличку варварства, и сдѣлаться настоящей европейской государыней, равноправного аристократкою въ кругу правителей просвѣщенныхъ христіанскихъ государствъ. Едва ли Ольга не мечтала, въ связи съ этимъ, и о больше осязательныхъ знакахъ собственнаго возвышенія, напр, о царскомъ титулѣ для себя и Святослава, подобно Симеону Болгарскому (888-927), обладавшему этимъ титуломъ. По крайней мѣрѣ Константинъ въ своемъ наставленіи наслѣднику престола пишетъ о такого рода заявленіяхъ: „знай, сынъ, что у всѣхъ сѣверныхъ народовъ существуетъ какъ будто отъ природы ненасытная жадность къ богатству, вслѣдствіе чего они все просятъ и за ничтожное дѣло требуютъ огромной награды. Поэтому, если когда нибудь или хозары, или турки, или русскіе или другіе какіе сѣверные и скиѳскіе народы, какъ часто случается, будутъ просить о присылкѣ себѣ императорскихъ одеждъ, коронъ или облаченій, то тебѣ нужно отговариваться такъ: „эти облаченія и короны сдѣланы не рукою человѣческою и не человѣческимъ умомъ изобрѣтены, но отъ Бога даны черезъ ангела Константину Великому съ тѣмъ, чтобы хранились они въ св. церкви Божіей и употреблять ихъ разрѣшено только публично и въ великій праздникъ І. Хр

такъ что изъ нихъ ничего и никому нельзя да-
рить." Наконецъ съ этими народами не слѣдуетъ
и вступать въ брачные союзы." Вѣроятно подоб-
ныя просьбы варваровъ имѣли иногда и болѣе
глубокія побужденія, чѣмъ какъ представляетъ
ихъ императоръ. На желанія Ольги въ этомъ
родѣ какъ будто намекаетъ и вложенное лѣ-
тописью въ уста императора предложеніе: „подоб-
на еси царствовати въ градѣ с нами", но по тенден-
ціозному разсказу, Ольга, конечно, великодушно от-
казывается отъ такой чести. Такимъ образомъ
въ головѣ Великой жены родился тотъ гранді-
озный планъ возведенія своей Руси въ достоинство
великой Европейской державы, какой осуществить
удалось только вел. кн. Владиміру. Прибывъ
въ Босфоръ, русская княгиня, вѣроятно, тотчасъ
же предъявила греческому двору твердо-формули-
рованный меморандумъ своихъ намѣреній
и желаній, гдѣ центральнымъ являлся пунктъ
о ея торжественномъ крещеніи и царскомъ вос-
пріемничествѣ. Отголосокъ такой формы сно-
шеній Ольги съ дворомъ слышится и въ слововы-
раженіи лѣтописнаго разсказа; характерна аль-
тернатива, поставленная Ольгой импера-
тору: „аще мя хощеши крестити, то кре-
сти меня самъ, аще ли ни, то не крещуся!"
Интересъ тутъ полагается не въ самомъ кре-
щеніи, а въ выполненіи поставленнаго условія,
черезъ которое и достигается намѣченная
цѣль, по разсказу довольно не высокая — пере-
хитрить императора — но все въ результа-
тѣ получается положительное для Ольги
благо-духовное родство съ императоромъ.

Претенціозность русской княгини, должно быть, непріятно озадачило византійскій дворъ и была причиной продолжительной проволочки, затянутой взаимной неуступчивостью, но закончившейся побѣдою двора. Гордость императорской семьи не допускала кумовства съ какой то русской княгиней. Ольгѣ оставалось принять крещеніе частнымъ образомъ, совершенно внѣ дворцовыхъ сферъ, что она и сдѣлала тогда же, по догадкѣ Малышевскаго, въ Варяжской или Русской церкви. Онъ даже допускаетъ участіе въ этомъ актѣ и п. Поліевкта и произнесеніе послѣднимъ поученія, приблизительно такого, какое приписывается ему въ лѣтописи, на томъ отдаленномъ основаніи, что Поліевкта сравнивали съ Златоустомъ, а Златоустъ, какъ извѣстно, ходилъ въ КП-лѣ въ готскую церковь и произносилъ поученія, которыя тотчасъ же и переводились народу устнымъ переводчикомъ. Такимъ образомъ пресвитеръ Григорій x), исполнявшій въ свитѣ Ольги по всей вѣроятности роль переводчика и секретаря, является въ то же время и свидѣтелемъ оглашеннаго состоянія вел. княгини, которое можно считать съ 954 г., чтобы быть въ согласіи съ

---

x) Нѣкоторые (Кн. М. Оболенскій, Д.В. Поленовъ) желаютъ отождествлять этого Григорія съ Григоріемъ „Пресвитеромъ всѣхъ церковникъ болгарскихъ церквей", извѣстнаго переводчика эпохи царя Симеона, переведшаго хронику Іоанна Малалы и как̃ думаютъ хронографа Георгія Амартола. Особенно это мнѣніе отстаиваетъ архим. Леонидъ въ своей первой статьѣ о болгарскомъ происхожденіи Ольги.

мнихомъ Іаковомъ, опредѣляющимъ періодъ христіанской жизни ея въ 15 лѣтъ, если только онъ не выходилъ въ своемъ счисленіи изъ невѣрнаго представленія о годѣ ея путешествія въ КП-ль близкомъ къ лѣтописному (955), что очень возможно.

Крестившись лично, Ольга однако не осмѣлилась произвести въ своемъ государствѣ религіознаго переворота очевидно потому, что не имѣла къ тому возможности. По смерти Игоря языческая партія дружинниковъ постаралась окружить своимъ вліяніемъ молодого наслѣдника престола Святослава и воспитать его по образу и подобію своему, благо онъ подавалъ къ тому блестящія надежды, которыхъ и не посрамилъ. Чѣмъ больше вырасталъ Святославъ, тѣмъ слабѣе становилось вліяніе Ольги и тѣмъ меньше можно было думать о переворотѣ. Поэтому свидѣтельство мн. Іакова о томъ, что Ольга, по возвращеніи изъ Цареграда „требища сокруши" нужно понимать въ ограниченномъ смыслѣ уничтоженія ихъ въ предѣлахъ ея собственныхъ дворцовъ и помѣстій. Вѣроятно Ольга строила какія нибудь церкви кромѣ своихъ домовыхъ, но достовѣрныхъ свидѣтельствъ о томъ не сохранилось. На основаніи одной загадочной приписки въ старинныхъ святцахъ (Въ тъже день священіе святыя Софья Кыевъ въ лѣто 6460-е т.е. 952-е) Татищевъ пустилъ мнѣніе, что Ольга построила въ Кіевѣ храмъ св. Софіи. Можетъ быть эта и есть та деревянная церковь св. Софіи, о которой упоминаетъ въ 1017 г. Титмаръ Мерзебургскій (по слав.

Межиборскій) и которая въ томъ же году сгорѣла по свидѣтельству нашей лѣтописи. Въ житіи св. Ольги, составленномъ на Москвѣ въ XVI в., есть пространный разсказъ о видѣніи бывшемъ ей на р. Великой надъ мѣстомъ будущаго г. Пскова, послѣ чего, возвратившись въ Кіевъ, она „посла много злата на Плескову рѣку (кому въ такую глухую языческую пору?) на созиданіе церкви св. Троицы." Упорное преданіе заставляетъ думать, что Ольга имѣла какія то связи съ этой землей, и если можно сколько нибудь повѣрить свидѣтельству Никоновской лѣтописи, что село Будутино (нынѣ Лыбуты въ 12 верстахъ отъ Пскова вверхъ по теч. р. Великой) было личнымъ имѣньемъ вел. княгини, то станетъ возможнымъ, что она оставила здѣсь по себѣ память устроеніемъ какой нибудь христіанской церкви, а впослѣдствіи изъ зерна темнаго преданія, объ этомъ не замедлилъ выроста пышный цвѣтокъ легенды.

Въ связи съ впечатлѣніями Ольги, вынесенными изъ Константинопольской поѣздки, мы рѣшаемся разсматривать и весьма загадочный фактъ ея посольства, отправленнаго въ 959 г. къ нѣмецкому императору Оттону I Великому. Русская лѣтопись не знаетъ объ этомъ фактѣ; о немъ говоритъ цѣлый рядъ надежныхъ западныхъ лѣтописцевъ. Древнѣйшее показаніе, записанное современникомъ, продолжателемъ хроники Регинона, слѣдующее: „въ лѣто воплощенія Господня 959.... послы Елены, княгини Руговъ, которая при Романѣ, имп. КП-льскомъ, крещена была въ КП-лѣ, притворно,

какъ послѣ оказалось, приходили къ императору просили поставить епископа и пресвитеровъ этому народу. (= legati Helenae reginae Rugorum, quae sub Romano imp. C. P. Constantinopoli baptizata est, ficte, ut post claruit, ad regem venientes, episcopum et presbyteros eidem genti petebant.). 960 г. императоръ Рождество Христово праздновалъ въ Франкфуртѣ, гдѣ Либуцій изъ киновитовъ св. Альбана посвященъ былъ въ епископа для народа Руговъ. 961 г. Либуцій, въ предшествующемъ году задержанный нѣкоторыми обстоятельствами, 15 марта умеръ, и преемникомъ ему во епископствѣ, для отправленія на чужбину, назначенъ Адальбертъ изъ киновитовъ св. Максимина, — назначенъ по интригамъ и навѣту архіепископа Вильгельма, хотя онъ ни въ чемъ противъ него не погрѣшилъ и наилучшимъ образомъ былъ преданъ ему. Благочестивѣйшій императоръ, снабдивъ Адальберта съ обычною ему щедростію всѣмъ нужнымъ, съ честію отправилъ. 962 г. Адальбертъ, посвященный во епископа для Руговъ, не могши успѣть ни въ чемъ, для чего былъ посланъ, и видя свой трудъ тщетнымъ, возвращается, и, тогда какъ нѣкоторые изъ его спутниковъ были убиты, самъ онъ съ большимъ трудомъ едва спасся и, прибывши къ императору былъ принятъ имъ съ любовію." Въ имени „Руги" историки не сразу признали Русскихъ, а постарались отыскать настоящихъ Руговъ — въ лицѣ жителей острова Рюгена. По странной случайности нашлась около тѣхъ мѣстъ и нѣкая Choswilda или Helena von Rossow, игуменья Ган-

дерсгеймскаго монастыря, благороднаго происхожденія — даже родственница имп. Оттона, бывшая, оказывается и въ КП-лѣ, гдѣ и научилась греч. яз. Но превратить эту, хотя бы и герцогиню по происхожденію, въ царицу Руговъ (regina Rugorum) всетаки не удалось, равно и объяснить просьбу со стороны какой то игумены: прислать епископа и пресвитеровъ. Однако мудрить съ толкованіемъ имени Руговъ не слѣдуетъ уже потому, что другія хроники, говорящія о трактуемомъ событіи, вѣроятно на основаніи приведеннаго же свидѣтельства называютъ Руговъ — Rusci, Russi, а особый, слѣдующій въ этомъ дѣлѣ, писатель XI в. Титмаръ Мерзебургскій прямо говоритъ о „gens Russiae."*) Что касается достовѣрности приведеннаго древнѣйшаго свидѣтельства и, слѣдовательно, дѣйствительности самаго факта посольства Ольги къ Оттону, то она не подлежитъ никакому сомнѣнію. Есть мнѣніе, что авторъ его, продолжатель Регинона, былъ самъ русскій епископъ-миссіонеръ Адальбертъ (Wattenbach) и, во всякомъ случаѣ — современникъ событія, человѣкъ стоявшій въ близкихъ, дружественныхъ отношеніяхъ къ Адальберту, какъ монахъ одного съ

---

*) Изъ эпохи около V в. дѣйствительно извѣстенъ германскій народецъ Руги, обитавшіе на самомъ югѣ нынѣшней Богеміи и по Дунаю выше Вѣны, но смытые съ лица земли въ потокѣ переселенія народовъ. Въ X в. лѣтописцы, желая блеснуть своей ученостью, или просто выразиться высокимъ стилемъ и прилагали это архаическое имя къ современнымъ имъ Руссамъ. Къ жителямъ о. Рюгена, Ранамъ или Руянамъ названіе Руговъ

нисiю Трирскаго монастыря св. Максимина.*) Затѣмъ самъ имп. Оттонъ I, при назначенiи Адальберта, въ видѣ реванша за неудачную русскую миссiю, на вновь открытую Магдебургскую каѳедру, называетъ его „бывшимъ епископомъ и проповѣдникомъ въ Руси." То же подтверждаетъ въ своей ставленной грамотѣ Адальберту и папа Iоаннъ XIII, говоря, что онъ „сначала былъ назначенъ епископомъ провинцiи Руси". Охотно повторяютъ это и позднѣйшiя хроники; наконецъ, независимый отъ нихъ хронистъ Титмаръ Мезиборскiй также называетъ перваго Магдебургскаго епископа Aetelbertum Treverensem professione monachum, Rusciae prius ordinatum presulem et hinc a gentibus expulsum." Такимъ образомъ фактъ стоитъ твердо-очередь за его толкованiемъ. Предположенiя — незыблемый удѣлъ научной мысли тамъ, гдѣ нѣтъ положительныхъ данныхъ.

стало прилагаться уже позднѣе, такъ что и ищущiе Руговъ царицы Елены въ X в. на Рюгенѣ впадаютъ въ анахронизмъ. Въ раффельштеттенскомъ мытномъ уставѣ, писанномъ въ первыхъ годахъ X столѣтiя (Pertz. Monum. Germaniae. I, 480) также идетъ рѣчь о купцахъ-Ругахъ, въ которыхъ, по возобладавшему теперь среди авторитетныхъ ученыхъ мнѣнiю, признаютъ никого другого какъ именно Русскихъ.

*) Въ своемъ свидѣт. онъ допустилъ только одну ошибку: отнесъ крещенiе Ольги къ царствованiю Романа (959-963), и это очевидно потому, что не представлялъ ясно начальнаго года его царствованiя.

Пытаясь истолковать самое посольство русской княгини, какъ подложное, основываясь на выраженіи древняго хрониста: „ficte ut post claruit", переданномъ у Козьмы Пражскаго, лѣтописца нач. XII в., такими словами: „illi per omnia mentiti sunt, sicut postea eventus rei probavit;" обманъ относили не къ содержанію только посольскихъ переговоровъ, а и къ самому факту ихъ посланническихъ полномочій, усматривая въ нихъ просто переложившихъ варяговъ, ложно взявшихъ на себя почетную роль для какихъ нибудь личныхъ выгодъ, напр., для полученія посольскихъ подарковъ. (С.М.Соловьевъ) Но такому искуственному толкованію противится самый текстъ свидѣтельства, въ которомъ послы выступаютъ именно какъ legati Helenae reginae Rugorum, а не какъ самозванцы. Мысли о подложности посольства не вычиталъ у продолжателя Регинона и ни одинъ изъ послѣдующихъ лѣтописцевъ, на разные лады повторявшихъ его извѣстіе (аннал. Саксонъ, хрон. Кведлинбургская, Ламберта, Гильдесгеймская, Корвейская). Однако, признавая подлинность русскаго посольства, мы всецѣло должны ухватиться за опредѣленно и даже рѣзко выраженную мысль документа, что посольство это допустило обманъ не въ деликатномъ только смыслѣ неточной передачи порученій своего правительства, въ полномъ и совершенномъ смыслѣ личной выдумки, шедшей въ разрѣзъ съ намѣреніями послѣдняго: въ результатѣ получилась непрошенная и потому неудачная миссія со стороны имп. Оттона на Русь. На этомъ основаніи нельзя раздѣлять мнѣнія, построеннаго на аналогичныхъ фактахъ начальной христіанской

сторіи Моравіи и Болгаріи, будто сама кн. Ольга
обращалась за іерархіей отъ Востока къ Западу (Во-
ронцовъ, Фортинскій) думать такъ нельзя и потому,
что русская княгиня не нуждалась въ полученіи іерар-
хическаго штата откуда бы то ни было, такъ какъ
не имѣла возможности открыть у себя въ государ-
ствѣ оффиціальной церкви; иначе она сдѣлала бы
это или раньше даннаго момента, или, во всякомъ
случаѣ, послѣ непринятія неугоднаго ей Адаль-
берта, но этого не произошло до самой ея смерти
(969 г.), очевидно потому, что не могло произойти.
Итакъ послы отъ в. кн. Ольги къ Оттону I дѣй-
ствительно приходили, но они совершенно солга-
ли императору въ томъ, что нужна іерархиче-
ская миссія на Русь, или что она благовременно
будетъ принята. Послѣ этого является двойной
вопросъ: за чѣмъ же, тогда, отправляла кн. Ольга
свое посольство и что за цѣль, или за причина соз-
данной посольскими фикціи? Для гипотетическаго
отвѣта на этотъ вопросъ въ нашемъ распоряже-
ніи имѣется, прежде всего, одна мелкая доку-
ментальная черточка. Въ то время какъ въ опи-
саніи Констант. Порфирогенита русская княгиня
вездѣ называется своимъ языческимъ именемъ
Ελγα (древне-скандинавское Helga = славян. ѤЛГА = слав.
рус. Ольга, по примѣру ѤЛЕНЬ-олень, ѤЗЕРО-озеро),
западнымъ лѣтописцамъ извѣстна только
Helena regina Rugorum: очевидно посольство
рекомендовало ее императору Еленою. Значитъ
Ольга, по возвращеніи изъ Царьграда крещенною,
захотѣла представиться центральному вѣнце-
носцу у Запада, какъ новая государыня-христіанка

(Елена), съ тѣмъ, чтобы завязать съ нимъ сно-шенія на почвѣ, такъ сказать, религіознаго равно-правія. Побужденіемъ къ этому для русской кня-гини могло служить не одно желаніе завести съ западомъ дипломатическое знакомство „на всякій случай," а опредѣленная мысль: попытаться поправить какимъ либо путемъ неудачу, постиг-шую её въ КП-лѣ, неудачу въ достиженіи нѣко-торыхъ прерогативъ своего царственнаго поло-женія. Въ то время верховнымъ раздаятелемъ всѣхъ регалій на западѣ почитался святой отецъ римскаго престола, а его правою рукой въ устроеніи всякихъ дѣлъ церковно-государствен-ныхъ былъ нѣмецкій императоръ, точнѣе прос-то императоръ (подразумѣвалось-римскій) - вели-чина, по идеѣ, тоже универсальная для всего католическаго міра. Оттону I, послѣ нѣкото-раго періода упадка императорской власти, удалось снова возстановить её въ этомъ смыслѣ и получить титулъ императора вмѣсто преж-няго королевскаго. Къ нему княгинѣ-вдовѣ и-естественно было отправить посольство съ Руси, чтобы разузнать, на какихъ условіяхъ она, уже личная христіанка, могла бы надѣяться достичь намѣченной цѣли: возвышенія своего династическаго достоинства? Но подобныя бла-га, какъ извѣстно, покупались цѣною послуша-нія верховному водительству римской каѳедры и вассальной зависимости отъ императора. Такимъ образомъ уже самый характеръ пред-мета Ольгина посольства давалъ первый поводъ къ той, вѣроятно, не совсѣмъ ожиданной для нея постановкѣ дѣла, какая явилась его слѣдствіемъ.

Во вторыхъ, настроенія и интересы Оттона Великаго въ ту пору были таковы, что онъ, кажется, и безъ всякаго повода, на первое же знакомство готовъ былъ отвѣтить религіозной миссіей. Увлеченный имперскимъ идеаломъ, онъ, съ цѣлью расширенія предѣловъ своей власти, ревностно распространялъ христіанство среди полабскихъ славянъ и датчанъ, для чего устроилъ по бассейну Лабы цѣлыхъ шесть епископій (Магдебургскую, Мейсенскую, Мерзибургскую, Цейцкую, Гавельбергскую, Бранибορскую) съ возведеніемъ Магдебургской въ достоинство митрополіи, отдѣльной отъ Майнца; въ русскомъ посольствѣ онъ находилъ только новый поводъ къ осуществленію своихъ миссіонерско-политическихъ замысловъ относительно окрестныхъ славянъ, а на распросы вел. княгини по интересующему её дѣлу предлагалъ выполнить самое дѣйствительное и самое желательное для него условіе: принять латино-нѣмецкую іерархію. Однако смыслъ комментируемаго свидѣтельства заставляетъ насъ признать, что всетаки главными виновниками поспѣшнаго и ошибочнаго поступка императора были сами русскіе послы. Что ихъ побудило къ обману? — Должно быть - ревность не по разуму. Настоящее посольство, сообразно съ главной своей цѣлью должно было представлять собою Ольгу, какъ государыню-христіанку и слѣдовательно состоять всецѣло изъ приближенныхъ варяговъ-христіанъ. Но среди партіи кіевскихъ варяговъ-христіанъ, стоявшихъ у кормила правленія могли быть свои горячія головы, недовольныя медлительнымъ образомъ дѣйствій мудрой правительницы въ

отношеніи къ христіанству и стоявшія за революціонныя меры. Поэтому когда, по смыслу возложенныхъ на нихъ Ольгою порученій, они представили себѣ какъ неизбѣжное, что имъ на ихъ рѣчи у нѣмецкаго императора предложатъ іерархію для крещенія своей земли русской, то и рѣшили предупредить ходъ событій, реализировать то, что считали необходимымъ и полезнымъ, именно: принять на свой страхъ указанное предложеніе, или даже предупредить его, чтобы скорѣе видѣть желанное для нихъ открытіе государственной церкви на Руси, такъ какъ, въ виду охлажденія Ольги къ грекамъ, трудно было ожидать въ ближайшемъ будущемъ добыть оттуда для этой цѣли епископа. Съ фактомъ считаться всегда не легко, и эти радѣтели интересовъ церкви (видимо) вѣрили, что разъ прибывшая на Русь іерархическая миссія не останется безрезультатной, по такъ или иначе возымѣетъ свое дѣйствіе, хотя бы и къ недовольству излишне-осторожной княг. Ольги. Такая рѣзка совсѣмъ не представляетъ чего либо чудовищнаго въ нравственномъ отношеніи для своего времени, равно естественно для той поры и святое невѣдѣніе относительно догматическихъ разностей двухъ половинъ вселенской церкви. Однако съ послѣднимъ пунктомъ дѣло могло обстоять и нѣсколько иначе. Можетъ статься, что въ разбираемомъ событіи мы имѣемъ дѣло съ первымъ случаемъ вліянія латинскаго христіанства на дѣла русской церкви. Въ посольствѣ на Западъ Ольгѣ весьма кстати было отрядить кого

нибудь изъ немногихъ служилыхъ варяговъ латинскаго обряда, вмѣстѣ съ латино-варяжскимъ священникомъ какъ переводчикомъ и нотаріусомъ посольства, а эти элементы посольскаго состава едва-ли съ философскимъ безразличіемъ отнеслись къ мысли о предстоящемъ вызовѣ на Русь западной іерархіи и могли дать переввѣсъ назрѣвавшему рѣшенію учинить „святой обманъ."

Но заговорщики послы одинаково ошибочно представляли себѣ какъ твердость великой княгини, такъ и твердость миссіонеровъ; все вышло какъ разъ наоборотъ: Ольга осталась непоколебимой, а тѣ — стушевались предъ возникшими препятствіями. Она уже отъ возвратившихся пословъ знала о нелегкихъ условіяхъ единенія съ Западомъ; когда же прибыли непрошенные гости, то это могло вызвать только ея гнѣвъ, и самое большее, что она могла предоставить Адальберту — это свободный, внѣ всякой офиціальной защиты, подвигъ проповѣди среди окружавшихъ язычниковъ. Но нѣмецкіе миссіонеры, охотно отправлявшіеся на проповѣдь въ страны подвластныя императору съ вооруженнымъ конвоемъ, въ очень рѣдкихъ случаяхъ отваживались ходить по образу апостоловъ въ дебри язычества. Адальбертъ, видимо, не составлялъ исключенія изъ общаго правила. Противъ воли снаряженный въ русскую миссію, какъ говоритъ лѣтописецъ: „по навѣту архіепископа Вильгельма, хотя онъ ни въ чемъ противъ его не погрѣшилъ," онъ только и надѣялся на распростертыя объятія рус-

…. X Русск. ц. исторіи

И. д. доц. Антонъ Карташовъ.

[illegible]

скаго правительства; не встрѣтивъ этого, западный миссіонеръ сразу же рѣшилъ отступленіе „не могши успѣть", по тексту хроники, „ни въ чемъ, для чего былъ посланъ" — видимо ему была поставлена не одна апостольская цѣль, а и „покореніе" Руси „подъ ноги" двухъ престоловъ. Изгнаніе его изъ Руси язычниками, о которомъ говоритъ Титмаръ Мерзебургскій, можно и не считать за свидѣтельство о яко-бы дѣйствительномъ миссіонерскомъ подвигѣ Адальберта, а лишь за отголосокъ того факта, что, при отсутствіи покровительства со стороны Ольги, онъ немедленно былъ выжитъ языческой партіей, окружавшей Святослава, которая въ 60хъ годахъ вмѣстѣ съ возмужалостью великаго князя вошла въ силу. Что касается убіенія нѣкоторыхъ спутниковъ нѣмецкаго епископа, то это, кажется, относится уже къ области его дорожныхъ приключеній, м. б. даже за предѣлами Руси.

Въ 969 г. вел. кн. Ольга скончалась и „плакася, говоритъ лѣтописецъ, по ней сынъ ея и внуци ея и людье вси плачемъ великимъ, и несоша и погребоша ю на мѣстѣ; и бѣ заповѣдала Ольга не творити трызны надъ собою, бѣ бо имущи презвитеръ, сей похорони блаженную Ольгу. Си бысть предътекущоя крестьянстѣй земли, аки денница предъ солнцемъ и аки заря предъ свѣтомъ, си бо сіяше аки луна въ нощи, тако и си въ невѣрныхъ человѣцѣхъ!..." „Мы же рцѣмъ к ней: радуйся руской земли познаніе къ Богу... Си первое вниде въ царство небесное отъ Руси,

сию бо хвалятъ Русстие сынове аки началь-ницю: ибо по смерти моляше Бога за Русь."

Итакъ осторожная Ольга не рѣшилась объявить въ своемъ государствѣ христіанство вѣрой господствующей, видя сильное къ тому препятствіе въ характерѣ своего сына и окружавшихъ его воспитателей и сподвижниковъ. Святославъ (957-972 г.), при всей своей энергіи и широкихъ завоевательныхъ планахъ, былъ не чутокъ къ знаменіямъ своего времени, не оцѣнилъ значенія того факта, что въ Х в. и въ частности въ его время христіанство охватило уже всѣ окрестные европейскіе народы: и Болгарію, и Чехію, и Венгрію и Польшу — очередь оставалась за Русью, — не постигъ той истины, что прочное и плодотворное начало своему государственному развитію всѣ новые народы полагали только актомъ принятія христіанства, — не уразумѣлъ всего этого и думалъ основать свое могущество на ветхой закваскѣ прадѣдовской религіи. Какъ въ оно время Юліанъ Отступникъ возгорѣлся платонической любовью къ умиравшему античному язычеству, такъ и Святославъ пылалъ желаніемъ воскресить въ своемъ лицѣ отживающій идеалъ норманнскаго витязя, тѣсно связанный съ его религией войны, мести и крови. Надвигавшійся потокъ кроткаго ученія христіанства представлялся ему и его воинственной дружинѣ какой то разслабляющей заразой, презрѣнною вѣрою людей жалкихъ и трусовъ. Лѣтописецъ передаетъ намъ о трогательныхъ

увъщаніямъ, съ какими не переставала вел. кн. Ольга обращаться къ своему сыну, склоняя его принять христіанство, но онъ находилъ для себя это положительно невозможнымъ, не рискуя въ противномъ случаѣ подвергнуться позорному осмѣянію со стороны правовѣрной норманской дружины; одно представленіе объ этомъ смѣхѣ рѣшало для него весь вопросъ о томъ, быть или не быть? такъ что новыя приставанія съ увѣщаніями возбуждали въ немъ только порывы гнѣва и упорное желаніе „творить норовы поганьския" т. е. продолжать жить и вѣровать по завѣтамъ славныхъ викинговъ. Однако, какъ язычникъ, Святославъ не могъ быть въ собственномъ смыслѣ гонителемъ христіанства. Онъ только не жаловалъ вообще христіанъ и смѣялся надъ ними, предоставляя фактъ распространенія новой религіи его собственному теченію: „аще кто хотяше креститися, говоритъ лѣтопись, не браняху, но ругахуся тому," т. е. смѣялись надъ тѣми. Такія насмѣшки или гоненіе нравственное, не наносили существеннаго ущерба кіевскому христіанству; уже изъ приведеннаго лѣтописнаго выраженія видно, что хотящіе креститься были въ княженіе Святослава. Но христіанство въ Кіевѣ за это время должно было даже значительно возрасти противъ прежняго, потому что продолжалось расширяться, отчасти благодаря дѣятельности самого же Святослава, пути его распространенія на Руси изъ новыхъ источниковъ — изъ странъ славянскихъ, южныхъ и западныхъ.

Распространение христіанства изъ этихъ источниковъ объяснитъ намъ и сближеніе съ нимъ русскихъ славянъ, хотя единичныя обращенія послѣднихъ въ христіанство происходили въ самое раннее время въ той приблизительной пропорціи, въ какой входили они въ составъ княжескихъ (думъ) дружинъ, потому что въ началѣ христіанство было у насъ какъ бы вѣрой господской, т. е. варяжской, чуждой простому народу т. е. славянамъ. Изъ русскихъ славянъ наиболѣе ознакомленными съ христіанствомъ сначала были купцы, ежегодно ѣздившіе въ Царьградъ, затѣмъ славяне, входившіе въ составъ воинскихъ массъ во время многочисленныхъ походовъ русскихъ князей на Грековъ; участіе ихъ въ войскѣ какъ предполагается само собой, такъ и раздѣльно отмѣчено въ лѣтописномъ разсказѣ о походѣ Олега 907 года. Но христіане изъ славянъ не могли возрастать въ Кіевскомъ государствѣ въ сколько нибудь значительномъ количествѣ, если имъ пришлось только примыкать къ варяжскому богослужебному культу. Къ счастію великая всеславянская услуга св. Кирилла и Меѳодія облегчила имъ переходъ къ новой религіи возможностью устроить богослуженіе на понятномъ для себя языкѣ. Послѣ того какъ крестилась Болгарія въ концѣ IX и в X вѣкахъ, славянскіе элементы Руси, ходившіе въ Царьградъ, какъ по торговымъ, такъ и по военнымъ надобностямъ, могли наблюдать въ родственной странѣ близкій для себя культъ, принимать христіанство и пересаживать его (культъ) въ Кіевъ. Что торговый путь русскихъ „въ Греки“ дал-

ствительно задѣвали Болгарію ясно изъ словъ Константина Порфиророднаго: „достигнувъ Болгарской земли, русскіе входятъ въ устье Дуная, проходятъ городъ Конопу, потомъ Констанцію къ рѣкѣ Варнѣ... что все принадлежитъ къ болгарской землѣ." Нѣкоторая часть торговаго каравана даже прямо направлялась къ болгарскому г. Переяславцу на Дунаѣ, какъ къ конечному пункту своего пути и продавала тамъ кожи, воскъ, медъ и челядь." (Лавр. 963 г.) Военная дорога пролегала также чрезъ Болгарію, на территоріи которой часто происходили битвы русскихъ съ греками. Войны порождали и еще новое средство христіанизаціи Руси: наплывъ плѣнныхъ грековъ и болгаръ. Послѣдніе какъ усиливали тамъ христіанство вообще, такъ въ частности и развитіе славянскаго богослуженія. Особенно значительно способствовали сближенію Руси съ христіанствомъ и именно славянскимъ походы Святослава, когда онъ 4 года сидѣлъ со своими войсками въ Болгаріи, послѣ чего въ Кіевѣ является множество христіанскихъ плѣнниковъ и плѣнницъ, попавшихъ даже и въ княжескіе семьи. Христіанство вмѣстѣ со славянскимъ богослуженіемъ усвоили съ нач. X вѣка вѣроятно и непосредственные сосѣди Болгаріи - Угличи и Тиверцы, какъ приняли его оттуда за цѣлое столѣтіе раньше Кіево-угорскіе русскіе, передавшіе его затѣмъ съ юго-запада въ теченіи X-го вѣка и другимъ русско-славянскимъ племенамъ. Послѣдніе кромѣ того въ X ст. непосредственно граничили и съ Чехіей, откуда несомнѣнно заносилось къ нимъ также славянизова-

ное христіанство, тѣмъ болѣе, что церковно-славянскій языкъ царилъ даже въ краковской области древней Польши до XIII ст. Доказательствомъ этихъ вліяній древней Чехіи на западно-русскія племена и досель служитъ то замѣчательное явленіе, „что древнѣйшіе чешскіе памятники, напр. житіе чешскаго князя Вячеслава, чинъ службы при перенесеніи его мощей сохранились только въ русскихъ рукописяхъ; самыя панноскія житія въ ихъ старѣйшемъ видѣ находятся въ русскихъ копіяхъ по рукописямъ XII в." (Лавровскій стр. 15) Такимъ образомъ, мы должны представить себѣ уже въ княженіе Святослава существованіе въ Кіевѣ двухъ христіанскихъ общинъ: старѣйшей и болѣе многочисленной варяго-русской и — не столь численной, но болѣе народной славяно русской. Можетъ быть этотъ фактъ существованія славянскаго богослуженія въ Кіевѣ и засвидѣтельствованъ въ буллѣ папы Іоанна XIII отъ 973 г. чешскому королю Болеславу II по поводу учрежденія Пражской епископіи; (впрочемъ спеціалисты оставляютъ пока подъ сильнымъ сомнѣніемъ подлинность даннаго документа). Папа между прочимъ позволяетъ королю учредить одинъ женскій монастырь, но прибавляетъ: „verum tamen non secundum ritus aut sectam Bulgariae gentis vel Rusiae aut Slavonicae linguae, sed magis sequens instituta et decreta apostolica... eligas in hoc opus clericum, latinis litteris eruditum." Хотя здѣсь вѣроятнѣе всего указывается на ближайшій для Чехіи примѣръ Угорской Руси, о чемъ какъ будто говоритъ и упоминаніе

съ ней въ тѣсной связи съ Болгаріей [x])

Когда Печенѣги обезглавили храбраго Святослава у днѣпровскихъ пороговъ, престолъ кіевскій занялъ старшій сынъ его Ярополкъ. Воспитанный въ дѣтскіе годы своей бабки кн. Ольгой въ отсутствіе Святослава, проводившаго почти все время въ военныхъ скитаніяхъ, Ярополкъ вѣроятно былъ расположенъ къ христіанству. Семейныя преданія объ этомъ и подали впослѣдствіи (1044 г.) вел. кн. Ярославу Владиміровичу поводъ крестить кости Ярополка и брата его Олега. Но за краткій срокъ своего правленія (972–978) молодой Ярополкъ не успѣлъ выразить себя, какъ самостоятельнаго дѣятеля: онъ погибъ отъ руки Владиміра въ возрастѣ приблизительно 20-ти лѣтъ. Проф. Голубинскій поэтому и высказываетъ мнѣніе, что, если бы Ярополкъ жилъ дальше, то очень можетъ быть, что не Владиміръ, а онъ былъ бы крестителемъ всей Руси"

Мы приближаемся къ моменту великаго переворота въ исторіи русскаго народа, т. е. къ моменту всеобщаго крещенія Руси. Героемъ событія выступаетъ вел. князь Кіевскій Владиміръ Святой, стяжавшій себѣ черезъ то вѣчную славу въ исторіи. Какъ же сложилось въ его душѣ столь великое рѣшеніе принять новую вѣру и усвоить её цѣлому народу? Къ от-

---

[x]) За время Святославова княженія Русь еще тѣснѣе сблизилась съ Византіей и на своихъ юго-восточныхъ границахъ, потому что завоеванія Свят. въ земляхъ Хозаръ, ясовъ и касоговъ были первыми пріобрѣтеніями для Руси христіанск. земель, въ которыхъ были свои епископіи

ту на поставленный вопросъ служатъ прежде всего итоги нашего предыдущего историческаго обзора. Передъ нами обрисовалась Русь, не одно столѣтіе знакомая съ христіанствомъ, сплошь окруженная со всѣхъ европейскихъ сторонъ народами, у которыхъ оно стало государственной религіей, съ столицею, такъ сказать, насквозь пропитанную христіанскимъ духомъ: надъ Кіевомъ сіяютъ кресты христіанскихъ церквей; христіанскую религію исповѣдываютъ сотни, если не тысячи его жителей, принадлежащихъ большею частію къ военному, правительственному сословію; въ самой великокняжеской семьѣ новая религія уже имѣла свой эпизодъ. Послѣ всего этого является немыслимымъ, даже совершенно противоположный вопросъ: чѣмъ объяснить ту фанатическую привязанность къ язычеству, съ какой Владимиръ появляется на кіевскомъ престолѣ?

Владимиръ былъ славяниномъ по матери. Рожденный Святославомъ отъ Малуши, придворной (фрейлины-ключницы) вел. кн. Ольги, онъ, подъ благодѣтельныхъ вліяній послѣдней, вскорѣ поступилъ подъ руководство своего дяди, виднаго славянскаго дружинника, Добрыни и вмѣстѣ съ нимъ отправленъ былъ на княженіе въ Новгородъ. Воспитавшись здѣсь въ родной ему славянской обстановкѣ, Владимиръ сталъ относиться и къ народной языческой религіи какъ ревностный націоналистъ. Внушенія Добрыни заставили его косо смотрѣть на Кіевъ и Ярополка, окруженнаго христіанизованными отъ вел. кн. Ольги, штатомъ дружинниковъ, привер-

женцевъ христіанства. Лишь только замѣчена была тенденція Ярополка къ единовластію, Владиміръ съ Добрыней бѣжали къ Варягамъ и оттуда возвратились съ наемнымъ войскомъ. Знамя ихъ возстанія противъ кіевскаго князя приняло національно-языческую окраску; поэтому когда благодаря измѣнѣ Ярополкъ погибъ, занявшій Кіевъ, (11-го Іюня 978 г.) Владиміръ, сразу же повелъ политику покровительства языческой партіи и озаботился благоустройствомъ богослужебнаго культа. Но умный князь не долго увлекался постановкой идоловъ и кровавыми жертвами „съ людьми своими, боярами и старцами"; атмосфера Кіева вскорѣ отрезвила его. Обличенія язычества и проповѣдь христіанства, какія произнесены были въ 983 г. варягомъ христіаниномъ публично Владиміру здѣсь въ той или иной формѣ пришлось выслушать здѣсь не впервые. Отъ Ярополка онъ перенялъ жену, плѣнную греческую монахиню. Затѣмъ въ числѣ водимыхъ женъ лѣтопись называетъ Болгарыню и двухъ Чехинь; послѣднихъ онъ вѣроятно привелъ изъ похода на Червенскіе города (въ прикарпатскую Русь), учиненнаго имъ въ первые годы своего княженія. Тамъ Кіевскій князь познакомился съ королями Угорскимъ, Чешскимъ и Польскимъ, съ которыми жилъ впослѣдствіи въ большой дружбѣ. Поэтому можно думать, что указанныя Чехини были высокаго происхожденія, тѣмъ болѣе, что чешская королевская семья и раньше не гнушалась брачными узами съ князьями язычниками. Во всякомъ случаѣ и Чехини и Болгарыня не могли не быть въ то время христіанками, но

множество примѣровъ изъ исторіи европейскихъ народовъ говоритъ за то, что такіе браки имѣли рѣшающее значеніе въ обращеніи къ христіанству государей и ихъ народовъ. Такъ, польскій король Мѣшко крестился по увѣщаніямъ своей супруги Дубровки, дочери Чешскаго короля, немного спустя венгерскіе короли Гейза и Вайкъ (св. Стефанъ) — первый подъ вліяніемъ сестры польскаго короля Адельгейды, а второй — сестры герм. императора Гизлы, а еще раньше — Людовигъ франкскій крестился черезъ Клотильду бургундскую, Этельбергъ англо-саксонскій черезъ Берту франкскую. Тоже самое обстоятельство, могло очень и очень повліять и на нашего кн. Владиміра; онъ сталъ внимательнѣе относиться къ мѣстному христіанству и м. б. даже велъ разговоры о вѣрѣ съ близкими по двору варягами христіанами. По крайней мѣрѣ извѣстія двухъ скандинавскихъ саг — источниковъ, конечно, мутный, но примѣчательной части самой общей своей идеи, — гдѣ норманнскіе скитальцы выступаютъ въ роли миссіонеровъ, обратившихъ русскаго князя къ христіанской вѣрѣ, принесенной или изъ Константинополя. Не остался, вѣроятно, безъ благопріятныхъ послѣдствій на религіозное настроеніе князя и болгарскій походъ 985 г. (закончившійся побѣдою и миромъ), который въ настоящее время большинство ученыхъ, опираясь на намеки византійскихъ историковъ, относятъ не къ Волжской, а Дунайской Болгаріи.*)

*) Іоакимовская лѣтопись не стѣсняется пріурочить къ этому походу и крещеніе Владиміра совсѣмъ русской землей: „Иде Владиміръ на Болгары, и побѣди ихъ, миръ учини, и пріятъ крещеніе самъ и сынове его и всю землю рускую крести."

Вынесенныя Владиміромъ изъ его походовъ наблюденія о христіанствѣ у другихъ европейскихъ народовъ, имѣли для него особенное значеніе и потому, что онъ былъ въ противоположность закованному рыцарству Святослава государь въ истинномъ смыслѣ этого слова, строитель земли своей, размышлявшій съ дружиною: „о строи земленемъ и о уставѣ земленемъ": ему стало, наконецъ, понятнымъ, что для благоустроенія и просвѣщенія земли русской, для пріобщенія ея къ общей жизни народовъ европейскихъ, необходимо сообщить ей начала христіанской культуры и государственности, необходимо принять христіанскую религію; - сталъ понятенъ глубокій смыслъ стремленій мудрой бабки его Ольги спѣшившей къ Царю-граду, чтобы собственными глазами видѣть великолѣпный храмъ св. Софіи, къ куполамъ котораго, какъ къ культурно-просвѣтительному маяку уже давно обращены были взоры не одной Руси... Такимъ образомъ, незамѣтно для окружающихъ, произошелъ кризисъ въ отзывчивой душѣ Владиміра, и стало возможнымъ великое событіе крещенія всей Руси. Для ближайшихъ ко времени св. князя писателей XI в., не знавшихъ ни о какихъ внѣшнихъ средствахъ его обращенія по Христу, это наиболѣе составляетъ предметъ удивленія и похвалъ, какъ свидѣтельство его необыкновенно свѣтлаго ума и добраго сердца. Митрополитъ Иларіонъ въ своей знаменитой рѣчи, произнесенной въ присутствіи сына Владиміра Ярослава, потому особенно и удивляется вѣрѣ св. князя, что эта вѣра

„отъ слышанія, но безъ проповѣдующаго?" что Владиміръ не слыхалъ призыва къ ней ни отъ какого спеціальнаго проповѣдника, а лишь по отдаленнымъ даннымъ силою своего здраваго смысла дошелъ до признанія ея истинности. „Какъ ты увѣровалъ"? обращается Иларіонъ къ почивающему во гробѣ Владиміру, „какъ воспламенился любовію Христовою. Какъ вселился въ тебя разумъ, высшій разума земныхъ мудрецовъ, чтобы возлюбить невидимое и стремиться къ небесному? Какъ взыскалъ ты Христа? Какъ предался ему? Скажи намъ, рабамъ Твоимъ, скажи намъ учитель нашъ: откуда повѣяло на тебя благоуханіе св. Духа? Кто далъ тебѣ испить отъ сладкой чаши памятованія о будущей жизни? Кто далъ тебѣ вкусить и видѣть, яко благъ Господь? Не видѣлъ ты Христа, не ходилъ по Немъ: какъ же сталъ Ты ученикомъ Его? Другіе видѣвъ Его не вѣровали: а ты не видѣвъ, увѣровалъ... Не видѣлъ ты Апостола, который бы пришедъ въ землю Твою, своею нищетою и наготою, гладомъ и жаждою, преклонилъ твое сердце къ смиренію. Не видѣлъ какъ изгоняли бѣсовъ именемъ Христовымъ, возвращали здравіе больнымъ, какъ претагался огонь въ холодъ, какъ воскресали мертвые. Не видѣвъ всего этого, какъ ты увѣровалъ? дивное чудо! Другіе цари и властители видя, какъ все это совершалось святыми мужами, не вѣровали, но еще самихъ ихъ предавали страданію и мученіямъ, ты же, облаженный, безъ всѣхъ сихъ притече ко Христу отъ благого смысла и остроумія ра—

зумитъ, что есть Единъ Богъ, Творецъ видимаго и невидимаго... и съ сими помышленіи вступи ты во св. купель." Великой душъ князя Владимира посильно было постиженіе истины издалека. „Онъ всегда слышалъ о православной, христолюбивой и сильной сторонъ земли греческой, какъ чтутъ тамъ единаго Бога въ Троицъ и покланяются Ему; какъ творятся тамъ силы чудеса и знаменія; какъ въ селеніяхъ и городахъ благовърныхъ всъ прилежатъ къ молитвъ; всъ предстоятъ Богу. Слыша все это возгорълся онъ духомъ и возжелалъ сердцемъ — быть христіаниномъ и обратить всю землю въ христіанство. Обращеніе его было чисто внутреннее, безпричинное для посторонняго глаза, какъ бы по наитію свыше." Когда жилъ онъ и землю свою управлялъ съ правдою и мужествомъ и смысломъ, пришло на него посъщеніе Вышняго, призръло на него всемилостивое око благаго Бога, и возсіялъ въ сердцъ его разумъ: онъ уразумилъ суету идольскаго заблужденія!" Другой писатель XI въка монахъ Іаковъ въ своей „похвалъ великому князю Русскому Володимеру" также не упоминаетъ ни о какихъ внъшнихъ причинахъ его крещенія, кромъ примъра Ольги и благодатнаго внушенія. „Слышавъ Владимеръ," пишетъ Іаковъ, „о бабъ своей Ользъ, како шедше ко Царюгороду и пріяла бяше св. крещеніе..., разгорашеся Святымъ Духомъ сердце его, хотя святаго крещенія. Видя же Богъ хотъніе сердце его, провидя доброту его и призри съ небесе милостію своею... и просвъти сердце князю Русскыя земли Володимеру

пріяти св. крещеніе". Прен. Несторъ Печерскій (не лѣтописецъ) въ „чтеніи о погубленіи св. Бориса и Глѣба" говоритъ о какомъ то сверхъестественномъ знаменіи, побудившемъ равноапостольнаго князя креститься: сему Богъ спону (вар. запятіе) нѣкаку наведы и сотвори быти ему христьяну, якоже древле Плакидѣ... Тако же и сему Владимиру явленіе Божіе быти ему крестьяну сотворися." Вотъ каково было древнѣйшее, намъ извѣстное, представленіе русскихъ людей о мотивахъ обращенія крестителя русской земли въ христіанскую вѣру.

Не такъ все это изображаетъ какой то позднѣйшій авторъ обширной повѣсти, вставленной въ лѣтопись къ сожалѣнію, вѣроятно, на мѣсто бывшихъ тамъ краткихъ извѣстій, признанныхъ интерполяторомъ ненужными, послѣ замѣны ихъ такою обстоятельной исторіей крещенія кн. Владимира и всей Руси. Содержаніе ея въ общемъ всѣмъ извѣстно. Составленіе кіевскаго лѣтописнаго свода относится къ началу XII в.; не раньше этого времени составлена и внесенная въ него повѣсть, на что есть намекъ въ самомъ ея содержаніи. Іудейскіе проповѣдники говорятъ Владимиру, что земля ихъ предана христіанамъ, а это могло быть сказано не раньше періода существованія іерусалимскаго королевства, созданнаго крестоносцами (1100–1187 г.) Желая найти лѣтописную повѣсть въ отдѣльномъ и даже первоначальномъ видѣ, изслѣдователи обращали вниманіе на изданное Макаріемъ (Хр. Чт. 1849 г.) ч. II), „Житіе блаженнаго Владимира," пред-

ставляющее собою сокращенную и нѣсколько измѣненную параллель къ Повѣсти, и ставили вопросъ о генетическомъ взаимоотношеніи Повѣсти и Житія. По однимъ (Голубинскій) Житіе служило оригиналомъ для Повѣсти; а такъ какъ оно по нѣкоторымъ признакам можетъ быть приписано гр. Ѳеодосію, писавшему на русскомъ языкѣ въ XII в. и вѣроятно окончившемуся въ санѣ печерскаго игумена в 1156 г., то этимъ бы опредѣлялось приблизительно время появленія Повѣсти въ составѣ лѣтописи. По другимъ (Ляшенко 1900 г.), наоборотъ, хотя Житіе также съ вѣроятностію относится къ авторству Ѳеодосія, но источникъ его указывается въ Повѣсти. Но неудовлетворительность аргументаціи какъ защитниковъ происхожденія Житія отъ Повѣсти, такъ и обратной теоріи заставило сдѣлать предположеніе, что м. б. Житіе и Повѣсть происходятъ отъ третьей, неизвѣстной намъ, редакціи этого сказанія, послужившей для обоихъ ихъ оригиналомъ (Regel. Analecta Byzantino-Russ. p. XLVII). Это болѣе широкая точка зрѣнія и будетъ болѣе правильной. Представителемъ третьей неясной редакціи можетъ служить обойденный вниманіемъ изслѣдователей, съ легкой руки гр. Макарія, третій варіантъ Житія и Повѣсти, носящей заглавіе: „слово о том како крестися Володимеръ возъма Корсунь" (Отч. рукоп. Рум. муз. N 306 с. 434; Пергам. сб. Софійской библ. СПБ. Дух. Акад. N 1365). По мнѣнію Н. К. Никольскаго слово было источникомъ для лѣтописной повѣсти и, конечно, Житія. Дѣйствительно текстъ слова, почти буквальный сходный съ лѣтописью,

выгодно отличается отъ полнѣйшей стройностью и совершеннымъ отсутствіемъ тѣхъ ~~прибавокъ~~ и непослѣдовательностей, какими страдаетъ лѣтописная повѣсть, указывая тѣмъ на Слово, какъ на свой неискаженный оригиналъ. Опуская однако подробности этого не распутаннаго пока историко-литературнаго вопроса, мы будемъ разсматривать лѣтописную повѣсть съ исторической точки зрѣнія т.е. по ея внутренней состоятельности.

Прежде всего мы наталкиваемся на неосмысленность и психологическую несообразность въ самомъ центрѣ построенія повѣсти. Послѣ прихода къ кн. Владиміру пословъ-проповѣдниковъ отъ разныхъ религій, что̀ логія ничѣмъ другимъ не подтверждается, но само по себѣ не представляетъ ничего невозможнаго и неразумнаго, вел. князь, никѣмъ изъ нихъ окончательно неубѣжденный, собираетъ, спустя нѣкоторое время, бояръ и старцевъ градскихъ и задаетъ имъ вопросъ: какъ ему поступить въ виду нѣсколькихъ взаимно исключающихъ другъ друга предложеній о вѣрѣ? Бояре не затруднились дать ему довольно неглубокомысленный совѣтъ, который однако очень понравился „князю и всѣмъ людемъ": „вѣси княже, яко своего никтоже не хулитъ, но хвалитъ; аще хочеши испытати гораздо, то имаши у себѣ мужи: пославъ испытай когождо ихъ службу, и кто како служитъ Богу" т.е. посовѣтовали, посмотрѣть предварительно (глазами пословъ!) на ничего не значущія сами по себѣ религіозные обряды

разныхъ народовъ, принять безъ дальнѣйшихъ разсужденій ту вѣру, обряды которой показу[тся] наиболѣе привлекательными. Приписывать такой образъ мыслей и дѣйствій великому религіозному реформатору было бы крайне наивно и даже оскорбительно такому человѣку какъ кн. Владимиръ! Но еще большую психологическую несообразность представляетъ созданная авторомъ Повѣсти исторія выбора вѣръ. Владимиръ задается недоумѣннымъ вопросомъ предъ своими боярами съ такимъ видомъ, какъ будто у него съ прежними религіозными вѣрованіями связь была уже покончена и для заполненія образовавшейся душевной пустоты нужно было только произвести неспѣшный выборъ какой нибудь изъ предложенныхъ со стороны системъ вѣроученія. Но развѣ допустимъ такой процессъ перемѣнъ глубочайшихъ и интимнѣйшихъ убѣжденій, каковы религіозныя? Въ этой сферѣ – одно оставляется какъ ложное въ тотъ лишь самый моментъ, когда другое вмѣсто него создано какъ истинное, положеніе смѣняется не чистымъ отрицаніемъ, а новымъ положеніемъ, которое само собою исключаетъ старое, прежній психологическій плюсъ (=убѣжденіе) уничтожается не минусомъ, а новымъ психологическимъ плюсомъ (= новое убѣжденіе) который въ отношеніи къ прежнему плюсу является минусомъ только въ логическомъ отношеніи, – прежняя истина переходитъ въ разрядъ лжи единственно по той причинѣ, что ее вытѣсняетъ новая

истина, въ противномъ случаѣ она все можетъ быть уничтожена ничѣмъ, неизмѣнно оставаясь въ своихъ качествѣ истины. Въ душѣ же Владимира представлено все наоборотъ: вѣры въ многобожіе у него уже нѣтъ, но не потому что её логически и психологически уничтожило убѣжденіе въ истинѣ единобожія, а нѣтъ — безъ всякой замѣны, т. е. безъ всякой причины, каковою только и могла быть замѣна стараго убѣжденія новымъ. Разсуждая логически здѣсь терминъ „причины" слѣдуетъ замѣнять терминомъ „основаніе". Такимъ образомъ въ измышленіи автора лѣтописной повѣсти мы видимъ дѣйствіе безъ причины, слѣдствіе безъ основанія, т. е. нарушеніе параллельныхъ законовъ: причинности и достаточнаго основанія. Психологію Владимира какъ она представлена въ повѣсти, можно защищать еще развѣ такимъ соображеніемъ, что въ душѣ князя слѣпую политеистическую вѣру, вслѣдствіе критики язычества, замѣнилъ на нѣкоторое время рацiонаListическій атеизмъ, который мыслимъ для современнаго человѣка и представляетъ для него нѣчто положительное. Но, во первыхъ такое представленіе есть анахронизмъ для Владимира и его времени, когда, послѣ античнаго скептицизма кажется все человѣчество до эпохи возрожденія потеряло психологическую возможность невѣрія, а, во вторыхъ отъ состоянія атеизма не можетъ быть по крайней мѣрѣ въ короткое время, перехода къ такой чистой и всецѣлой вѣрѣ

св. князя, о какой далѣе идетъ рѣчь въ повѣсти и какая въ дѣйствительности. (Мы настойчиво остановились на разъясненіи даннаго пункта во избѣжаніе упрека въ незаслуженной клеветѣ на смыслъ столь популярной и потому уважаемой повѣсти)

Однако неизвѣстный авторъ лѣтописной повѣсти, можетъ быть, только и повиненъ въ томъ, что сказался плохимъ прагматистомъ, не сумѣвъ разумно осмыслить извѣстныя ему фактическія подробности преданія, и, наоборотъ, при умѣлой комбинаціи наличнаго матеріала повѣствованія всѣ его частности должны пріобрѣсти достоинство историческихъ цѣнностей? Дѣйствительно, держась того правила исторической критики, что въ подобнаго рода сказаніяхъ ни одна основная черта не возникаетъ ex nihilo, т.е. безъ исторической подкладки, и что даже въ ихъ подробностяхъ, при счастливыхъ условіяхъ, можно открывать истину, но только отраженную и многократно преломленную, мы постараемся въ дальнѣйшемъ раскрытіи вопроса по возможности объяснить и даже оправдать всѣ главные элементы лѣтописнаго разсказа. Но прежде чѣмъ начать его критическую апологію, мы должны въ немъ произвести еще одно не малое разрушеніе: отвергнуть данныя лѣтописнаго повѣствованія относительно времени и мѣста крещенія св. Владиміра и года крещенія всей Руси.

По лѣтописной повѣсти, какъ извѣстно, св. Владиміръ принимаетъ крещеніе въ

Корсуни, въ торжественной обстановкѣ, причемъ епископъ вручаетъ ему буквально приводимый тамъ символъ; событіе стоитъ подъ 988 г. По окончаніи своего разсказа авторъ однако же полемически замѣчаетъ: „се же, несвѣдуще право, глаголютъ, яко крестился есть въ Киевѣ; иніи же рѣша: в Василевѣ; друзии же инако скажютъ". Существованіе во времена писателя „Повѣсти" такихъ разнорѣчивыхъ мнѣній о мѣстѣ крещенія самаго крестителя русскаго — фактъ весьма многознаменательный; и, видимо, они были не настолько ничтожны, чтобы не заслуживать сдѣланнаго упоминанія. Какъ могли возникнуть нѣсколько сужденій о такомъ яркомъ, выдающемся событіи, какъ публичное крещеніе русскаго государя предъ всѣмъ своимъ воинствомъ и сонмомъ греческой іерархіи, пришедшей затѣмъ на Русь? Всякіе неподходящіе толки о мѣстѣ крещенія кн. Владиміра должны были бы изгладиться, если бы почему нибудь и возникли, уже за долгое, почти 30-лѣтнее княженіе послѣ того самого виновника событія; цѣлымъ поколѣніемъ очевидцевъ корсунскихъ событій — дружинниковъ были бы заграждены уста всякому искажателю исторической истины. Кромѣ того, всякій вымыселъ о дѣлахъ и подвигахъ историческихъ героевъ никогда не убавляетъ, а всегда прибавляетъ, т.е. раздуваетъ и разукрашаетъ трактуемое событіе. Въ настоящемъ случаѣ дѣло было бы какъ разъ наоборотъ: вмѣсто тріумфальнаго крещенія побѣдителя въ

блестящемъ греческомъ городѣ переносятъ вме-
сто въ обыкновенную обстановку Кіева или
даже въ маленькій пригородъ Василевъ (наст.?
Васильковъ въ 36 верст. къ ю.з. отъ Кіева) или еще
въ какое то другое не стоющее названія мѣсто.
Къ счастію для провѣрки этихъ показаній
разбираемой лѣтописной повѣсти мы распо-
лагаемъ болѣе древними, чѣмъ она, русски-
ми памятниками; это — уже упомянутыя
произведенія XI в.: Іакова Мниха „Похвала кн.
рус. Влад.“ x) и преп. Нестора „Чтеніе о житіи
и погубленіи блаженную страстотерпцу Бориса
и Глѣба“ (~~неизвѣстнаго сочин~~) и еще одно: „Сказа-
ніе страстей и похвала объ убіеніи святую
мученику Бориса и Глѣба“ неизвѣстнаго сочи-
нителя, безъ достаточныхъ основаній при-
писывавшееся вышеупомянутому монаху
Іакову. На основаніи всѣхъ этихъ произведеній
съ несомнѣнностью выясняется, если не мѣ-
сто, то время крещенія кн. Владиміра, а че-
резъ это рѣшительно устраняется Корсунь
какъ мѣсто событія. Первѣе всего монахъ
Іаковъ, сообщившій въ своей „Похвалѣ“ нѣсколь-
ко точныхъ хронологическихъ датъ, относитель-
но года крещенія кн. Владиміра дѣлаетъ
цѣлыхъ два указанія. Полагая день (~~креще~~)
успенія князя 15 Іюля 1015 г. онъ говоритъ, что
„по святомъ крещеньи поживе блаженный
князь Володимеръ 28 лѣтъ“. Отнявъ эту сум-

---

x) Если и возникаютъ въ настоящее время сомнѣ-
нія въ принадлежности „похвалы“ Іакова къ XI вѣку,
то для насъ всетаки не теряютъ своей цѣны
хронологическія показанія, вполнѣ, какъ увидимъ ниже,

му изъ года смерти получаемъ 987г.-годъ крещенія. Затѣмъ Іаковъ опредѣленно заявляетъ, что кн. Владиміръ „на третье лѣто по крещеніи Корсунь городъ взя"; а такъ какъ ниже мы убѣдимся, что Корсунь взятъ въ 989г., то и это указаніе относитъ насъ къ 987г. какъ крещенія году русскаго князя. Для настоящаго случая важно и то, что по ясному свидѣтельству этого древняго писателя кн. Владиміръ ходилъ на Корсунь уже крещеннымъ; это видно и изъ формулы молитвы передъ взятіемъ города, влагаемой авторомъ въ уста князю: „Гди Бже Влдко всѣхъ! Сего у Тебе прошю, даси ми градъ, да пріиму, да пріиму и приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьяньскому." Что 28 лѣтъ, которые прожилъ кн. Владиміръ, по указанію мниха Іакова, послѣ своего крещенія нужно считать въ смыслѣ полной цифры, не дозволяющей ни въ какомъ случаѣ подтягивать событіе къ 988 году, въ этомъ говоритъ поименованное „Сказаніе" о Борисѣ и Глѣбѣ, что „уже минувшемъ лѣтомъ 28 по крещеніи Володимеръ впаде въ недугъ крѣпокъ", отъ которого и скончался. Третій достовѣрный свидѣтель-преп. Несторъ въ чтеніи о Борисѣ и Глѣбѣ даже прямо называетъ годомъ крещенія Володимера 987ой годъ*)

свпадающія съ показаніями другихъ домашнихъ и иностранныхъ источниковъ.

*) Въ нѣкоторыхъ изъ дошедшихъ до насъ спискахъ Несторова „Чтенія," въ одномъ спискѣ даже — XII в. (изд. Бодянскимъ) вмѣсто 6495 = 987г. стоитъ 6490 =

Надѣемся, что при успѣхѣ этихъ трехъ свидѣтелей — нашихъ древнѣйшихъ писателей — твердо станетъ дата личнаго крещенія кн. Владимира. Значитъ онъ крестился раньше своего народа и, слѣдовательно, до поры до времени этотъ фактъ составлялъ для большинства тайну. Понятно въ такомъ случаѣ, что и мѣстомъ крещенія былъ избранъ незамѣтный уголокъ, всего вѣроятнѣе именно Васильевъ, какъ великокняжеская деревня или дача, которая и получила свое названіе отъ христіанскаго имени Володимера въ память о совершившемся здѣсь знаменательномъ актѣ. При какихъ условіяхъ произошло это крещеніе отчасти уяснится нѣсколько ниже. Противъ Корсуня, какъ мѣста крещенія кн. Владимира, отрицательнымъ образомъ говоритъ и молчаніе о томъ византійскихъ хронистовъ-компиляторовъ, Кедрина и Зонары, хотя они кратко упоминаютъ о самомъ фактѣ. Современникъ событія крещ. Руси арабскій лѣтописецъ Яхъя также ничего не пишетъ о роли Корсуня въ этомъ дѣлѣ („и послалъ къ нему (царю Руссовъ) царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ и они крести

= 982 г. Эта цифра явно ошибочная: переписчикъ послѣднюю букву начертанія ЅУП҃Е принялъ не въ цифровомъ значеніи, а въ смыслѣ добавочнаго е т. е. читалъ „въ лѣто 6490-е гор. ЅУЧ-(е)". Такой ошибочный списокъ и былъ, по всей вѣроятности, у составителя „Житія блаж. Володимера" въ XIвѣкѣ, потому что онъ утверждаетъ, будто Владимиръ жилъ по крещеніи 33 года (1015 - 33 = 982)

ли царя и всѣхъ кого обнимали его земли") Даже самостоятельныя въ историческомъ смыслѣ повѣсти, каковы сага объ Олавѣ Тригвесонѣ и так. наз. Бандуріево сказаніе ([illegible] произведеніе какого-то средневѣковаго грека; впервые въ полномъ видѣ напечатанное въ 1891 г. Регелемъ въ „Analecta Byzantino-Russica." Petropoli;) представляютъ крещеніе русскаго князя совершившимся у себя дома. Словомъ данный пунктъ нашей лѣтописной повѣсти не подтверждается ничѣмъ ни прямо, ни косвенно. Какъ же въ такомъ случаѣ, возникло закрѣпленное лѣтописной повѣстью убѣжденіе, будто кн. Владиміръ принялъ крещеніе въ Корсунѣ? — Мы видѣли, что личное крещеніе св. князя оставалось для народа неизвѣстнымъ. Но вотъ возвращается кн. Владиміръ изъ Корсуня, гдѣ несомнѣнно крещены были массы его дружинниковъ, возвращается со множествомъ христіанскихъ священниковъ, съ принадлежностями новаго богослужебнаго культа и объявляетъ себя и дружину христіанами de facto, а всѣхъ подданныхъ — въ принципѣ. Понятно, что народная молва разнесла послѣ этого вѣсть, что князь вмѣстѣ съ своими сподвижниками принялъ крещеніе во во-время похода въ греческой землѣ. Пока жили очевидцы событія, всѣ люди свѣдущіе, какъ видно на примѣрѣ приведенныхъ писателей XI в., не раздѣляли этого простонароднаго убѣжденія; но въ народѣ оно не умирало, потому что болѣе соотвѣтствовало его поэтическимъ вкусамъ, и писатель XII вѣка принялъ его, вѣроятно, по тѣмъ же самымъ по-

бужденіямъ. Е. В. Барсовъ на докторскомъ диспутѣ Голубинскаго приводилъ одну народную былину о сватовствѣ княземъ Владиміромъ греческой Царевны и предполагалъ, что вся лѣтописная повѣсть могла быть заимствована изъ такого же источника. Основываясь даже на подобномъ источникѣ авторъ повѣсти былъ бы еще сравнительно близокъ къ настоящей исторіи. Но есть признаки, что онъ не особенно стѣснялся условіями, обязательными для историка. Проф. Ф. Терновскій (Изученіе визант. исторіи и ея тенденціозное приложеніе въ др. Руси. Кiев. Унив. Извѣст. 1874 г. №2) въ разсказѣ о болѣзни Владиміра въ Корсунѣ предъ крещеніемъ*) видитъ подражаніе повѣствованію Амартола объ обстоятельствахъ крещенія имп. Константина Великаго. У Амартола говорится, что имп. разболѣлся проказою и хотѣлъ по совѣту языческихъ жрецовъ принять ванну изъ крови младенцевъ, но во снѣ ему явились верховные апостолы и велѣли позвать еп. Сильвестра; этотъ приготовилъ купель съ водою и крестилъ императора, к-рый сейчасъ же исцѣлился отъ своей болѣзни. Видя чудо, синклитъ и весь народъ воскликнули: „единъ Богъ христіанскій великъ и страшенъ, и всѣ мы отнынѣ вѣруемъ и крещаемся" (срв. лѣтоп. „се же видѣвше дружина его, мнози крестишася") Затѣмъ, якобы преподанный Владиміру крестившимъ его епископомъ Симв-омъ, есть ничто иное

*) Кстати сказать, „Житіе бл. Вл." выражается неопредѣленно: „Владиміръ разболѣлся," а по крещеніи „цѣлъ бысть отъ язвы", между тѣмъ лѣтоп. повѣсти: „разболѣся очима и не видяше ничтоже" послѣ же крещенія „абіе прозрѣ".

какъ новый переводъ „исповѣданія вѣры" Михаила Синкелла пресвитера іерусалимскаго, помѣщенный раньше въ Святославовомъ сборникѣ 1073 г. (Сухомлиновъ. Учен. Зап. 2-го отд. Имп. Ак. Н. кн. III), а сопровождающее его краткое сказаніе о семи вселенскихъ соборахъ, заимствовано изъ церковно-историческаго продолженія толковой Палеи (Павловъ. Критич. опыты по ист. др.-греко-русск. полемики противъ лат. Спб. 1878 г. с. 9 сл...)[x)]

Не краткая рѣчь о годѣ крещенія всего русскаго народа поведетъ насъ одновременно къ нѣсколькимъ цѣлямъ заразъ: къ уясненію времени этого событія, - опредѣлившихъ его обстоятельствъ, и къ попутной апологіи преданій лѣтописной повѣсти. Лѣтопись въ данномъ пунктѣ страдаетъ очевидною несообразностью въ своихъ хронологическихъ показаніяхъ: подъ однимъ 988 годомъ здѣсь скучено невозможное количество фактовъ: Корсунскій походъ съ продолжительною осадою города, тянувшейся по „Житію" шесть мѣсяцевъ и, судя по описанію ея различныхъ перемѣній въ „Повѣсти" дѣйствительно не менѣе этого, переговоры и обмѣнъ посольствъ между Корсунемъ и КП-лемъ, крещ. князя, женитьба его, переѣздъ во Кіевъ, крещеніе народа, поставленіе церквей „по градомъ", установленіе ученія книжнаго, двукратное размѣщеніе сыновей Владиміра по княженіямъ, построеніе городовъ около Кіева, и наконецъ не малолетная рать съ Печенѣгами „и бѣ (велик. князь) боряся съ ними"

x) Длиннѣйшая рѣчь греческаго философа, обращенная къ Влад. также взята изъ источника ближайшимъ образомъ сходнаго съ Палеей Исторической (Сухомлиновъ ib. с. 7 +.)

заключаетъ лѣтопись и „одолѣя имъ." Ясное дѣло, что мы имѣемъ здѣсь предъ собою не дѣйствительную лѣтописную хронологію, а механическую подстановку годовъ къ особо-написанному и уже впослѣдствіи вставленному въ лѣтопись повѣствованію. Слѣды пертурбаціи, внесенной этою вставкою въ лѣтописную хронологію, и до-селѣ видны въ томъ, что во Ипатскомъ спискѣ 989 и 990 годы оставлены пустыми (ихъ фактическое содержаніе при интерполяціи поглотилъ 988-й годъ), а въ Лаврентьевскомъ 990 годъ совсѣмъ опущенъ и подъ 989-й годъ взято одно событіе отъ 991-го года. Такимъ образомъ нѣтъ возможности защищать 988-й годъ, какъ годъ всенароднаго крещенія, прежде всего по внутреннимъ признакамъ. Лѣтописный годъ начинается съ марта мѣсяца. Поэтому, если бы Владиміръ выступилъ во 988 г. въ походъ вмѣстѣ съ весеннимъ разливомъ Днѣпра, то и началъ осаду Корсуня съ апрѣля, то онъ окончилъ бы её черезъ шесть мѣсяцевъ, только въ Октябрѣ; затѣмъ нужно отмѣрить еще не малый промежутокъ времени для умѣщенія событій, происшедшихъ, по описанію „повѣсти", до момента крещенія Кіевлянъ. Владиміръ отправляетъ во КП-ль посольство съ требованіемъ руки царевны Анны; та долго не соглашается; наконецъ отъ императоровъ прибываетъ посольство въ Корсунь и предъявляетъ русскому князю условіе: креститься; онъ даетъ согласіе, посольство ѣдетъ обратно и только послѣ этого пріѣзжаетъ Анна изъ Царьграда; затѣмъ слѣдуютъ болѣзнь Владиміра, его кре-

щеніе, и наконецъ вѣнчаніе и поставленіе церкви „въ Корсуни на горѣ". Если теперешніе пароходы совершаютъ свой путь отъ Одессы до КП-ля въ нѣсколько дней, то мы не ошибемся, если на угаданные четыре рейса между Корсунью и КП-лемъ на парусныхъ судахъ X вѣка положимъ minimum 4 недѣли. Послѣ этого не говоря о послѣдующихъ событіяхъ, возвращеніе Владиміра въ Кіевъ придется пріурочить къ зимнимъ мѣсяцамъ Ноябрю и декабрю. Время для радостной картины народнаго крещенія въ рѣкѣ самое неподходящее! Поэтому упорные и откровенные защитники лѣтописной даты доходятъ въ отчаяніи до курьезовъ. Одинъ изъ нихъ (Матченко, написавшій образцово-слабое произведеніе „Св. равноап. кн. Влад.", печатавшееся въ „Страникѣ" 1888-89г.) всякими правдами и неправдами натягиваетъ фактъ крещенія на кін октября, успокаивая читателей примѣромъ многихъ купающихся вплоть до ноября и даже бросающихся въ крещенское водосвятіе въ прорубь (нельзя ли было, замѣчаетъ на это его критикъ, и кіевлянъ крестить зимою въ проруби?). „Во вторыхъ" говоритъ этотъ авторъ, „тамъ, гдѣ дѣло идетъ о перемѣнѣ вѣры, предъ такими препятствіями, какъ холодная вода, не можетъ быть остановки и уступки", но тутъ же дѣлаетъ самъ невозможнѣйшую уступку, именно, продолжаетъ онъ: „изъ лѣтописи и житія видно, что крещеніе происходило при такой обстановкѣ, что возможность простуды для неокрѣпшихъ организмовъ была, видимо, устранена. Въ во-

ду входили только взрослые, молодые же ст-
яли „на берегу." (sic!!!) (стр. 272-273) Крещеніе на с-
хомъ берегу! Крещеніе безъ воды?!! Подлинно —
„разористе заповѣдь Божію за преданіе ваше
Для насъ было бы достаточно и домаш-
няго свидѣтельства монаха Іакова, что св. В-
димиръ „на третье лѣто по крещеніи Корсун-
городъ взя" т.е. въ 989 г. (для г. Матченко это
конечно, другое, вторичное взятіе одного и то-
го же города!), чтобы относить крещеніе кі-
евлянъ не раньше какъ къ этому, или скорѣ
къ слѣдующему, 990 му году, но въ подтвер-
жденіе указанной даты выдвигается цѣлая
фаланга свидѣтелей иностранныхъ, арабск-
и греческихъ, не дающихъ теперь мѣста ни-
какому въ томъ сомнѣнію. Живой свидѣтел-
византійскихъ событій конца X вѣка, близкій
къ императорскому двору, Левъ діаконъ Калой-
скій, закончившій свою исторію 989 годомъ, ра-
сказавъ о бунтѣ Варды Фоки, подавленномъ
13 апрѣля 989 года, прибавляетъ, что въ то вре-
мя на сѣверной части неба въ глухую ночь
показались страшные огненные столбы — „они
предсказывали <u>послѣдовавшее затѣмъ</u> взятіе
Херсона (= Корсунь) Тавро-скиѳами (у этого пи-
сателя вездѣ въ значеніи русскихъ) и захватъ
Верріи мисянами (= болгары)". Другой современ-
никъ, арабскій лѣтописецъ Яхъя Антіохій-
скій и его позднѣйшій компиляторъ Ал-
Макинъ прямо говорятъ, что описанное
явленіе наблюдалось 7 апрѣля 989 г. Значитъ
Корсунь взятъ Владиміромъ послѣ этого
времени. „И сверхъ того" продолжаетъ сво-

рѣчь Левъ діаконъ, „(показалась) звѣзда, появляющаяся въ закатномъ солнца на западѣ, которая, совершая свой восходъ по вечерамъ, не сохраняла однако прочнаго положенія... дѣлала частыя перемѣщенія... а иногда даже при одномъ и томъ же восхожденіи измѣняя свое мѣстоположеніе въ эоирномъ пространствѣ и совершая рѣзкое и быстрое передвиженіе, такъ что видящіе это удивлялись, поражались страхомъ и думали, что не добромъ кончится страшное движеніе кометы; что и сбылось согласно съ догадками толпы" 25 октября, когда произошло страшное землетрясеніе въ Кп-лѣ и его окрестностяхъ, при чемъ „обрушило и повергло на землю верхнюю часть свода въ великой церкви (Софіи), а также западную часть абсида". Объ этой кометѣ 989 года, какъ предвѣстницѣ землетрясенія, говорятъ и арабскіе лѣтописцы и армянскій историкъ Асохикъ и множество западныхъ. (Ромуальдъ Салернскій, Левъ Остійскій, Титмаръ Мерзебургскій, кведлинб. ан., Саксон. ан. и др.) Яхъя и Аль-Макинъ появленіе относятъ къ 27 Іюля 989 г. Такъ какъ Левъ діаконъ каждое изъ двухъ отмѣченныхъ имъ небесныхъ знаменій считаетъ показателемъ особаго рода бѣдствія, а предсказанное кометой, явившейся 27 Іюля, землетрясеніе сбылось 25 Октября, то, заключаютъ отсюда, и предуказанное огненными столбами 7-го апрѣля взятіе Корсуня должно было къ 27 Іюля быть уже совершившимся фактомъ. Но такое заключеніе не достаточно основательно, по-

тому что связь между знаменіями и бѣдствіями у Льва діакона не столько хронологическая, сколько качественная: столбы на сѣверѣ показываютъ грозу, идущую отъ сѣвернаго народа — русскихъ, устрашающая подвижность кометы напоминаетъ движеніе земли — землетрясеніе, хотя этимъ не исключалась у него и временная преемственность событій, потому что первое несчастіе по началу своего исполненія несомнѣнно предшествовало 25-му октября, другими словами осада Корсуня началась ранѣе этого времени; съ другой стороны — не съ 27 Іюля т.е. съ начала самаго своего появленія комета пріобрѣла въ глазахъ Льва діакона свое специфическое значеніе показателя землетрясенія; онъ описываетъ её намъ, видимо, въ моментъ перигелія, который она прошла, по астрономическимъ вычисленіямъ, 12 сентября; тогда комета, огибая солнце, дѣйствительно ускоряетъ свой путь и быстро удлиняетъ направленіе своего хвоста, обращаясь въ сторону афелія. Слѣдовательно 27-е Іюля не можетъ считаться въ строгомъ смыслѣ даже за начало 2-го знаменія, и тѣмъ болѣе не можетъ быть признано за terminus ad quem Корсунской войны. Ниже мы яснѣе убѣдимся въ этомъ, а теперь напомнимъ одно обстоятельство, которое косвеннымъ образомъ доказываетъ, что Владиміръ началъ свои враждебныя дѣйствія противъ Корсуня уже подъ осень 989 года. Въ октябрѣ мѣсяцѣ имп. Василій неожиданно прими-

рается съ бунтовщикомъ Склиромъ на самыхъ выгодныхъ для послѣдняго условіяхъ: Склиръ получаетъ титулъ куропалата, съ обладаніе двѣ провинціи и всѣ приближенные его получаютъ государственныя должности. Такой оборотъ дѣла историки объясняютъ крайне стѣснительнымъ положеніемъ императора, въ которомъ онъ очутился благодаря непредвидѣнному превращенію русскаго князя изъ союзника въ врага, между тѣмъ какъ въ началѣ 989 г. это былъ единственный пособникъ императора, съ помощію котораго онъ восторжествовалъ надъ грозными междоусобіями и безъ котораго теперь вынужденъ былъ на позорное перемиріе съ бунтовщикомъ. Поэтому, если бы Корсунь взята была до 27 іюля, то къ октябрю мѣсяцу между Константинополемъ и Владиміромъ успѣли бы установиться тѣ дружественныя отношенія, скрѣпленныя бракомъ русскаго князя съ царевной Анной, которыя непосредственно предшествовали всеобщему крещенію русскаго народа, и тогда перемиріе императора съ бунтовщикомъ въ это время было бы ничѣмъ необъяснимо. Выводъ отсюда тотъ, что кн. Влад. въ октябрѣ 989 года (разумѣется январьскаго) велъ осаду Корсуня, начавши её передъ тѣмъ недавно; судя же по ея продолжительности, она могла быть закончена не ранѣе конца этого года. Тогда установленіе дружбы Владим. съ Визант. и бракъ съ ц. Анной падаютъ на самое начало 990 года январьскаго, а крещеніе кіевлянъ на лѣтніе мѣсяцы этого года. Замѣчательно, что Левъ

діаконъ, окончившій свою исторію 989 годомъ и кратко сообщившій о взятіи Херсонеса, ничего не говоритъ о такомъ крупномъ событіи, какъ крещеніе Руси; объясняется это просто тѣмъ, что онъ до этого событія не дошелъ въ своей исторіи т. е. что оно было позднѣе предѣльнаго дня Льва Д. 989 года.

Предъ нами еще остается неразрѣшенный цѣлый рядъ вопросовъ: что за союзъ Влад. съ Византійцами, бывшій до корсунскаго похода, какими разумными причинами обусловливается этотъ послѣдній и какъ всё это вяжется съ наступившимъ затѣмъ крещеніемъ русскаго народа? До времени спеціальнаго изученія источниковъ византійскаго народа, которое началось еще очень недавно, связь этихъ явленій представлялась до того загадочною, что породила весьма не вразумительную теорію „какого то завоеванія вѣры у грековъ." Теперь мы, однако, не столь безпомощны въ данномъ случаѣ и, можно сказать, созерцаемъ этотъ интересный для насъ историческій моментъ „при свѣтѣ новѣйшихъ открытій". Вотъ одно не такъ давно обнародованное свидѣтельство, суммарно охватывающее наибольшее количество взаимно связанныхъ фактовъ изъ области русско-византійскихъ отношеній разбираемаго времени: оно находится въ арабской лѣтописи современника всѣхъ этихъ происшествій, Яхъи Антіохійскаго, переведенной и объясненной барономъ Розеномъ (Имп. Василій Болгаробойца Спб. 1883).

„а) И взбунтовался Варда Фока и провозгласилъ себя царемъ въ среду, день праздника

креста, 14 сент. 987г. и овладѣлъ страною грековъ до Доризеи и до берега моря, и дошли войска его до Хрисополя (нын. Скутари) b.) И стало опаснымъ дѣло его и былъ имъ озабоченъ царь Василій по причинѣ силы его войскъ и побѣды его надъ нимъ. И истощились его богатства и побудила его нужда послать къ царю руссовъ, — а они его враги — чтобы просить ихъ помочь ему въ настоящемъ его положеніи. с.) И согласился онъ на это. И заключили они между собою договоръ о свойствѣ и женился (или „и женитьбѣ") царь („я") руссовъ на сестрѣ царя Василія; послѣ того какъ онъ поставилъ ему условіе, чтобы онъ крестился и весь народъ его странъ, а они народъ великій. И не причисляли себя русы тогда ни къ какому закону и не признавали никакой вѣры. И послалъ къ нему царь Василій впослѣдствіи митрополитовъ и епископовъ, и они крестили царя и всѣхъ, кого обнимали его земли, и отправилъ къ нему сестру свою, и она построила многія церкви въ странѣ русовъ. d) И когда было рѣшено между ними дѣло о бракѣ, прибыли войска русовъ, также соединились съ войсками грековъ, которыя были у царя Василія, и отправились всѣ вмѣстѣ на борьбу съ Вардою Фокою моремъ и сушею въ Хрисополь. И побѣдили они Фоку и захватилъ царь Василій приморскую область и всѣ суда, которыя были въ рукахъ Фоки." (с. 23-24) Чтобы ближе приблизить къ своему пониманію смыслъ этого мѣста, необходимо сдѣлать небольшую справку съ тогдаш-

ней византійской исторіей. По смерти имп. Романа II (въ 963 г.) за малолѣтствомъ двухъ его сыновей Василія и Константина, государствомъ преемственно правили титулярные императоры Никифоръ Фока (963-969) и Іоаннъ Цимисхій (969-976). Дѣла имперіи, понимаемыя во внѣшнемъ смыслѣ, шли блистательно, но какъ только скончался Цимисхій и юные Романовичи готовы были стать самостоятельными, ударъ за ударомъ посыпались на Византію съ разныхъ сторонъ несчастія. Способности государя при этомъ проявилъ только Василій, впослѣдствіи Болгаробойца; его слабоумный братъ оставался бездѣйствующей куклой на престолѣ. Службу около византійскаго трона несъ послѣдній опекунъ надъ императорами, принявшій изъ рукъ Цимисхія кормило правленія, хитрый интриганъ, ненавистный всѣмъ евнухъ Василій. Онъ прежде всего обидно понизилъ популярнѣйшаго въ имперіи полководца, начальника восточной арміи Варду Склира, и тотъ, удалившись въ Месопотамію, провозгласилъ себя императоромъ. Броженіе поднялось во всей Малой Азіи. На борьбу съ Вардой Склиромъ правительство достало изъ заключенія другого талантливаго полководца, личнаго соперника Склира, уже постриженнаго въ монахи, Варду Фоку. Фока, промѣнявъ одежду смиренія на мишурный нарядъ императора, энергично повелъ борьбу съ своимъ противникомъ, въ концѣ концовъ сломилъ его и загналъ въ плѣнъ къ Багдадскому калифу. Но

успѣла стихнуть эта первая вспышка бунта, какъ недовольная правительствомъ партія возбудила болгарское возстаніе, выпустивъ изъ Кп-ля двухъ плѣнныхъ болгарскихъ царевичей. Неосторожный имп. Василій самъ сталъ во главѣ войска и вторгся въ Болгарію, но тамъ 17 авг. 986 г. потерпѣлъ жестокое пораженіе въ Родопскихъ проходахъ при Срѣдцѣ (Сердикѣ); за одно съ болгарами въ этой битвѣ, по многимъ признакамъ, участвовали и русскіе войска. Узнавъ объ этой неудачи Василій Склиръ вырвался у Багдада и снова повелъ за собой ополченія. Начальствовавшій азійскими войсками Варда Фока въ это время также помышлялъ надоброе. 15 авг. 987 г. его приверженцы уже провозгласили его тайно императоромъ; къ Вардѣ Склиру онъ послалъ предложеніе дѣйствовать заодно, но когда тотъ явился къ нему для переговоровъ, то былъ схваченъ и заточенъ въ замокъ. Тогда Фока съ двумя арміями двинулся къ Византіи и сталъ въ Хрисополѣ и Авидосѣ (при Дарданеллахъ). Между тѣмъ по прежнему свирѣпствовало болгарское возстаніе. Тѣснимый съ двухъ сторонъ имп. Василій не могъ придумать болѣе естественнаго политическаго шага, какъ поспѣшить склонить на свою сторону могучую сосѣднюю силу русскаго князя, союзъ которой съ его врагами подписалъ бы смертный приговоръ его императорскому положенію. Онъ уже пострадалъ отъ русскаго оружія въ болгарскомъ пораженіи 986 года и могъ имѣть самыя серьезныя опасенія, что эта сила всё еще чи-

слится на сторонѣ болгаръ; не даромъ Яхъи прибавляетъ, при упоминанiи о русскихъ: „а они его враги." Едва ли императоръ не завелъ переговоровъ съ Влад. тотчасъ же послѣ несчастія при Средцѣ и, во всякомъ случаѣ, не тогда только отправилъ къ нему посольство, когда Варда Фока уже стоялъ на другомъ берегу Босфора, какъ можно поспѣшно заключить изъ хода рѣчи лѣтописи Яхъи, у котораго въ данномъ мѣстѣ послѣдовательное изложенiе событiй чуть не черезъ каждыя двѣ фразы нарушается забѣганiемъ впередъ. Императоръ Василiй узналъ о замыслахъ Фоки заблаговременно; его извѣстилъ объ этомъ пришедшiй къ нему въ промежуткѣ времени отъ 2 мая до 15 сентября 987 г. сынъ Варды Склира Романъ, вѣроятно прозрѣвавшiй коварство Фоки и желавшiй спасти этимъ доносомъ своего довѣрчиваго отца (Яхъя, Кедринъ). Поэтому нужно думать, что при самомъ началѣ возмущенiя Фоки т.е. приблизительно въ сентябрѣ 987 г. посольство греческаго императора было уже въ Кiевѣ. Цѣль этого посольства ясно выражена у Яхъи — именно полученiе отъ русскаго князя военной помощи черезъ родство съ нимъ, но подъ условiемъ крещенiя — подтверждается (Яхъи) и свидѣтельствомъ другихъ хронистовъ (Кедрина и Зонары) Иницiатива столь тяжелаго для грековъ предложенiя, какъ бракъ варвара съ порфирородною, вѣроятно принадлежитъ имъ самимъ, потому что роковая минута требовала пустить въ ходъ какъ можно скорѣе самое сильное средство, чтобы не упу-

стить изъ рукъ дорогаго союзника. Этимъ только Василій и могъ рѣшительнымъ образомъ повліять на политическія симпатіи Влад.; потому что во всемъ остальномъ для послѣдняго было совершенно безразлично имѣть дѣло съ какимъ угодно обладателемъ византійскаго престола: съ порфиророднымъ или съ самозванцемъ. Владимиръ быстро согласился, но мы знаемъ, что не эта политическая сдѣлка - настоящая причина его обращенія въ хр-во; это только прекрасный поводъ, ускорившій дѣло. Такого предложенія не оцѣнилъ бы и не принялъ тотъ невѣрный, узкій язычникъ, какимъ Влад. явился изъ Новгорода. Но великій духъ Владимира за нѣсколько лѣтъ княженія въ Кіевѣ неузнаваемо развился и уже готовъ былъ пойти на встрѣчу греческой вѣрѣ. Хотя въ средніе вѣка повсюду и въ частности въ Византіи былъ общій обычай назначать въ составъ посольствъ лицъ духовныхъ, но въ данныхъ случаяхъ предположить это тѣмъ болѣе нужно, что цѣль посольства на половину была миссіонерская и можно было ожидать встрѣтить въ настроеніи князя серьезное препятствіе къ перемѣнѣ вѣры. Религіозная бесѣда греческаго „философа" такимъ образ. становится вполнѣ вѣроятной. Вполнѣ вѣроятнымъ также считаетъ проф. Малышевскій и участіе въ этомъ посольствѣ съ миссіонерскими цѣлями служившихъ у императора варяговъ-христіанъ, которые могли вести съ Владимиромъ бесѣды на одномъ общемъ языкѣ и „какъ свои люди" имѣть боль-

ній успѣхъ. Въ крайней мѣрѣ такимъ предположеніемъ объясняется содержаніе двухъ скандинавскихъ сагъ. По одной изъ нихъ, исландецъ Торвальдъ Кадрансонъ былъ ревностнымъ распространителемъ христіанства на родномъ островѣ, но потомъ въ 980–1000 г.г. онъ былъ въ КП-лѣ, откуда и былъ посланъ греческимъ императоромъ въ Россію; здѣсь онъ велъ святую жизнь и погребенъ на высокой скалѣ Дrафni (= Днарчі = Днарч‚tadir = Dnерrstadt = городъ Днѣпра = Кіевъ). Другая сага объ Олавѣ Трюгвесонѣ передаетъ, что ея герой послѣ скитаній по Европѣ, гдѣ онъ возчувствовалъ расположеніе къ хр. вѣрѣ, возвратился ко двору Владиміра. „Здѣсь имѣлъ онъ видѣніе о раѣ и адѣ съ муками въ послѣднемъ, приготовленными для конунга Владиміра и его супруги и во время видѣнія слышалъ гласъ небесный, повелѣвавшій ему идти въ Грецію для познанія истиннаго Бога. Отправясь въ Грецію, Олавъ наставленъ былъ въ христіанской вѣрѣ и принялъ крещеніе. Затѣмъ онъ просилъ еп. Павла отправиться съ нимъ въ Россію и проповѣдывать тамъ. Епископъ согласился, но съ тѣмъ, чтобы напередъ отправился самъ Олавъ и приготовилъ князя и народныхъ вождей къ миссіи епископа. Олавъ прибылъ изъ Греціи въ Россію и достигъ своей цѣли (с 634) Интересно здѣсь упоминаніе о какомъ то видѣніи ада и рая. Составитель нашей лѣтописной повѣсти могъ заимствовать эту частность и изъ хронографовъ, которые разсказываютъ о нѣкоемъ художникѣ Мефодіи обратившемъ

сердце болгарскаго царя Бориса къ христіанству посредствомъ изображенія на стѣнѣ картины страшнаго суда, а мож. б. и дѣйствительно существовалъ когда-то у греческихъ миссіонеровъ такой педагогическій пріемъ и имѣлъ мѣсто при дворѣ нашего князя.
Если имп. Василій дѣлалъ кн. Владиміру через свое посольство указанныя лестныя и небывалыя предложенія, то онъ дѣлалъ это, полагаютъ, подъ вліяніемъ, такъ сказать, конкурренціи на пріобрѣтеніе союза русскаго князя со стороны враговъ императора — болгаръ и Варды Фоки. Немного нужно было имѣть политическаго смысла, чтобы видѣть, что все спасеніе императора зависитъ отъ Кіева и что бороться съ нимъ надо сначала не на Босфорѣ, а дипломатическимъ путемъ — на Днѣпрѣ. Поэтому проф. Завитневичъ строитъ правдоподобную гипотезу о приходѣ къ Кіевскому двору въ 987 году нѣсколькихъ посольствъ съ разныхъ сторонъ: отъ болгаръ непосредственно, а отъ Варды Фоки, опиравшагося на Закавказскаго союзника — царя Иверіи через посредство Хазаръ; предполагается посольство и отъ нѣмецкаго императ. Оттона III, точнѣе отъ его регентши-матери Ѳеофано, родной сестры греч. императора Василія, съ цѣлью болѣе успѣшнаго привлеченія Владиміра на сторону Византійскаго правительства и обольщенія перспективой родства съ обоими императорскими домами Европы. Слухъ объ этихъ, почти одновременныхъ посольствахъ, изъ коихъ главное несомнѣнно имѣло миссіонерскій характеръ, и далъ поводъ къ созданію разсказа о религіозныхъ

посольствахъ отъ разныхъ народовъ: болгары дунайскіе превращаются въ болгаръ волжскихъ, чтобы дать поводъ охарактеризовать магометанство, хозары представляютъ іудейство; отъ папы приходятъ именно нѣмцы и замѣчательно, что греческій проповѣдникъ въ этомъ случаѣ совершенно наособицу относится къ нимъ съ величайшею снисходительностію, онъ говоритъ, что „ихъ вѣра мало чѣмъ разнится отъ греческой".

Что касается фактической подкладки сказанія объ обратныхъ посольствахъ со стороны Владиміра для осмотра вѣръ, то, при завязавшихся отношеніяхъ съ греками подъ условіемъ принятія ихъ вѣры, вполнѣ цѣлесообразно было кн. Владиміру отправить послами къ грекамъ славянскихъ старѣйшинъ и дружинниковъ, мало подготовленныхъ къ христіанству, для ознакомленія ихъ съ христіанской столицей и греческимъ богослуженіемъ. Кромѣ того, въ Никоновской лѣтописи подъ 1001 годомъ сохранилось любопытное свидѣтельство, подлинность котораго не возбуждаетъ среди ученыхъ особенныхъ сомнѣній: „того же лѣта посла Владиміръ гостей своихъ аки въ послѣхъ въ Римъ, а другихъ во Іерусалимъ и во Египетъ и въ Вавилонъ соглядати земель и обычаевъ ихъ". Такое предпріятіе какъ нельзя болѣе вяжется съ представленіемъ

о кн. Владимиръ, который въ своей реформѣ преслѣдовалъ не одни религіозныя цѣли, а въ широкомъ смыслѣ цѣли государственно-просвѣтительскія. Какъ ему самому въ виду этого было полезно познакомиться съ формами благоустройства другихъ народовъ міра, такъ особенно нужно было расширить міросозерцаніе своихъ подданныхъ и прежде всего лицъ раздѣлявшихъ съ нимъ труды по управленію и улучшенію жизни народной. Это своеобразное посольство Владиміра напоминаетъ образовательныя командировки временъ Петра Великаго. Но такъ какъ самымъ щекотливымъ и серьезнымъ пунктомъ въ реформахъ кн. Владиміра была перемѣна народной вѣры, то, несомнѣнно, посланные имъ заграницу люди особенно интересовались всюду именно этой стороной дѣла, по возвращеніи разсказывали о своихъ впечатлѣніяхъ и вѣроятно искренно хвалили и превозносили предъ своими соотечественниками вѣру грековъ уже post factum.
Принявъ условія, предложенныя императорскими посольствами, кн. Владиміръ, нужно думать, не замедлилъ засвидѣтельствовать свою готовность перемѣнить вѣру, т. е. принять крещеніе. Это было во II/2 987-го январскаго года. Так. обр. отправляясь отъ иностранныхъ источниковъ, мы приходимъ къ тому же хронологическому выводу по данному вопросу, какой почерпнутъ былъ нами выше и изъ отечественныхъ древнихъ авторовъ.

По условію заключеннаго между Василіемъ и княземъ Владиміромъ договора, будущій зять императора обязывался доставить въ Византію немедленную военную помощь. Ни въ греческихъ (Пселлъ, Кедринъ, Зонара), ни въ арабскихъ (Яхья, Ал-Мякинъ, Ибн-ал-Атиръ) источникахъ, говорящихъ объ этомъ фактѣ, ни у Асохика армянскаго, нѣтъ точныхъ указаній на время прибытія вспомогательнаго корпуса къ театру военныхъ дѣйствій. Обращая вниманіе на новеллу Василія отъ 4 апрѣля 988 г., въ которой онъ тономъ отчаянія говоритъ о тяготѣющихъ надъ нимъ несчастіяхъ, предполагаютъ, что въ это время русская помощь еще не пришла, а войско Варды Фоки уже стояло въ Хрисополѣ. Съ точки зрѣнія общихъ соображеній представляется также естественнымъ, что русскій отрядъ отправился въ Константинополь въ 988 г. извѣстнымъ весеннимъ путемъ, послѣ того какъ осенью и зимой 987 г. окончены были всѣ переговоры грековъ съ Владиміромъ и онъ принялъ крещеніе. Интересно въ этомъ отношеніи темное свидѣтельство монаха Іакова: онъ говоритъ, что „на второе лѣто по крещеніи св. Владиміръ къ порогамъ ходи." Хочется понимать это мѣсто именно какъ проводы посылаемаго къ императору войска до днѣпровскихъ пороговъ, гдѣ всегда грозила опасность отъ печенѣговъ; усиленная охрана особенно требовалась для возвратнаго греческаго посольства, вѣроятно снабженнаго богатыми дарами для будущей невѣсты кіевскаго князя.[70] Въ началѣ лѣта русская помощь такимъ обр. была уже готова къ услугамъ императора Василія, и немедленно были предприняты имъ наступательныя дѣйствія. Противъ столицы у Хрисополя стояла

части войскъ Варды Фоки подъ начальствомъ патриція Дельфинаса. Рѣшено было сдѣлать на нихъ внезапное нападеніе. Подъ прикрытіемъ ночной темноты прибывшая Русь была посажена на корабли и неожиданно обрушилась на неготовыхъ къ бою противниковъ; побѣда была полная. Послѣ этого во вторую половину 988 г. имп. Василій занялся подавленіемъ бунта въ приморской области, а въ мартѣ 989 г., по свидѣтельству Яхъ-и (с. 25), императоръ съ своими войсками и войсками руссовъ придвинулись къ Абидосу, гдѣ стоялъ съ главными силами самъ Варда Фока. Рѣшительное сраженіе 13 апрѣля 989 г. было роковымъ для Фоки: въ числѣ трофеевъ новой побѣды императору досталась голова самого бунтовщика. Свою миссію русское войско выполнило блистательнымъ образомъ. Возвратились-ли тотчасъ-же благодѣтельные наемники домой, или непрерывно оставались въ Византіи до 1000 г., когда мы впервые встрѣчаемъ упоминаніе о 6000-номъ русскомъ корпусѣ, состоявшемъ на службѣ у императоровъ и имѣвшемъ свою долголѣтнюю исторію.[71]) Нельзя сказать съ полной увѣренностью, но то несомнѣнно, что по истеченіи лѣта 989 г. между союзными правительствами Константинополя и Кіева произошелъ разрывъ: Владиміръ осадилъ Корсунь. Кажется наиболѣе близки къ истинѣ тѣ, кто признаютъ, что Владиміра вынудило на этотъ шагъ пресловутое вѣроломство византійской политики. Съ подавленіемъ бунта Варды Фоки 13 апрѣля 989 г. главная опасность для императорскаго престола; престарѣлый Склиръ, снова получившій свободу и снова заявившій свои претензіи на царскій вѣнецъ, былъ уже ему не такъ страшенъ, а между тѣмъ поставленное условіе въ отношеніи къ кіевскому

князю (бракъ его съ царевной Анною) было для грековъ необычайно тяжело. Не далѣе какъ 20 лѣтъ назадъ (въ 968 г.) когда императоръ нѣмецкій Оттонъ I искалъ для своего сына руки старшей ~~дочери~~ сестры ц. Анны Феофано, то въ Византіи страшно изумились, называли это неслыханнымъ дѣломъ: „inauditum est, ut porphyrogeniti porphyrogenitae, hoc est in purpura nati filia in purpura nata, gentibus misceatur." (Liutprandi Legatio, c. 15. [72]). Теперь такое неслыханное дѣло приходилось допускать уже изъ-подъ неволи. Естественнымъ образомъ, пущены были въ ходъ всякія отговорки и предлоги съ тѣмъ, чтобы отложить дѣло въ долгій ящикъ. Но настоять на точномъ исполненіи договора Владиміра должны были побуждать не интересы мелкаго самолюбія, а тѣ высокія чаянія, какія справедливо соединялись у него съ мыслію о предстоящемъ бракѣ. Родство съ Царьградомъ не только сообщало ему высокую честь и авторитетъ, какъ государю, но открывало путь къ щедрому полученію оттуда всѣхъ необходимыхъ для его народа культурно-просвѣтительныхъ средствъ и средствъ благоустроенія церковнаго. Сверхъ ожиданія даже на послѣднія греки были очень скупы, ревниво удерживая у себя всю „льготу" церковную едва не какъ свое національное преимущество: епископіи для варварскихъ народовъ открывались не особенно охотно; всѣ новообразуемые этого рода, какъ бы они далеки не были, по возможности причислялись къ вѣдомству одного окраиннаго греческаго епископа. Примѣры говорятъ о томъ-же: моравскій князь проситъ у ~~епископа~~ императора епископа, а ему посылаютъ только пресвитера, Болгарія не можетъ добиться отъ грековъ

архіепископа и обращаются къ папѣ; только послѣ этого греки даютъ прощеніе[73] Каѳоличность папской политики въ этомъ отношеніи стояла гораздо выше греческой какъ по идеѣ, такъ въ значительной степени и на дѣлѣ. Вселенская идея на Западѣ являлась какъ идея церковная: всѣ народы мыслились соединенными вокругъ св. престола какъ равно любимыя его дѣти, имѣющія одинаковое право на всю полноту церковнаго благоустроенія, подъ условіемъ внѣшняго объединительнаго средства — общаго для всѣхъ богослужебнаго языка. На западѣ, римскій имперскій универсализмъ въ соединеніи съ каѳоличностью христіанской идеи, за отсутствіемъ прямыхъ продолжателей свѣтской власти древняго Рима, сосредоточился въ лицѣ папы и получилъ поэтому систематическую <u>церковную</u> постановку. На востокѣ наоборотъ, церковно-каѳолическая идея не развилась и не отлилась въ самостоятельную систему, потому что ее какъ бы затѣнялъ живой и властный представитель унаслѣдованнаго отъ Рима внѣшняго универсализма — византійскій императоръ. Императорская власть являлась здѣсь естественною представительницею внѣшняго единства церкви, и сообщила этому единству отчетливый <u>политическій</u> характеръ. Всѣ православные христіане востока считались подданными императора, а жившіе самостоятельными государствами — вассалами его. Такъ, обратившихся въ христіанство черноморскихъ руссовъ патріархъ Фотій по одному этому ставитъ уже въ число подданныхъ имперіи (= ἐν ὑπηκόων τάξει). Въ ½ XII в. импер. Мануилъ объявилъ войну Венгріи между прочимъ за обиды, причиненныя его вассалу — галицкому князю Владимірку.[95] Отъ ½ XIV в. мы имѣемъ титулъ греч. императора, въ составѣ котораго

отличали имена всѣхъ единовѣрныхъ ему народовъ: или Graecorum, Abasiorum, Blachorum, Rhosorum et Alanorum[74]; Въ одномъ отрывкѣ изъ греческаго сочиненія того же XIV столѣтія точно обозначенъ и титулъ, какимъ чествовали византійскіе императоры русскихъ князей, именно титулъ стольника, точнѣе — „ὁ ἐπὶ τῆς τραπέζης ὀφφίκιος" (Русск. Истор. Библ. т. IV. прил. с. 273-4). При такой политической точкѣ зрѣнія на внѣшнее церковное единство, христіанскія церкви народовъ варварскихъ рассматривались въ Византіи, какъ провинціи въ отношеніи къ своей митрополіи: полноты церковнаго благоустройства для нихъ не полагалось. А такъ какъ роль указаннаго политическаго объединителя церкви, т.е. власть императора, оказалась преходящею, какъ все вообще политическое, то и зданіе единства, на немъ опиравшееся, исчезло какъ построенное на пескѣ, оставивъ въ концѣ концовъ православному востоку единство только идейное или собирательный автокефализмъ. Поэтому всякое давленіе внѣшней силы окрестныхъ варварскихъ народовъ на Византію, всякій моментъ ихъ политическаго возрастанія вынуждалъ у послѣдней постоянныя уступки церковныхъ привилегій, которыя въ результатѣ получалъ всякъ кто хотѣлъ, но какъ бы не по праву, а изъ милости, точнѣе по необходимости. Князь Владиміръ надѣялся устроить у себя архіепископскую, или митрополитанскую церковь безъ всякихъ хлопотъ по праву родства съ императоромъ, но гордые греки при первомъ же удобномъ случаѣ показали нежеланіе исполнять свои обѣщанія. Энергичный князь не замедлилъ сдѣлать прижимку: онъ осадилъ Корсунь, который представлялъ изъ себя Ахиллесову пяту византійской власти съ русской стороны. Подобнымъ же образомъ дѣйствовалъ въ аналогичномъ случаѣ

раньше Владимира болгарскій царь Симеонъ, чтобы получить руку греческой царевны для своего сына Петра, онъ долженъ былъ осаждать самый Константинополь. Указанная цѣль осады Корсуня отмѣчается и въ лѣтописной повѣсти, по которой Владиміръ, взявши городъ, предъявляетъ императорамъ единственное требованіе: выдать за него свою сестру, въ противномъ случаѣ онъ угрожалъ столицѣ тою же участью, какая постигла Корсунь. Императоровъ это весть очень опечалила, а еще больше самую царевну Анну, которая долго не соглашалась идти и будто бы говорила „яко въ полонъ иду, лучше бы ми сдѣ умрети." Другое независимое отъ этого русское свидѣтельство, запечатлѣнное характеромъ глубокой древности, говоритъ то-же самое: „шедъ взя Корсунь градъ, князя и княгиню уби, а дщерь ихъ за Ждьберномъ (= Sigbern). Не распустивъ полковъ, посла Олга воеводу своего съ Ждьберномъ въ Царьградъ къ царемъ просити за себе сестры ихъ." (Слово на успеніе в. кн. Владиміра. Востоковъ. Опис. Рум. Муз. №435). Что бракъ съ царевною Анною, ради достиженія котораго велась корсунская война, понимался Владиміромъ именно въ широкомъ смыслѣ возможности добыть религіозно-просвѣтительныя средства для русскаго народа, видно и изъ „похвалы" мниха Іакова: здѣсь сказано, что „умысливъ на греческій градъ Корсунь, сице моляшеся князь Володимеръ Богу: Господи Боже, Владыко всѣхъ! Сего у тебе прошу, даси ми градъ, да пріиму и да приведу люди крестьяны и попы на свою землю и да научатъ люди закону крестьянскому." Мысль понятая Владиміромъ оказалась дѣйствительною. Утомленные борьбою съ внѣшними врагами, императоры не хотѣли видѣть подъ своими стѣнами грознаго внѣшняго врага. Царевна Анна была выдана за Владиміра,

и миръ между Русью и Византіей возстановился. Женившись на царевнѣ въ Корсуни, Владиміръ возвращается въ Кіевъ уже съ вѣрными надеждами на полученіе полнаго штата іерархіи для открытія въ своемъ государствѣ вполнѣ благоустроенной церкви. Завоеванный городъ онъ возвратилъ грекамъ „за вѣно, царицѣ дѣля", но въ видѣ трофеевъ взялъ изъ него священниковъ и церковныя святыни — въ залогъ будущаго просвѣщенія и культурнаго развитія Руси, которое онъ представлялъ въ неразрывной связи съ христіанствомъ. Владиміръ перенесъ въ Кіевъ изъ Корсуни и нѣкоторыя крупныя произведенія искусства: „двѣ капищи мѣдяны," т.е. двѣ статуи (по другому источнику, имѣвшія подобіе женъ) и „4 кони мѣдяны"; въ XII вѣкѣ эти памятники еще стояли позади Десятиннаго храма, служа пробнымъ камнемъ невѣжества неопытныхъ русскихъ людей, изъ коихъ многіе „мнили ихъ мраморяны суща".

Возвратившись въ Кіевъ, какъ было установлено, въ началѣ 990 январскаго года, Владиміръ постарался, конечно насколько то было возможно, подготовить Кіевлянъ къ принятію новой вѣры, но такъ какъ Корсунскіе священники могли быть плохими учителями за незнаніемъ русскаго языка, то, полагаетъ Голубинскій, Владиміръ кромѣ обращенія къ мѣстнымъ Кіевскимъ священникамъ обращался за ними и въ единоплеменную Болгарію, откуда необходимо было достать богослужебныя книги, и къ Угорскимъ Русскимъ. Съ помощью однихъ священниковъ, до прибытія епископовъ, какъ видно изъ всѣхъ сказаній и житій, было совершено въ одинъ изъ лѣтнихъ дней 990 г. и общее крещеніе Кіевлянъ, по категорическому повелѣнію кн. Владиміра, который объявилъ всѣхъ возможныхъ ослушниковъ

этого повелѣнія противникомъ своей власти. „И не быть ни единого же," увѣряетъ митрополитъ Иларіонъ, „противящагося благочестному его повелѣнію. Да аще кто и не любовно, но страхомъ повелѣвшаго крещахуся: понеже бѣ благовѣріе его со властію сопряжено." 4/

Когда крещены были сыновья Владимира, вмѣстѣ съ нимъ въ 987 г. (что весьма вѣроятно), или въ 990 г., или въ Корсунѣ — извѣстій не имѣется. Что касается Корсуня, то здѣсь могли быть съ Владимиромъ и его сыновья; по крайней мѣрѣ о Ярославѣ имѣется положительное свидѣтельство: въ одномъ древнемъ западномъ кодексѣ сохранилась приписка къ житію св. папы Климента, которая передаетъ со словъ французскаго посольства, ходившаго къ Ярославу сватать дочь его за сына короля Роберта, собственное признаніе Ярослава, что онъ самъ лично принесъ изъ Корсуня главы Климента и ученика его Фивы 75/; а это было, по лѣтописи, въ моментъ возвращенія св. Владимира изъ Корсунскаго похода.

Въ знакъ побѣды новой вѣры надъ старой Владимиръ поспѣшилъ тотчасъ-же по крещеніи народа поставить на мѣстѣ прежняго языческаго мольбища, на холмѣ, гдѣ стояли идолы Перуна и другихъ боговъ, деревянную церковь св. Василія. Господствующее кіевское преданіе со временъ Петра Могилы видитъ продолжательницу этой дорогой намъ по своему первенству церкви въ нынѣшней Трехсвятительской каменной церкви, предполагая, что церковь Владимирова строенія эта-же, или къмъ-л. другимъ впослѣдствіи изъ деревянной обращена въ каменную. Голубинскій однако считаетъ исторію построенной Владимиромъ церкви св. Василія

окончившейся пожаромъ 1017 г., и теперешнюю Трехсвятительскую церковь, возможно, вместо какой-либо изъ двухъ церквей св. Василія, построенныхъ Кіевскими князьями въ XII в. (Ипат. летоп. подъ 1184 и 1197 г.).
Поставивъ деревянную церковь св. Василія какъ бы только на первое время, кн. Владиміръ вместе съ темъ „немедленно-же приступилъ къ сооруженію на томъ-же месте „настоящаго", каменнаго храма, который бы олицетворялъ собою государственную русскую церковь, служилъ ея представителемъ, какими служилъ Успенскій соборъ для Московскаго періода и Исаакіевскій для Петербургскаго. Такой храмъ, построенный греческими мастерами со всемъ возможнымъ великолепіемъ, достойнымъ русскаго государства, былъ законченъ въ 996 г.; это былъ такъ наз. Десятинный храмъ въ имя Успенія Пресв. Богородицы. Сюда Владиміръ поместилъ все святыни и все украшенія, вывезенныя имъ изъ Корсуня; здесь онъ хотелъ воочію видеть Византію, перенесенную на Русь. Судить объ устройстве и великолепіи Десятинной церкви мы можемъ къ сожаленію только по небольшимъ археологическимъ остаткамъ. Во время Монгольскаго нашествія въ 1240 г., храмъ этотъ мгновенно превратился въ груду развалинъ, такъ какъ своды и стены его рухнули отъ тяжести наполнившихъ его [illegible] и ихъ имуществами.
Разрушенный храмъ привлекъ вниманіе только митрополита Петра Могилы, который къ остатку двухъ уцелевшихъ древнихъ стенъ сделалъ пристройку небольшой церкви, существовавшей до 1828 г., когда митроп. Евгеній, после раскопокъ и изученія древняго фундамента, была заложена на средства одного усерднаго жертвователя

новая церковь, существующая и донынѣ. Длина
Владимировой Десятиннаго храма съ папертью и
средней алтарной абсидой равнялась 24 саженямъ
(т. е. умѣщалась бы въ пространствѣ отъ фронтонной
колоннады нашего лаврскаго собора до его амвона), а
ширина 16 саж. (т. е. шире на 1 сажень задней стѣны
того-же лаврскаго собора). Устройство фундамента
говоритъ о томъ, что храмъ дѣлился на отдѣльныя
галлереи рядами колоннъ, а найденные въ развали-
нахъ многочисленные куски мрамора и даже яшмы
и мелкіе обломки мраморныхъ базъ и капителей
доказываютъ, что часть колоннъ Десятиннаго храма
была именно изъ этого драгоцѣннаго матеріала.
Полъ въ алтарѣ былъ мозаическій изъ разноцвѣтныхъ
мраморовъ, яшмъ, стеколъ и муравленыхъ плитокъ,
а въ самой церкви выстланъ красными шиферами.
Стѣны въ алтарѣ украшала мозаика сплошная, а въ церкви
— фресковая живопись. Среди древняго Кіева все это
вмѣстѣ взятое являлось чудомъ новаго греко-христі-
анскаго искусства. Окончаніе постройки этого хра-
ма было для кн. Владиміра предметомъ величайшей
радости; въ этомъ видѣлъ онъ монументальное завер-
шеніе своего великаго дѣла и потому при освященіи
церкви пламенно молился о скорѣйшемъ обраще-
ніи и утвержденіи въ новой вѣрѣ всего русскаго на-
рода. „Господи Боже! призри с небесе и виждь и
посѣти винограда своего, и сверши, яже насади
десница Твоя новыя люди си, имже обратилъ еси
сердце в разумъ, познати Тебе Бога истиннаго."
Затѣмъ онъ пожертвовалъ въ пользу новосозданной
церкви десятину отъ личнаго имѣнія и городскихъ
налоговъ и устроилъ великій пиръ для бояръ и
народныхъ представителей, а бѣднымъ всѣмъ

разъять щедрую милостыню. Если будетъ доказана древность „Слова о томъ, како крестися Володимиръ возма Корсунь" и его значеніе, какъ источника для лѣтописи, то извѣстный разказъ о томъ, какъ Владимиръ повелѣлъ всѣмъ бѣднякамъ приходить къ нему за милостыней на княжій дворъ, а немощнымъ - развозить по городу, придется истолковывать, какъ единичный случай именно ко дню освященія Десятинной церкви, потому что въ „Словѣ" онъ стройно и грамматически связно примыкаетъ къ разсказу о пирѣ по поводу указаннаго церковнаго торжества. Впрочемъ и митроп. Иларіонъ и монахъ Іаковъ говорятъ о щедрости и милосердіи князя Владимира, какъ о выдающейся его добродѣтели. Іаковъ прямо пишетъ: „болѣе всего бяше милостыню творя князь Володимеръ: иже немощніи и старіи не можаху дойти княжа двора и потребу взяти, то въ дворъ имъ посылаше; немощнымъ и старымъ всяку потребу блаженный князь Володимеръ даяше. И не могу сказати многія его милостыня: и токмо въ дому своемъ милостыню творяше, но и по всему граду, не въ Кіевѣ единомъ, но и по всей земли русской, - и въ градѣхъ и въ селѣхъ, вездѣ милостыню творяше." По свидѣтельству Иларіона къ дѣламъ милости вел. князя относилось еще то, что онъ „должниковъ выкупалъ, рабовъ освобождалъ." Это прямо говоритъ объ искреннемъ и глубоко правильномъ пониманіи христіанскаго ученія великодушнымъ княземъ Владиміромъ, и нужно удивляться его уму и чуткости сердца, благодаря которымъ новая религія не свелась въ его глазахъ къ семи мистическихъ обрядностей, склоняющихъ милость Божію къ человѣку, а явилась призывомъ къ живой дѣятельности, которая не [illegible] даже, какъ это обычно бываетъ,

и прямъ установившимися порядками соціально-государственной жизни; къ числу послѣднихъ относилось рабство, procвѣтавшее на Руси, вслѣдствіе военно-торговыхъ интересовъ князей и дружинниковъ захватываемые во множествѣ военно-плѣнные служили въ то-же время и самымъ обычнымъ предметомъ вывозной торговли (отсюда и устрашающая цифра 800 наложницъ Владиміра-язычника). Просвѣтленная евангельскимъ ученіемъ совѣсть кн. Владиміра побудила его стать неизмѣримо выше обычныхъ понятій современниковъ и сдѣлаться первымъ русскимъ государемъ-освободителемъ рабовъ.

Нравственная чуткость геніальнаго князя можетъ быть поставлена въ укоризненный примѣръ даже многимъ просвѣщеннымъ христіанамъ XX вѣка: онъ, по словамъ лѣтописи, не рѣшался казнить разбойниковъ „боясь грѣха" и только авторитетъ епископовъ заставилъ его поступиться прямолинейнымъ пониманіемъ евангельскому идеалу. Не даромъ же въ народной памяти Владиміръ навсегда остался съ эпитетами „ласковаго князя, красно солнышка"... Но память о его бурномъ языческомъ прошломъ и жизнерадостныхъ пирахъ до конца жизни не вязалась съ быстро образовавшимися по Руси аскетическимъ представленіемъ о святости и, можно думать, замедлила установленіе церковнаго прославленія крестителя нашего народа. Только въ 1240 г. Александромъ Невскимъ, по случаю одержанной надъ шведами побѣды 15 іюля, былъ установленъ въ Новгородѣ праздникъ князю Владиміру какъ святому и написана церковная служба. Въ южной Руси этотъ праздникъ введенъ лишь въ XVII вѣкѣ Петромъ Могилою.

Прежде чѣмъ закончить сужденія о началѣ русскаго христіанства, для завершенія обзора станемъ сказать фундаменты нашей церковной исторіи, не лишне привести себѣ на память еще нѣкоторыя римско-католическія сказанія, приписывающія честь обращенія русскихъ въ христіанство латинскимъ миссіонерамъ, и отмѣтить дѣйствительныя попытки папъ подчинить насъ себѣ до времени устроенія на Руси оффиціальной церкви.

По латинскимъ сказаніямъ нашимъ крестителемъ является нѣмецкій миссіонеръ начала XI в., епископъ in partibus infid., Бруно (въ монашествѣ Бонифацій). Итальянскій епископъ Петръ Даміани (кардиналъ, писатель и святой †1072) въ написанномъ имъ житіи св. Ромуальда подробно повѣствуетъ о крещеніи русскихъ Бруномъ. Повѣсть его довольно длинна и начинена до излишества чудесными элементами. Бруно поражаетъ русскаго короля и множество его подданныхъ невредимымъ прохожденіемъ между двухъ костровъ. Послѣ этого принимаютъ крещеніе король и очевидцы событія. Но братъ короля въ отсутствіе схватываетъ Бруно и приказываетъ обезглавить въ присутствіи многочисленной толпы людей; однако всѣ участники злодѣянія остаются безъ движенія и чувствъ предъ тѣломъ мученика. Только молитва короля спасаетъ ихъ отъ бѣды, и тогда происходитъ всеобщее крещеніе. „Нынѣ, говоритъ Даміани, русская церковь хвалится, что имѣетъ его (Бруно) какъ блаженнѣйшаго мужа." Другой латинянинъ — интерполяторъ существующей хроники Адемара, жившій не позднѣе конца XII в., передаетъ, что св. Бруно, получивъ епископскій санъ по избранію импер. Оттона III-го, „смиренно отходитъ въ провинцію Угрію," обращаетъ ее въ христіанство, а за нею и — провинцію Руссію." Но когда онъ пустился до Печенѣговъ и началъ проповѣдывать имъ Христа, то пострадалъ

отъ нихъ." — „Тѣло его народъ русскій выкупилъ за дорогую цѣну, и построили въ Руси монастырь его имени, и началъ онъ сіять великими чудесами. Спустя немного времени пришелъ въ Руссію нѣкоторый греческій епископъ и обратилъ низшій классъ народа этой провинціи, который еще преданъ былъ идоламъ и заставилъ ихъ принять обычай греческій относительно рощенія бороды и прочаго."

Трудно было бы отвергать безусловно эти преданія, если бы мы не очень не имѣли надежнаго свидѣтеля миссіонерской дѣятельности Бруно въ лицѣ его современника, извѣстнаго хрониста Титмара Мерзебургскаго. Оказывается, Бруно былъ знакомъ Титмару со школьной скамьи и даже приходился ему родственникомъ. Они учились оба вмѣстѣ въ Магдебургской миссіонерской школѣ подъ руководствомъ знакомаго намъ архіеп. Адальберта, ходившаго на Русь при в. кн. Ольгѣ. Титмаръ, во 1) прямо говоритъ, что русскій князь Владиміръ принялъ вѣру отъ грековъ, а во 2) сообщая о миссіонерской дѣятельности Бруно, совсѣмъ не приписываетъ ему чести русскаго крестителя и точными хронологическими показаніями совершенно устраняетъ возможность такого факта: по Титмару Бруно сталъ епископомъ и миссіонеромъ только послѣ 1002 г. Сохранилось однако интересное письмо самаго Бруно къ импер. Генриху, изъ котораго видно, что онъ вѣрно былъ въ Россіи и цѣлый мѣсяцъ гостилъ у ласковаго князя Владиміра приблизительно около 1006–1007 гг. (Невольно думается, что въ этомъ стремленіи Бруно въ Россію, на немъ сказалось вліяніе архіеп. Адальберта.) „Въ своемъ письмѣ Бруно описываетъ, какъ онъ послѣ мѣсячнаго пребыванія у кіевскаго князя

въ сопровожденіи послѣдняго доѣхалъ до печенѣжскихъ степей и затѣмъ безстрашно съ одними своими спутниками углубился въ эту страну кочевниковъ, гдѣ въ продолженіи пяти мѣсяцевъ обратилъ въ христіанство 30 человѣкъ и помогъ заключенію мира между печенѣгами и русскими. Въ концѣ письма Бруно высказываетъ намѣреніе отправиться на проповѣдь къ Пруссамъ, а изъ хроники Титмара мы узнаемъ, что онъ дѣйствительно проповѣдывалъ у Пруссовъ и потерпѣлъ мученическую смерть въ странѣ пограничной съ Пруссіей и Россіей, т.е. очевидно въ единоплеменной съ первой Литвѣ. У позднѣйшихъ латинскихъ писателей Пруссія (мѣсто дѣйствительной миссіи Бруно), въ виду дѣйствительнаго путешествія Бруно на Русь, превратилась въ Руссію, хотя Петръ Даміани и говоритъ, что онъ отчасти писалъ даже со словъ очевидца Брунона, одного престарѣлаго монаха. По этому поводу проф. Голубинскій дѣлаетъ слѣдующее замѣчаніе методическаго характера. „Всякія невѣрныя историческія показанія и сказанія басни происходятъ отъ двухъ причинъ, — или отъ ненамѣреннаго недоразумѣнія, или отъ намѣреннаго умысла. Которое изъ двухъ было причиной, что Петръ Даміани и неизвѣстный интерполяторъ Адемара дѣлаютъ еп. Брунона нашимъ крестителемъ, положительно сказать не можемъ. Такъ какъ время миссіонерской дѣятельности Бруна почти совпадаетъ со временемъ нашего крещенія, такъ какъ онъ проповѣдывалъ въ странахъ, сосѣднихъ съ нашей Россіей и даже былъ въ ней самой, то очевидно, что существовали поводы для недоразумѣнія. Тѣмъ не менѣе однако насъ какъ-то невольно клонитъ къ подозрѣнію, что причиной было не оно, а намѣренный умыселъ,

желаніе создать ту практическую истину, будто мы обращены въ христіанство латинскими миссіонерами. (Во всякомъ случаѣ поучительно баснословіе Доміани. Онъ жилъ очень немного спустя времени послѣ Бруна, такъ что для насъ, отдаленныхъ людей, смотритъ совсѣмъ настоящимъ его современникомъ; по своему положенію и по своимъ качествамъ онъ представляется человѣкомъ вполнѣ авторитетнымъ: не будь другихъ свидѣтелей, и его показаніе шло бы за настоящее историческое показаніе. Ясно изъ его примѣра, до какой степени баснословіе въ исторіи возможно и до какой степени основательно то, чтобы историкъ прежде всего былъ скептикомъ." Подъ этимъ замѣчаніемъ охотно подписывается и проф. Малышевскій въ своей обширной рецензіи на книгу Московскаго ученаго.

Что касается дѣйствительныхъ попытокъ папъ привлечь насъ къ себѣ, бывшихъ незадолго до всеобщаго крещенія Руси и при кн. Владимирѣ, то извѣстія о нихъ встрѣчаются только въ лѣтописи позднѣйшей редакціи, именно - въ Никоновской, хотя нѣтъ никакихъ основаній считать эти извѣстія за произвольный вымыселъ, потому что нельзя придумать никакихъ побужденій для такового, и наоборотъ думаютъ, что въ древнѣйшихъ редакціяхъ лѣтописи они опущены изъ желанія предать забвенію эти соблазнительныя отношенія наши съ папами. Подъ 979 г. въ Никоновской лѣтописи значится: „того же лѣта придоша послы къ Ярополку отъ Рима." (Въ годѣ здѣсь маленькая ошибка, потому что Ярополкъ уже погибъ въ 978 году. (Фактъ однако тотъ, что хотя X-й вѣкъ былъ чуть-ли не самымъ темнымъ вѣкомъ папской исторіи (- такъ какъ

много тогда слышалось и такъ были они часто низлагаемы и преступны —), но всетаки нѣкоторые изъ папъ не упускали изъ виду клонившуюся къ крещенію Русь. Очевидно посольство въ концѣ княженія Ярополка разсчитано было на ставшее папѣ извѣстнымъ расположеніе молодаго князя къ христіанству; о послѣдствіяхъ посольства мы ничего не знаемъ. Въ томъ же источникѣ читаемъ подъ 988 г., что когда кн. Владиміръ находился въ завоеванной Корсуни, „пріидоша къ нему послы изъ Рима отъ папы и мощи святыхъ принесоша." Моментъ былъ выбранъ довольно удачно. Владиміръ враждовалъ съ Греками, и для непонимавшихъ его истинныхъ стремленій папъ казался наилучшею жертвою изъ щедраго предложенія. На первый разъ папа (въ эти годы — Іоаннъ XV, 985-996 г.) подноситъ Владиміру цѣнный даръ — мощи святыхъ и очень вѣроятно, что то именно мощи св. Климента, которыя Владиміръ принесъ въ Кіевъ изъ Корсуни, потому что ихъ, по свидѣтельству паннонскаго житія св. Кирилла, этотъ послѣдній перенесъ во Римъ къ папѣ. Этимъ подношеніемъ папа могъ напомнить Владиміру о связующихъ отношеніяхъ къ нему просвѣтителя Славянъ, которые должны были бы служить благимъ примѣромъ для Славянскаго государя, имѣющаго въ скоромъ времени крестить свой народъ.

Едва крещены были кіевляне, всего вѣроятнѣе еще до прихода къ нимъ греческихъ епископовъ, въ 991 г. къ Владиміру являются снова послы отъ папы, а вслѣдъ за ними, нужно думать въ качествѣ ихъ споспѣшниковъ, послы королей польскаго и чешскаго. Предлагалось конечно принять, пока не заявились греки, западную іерархію,

но Владиміръ дѣлалъ свое дѣло неуклонно. Въ 1000 г. еще разъ явилось къ нему посольство отъ папы въ сопровожденіи пословъ чешскихъ и венгерскихъ. Кн. Владиміръ принималъ всѣ эти посольства вѣжливо и дружелюбно, на послѣднее отвѣтилъ даже своимъ посольствомъ къ папѣ, однако прочно стоялъ на сторонѣ Востока — безъ сомнѣнія не по догматическимъ соображеніямъ, о которыхъ тогда не могло быть и рѣчи. Наши связи съ Византіей выросли и окрѣпли не за одно столѣтіе до Владиміра: ихъ сила была — историческая. Но не этимъ только безсознательнымъ тяготѣніемъ къ "царскому-граду" руководился умный и послѣдовательный князь Владиміръ: Византія была для него выше, почтеннѣе, привлекательнѣе Запада, какъ первоисточникъ культуры и просвѣщенія, которыя въ его глазахъ были неотдѣлимы отъ достоинства исповѣдуемой тамъ религіи. Не нужно забывать, что въ X вѣкѣ Западная Европа была ниже Византіи и сама пользовалась плодами эллинской культуры.[81] (Отсюда, т. е. изъ Византіи, по словамъ одного славянскаго князя, на всѣ страны распространялся добрый законъ." Западно-европейскіе народы были для Владиміра совершенно равными ему по достоинству полуварварами, для которыхъ такою высокою честью было родство съ византійскими порфирогенитами, и Владиміръ надѣялся достичь и дѣйствительно достигъ этой чести. Большаго онъ не желалъ, какъ вкусившій сладкаго, не желаетъ горькаго: ему было лестно находиться подъ реальнымъ протекторатомъ прямыхъ наслѣдниковъ Священной римской власти — византійскихъ кесарей, и наоборотъ казалось обиднымъ стать

въ такое же отношеніе къ императору нѣмецкому, человѣку одинаковаго съ нимъ происхожденія...

Въ заключеніе, изложенные факты раннихъ папскихъ посольствъ на Русь могутъ намъ послужить также къ объясненію извѣстнаго пункта лѣтописной повѣсти объ обстоятельствахъ обращенія кн. Владиміра и, на этотъ разъ, — уже въ буквальномъ смыслѣ.

Въ преданіяхъ о крещеніи русской земли фигурируетъ проблематическая личность перваго кіевскаго митрополита Михаила. Поэтому раскрытіе вопроса о его лицѣ не неумѣстно предпосылать предстоящему намъ изложенію исторіи распространенія христіанства на Руси со времени крещенія кіевлянъ и до нашествія монголовъ.

Древняя кіевская лѣтопись, вопреки обычному представленію, очень мало занимается церковными дѣлами; не упоминается совершенно (ни въ Лаврентіевской ни въ Ипатіевской редакціяхъ) и о нашихъ первыхъ архипастыряхъ. Только первоначальная новгородская лѣтопись (по изд. Археогр. ком. тек. наз. „второй") подъ 991 г. (а въ новомъ изд. подъ 989 г.) сообщаетъ, что кн. Владиміръ крестился и принялъ „перваго митрополита Кыеву Леона, а Новугороду архиепископа Акима Корсунянина, а по инымъ городомъ епископы, попы и дияконы, иже крестиша всю Рускую землю." Это извѣстіе повторяется въ большей части позднѣйшихъ редакцій (= сводовъ) общерусской лѣтописи и въ части списковъ церковнаго Устава св. кн. Владиміра, въ томъ числѣ въ самомъ

древнимъ изъ нихъ — конца XIII вѣка. Но въ исторической литературѣ, насколько намъ документально извѣстно, начиная съ XVI в. распространяется другая версія свидѣтельства о первомъ русскомъ митрополитѣ. Въ нѣкоторой части списковъ Владимирова устава, въ его предисловіи, отражающемъ по формулѣ свидѣтельство Новгородской лѣтописи[x], вмѣсто имени Леона появляется имя Михаила. Степенная Книга Макарьевской редакціи даетъ намъ уже пространное сказаніе о первомъ митрополитѣ Михаилѣ, сиринѣ по происхожденію: о его избраніи въ Царьградѣ, о его сотрудничествѣ св. Владиміру въ дѣлѣ крещенія русской земли и о его кончинѣ. Никоновская лѣтопись (составлена въ 1558 г.) повторяетъ Степенную книгу. Имя (~~митрополита~~) Михаила, какъ перваго русск. митрополита принимается и всѣми каталогами или списками митрополитовъ, но они принадлежатъ XVII вѣку („Оборона" Льво Кревзы, „Палинодія" З. Копыстинскаго, „Патериконъ" Сильв. Коссова). Не упоминаемъ позднѣйшихъ свидѣтельствъ. Однако даже безъ дальнѣйшихъ разслѣдованій странною выглядитъ дѣятельность этого митрополита. Представляется, что онъ приходитъ на Русь съ шестью епископами, но епархій не учреждаетъ, а дѣлаетъ это, по сказанію той-же Степенной книги и согласныхъ съ нею позднѣйшихъ историческихъ произведеній, только слѣдующій митрополитъ Леонъ, который приводитъ съ собою новый сонмъ епископовъ, между тѣмъ какъ прежніе куда-то безслѣдно исчезаютъ. Митр. Михаилъ крестить въ сопровожденіи Анастаса и Добрыни Ростовскую землю и Новгородъ, но,

[x] „...взяхъ перваго митрополита Леона Кіеву, иже крести всю землю русскую святымъ крещеніемъ."

по свидѣтельству одной новгородской лѣтописи, послѣдній крещенъ своимъ первымъ еписк. Іоакимомъ Корсуняниномъ, и Степенная книга (съ ея подтвержденіемъ) принуждена крестить Новгородъ дважды. Наконецъ не вмѣщается приписываемая м. Михаилу многообразная миссіонерская дѣятельность въ тотъ краткій промежутокъ времени, какой выпадетъ на ея долю, особенно если принять во вниманіе дѣйствительный годъ возвращенія Владимира изъ Корсуни — 990-й до 991 г., когда пришелъ м. Леонъ или Левъ осталось только одинъ годъ... Начиная критическую повѣрку данныхъ по этому вопросу, мы прежде всего замѣчаемъ почти во всѣхъ безъ исключенія свидѣтельствахъ, какъ называющихъ первымъ митрополитомъ Льва, такъ и — Михаила, одну грубую ошибку: присылку къ намъ митрополита они приписываютъ патр. Фотію, который умеръ за 100 лѣтъ раньше этого времени (+ 891 г.). („Крестися Володимеръ, и взя у Фотія патріарха Цареградьскаго первого митрополита Кіеву Леона"... „Володимеръ посла въ Греки къ преосвящ. Фотію патріарху Цареградскому и взятъ отъ него первого митрополита Михаила Кіеву"...). Только въ позднѣйшихъ произведеніяхъ, каковы Никоновская и Густинская лѣтописи, имя Фотія справедливо замѣняется именемъ патр. Николая Хрисоверга. Ошибочная постановка въ данномъ случаѣ имени п. Фотія произошла очень рано, потому что встрѣчается уже въ древнѣйшемъ спискѣ Владимирова устава (1282-1294 гг.).[76] Причина заблужденія несомнѣнно та, что патр. Фотій дѣйствительно посылалъ къ русскимъ епископа-крестителя и нашимъ древнимъ книжникамъ это было извѣстно по его "окружному посланію", и и по другому какому-нибудь "источнику (хроникѣ. А такъ какъ въ первоначальной

свидѣтельствѣ новгородской лѣтописи о приходѣ на Русь перваго митрополита совсѣмъ не было имени пославшаго его патріарха, то ея позднѣйшій редакторъ при перепискѣ и вставилъ въ него для полноты имя Фотія, не стѣсняясь столь явнымъ анахронизмомъ и не подозрѣвая о существованіи какой-л. другой Руси кромѣ Кіевской. Благодаря этому историческому невѣжеству посланіе отъ патр. Фотія къ русскимъ епископамъ легко слилось и въ послѣдующее время съ началомъ русской церкви при кн. Владимирѣ. Въ концѣ XIV в. появилась на Руси хроника Георгія Амартола сербскаго извода, гдѣ изъ неизвѣстнаго источника сообщалось и самое имя даннаго отъ Фотія русскимъ епископа, именно — Михаилъ.79/ Теперь для доморощенныхъ историковъ, уже привыкшихъ считать Фотія и Владимира современниками, предстоялъ опытъ согласія новаго извѣстія съ старыми, въ которыхъ значилось, что первымъ митрополитомъ Кіевскимъ, присланнымъ отъ Фотія, былъ Леонъ. Располагая нѣкоторымъ промежуткомъ времени по лѣтописной хронологіи между крещеніемъ Владимира и приходомъ митроп. Леона (988-991), сюда и поставили новую личность митр. Михаила. Въ историч. произведеніяхъ XVII-го вѣка (Густинской лѣтописи, Палинодіи, Синопсисѣ и др.) анахронизмъ былъ устраненъ: два крещенія Руси — при Фотіѣ и при Владимирѣ — перестали сливаться между собою, но имя митроп. Михаила всетаки удержалось равно въ обоихъ случаяхъ, такъ что получилось два митр. Михаила. Такъ, напр., въ Густинской лѣтописи подъ 886 г. читаемъ: „пріиде Михаилъ митрополитъ на Русь, посланъ отъ Василія Македона, царя греч. и Фотія патріарха, иже увѣрзу Русь сверже евангеліе въ

огнь и не изгорѣ, и симъ чудомъ узнали Русь и многіе крести[лись]
а подъ 988 г.: „Владимиръ привелъ изъ Корсуня „и посади
первого митрополита въ Кіевѣ, сего великаго мужа Михаи-
ла и повелѣ крестити 12 сыновъ своихъ"[78]) и т. д. Таково
одно объясненіе появленія разбираемаго преданія. Однако
въ немъ представляется еще не яснымъ, какимъ образомъ
древне-русскіе источники набрали смѣлость пренебречь
положительными указаніями раннѣйшихъ свидѣтельствъ
на первенство м. Леона и приписать его другому лицу, ос-
тавшимся извѣстнымъ только по имени. Другое объясне-
ніе ищетъ причину происшедшаго недоразумѣнія гораздо
ближе, въ лѣтописномъ повѣствованіи о крещеніи князя
Владимира, такъ что личность м. Михаила, по нему, во-
зникаетъ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ мы ее находимъ.
По лѣтописи, крестившій Владимира въ Корсунѣ епи-
скопъ вручилъ ему исповѣданіе вѣры съ краткимъ ска-
заніемъ о вселенскихъ соборахъ. Со временемъ книжные
люди подмѣтили тожество этого исповѣданія съ симво-
ломъ Михаила Синкелла, помѣщеннымъ в Святославовомъ
Сборникѣ 1073 г. („Михаила Синкела иерусалимскаго
написаніе о правѣй вѣрѣ"), и сдѣлали отсюда заклю-
ченіе къ тожеству этого Михаила Иерусалимскаго съ
личностью крестившаго Владимира епископа. Могло от-
сюда произойти и названіе его Сириномъ по его происхож-
денію изъ Палестины, смежной съ Сиріей и находившей-
ся въ средніе вѣка подъ одной съ Сиріей властью ка-
лифовъ, а въ послѣдующее время — турокъ. Такой гене-
зисъ имени митр. Михаила подтверждается текстомъ
предисловія Устава св. Владимира по южно-русской ре-
дакціи. Здѣсь говорится слѣдующее: „Се аз князь Вла-
димиръ, — пріявъ св. крещеніе, просвѣщенъ быхъ душею и
тѣломъ —, и прославихъ Бога, яко сподоби мя пріяти та-
ковую благодать просвѣщеннымъ митрополитомъ Михаи-
ломъ,

и взяхъ его перваго митрополита — с нимже крестихъ всю Рускую землю. Потом же сказа ми вся митрополитъ, еже о христіанской вѣрѣ, и како святии отцы утвердиша вѣру на всѣхъ соборѣхъ." Связь съ лѣтописной повѣстью въ приведенной выдержкѣ выступаетъ довольно ясно, и вопросъ только въ томъ, когда сочинено такое предисловіе къ Владимирову уставу? Эту редакцію предисловія мы находимъ въ рукописной Кормчей XVI в., скопированной съ южно-русской Кормчей, писанной въ 1286 г. для волынскаго князя Владимира Васильковича. Но трудно думать, чтобы уже въ концѣ XIII в. произошло измышленіе лица м. Михаила, потому что въ Софійской Кормчей того-же времени (1282-129?) предисловіе къ уставу Владимира имѣетъ еще прежній видъ: „Се азъ, кн. Владимиръ, воспріялъ есмь крещеніе отъ греч. царя и отъ патріарха Фотія царьградскаго и взяхъ перваго митрополита Леона Кыеву" и т. д. Вѣроятнѣе всего, именно московскій переписчикъ волынской Кормчей въ началѣ XVI в. былъ виновникомъ столь важной поправки въ предисловіи къ уставу Владимира. Онъ читалъ сборникъ Святослава, который находился тогда въ Воскресенскомъ Ново-іерусалимскомъ монастырѣ, и кромѣ того вообще не составлялъ <u>unicum</u>'а въ нашей письменности, сдѣлалъ вышеуказанную конъектуру относительно Михаила Синкелла и передѣлалъ подъ вліяніемъ лѣтописнаго разсказа текстъ даннаго мѣста, вѣрнѣе замѣнилъ имя митрополита Льва именемъ Михаила. Дѣлаю еще догадку о происхожденіи эпитета „Сиринъ": не явился-ли онъ результатомъ непониманія и искаженія слова „синкелъ", особенно если оно было написано въ какомъ-либо сборникѣ, сходномъ съ Святославовымъ, сокращенно, какъ сүн (= сиринъ = сиринъ)?

Но, повидимому, въ свидѣтельство недавняго существованія перваго кіевскаго митр. Михаила, говорятъ мощи его, почивающія в настоящее время в ближней церкви Кіево-Печерской лавры и соотвѣтствующей надписью? Проф. Голубинскій сдѣлалъ предположеніе, что это — мощи митр. Михаила, крестившаго при Фотіи Таврическую Русь, перенесенныя в Кіевъ въ началѣ XII в. Но мы можемъ выпутаться изъ этой бѣды болѣе счастливымъ образомъ. Прослѣдимъ исторію свидѣтельствъ объ этихъ мощахъ. Всѣ они не восходятъ далѣе XVII в., т. е. того времени, когда распространилось среди южно-русскихъ писателей убѣжденіе, что нашимъ первымъ митрополитомъ былъ Михаилъ. Сильвестръ Коссовъ въ своемъ Патериконѣ 1635 г., признавая таковымъ именно Михаила, говоритъ: „митрополитъ сей, взятый св. Владимиромъ отъ Константиноп. патріарха Сергія, а по другимъ отъ патріарха Николая Хрисоверха въ 1000 г., и крестившій народъ русскій, лежитъ и донынѣ въ нетлѣнномъ тѣлѣ въ пещерѣ св. Антонія печерскаго, что свидѣтельствуетъ табличка издавна надъ нимъ висящая." Что никакъ нельзя принимать эти слова въ томъ смыслѣ, будто все сказанное Сильвестромъ было прописано на этой табличкѣ, видно уже изъ того, что въ нихъ сообщаются разнорѣчивыя ученыя мнѣнія, неумѣстныя въ монументальныхъ надписяхъ. Но непререкаемымъ свидѣтелемъ неопредѣленности и краткости указанной Сильвестромъ надписи является его современникъ кіево-печерскій монахъ Аѳанасій Кальнофойскій, издавшій черезъ три года послѣ появленія Патерикона свою „Тератургиму" (1638 г.); здѣсь онъ говоритъ, что на табличкѣ при мощахъ значится просто: „св. митрополитъ Михаилъ"

(Święty metropolit Michael) безъ всякихъ дальнѣйшихъ поясненій. Такими лаконическими были и доселѣ остаются вообще надписи надъ мощами въ кіевскихъ пещерахъ. Кальнофойскій однако не медленно-же прибавляетъ къ цитируемой надписи и свое объясненіе, взятое видимо изъ того-же Патерикона: „это тотъ митрополитъ, который былъ посланъ для крещенія Руси отъ цареградскаго патріарха Сергія или, какъ другіе думаютъ, отъ Николая Хрисоверха и который крестилъ и крестившагося Владиміромъ Святославичемъ." Такимъ обр. эти два первые свидѣтеля о мощахъ митр. Михаила отправляясь отъ икса (таблички), произвольно истолковали его, и тѣмъ ввели въ заблужденіе своихъ потомковъ. Св. Димитрій Ростовскій отнесся къ возникшему мнѣнію еще осторожно; въ своемъ іерархическомъ каталогѣ онъ поставилъ м. Михаила на первомъ мѣстѣ, но не внесъ его въ четьи-минеи и даже не обозначилъ дня памяти его, какъ это онъ дѣлалъ въ другихъ подобныхъ случаяхъ. Въ 1730 г. печерскій архимандритъ Романъ Копа испросилъ у им. Анны Іоанны дозволеніе, по случаю обновленія Великой лаврской церкви послѣ пожара (1718 г.), перенести сюда мощи святителя Михаила, что и было сдѣлано 1-го октября того-же года. Послѣ этого устанавливается память святого 30 сентября и появляется новая служба ему. На ршеткѣ, ограждающей раку, съ той поры прикрѣплена пространная надпись (въ двѣ печатныхъ страницы обычн. размѣра. Евгеній. Опис. кіевск. лавры. 1826 г., прил. с. 163-164), витіевато и многорѣчиво излагающая нѣчто въ созданной степенною книгою біографіи перваго кіевскаго митрополита. Въ 1791 г. вышло историческ

описаніе кіевской лавры, составленное лаврскимъ типографомъ Өеофаномъ Шіяновичемъ, который сообщаетъ совершенно новыя, ниоткуда неизвѣстныя свѣдѣнія о мощахъ м. Михаила; онъ говоритъ, что тотчасъ по смерти въ 992 г. первый митрополитъ былъ положенъ въ Десятинной церкви, но Десятинная церковь была построена только въ 996 г.; затѣмъ онъ объясняетъ нахожденіе мощей святителя въ Антоніевской пещерѣ перенесеніемъ ихъ сюда около 1103 г., но не указываетъ причины такого перенесенія, которую нельзя отыскать напр. въ какой-л. опасности, угрожавшей въ то время десятинной церкви, потому что мощи кн. Ольги и кн. Владимира оставались нетронутыми. Нѣсколько раньше этой книжки или послѣ нея эти несообразныя данныя однако были занесены на особую надпись на самой ракѣ святителя. Въ 1796 г. указомъ св. Синода повелѣвалось сочинить обстоятельное житіе перваго русскаго митрополита Михаила для помѣщенія въ Четьи-Минеи, но житіе долго не появлялось за недостаткомъ надежныхъ матеріаловъ. Только въ 1836 г. въ „Словарѣ святыхъ русскихъ" митр. Евгеній помѣстилъ біографич. замѣтку о м. Михаилѣ, затѣмъ то-же сдѣлалъ архіеп. Филаретъ въ своемъ агіографич. трудѣ и наконецъ въ 50х годахъ, по желанію кіевскаго митр. Филарета Амфитеатрова, впервые появилось особо изданное житіе святит. Михаила, перваго митрополита кіевскаго.

Но такъ какъ такого лица совсѣмъ не существовало, то очевидно прикрѣпленныя къ ракѣ надписи требуютъ надлежащей замѣны, и дѣйствительно, пора уже просить прощенія у подложнаго митрополита кіевскаго Михаила, занимавшаго эту

каѳедру съ 1131 г. по 1147, которую неблагодарное потомство, въ погонѣ за баснями, на долгое время забыло. Святитель этотъ правилъ русскою церковью въ самый разгаръ жестокихъ распрей удѣльныхъ князей изъ-за великокняжескаго престолонаслѣдія и нѣсколько разъ геройски выступалъ среди кровавыхъ неурядицъ на защиту правды и мира. За свою святую прямоту, какъ увидимъ ниже, онъ и поплатился лишеніемъ власти и заточеніемъ въ монастырѣ — вѣроятно печерскомъ, гдѣ онъ, не по примѣру другихъ митрополитовъ, полагавшихся въ Софійскомъ храмѣ, и былъ погребенъ по смерти, какъ опальный заточенникъ, и гдѣ не былъ поэтому предметомъ особаго вниманія, правильно однако слывя подъ именемъ „св. митропол. Михаила."

Распространеніе христіанства на Руси въ Кіевскій или домонгольскій періодъ.

Фактомъ крещенія Кіевлянъ вся Русь объявлялась въ принципѣ христіанскою, но нужно было еще осуществить принципъ этотъ на самомъ дѣлѣ: русской церкви предстоялъ еще не краткій періодъ внѣшняго миссіонерства въ предѣлахъ русскаго владычества. Къ сожалѣнію, сохранившіеся до насъ памятники проливаютъ очень слабый свѣтъ на исторію первоначальнаго распространенія христіанской церкви по лицу земли русской, далеко недостаточный для изображенія отчетливой исторической картины, и въ своей совокупности выдаютъ лишь ту общую характерную черту изучаемаго

явленія, что крещеніе всего народа русскаго пошло сравнительно мирно и успешно. Къ уясненію этого факта должна послужить речь о той религіозной среде, въ какую на этотъ разъ вносилось христіанство, о дальнейшихъ, объясняющихъ факторахъ его распространенія и тогдашнихъ примерахъ и средствахъ обращенія къ новой вере.

При раскрытіи вопроса объ отношеніи древней славяно-русской религіи къ вновь-пришедшему изъ Византіи христіанству обыкновенно не безъ основаній ссылаются на примитивную стадію развитія первой. Русское язычество только еще переступило первые ступени мифологической эволюціи: только еще переходило отъ чистаго фетишизма, анимизма и шаманизма къ почитанію обожаемыхъ силъ природы въ образахъ животныхъ и наконецъ человека. Неуравновесившаяся зоолатрія (отъ которой и досель сохранились: петушки въ русскомъ орнаменте, конскія головки въ деревянной архитектуре, названіе „зайка" для солнечнаго луча, жаръ-птица въ сказкахъ) едва переходила въ антропоморфизмъ, и неопределенные образы боговъ едва только начинали отливаться въ несовершенныя формы фетишей. До времени св. Владиміра мы знаемъ о грубыхъ истуканахъ Волоса и Хорса [illegible] и объ одномъ кіевскомъ идоле Перуна, предъ которымъ клялась въ верности договору съ греками языческая половина Игоревой дружины (945). Но не это только малоупотребительность идоловъ способна подтвердить расплывчатость языческому міросозерцанію древне-русскаго славянина, а и характеръ его общиннаго развитія, еще не заключавшій въ себе богатыхъ данныхъ для организаціи общественнаго богослужебнаго культа. Русскій народъ жилъ отдельными волостными общинами, еще не утратившими вполне своихъ древнейшихъ племенныхъ и кровныхъ связей. Культъ поэтому носилъ еще отт-

чатокъ семейности, и были предпочитаемы семьями по жилымъ угламъ и усадьбамъ. Каждая семья и родственная группа имѣла своихъ собственныхъ совершителей богослужебныхъ дѣйствій въ лицѣ своихъ старѣйшихъ членовъ; жрецовъ почти не существовало; не существовало, слѣдовательно, профессіональныхъ защитниковъ родной религіи, облеченныхъ отъ общества правомъ и властью и имѣвшихъ полную возможность при случаѣ руководить народными возстаніями противъ новой вѣры. Вмѣсто офиціальнаго служенія посредничества между Богомъ и людьми составляло у русскихъ Славянъ вполнѣ свободную профессію довольно многочисленнаго класса такъ назыв. кудесниковъ (= чудесниковъ) или волхвовъ, ведшихъ свою спеціальную практику всею чудесна го въ обществѣ вполнѣ изолировано другъ отъ друга. И хотя, по чувству самосохраненія, эти люди постарались, всетаки, какъ увидимъ, напомнить о себѣ христіанской миссіи, тѣмъ не менѣе протестъ ихъ, при отсутствіи у самихъ волхвовъ высшей организаціи и недостаткѣ религіозно-правовыхъ полномочій, былъ вовсе не опасенъ. Но, ссылаясь на эту благопріятную для христіанства особенность славяно-русскаго язычества, не слѣдуетъ забывать и той общей точки зрѣнія всякаго язычества въ области религіи, благодаря которой оно является здѣсь, такъ сказ., принципіальнымъ универсалистомъ: по его воззрѣнію завѣдываніе всей вселенной раздѣлено между столькими группами національныхъ божествъ, сколько націй существуетъ въ человѣч. родѣ. Уже если оно не затрудняется приставить къ каждому домашнему очагу особаго Бога, то тѣмъ болѣе никакъ не можетъ представить себѣ и клочка земного шара съ его обитателями безъ особыхъ боговъ, такъ же истинно-существующихъ какъ его собственные. И если намъ

религіозная истина представляется какъ самодовлѣющее цѣлое, во всемъ объемѣ какъ принадлежащее и, по закону противорѣчія, исключающее всѣ другія религіозныя формы, то язычникъ находитъ это цѣлое лишь въ суммѣ всѣхъ частныхъ религій, каждую изъ которыхъ онъ считаетъ чѣмъ-л. національнымъ удѣломъ. Поэтому онъ толерантенъ, — не изъ признанія за другими права имѣть собственную субъективную истину, а изъ принципіальнаго согласія съ другими. (Припомнимъ римскій пантеонъ, или — благосклонное отношеніе монгольскихъ хановъ къ русской церкви). Потому-то самому язычество не знаетъ и въ собственномъ смыслѣ религіозныхъ войнъ, столь характерныхъ для послѣдней откровенной религіи и религій, мнящихъ себя таковыми. Язычникъ однакоже защищаетъ своихъ боговъ съ оружіемъ въ рукахъ, но лишь какъ свое національное достояніе; онъ отвергаетъ чужую религію, но лишь какъ символъ порабощенія, и если особенно возстаетъ противъ христіанства, то только потому, что не можетъ никакъ понять, съ своей точки зрѣнія, странной претензіи христіанства, какъ части общечеловѣческой религіозной истины, — быть какимъ-то всеисключающимъ цѣлымъ, — не терпитъ какъ богохульства отрицанія со стороны христіанства его національныхъ боговъ. (Такъ было въ свое время и въ римской имперіи). У насъ введеніе христіанства не могло возбуждать особенно сильно религіозно-національныхъ страстей уже потому, что приносилось не путемъ завоеванія, не иноплеменною и иноязычною силою, а своимъ собственнымъ національнымъ правительствомъ, которое съ точки зрѣнія массы почему-то отрѣшилось въ религіозномъ отношеніи и рѣшило то-же сдѣлать и со всѣми своими подданными. Поэтому

тамъ, гдѣ вліяніе централизирующей Кіевской власти признавалось безпрекословно, исторія не знаетъ и о протестахъ стараго язычества, и наоборотъ тамъ, гдѣ мѣстный патріотизмъ еще питалъ виды на независимость отъ Кіева, новая религія отвергается какъ знакъ порабощенія (такъ было, напр., у племени вятичей и въ Муромѣ). Ergo, замѣтимъ истати, объединеніе русскихъ племенъ подъ единой политической властію, состоявшееся незадолго до крещенія Руси, было очень благопріятно для успѣховъ распространенія христіанства. Другая сторона дѣла, т.е. острота христіанскаго отрицанія всѣхъ другихъ боговъ у насъ значительно смягчивалась указанными свойствами неразвитости русскаго языческаго культа, при которомъ наиболѣе теряли отъ крещенія лишь привыкшіе къ идолопоклонству крупные города – Кіевъ, Новгородъ, Ростовъ (въ послѣднихъ двухъ встрѣчаемъ и наибольшее упорство язычниковъ), тогда какъ остальная масса могла сравнительно легко, благодаря отмѣченной широтѣ языческой точки зрѣнія, принять новую съ благоустроеннымъ общественнымъ культомъ религію, такъ сказ., на пустое мѣсто, не нарушая въ то-же время своего домашняго Олимпа. Она становится двоевѣрной въ чистѣйшемъ смыслѣ этого слова. Старые боги для нея не умираютъ, но живутъ возлѣ новыхъ и только со временемъ подъ вліяніемъ церковныхъ внушеній переходятъ въ разрядъ бѣсовъ, принимаютъ темную характеристику, сохраняя однако свое святое имя (бѣсъ, по Буслаеву, отъ санскритск. корня bhas – свѣтить). Искать сближенія въ области догматики и нравственныхъ понятій между христіанствомъ и древне-русскимъ язычествомъ годится къ объясненію легкости обращенія къ христіанству развѣ только сравнительно просвѣщеннаго меньшинства

русскаго народа, неразвитое же сознаніе массы едва-ли дальше изъ-за культа видѣло вѣроученіе новой религіи, а добраться до нравственнаго центра христіанства и не такому только сознанію не подъ силу. — Кромѣ русскихъ славянъ христіанской миссіи того времени пришлось имѣть не мало дѣла и съ финскими племенами, обрамлявшими русскую территорію со всѣхъ сторонъ сѣвера; религія этихъ сѣверянъ имѣла болѣе развитую, чѣмъ у русскихъ, мифологію и болѣе вліятельный классъ колдуновъ и чародѣевъ, хотя въ ту древнюю эпоху также не имѣла храмовъ и едва начинала вводить въ употребленіе идоловъ. Таковъ общій характеръ русской языческой среды и ея отношенія къ вошедшему въ нее христіанству.

Что же касается благопріятныхъ для миссіи условій въ этомъ явленіи въ томъ видѣ, какъ оно принесено было къ намъ, то здѣсь достойно упоминанія одно очень важное обстоятельство, именно: устроеніе на Руси церкви при помощи готоваго перевода славянскихъ богослужебныхъ книгъ, понятныхъ русскому народу. Собственно говоря, указывать на это обстоятельство какъ на какое-то особенно благопріятное условіе для распространенія христіанства даже странно, потому что обращать какой-л. народъ въ новую вѣру значитъ одерживать труднѣйшую изъ духовныхъ побѣдъ, значитъ не только говорить къ народу на родномъ понятномъ ему языкѣ, но и говорить какъ можно понятнѣе въ широчайшемъ смыслѣ этого слова, а проповѣдывать новое религіозное ученіе на чуждомъ народу языкѣ это — прямо absurdum absurdorum absurdissimum. Между тѣмъ исторія, такъ часто и блестяще свидѣтельствующая о людскомъ неразуміи, знакомитъ насъ съ этимъ чудовищнымъ абсурдомъ, какъ съ самымъ обыкновеннымъ фактомъ. Впрочемъ въ дан-

номъ

случаѣ, какъ и въ другихъ подобныхъ, главнѣйшая роль принадлежала не неразумію, а своекорыстному разсчету властолюбія. Не одна только западная церковь несла языческимъ народамъ непонятное латинское христіанство, затрудняя тѣмъ себѣ успѣхи миссіи и замѣняя естественное средство убѣжденія - огнемъ и мечемъ, но и сами греки были въ значительной степени заражены „тріязычною ересью", какъ показываетъ сказаніе Черноризца Храбра[107], только не проводили ее послѣдовательно на практикѣ. Св. Константинъ-философъ, какъ человѣкъ необыкновеннаго ума и благороднаго духа, сумѣлъ возвыситься надъ этой узостью понятій. Его великое дѣло кромѣ многихъ другихъ благотворныхъ вліяній на историческую жизнь славянскихъ народовъ, въ частности ставило сразу въ нормальныя условія и миссію русской церкви. Благодаря понятному славянскому богослуженію народная масса сравнительно скоро знакомилась съ христіанской религіей и проникалась ея понятіями. Конечно богослуженіе было миссіонерской школой главнымъ образомъ для талантливаго меньшинства, которое имѣло любознательность и охоту изучить его; но передовое меньшинство всегда руководитъ косной толпой; поэтому, разъ вживаясь въ новый христіанскій культъ и укрѣпляясь въ вѣрѣ лучшія единицы, то этимъ онѣ создавали около себя какъ-бы особую христіанизирующую атмосферу для окружавшей ихъ язычествующей среды. При понятномъ богослуженіи и связанной съ нимъ учительной литературѣ названныя единицы появлялись не только въ высшихъ, более или менѣе просвѣщенныхъ, классахъ общества, но и всюду и въ простомъ народѣ; понятный богослужебный языкъ обезпечивалъ широту миссіонерскихъ успѣховъ,

въ противоположность Западу, гдѣ образованная аристократія, благодаря общецерковному и общелитературному латинскому языку дѣйствительно быстро усвояла даже тонкости богословія, тогда какъ не разумѣвшіе латыни радами (по мѣстожительству) и по религіи очень долгое время въ контрастѣ съ аристократіей были радами.

Вопросы о другихъ условіяхъ миссіонерской дѣятельности русской церкви въ домонгольскій періодъ нашей исторіи, о самихъ дѣятеляхъ и методахъ ея постараемся уяснить при фактическомъ изложеніи событій.

Св. кн. Владиміръ, создавшій великій планъ крещенія всей Руси и пріобщенія ея чрезъ то къ семьѣ передовыхъ европейскихъ народовъ, принялъ на себя и всю заботу о выполненіи его въ качествѣ дѣла первостепенной государственной важности; т. к. обр. миссіонерское дѣло русской церкви въ правленіе св. Владиміра развивалось подъ его непосредственнымъ руководствомъ. Послѣ крещенія Кіевлянъ, — разсказываетъ лѣтописецъ о Владимірѣ, „нача ставити по градомъ церкви и попы и люди на крещеніе приводити по всѣмъ градомъ и селомъ." Дѣйствительно, съ приходомъ изъ Царьграда полнаго состава іерархіи Владиміръ получилъ возможность умножить количество священниковъ-миссіонеровъ и выступить съ проповѣдью новой религіи за предѣлы собственно Кіевской области, раскинувъ сѣть миссіонерскихъ пунктовъ по всѣмъ областнымъ центрамъ объединеннаго государства посредствомъ вновь учрежденныхъ епископскихъ каѳедръ. Епархіи были открыты не только въ болѣе или менѣе близкихъ къ Кіеву городахъ — Бѣлгородѣ, Владимірѣ-Волынскомъ, Черниговѣ, Туровѣ, Полоцкѣ,

же и на окраинахъ, въ колоніяхъ русскихъ среди инородцевъ: въ Новгородѣ, Ростовѣ и Тмутаракани. Если послѣдній пунктъ былъ еще до св. Владимира христіанскимъ, то два первые населены были девственными язычниками, такъ что, по нѣкоторымъ археологическимъ признакамъ, первые епископы въ нихъ жили, такъ сказать, на военномъ положеніи: ихъ дома и церкви представляли особую окруженную стѣною крѣпость.*) Но Великій князь не оставлялъ епископовъ одинокими въ ихъ миссіонерскомъ подвигѣ. Прежде всего онъ самъ лично являлся для крещенія отдѣльныхъ областей государства; многолюдное полюдье давало къ тому удобный поводъ. Нѣкоторыя малодостовѣрныя извѣстія приписываютъ ему крещеніе Кривичской (?), Ростовской и Суздальской земель, но несомнѣнно онъ былъ съ этою цѣлью на Волыни. Если не лично, то онъ дѣйствовалъ въ этомъ направленіи черезъ своихъ посадниковъ (Добрыня) и наконецъ черезъ своихъ посаженныхъ на городскія княженія сыновей, которые были постепенно размѣщены: въ Тмутаракани, Владимирѣ-Волынскомъ, землѣ Древлянской, Туровѣ, Полоцкѣ, Псковѣ, Смоленскѣ и Муромѣ. При обращеніи въ христіанство отдѣльныхъ областей миссіонеры несомнѣнно начинали крещеніе съ мѣстнаго центральнаго города, потому что правовая традиція русскихъ славянъ обязывали всѣ пригороды безпрекословно повиноваться вѣчу главнаго города; „на что-же старѣйшіи сдумаютъ," передаетъ лѣтописецъ, „на томъ же пригороди станутъ." Такъ было впослѣдствіи и среди балтійскихъ славянъ. Когда Креститель лютичей и поморянъ Оттонъ Бамбергскій пришелъ съ проповѣдью христіанства въ подручный городъ раньше Старшаго города, то жители первымъ сказали ему:

---

*) См. Голубинскій. И. Р. Ц. I, 1, с. 152-3 прим.; I, 2, с. 266-267.

поди ты въ нашъ старшій городъ; если тебя послушаютъ, то и мы послушаемъ."[109] Такими путями за періодъ 25-лѣтняго княженія Владимира послѣ крещенія Кіевлянъ христіанство было занесено во всѣ концы русской земли. „Труба апостольская и громъ евангельскій огласили всѣ города и вся земля наша въ одно время стала славить Христа," говоритъ митр. Иларіонъ; на томъ-же настаиваетъ и монахъ Іаковъ: „крести же (Владимиръ) и всю землю русскую отъ конца и до конца." Замѣчательно однако-же молчаніе лѣтописей объ исторіи крещенія юго-западныхъ русскихъ племенъ. Только упоминанія о построеніи церквей свидѣтельствуютъ о совершившемся фактѣ; въ Переяславлѣ, напр., въ 1008 г. построена церковь въ честь Воздвиженія Креста Господня, въ Полоцкѣ въ 1007 г. уже существовала церковь Пресв. Бцы. На югѣ и западѣ крещеніе принималось видимо съ наибольшею легкостью. Это можно объяснить, помимо тяготѣнія къ Кіеву, отчасти тѣмъ, что предварительное знакомство русскихъ съ христіанствомъ до Владимира было преимущественно распространено здѣсь.*) Все приднѣпровье представляло собою международный торговый трактъ, гдѣ по городамъ встрѣчалось достаточное количество иностранцевъ и иновѣрцевъ для того, чтобы не только ознакомить массу съ различными религіями, но и развить (здѣсь) даже религіозный индифферентизмъ, за который впослѣдствіи укорялъ Кіевлянъ авторъ слова „о вѣрѣ крестьянской и латынской." Наоборотъ сѣверо-восточная Русь, селившаяся въ сосѣдствѣ съ инородцами, не такъ-уже тяготѣла къ Кіеву, не привыкла къ разновѣрію и,

*) У Тиверцевъ и Уличей и въ Червенскихъ городахъ прикарпатской Руси мы даже предполагаемъ раннѣйшее существованіе христіанства.

незамѣтно сближаясь съ финнами этнографически и заражаясь ихъ суевѣріями, оказалась очень неподатливой къ принятію христіанства. Русскій сѣверъ подъ вліяніемъ финновъ, можно сказать, кишѣлъ волхвами, которые и старались поддерживать религіозное упрямство въ народѣ. Здѣсь создавались, слѣдовательно, столкновенія новой вѣры со старой, память о которыхъ и сохранили для насъ лѣтописцы.

Оставляя въ сторонѣ, какъ сугубо недостовѣрное, свидѣтельство Степенной книги о крещеніи многихъ новгородцевъ въ 989 г. митр. Михаиломъ, нужно признать за начало крещенія Новгорода только дѣятельность перваго мѣстнаго епископа Іоакима (с 991 г.), который, по разсказу Новгородской лѣтописи „требища разори, идолы сокруши и Перуна посѣче." Всѣ эти дѣйствія, по Іоакимовской лѣтописи, вызвали бунтъ въ народѣ. Тогда тысяцкій важнаго князя Владимира Путята во главѣ своей дружины вступилъ съ народомъ въ сѣчу, а дядя Владимировъ посадникъ Добрыня поджегъ городскіе дома; перевѣсъ остался на ихъ сторонѣ, и новгородцы должны были креститься; отъ того и пошла пословица, что „Путята крестилъ ихъ мечемъ, а Добрыня огнемъ!" Хотя Іоакимовская лѣтопись представляетъ собою недобросовѣстную фальсификацію начала XVIII ст. и вообще не заслуживаетъ довѣрія, но въ данномъ случаѣ, по мнѣнію многихъ историковъ, ея фантазія опирается на вышеприведенную пословицу какъ древнюю и подлинную; въ послѣднемъ смыслѣ цитируетъ эту пословицу и архискептическій Е. Е. Голубинскій.

Въ Ростовѣ, — этой русской колоніи среди племени меря, христіанство появилось съ первымъ епископомъ Ѳеодоромъ, который и построилъ тамъ дубовую соборную церковь во имя Богоматери.

Въ лучшемъ случаѣ миссіонерская дѣятельность этого епископа-грека простиралась на русскихъ горожанъ, не касаясь инородцевъ, какъ показываетъ дальнѣйшій слабый успѣхъ христіанства въ Ростовѣ. Позднѣйшее сказаніе какъ о Өеодорѣ, такъ и его преемникѣ Иларіонѣ сообщаетъ, что они „не терпяще невѣрія и досажденія людей, избѣгоша."

По позднѣйшему также житію, въ русскую колонію въ Муромѣ христіанство пришло при св. Владимірѣ, пославшемъ сюда на княженіе сына его св. Глѣба; но язычники не пустили его въ г. Муромъ, такъ что св. князь „не возможе одолѣти его и обратити въ св. крещеніе." [62]

Насадивъ во всѣхъ главныхъ пунктахъ тогдашняго русскаго государства христіанскую церковь, св. Владиміръ оставилъ своимъ преемникамъ уже болѣе легкую задачу: утверждать ее и распространять изъ городовъ по всѣмъ самымъ глухимъ мѣстамъ обитанія.

Доселѣ, какъ мы видѣли, въ миссіонерскомъ дѣлѣ русской церкви преобладающее значеніе имѣла власть великаго князя и его сотрудниковъ. По смерти св. Владиміра и до конца настоящаго періода на этомъ поприщѣ замѣтно выступаютъ уже другіе дѣятели, порожденные тѣмъ обстоятельствомъ, что христіанство въ той или иной мѣрѣ становилось общественнымъ достояніемъ русскаго народа. Подвигъ апостольства начинаетъ одушевлять отдѣльныхъ частныхъ ревнителей вѣры, и они принимаютъ его на себя по совершенно свободному призванію. Таковы, напр., иноки постриженники кіево-печерскаго монастыря, въ которомъ жила очевидно, между прочимъ, и миссіонерская идея, какъ явствуетъ и изъ молитвы преп. Өеодосія:

„иже суть погани, Господи, обрати я на крестьянство и ти будутъ наша." Съ другой стороны, христіанская религіозность стала такою крупною бытовою привычкою русскаго народа, что неразлучно следовала за нимъ и въ его непрерывномъ колонизаціонномъ теченіи на северо-востокъ въ глубь финскихъ земель. Благодаря этимъ двумъ факторамъ русская церковь распространила теперь светъ веры не только среди инородцевъ, живущихъ внутри государственной черты, что именно и входило повидимому въ планы св. Владимира, а и за этою чертою, къ чему княжеская власть впрочемъ не стремилась сознательно (не всегда, конечно, безъ ущерба для себя).

Въ Ростове во II/2 XI в. систематически ведетъ проповедь евангелія св. еп. Леонтій — печерскій постриженникъ. По разсказу житія Леонтія (не высокой впрочемъ исторической пробы), — выгнанный изъ города буйными язычниками онъ поставилъ вне его и начиналъ привлекать къ себе ростовскихъ детей, такъ — вероятно думать — и туземныхъ мерянскихъ съ целью катихизаціонного обученія и крещенія въ христіанскую веру. Если даже св. Леонтій и говорилъ на местномъ финскомъ наречіи, какъ уверяетъ одна поздняя редакція его житія, то, во всякомъ случае, при отсутствіи тогда переводовъ учительныхъ и богослужебныхъ книгъ на инородческіе языки, его катихизація должна была на половину состоять въ приученіи детей инородцевъ къ церковному языку и может быть — грамоте. (Этимъ же путемъ приходилось въ то время вести оглашеніе во всехъ подобныхъ случаяхъ, что видно и изъ отрывковъ новгор. книж. Кирика, где полагается для оглашенія славянина 8 дней, а для болгарина, половчина и чудина въ

5 разъ больше). Катихизаторская деятельность св. Леонтія еще болѣе раздражала язычниковъ, пытавшихся даже убить епископа; но, въ концѣ концовъ, они приняли крещеніе. Между 1072–1077 г. св. Леонтій, по житію, „съ миромъ къ Господу отъиде,“ а по словамъ Симона Владимирскаго въ извѣстномъ посланіи къ Поликарпу, принялъ мученическую кончину. Въ частности – Симонъ называетъ Леонтія третьимъ мученикомъ за вѣру изъ русскаго міра послѣ двухъ варяговъ, пострадавшихъ при Владимирѣ-язычникѣ; потому что, говоритъ онъ, ростовскіе язычники, много мучивъ, его убили. Ключевскій вмѣстѣ за архіеп. Филаретомъ считаетъ болѣе вѣроятнымъ извѣстіе Симона, такъ какъ „могли быть побужденія умалчивать о насильственной смерти Леонтія; но непонятно, что заставило ~~Леонтія~~ выдумать такую смерть.“ (Ж. Рус. св. с. 21). Голубинскій, напротивъ, признаетъ такой фактъ совершенно невѣроятнымъ въ виду той грозной защиты, какую представляла для епископовъ власть княжеская.

Во время дѣятельности св. Леонтія въ 1071 г. волхвы по случаю голода и еще по какимъ-то неяснымъ основаніямъ подняли, особенно на сѣверѣ, брожение въ народѣ, которое попутно принимало и форму реакціи противъ христіанства. Ярославскіе волхвы ограничились только положительной проповѣдью своихъ суевѣрій, а одновременно съ ними возставшій волхвъ въ Кіевѣ велъ по видимому какую-то проповѣдь отрицанія по отношенію къ существующимъ порядкамъ, за что и былъ схваченъ гражданскою властью. Онъ предсказывалъ наступленіе чрезъ 5 лѣтъ катастрофы для русской земли, и, можетъ быть, въ темной массѣ простолюдиновъ

Этотъ пятый волхвъ 1071-го года имѣлъ какой-то смыслъ, если чрезъ этотъ промежутокъ времени въ Новгородѣ явился энергичный волхвъ, который уже прямо хулилъ христіанскую вѣру и, къ стыду новгородцевъ, чуть не столѣтіе проживавшихъ въ оградѣ церкви, увлекъ ихъ всѣхъ къ поголовному отступленію отъ греческой вѣры. Но волхвъ, появившійся въ 1091 г. въ Ростовѣ уже не имѣлъ успѣха. Въ этомъ сказались плоды только что съ честію оконченнаго миссіонерскаго подвига преемника Леонтія по каѳедрѣ — св. Исаіи, также постриженника печерскаго монастыря. Онъ нашелъ возможнымъ уже выступить за предѣлы города и „обойти прочіе грады и мѣста, иже въ Ростовстѣй и Суздальстѣй области" съ тѣмъ, чтобы „невѣрныя увѣщевати вѣровати въ св. Троицу и просвѣщати св. крещеніемъ." Въ Суздалѣ послѣ того встрѣчаемъ церковь св. Димитрія — результатъ миссіонерскихъ трудовъ Исаіи. Вскорѣ (въ нач. XII в.) Суздаль получаетъ своего удѣльнаго князя и съ нимъ вмѣстѣ, конечно, твердую опору для своего церковнаго благоустройства. Мы не упоминаемъ о просвѣтительной дѣятельности Авраамія Ростовскаго, потому что съ большею вѣроятностью его житіе можно пріурочить къ XIV, чѣмъ къ XI в. Память Авраамія въ святцахъ начинаетъ отмѣчаться только съ конца XV в. Тогда-же было составлено и житіе его. Въ нѣсколькихъ редакціяхъ этого житія, разгруппированныхъ преосв. Макаріемъ и анализированныхъ Ключевскимъ, достаточно ясно открывается произвольное творчество его авторовъ. Рѣзкія внутреннія несообразности (съ одной стороны дѣло происходитъ во времена полнаго язычества при св. кн. Владимірѣ и сынѣ его Борисѣ, а съ другой — Авраамій является уже „архимандритомъ", великій князь сидитъ въ г. Владимірѣ — Клязменскомъ и т. д.) и противорѣчія другимъ историческимъ источникамъ (посланію Симона,

житіе св. Леонтія), которыми полно житіе Авраамія, уже давно, начиная съ Карамзина возбуждали подозрѣнія историковъ и заставляли послѣднихъ отодвигать время жизни названнаго святаго въ гораздо позднѣйшую эпоху по сравненію съ XI вѣкомъ. Голубинскій очень остроумно отожествляетъ героя житія — Авраамія съ ростовскимъ богоявленскимъ игуменомъ Аврааміемъ по прозванію Низкимъ, который жилъ въ концѣ XIV вѣка и путешествовалъ вмѣстѣ съ митроп. Пименомъ въ Константинополь, что и могло дать поводъ житійному разсказу о предпоставленіи Авраамію чудесномъ путешествіи въ Царь-градъ. Новѣйшій изслѣдователь данного житія спеціально съ историко-литературной стороны — Кадлубовскій (Русск. Филол. Вѣст. 1897 г. № 12), сходясь съ Голубинскимъ въ отнесеніи личности Авраамія къ XIV в., весьма удачно указываетъ на возможные агіографическіе источники его житія, изъ которыхъ усвоены почти всѣ подробности послѣдняго, какъ напр. борьба Авраамія съ идоломъ Велеса, содѣйствіе въ этомъ Іоанна Богослова, борьба съ бѣсомъ и т. п., такъ что на долю историческаго зерна всего повѣствованія остается только фактъ игуменства Авраамія въ Богоявленскомъ ростовскомъ монастырѣ, его столкновеніе съ княземъ и, вѣроятно, какая-н. борьба противъ языческихъ суевѣрій (на подобіе борьбы Тихона Задонскаго съ праздникомъ божеству Ярилы); послѣднее обстоятельство и дало поводъ житійнымъ сочинителямъ превратить игумена Авраамія въ современника князю Владиміру крестителю Ростовскаго.

Въ инородческую среду Муромо-Рязанской области христіанство понемногу проникало изъ Черниговской земли, такъ что въ 1096 г. мы уже встрѣчаемъ въ Муромѣ Спасскій монастырь. Но, видимо, еще поле для миссіонерскихъ трудовъ здѣсь

было обширнѣе, если пришедшій въ этомъ году удѣльный князь Ярославъ (Константинъ) Святославичъ въ житіи, составленномъ въ XVI в., представленъ крестителемъ Мурома въ Окѣ по подобію Кіевскаго.

Гораздо болѣе трудную задачу для миссіонерства представляло обращеніе двухъ племенъ, по лѣтописи — польскаго корня, Вятичей и Радимичей, обитавшихъ не такъ далеко отъ Кіева (въ районѣ нынѣшнихъ губерній Калужской, орловской, сѣверной части Черниговской и восточной части Могилевской), но оказавшихся стойкими противниками власти кіевскаго князя. Ихъ независимость едва ли даже окончательно сломили два похода Владиміра Мономаха въ концѣ XI в. Въ XII в. печерская обитель воспитала для нихъ апостола, можетъ быть даже соплеменника, знавшаго ихъ нарѣчіе, судя по его инородческому имени, препод. Кукшу. Но онъ былъ убитъ Вятичами вмѣстѣ съ своимъ ученикомъ Никономъ. Очевидно, упорные націоналисты еще не хотѣли знать кіевской вѣры. Есть сказаніе о крещеніи нѣкоторыхъ изъ вятичей только въ 1/2 XV в.! Это передается о жителяхъ г. Мценска, изъ коихъ въ то время будто-бы еще „многіе были невѣрующіе во Христа Бога Нашего."

Въ предѣлы инородцевъ зарубежныхъ, какъ уже было сказано, христіанство заносили русскіе люди путемъ колонизаціи. Изъ четырехъ видовъ колонизаціи: вольной, торговой, военной и монастырской, съ коими обычно связывалась миссіонерская дѣятельность, мы для даннаго періода могли бы указать цѣлыхъ три, если бы не имѣть здѣсь дѣло съ рядомъ довольно трудныхъ историческихъ вопросовъ. Дѣло въ томъ, что наши сѣверные лѣтописцы оказались большими патріотами и постарались углубить въ почтенную древность начальныя даты своей исторіи. Вотъ эти даты. Около 1174 г. пошли

на р. Вятку новгородцы — „самовласцы," построиши „градъ Хлыновъ" и „начаша общежительствовати самовластвующе". Въ 1212 г., по устюжскому лѣтописцу, въ самомъ гор. Устюгѣ основанъ Архангельскій монастырь. Въ 1147 г. пришелъ въ Вологду кіевскій уроженецъ инокъ Герасимъ и основалъ на берегу Кайсарова ручья Троицкій монастырь. (Мы не приводимъ здѣсь нѣкоторыя другія совсѣмъ несостоятельныя показанія, напр. о началѣ монастырей Вологодскаго и Холмогорскаго). Е. Е. Голубинскій съ легкимъ сердцемъ отклоняетъ всѣ приведенныя даты, относя отмѣченные ими факты за предѣлы домонгольскаго періода; онъ признаетъ однакоже существованіе въ то время и въ Вологдѣ и въ Устюгѣ новгородскихъ колонистовъ, а этого для насъ уже достаточно, чтобы допустить здѣсь и существованіе церквей. Новѣйшіе изслѣдователи мѣстной старины сѣвера прямо утверждаютъ, что „двинская область начала заселяться въ XI в.; въ XII в. тамъ являются села съ церквами и города" (Лупповъ с. 7. Смирновъ. Вотяки. Каз. 1890 с. 19–20), а въ вятской области построеніе церквей и городовъ относятъ къ началу XIII в. Такимъ образомъ, если препод. Герасимъ и не открываетъ собою уже въ домонгольскій періодъ рядъ монастырскихъ колонистовъ, игравшихъ такую видную роль въ миссіонерской дѣятельности церкви послѣдующаго періода, то миссіонерскую роль торговыхъ колонистовъ въ эту раннюю эпоху мы обязаны отмѣтить.

Княжеская военная колонизація несла знакомство съ православнымъ христіанствомъ къ западнымъ прибалтійскимъ финнамъ и латышамъ. Среди финскихъ племенъ къ сѣверу отъ Новгорода (—, Води, Ижоры, Корелы) существовали укрѣпленные пункты новгородцевъ съ устроенными въ нихъ церквами, какова напр. Ладога. Но о крещеніи самихъ финновъ ничего опредѣленнаго неизвѣстно вплоть до 1227 г., когда новго-

родскій князь Ярославъ Всеволодовичъ послѣ совмѣстнаго съ Корелами похода противъ Шведовъ „послалъ, крести множество корелъ, мало не всѣ люди!" — Эсты, жившіе къ западу отъ сѣверной части Чудскаго озера, еще со времени св. Владимира состояли въ данническихъ отношеніяхъ къ Новгороду и Пскову. Вел. кн. Ярославъ Владимировичъ построилъ на ихъ землѣ укрѣпленный городъ Юрьевъ, и, вѣроятно, церковь въ немъ въ честь своего патрона Георгія; но о результатахъ христіанской проповѣди среди этихъ данниковъ мы опять не знаемъ до самаго поздняго времени. При томъ-же характерѣ отношеній побѣжденныхъ къ завоевателямъ, — постоянно воинственный, сопровождавшійся частыми возстаніями и иногда продолжительными періодами независимости эстовъ отъ русскихъ, нисколько не благопріятствовало духовному вліянію послѣднихъ на первыхъ. Кромѣ того русскіе князья, до самаго прихода сюда нѣмцевъ, совсѣмъ не имѣли ни политической, ни религіозной ревности къ обращенію покоренныхъ народовъ въ свою вѣру, что и отмѣчаетъ латинскій хронистъ Генрихъ Латышскій. „У русскихъ князей, — говоритъ онъ, — существуетъ обычай, когда они завоевываютъ какой-н. народъ, — подчинять его не вѣрѣ христіанской, а сбору даней и денегъ." Но въ началѣ XIII в. успѣхи нѣмцевъ въ прибрежной Эстоніи заставили псковичей по ихъ примѣру въ 1210 г. при взятіи главнаго города въ пріозерной области Эстоніи Уганди крестить нѣкоторыхъ жителей ([illegible]) въ православіе и обѣщаніемъ прислать къ нимъ священниковъ; но обѣщаніе было почему-то не выполнено, и угандцы черезъ пять лѣтъ приняли крещеніе отъ латинянъ. — Неизвѣстно за сколько времени раньше этого тѣ-же псковичи совершенно мирнымъ путемъ крестили латышей области Толовы, лежащей какъ разъ

южные Угауніи на верховьяхъ рѣки Аа. Это мы узнаёмъ изъ характернаго разсказа о крещеніи въ латинство въ 1208 г. сосѣднихъ латышей, жившихъ по рѣкѣ Имерѣ; именно, „они бросали предъ тѣмъ жребій, чтобы узнать, на что ихъ боги даютъ свое соизволеніе: на то ли, чтобы они приняли крещеніе отъ русскихъ изъ Пскова вмѣстѣ съ другими леттгаллами изъ Толовы, или чтобъ они крестились отъ латинянъ?" Великодушные боги рѣшили дѣло въ пользу латинскаго крещенія. Но въ 1214 г. и остальная Толова по разсчетамъ политической выгоды перешла въ латинство. — Еще позднѣе, по низовьямъ Двины, латышскія племена уже съ XI в. были въ постоянномъ подданствѣ у полоцкихъ князей; здѣсь даже были два удѣльныхъ полоцкихъ княжества: Герцике и Кукенойсъ. Въ первомъ, по свидѣтельству Генриха Латтскаго, были православныя церкви; то-же было несомнѣнно и во второмъ. Но безкорыстное отношеніе полоцкихъ князей къ религіи, какъ къ политическому средству было такъ велико, что въ концѣ XII в. только съ прямаго дозволенія полоцкаго князя Владимира августинскій монахъ Мейнгардъ началъ въ прибалтійскомъ краѣ знаменитое немецкое дѣло: „прибылъ, по выраженію хрониста, единственно для дѣла Христова и ради проповѣди — simpliciter pro Christo et praedicandi tantum causa." Этотъ благодушный шагъ князя Владимира черезъ нѣсколько десятилѣтій привелъ къ полному исчезновенію владычества его дома въ Лифляндіи и водворенію тамъ латинства и германизма.

Распространеніе православнаго христіанства въ данный періодъ за предѣлы русской земли путемъ обычныхъ сосѣдскихъ отношеній съ другими наро-

дами

можно указать и по всѣмъ остальнымъ географическимъ направленіямъ. Такъ, славное галицко-волынское княжество вліяло въ этомъ смыслѣ на сосѣднюю Литву: въ концѣ XI и началѣ XII вѣка тамъ являются православными четыре послѣдовательно смѣнившихъ другъ друга литовско-новогрудскихъ князя.

Южные сосѣди русскихъ — половцы также иногда принимали крещеніе или по случайнымъ поводамъ (припомнимъ извѣстный разсказъ кіево-печерскаго патерика о Никонѣ Сухомъ), или при брачныхъ союзахъ съ нашими князьями.

Сосѣдившіе съ востока камскіе болгары даютъ примѣръ обратившагося въ православіе богатаго купца Авраамія, убитаго ими за вѣру въ 1229 г. Лѣтописцы увѣряютъ, что это примѣръ не единственный, что въ славной столицѣ суздальскаго князя Андрея, благодаря его привѣтливости и стараніямъ ознакомить всѣхъ своихъ гостей съ красотами православной обрядности, „и болгаръ и жидовъ и поганыхъ крестилось не мало."

---

*) Хотя возможно, что мы въ данномъ случаѣ хвалимся чужими заслугами, т. е. что Авраамій могъ стать христіаниномъ не благодаря только русскому вліянію. Начиная съ эпохи еще предшествующей X-му вѣку въ камскую Болгарію во множествѣ приходили для торговли христіане изъ Арменіи и Греціи. Археологическія раскопки на мѣстѣ древней столицы Болгаріи не только дали нѣсколько священныхъ христіанскихъ изображеній греческой работы, но и подтвердили догадку о существованіи тамъ правосл. храма или монастыря. Итакъ Авраамій могъ быть членомъ той христіанской общины въ Болгаріи, которая вела свое начало отъ греко-восточныхъ купцовъ. 112)

Между тѣмъ какъ христіанство переливалось черезъ края русскаго государства къ другимъ народамъ, внутри самой Руси оно постепенно, съ организаціей епархій, умноженіемъ церквей и духовенства становилось все болѣе народной религіей, переходило въ кроткую религіозную привычку къ новому культу, развивало благочестивыя чувства, создавало новое религіозное самосознаніе, съ которымъ она встрѣтила азіатскихъ Монголовъ уже какъ Русь христіанская подъ знаменемъ креста.

Церковное Управленіе въ Кіевскій періодъ.

Приступая къ исторіи возникновенія основныхъ формъ и принциповъ управленія русской церкви, умѣстно вкратцѣ вспомнить нѣкоторыя общія положенія изъ области канонического права и его исторіи. Богоучрежденнымъ и непреложнымъ принципомъ организаціи церковнаго управленія должно считаться только то положеніе, чтобы церковь не была безъ епископа; тамъ, гдѣ есть епископъ, есть и вся полнота жизни церковной, ненуждающаяся, съ догматико мистической точки зрѣнія, ни въ какой внѣшней санкціи и контролѣ. Догматически церковь мыслится какъ собирательная масса автокефальныхъ единицъ, по количеству - равныхъ числу наличныхъ епископовъ. Но на практикѣ въ такомъ атомистическомъ состояніи церковь находилась м. б. только въ вѣкъ апостоловъ; для пользы дѣла она вскорѣ же должна была воспользоваться въ своемъ благоустроеніи исторически выработанными формами государственно общественнаго управленія и въ частности системою административной централизаціи. Важно при этомъ помнить, что исторически сложившіяся так. образ. формы церковнаго управленія изъ чисто человѣческихъ элементовъ сами по себѣ ни для какой частной церкви безусловно обязательными быть не могутъ; принятіе или непринятіе ихъ всецѣло зависитъ отъ ея доброй воли и должно основываться только на раціонально-практическихъ соображеніяхъ высшей пользы для церкви отъ усвоенія благого примѣра. Само собою разумѣется, что разумное уваженіе къ историческому опыту предковъ и стремленіе къ внѣшней гармоніи всѣхъ частей вселенской церкви всегда брало и будетъ брать перевѣсъ при-

устройствѣ управленія каждой частной церкви, но ненормальныя явленія въ этой сферѣ въ исторіи возникали именно отъ забвенія вышеуказаннаго права частныхъ церквей на совершенную въ этомъ отношеніи свободу. Духъ любоначалія и консервативнаго преклоненія предъ существующими формами, глубоко коренясь въ природѣ человѣка, свойственъ наряду со всякими обществами и обществамъ церковнымъ. Поэтому все, что выработано сильнѣйшими и старѣйшими, считается обязательнымъ для слабѣйшихъ и младшихъ. Такъ смотрѣла на дѣло и наша славная и великая матерь-церковь греческая (и мы уже указали отчасти — почему). Она выработала для себя, такъ же случайно и стихійно, какъ происходятъ и всѣ явленія этого рода, какъ возникло и папство на западѣ, систему административной централизаціи по тожному образцу управленія римской вселенной (οἰκουμένη) границы которой приблизительно совпадали съ границами восточной церкви. Получилось так. образомъ на востокѣ, соотвѣтственно пяти гражданскимъ діоцезамъ (= генералъ-губернаторствамъ) пять діоцезныхъ архіепископовъ или патріарховъ. Впослѣдствіи произошелъ нѣкоторый передѣлъ церковно-административныхъ районовъ діоцезныхъ архіепископовъ, но въ результатѣ остались тѣ же 5 патріархатовъ. Собственно говоря это явленіе въ греческой церкви — чисто домашнее, для нея одной имѣвшее значеніе наряду съ другими народно-бытовыми и государственными условіями ея существованія. Но, какъ и слѣдовало ожидать по вышеуказаннымъ причинамъ, греки скоро дошли до искренняго

убѣжденія, что ихъ пять случайныхъ патріархатовъ имѣютъ непреходящее, всемірное и обязательное на всѣ времена значеніе. „Пять патріаршествъ знаемъ во всемъ мірѣ, ибо какъ тѣло наше управляется пятью чувствами, такъ и Христово тѣло – церковь вѣрныхъ управляется пятью чувствами – пятью престолами", говоритъ, напр., патріархъ Антіохійскій Петръ (1/2 XI в.). Выводъ отсюда тотъ, что такъ какъ патріархъ есть административный начальникъ своего патріархата, то всѣ народы міра, имѣвшіе, или имѣющіе вступить въ лоно восточной церкви должны навсегда подпасть административно-церковной власти какого-н. изъ пяти патріарховъ въ качествѣ его митрополіи, или епископіи, потому что существованіе ихъ всѣхъ пяти патріархатовъ немыслимо, какъ существованіе всей самой церкви. Поэтому, когда полагалось начало управленію русской церкви, то съ греческой стороны разумѣлось, какъ само собой понятное, ея подчиненіе власти Константинопольскаго патріарха. Но мы видимъ, что это разумѣлось, съ точки зрѣнія чистаго и строгаго права, только по злоупотребленію, по такому же правовому злоупотребленію, по какому цивилизованные народы забираютъ подъ свою власть всѣхъ оставшихся на земномъ шарѣ дикарей. (Вопросъ о пользѣ – другое дѣло, а здѣсь рѣчь идетъ только о правѣ). Новая русская церковь, конечно, ничего не могла возразить грекамъ на проводимую ими теорію церковной пентархіи, но гражданская власть въ лицѣ кн. Владиміра не могла пропустить этотъ вопросъ безъ

надлежащаго обсужденія. Далекій отъ тонкихъ юридическихъ теорій кн. Владиміръ, какъ и во всемъ своемъ великомъ дѣлѣ, поступалъ на основаніи примѣровъ окрестныхъ народовъ. Болгары имѣли своего автокефальнаго архіепископа; трудно думать, чтобы не пожелалъ того же для себя и Владиміръ. У грековъ были архіепископы двоякаго рода: высшіе и низшіе по сравненію съ митрополитами. Низшіе митрополитовъ архіепископы - были епископы, подчинившіеся своему патріарху, минуя митрополичью инстанцію; такихъ было немало. Высшіе митрополитовъ архіепископы были совершенно свободны отъ самой патріаршей власти, были автокефальны и не назывались до времени патріархами только для того, чтобы сохранить дорогую иллюзію древней пентархіи; ихъ было немного: Кипрскій, Иверійскій, болгарскій и Сербскій. Такого именно архіепископа, по примѣру славянскихъ собратій, и естественно было пожелать кн. Владиміру, а нѣкоторые документальные намеки заставляютъ насъ съ высокою степенью вѣроятности допускать, что это и дѣйствительно было такъ. Первый русскій архипастырь Левъ извѣстенъ своимъ хорошимъ полемическимъ сочиненіемъ противъ латинянъ, написаннымъ по-гречески. Большая часть списковъ именуетъ его въ надписаніи митрополитомъ, но одинъ изъ нихъ называетъ его архіепископомъ. Безъ дѣйствительнаго основанія такое возвеличеніе обыкновеннаго митрополита совсѣмъ непонятно, какъ непонятно было бы теперь ошибочное наименованіе обыкновеннаго русскаго епископа патріархомъ. Наоборотъ, объяснимо перенесеніе на Льва впослѣдствіи ставшаго обычнымъ для русскихъ архипастырей титула митрополита. Но особенно бросается въ

глаза и прямо производитъ впечатлѣніе на читателя. Это словоупотребленіе нашихъ древнѣйшихъ писателей XI в. — преп. Нестора въ его „чтеніи" о Борисѣ и Глѣбѣ и неизвѣстнаго автора „Сказанія" о томъ же предметѣ, по мнѣнію многихъ, — монаха Іакова. Они преемника Льва Іоанна 1-го называютъ по преимуществу архіепископомъ и только какъ бы per lapsum linguae митрополитомъ; такъ, напр., преп. Несторъ изъ 11-ти разъ только дважды употребляетъ титулъ митрополита. Прежде всего такое словоупотребленіе неотразимо свидѣтельствуетъ о томъ, что титулъ архіепископа въ самые первые годы русской церкви ея высшимъ пастырямъ дѣйствительно принадлежалъ и имѣлъ свой реальный смыслъ. Слѣдоват., русская церковь при самомъ своемъ возникновеніи была устроена по примѣру сосѣдней болгарской на началѣ автокефаліи и что давленіе на Грековъ Корсунской войны, благовременно предпринятой умнымъ кн. Владиміромъ, было вдвойнѣ цѣлесообразнымъ. Но то же словоупотребленіе нашихъ древнихъ авторовъ говоритъ и о крайней кратковременности у насъ достигнутой автокефаліи. Уже второго нашего архипастыря они называютъ изрѣдка митрополитомъ. Это можно понимать въ двоякомъ смыслѣ. Во-первыхъ, такъ какъ называть дѣйствительнаго архіепископа митрополитомъ значитъ допускать непростительное умноженіе его достоинства, то скорѣе всего можно допустить обратный пріемъ величанія митрополита почетнымъ архаическимъ титуломъ архіепископа, т. е. допустить, что автокефальнымъ архіепископомъ у насъ былъ только первый нашъ архипастырь-Левъ. Но можно, во-втор., вышеприведенное обстоятельство понимать и въ томъ смыслѣ, что писатели 2-й ½ X

титулуя Іоанна иногда митрополитомъ имѣли дѣло не съ живою личностію, и потому совсѣмъ не сознавали, что они причиняютъ какое-то особенное униженіе верховному русскому пастырю, называя его современнымъ имъ титуломъ. Такъ нужно думать тѣмъ болѣе, что и другіе признаки говорятъ о личности Іоанна I^го, какъ въ нѣкоторомъ смыслѣ особенной. Степенная книга и Никонова лѣтопись откуда-то добыли свѣдѣнія, что онъ построилъ двѣ каменныхъ церкви, что свидѣтельств. о томъ, что Іоаннъ былъ человѣкъ богатый и близкій интересамъ русской земли. Особенно характерно то, что онъ съ великою готовностью открываетъ мощи русскихъ новоявленныхъ святыхъ Бориса и Глѣба и самъ пишетъ имъ службу хорошимъ славянскимъ языкомъ, тогда какъ спустя нѣкоторое время митроп. Георгій-грекъ не признаетъ ихъ святости и еще позднѣе—въ 1108 г. печерскіе монахи хлопочутъ о канонизаціи преп. Феодосія предъ велик. княземъ, обходя митроп. грека. Можно дѣлать отсюда заключеніе, что Іоаннъ былъ человѣкъ русскій, но вѣрнѣе думать, что онъ былъ болгаринъ, близкій къ вышгородскому двору въ качествѣ, напр., духовника жены Владиміра болгарыни. Отъ этой болгарыни происходили и любимые Владиміромъ сыновья Борисъ и Глѣбъ, первый изъ которыхъ носилъ даже болгарское имя, о славѣ которыхъ потому такъ и заботился родственный имъ архипастырь. Благодаря особенной любви Владиміра къ этимъ двумъ сыновьямъ, нужно думать, что вмѣстѣ съ ними при дворѣ жила никуда не удаляясь и мать ихъ болгарыня и вѣроятно пережила и самого Владиміра.

Титмаръ Мерзебургскій, говоря о войнѣ Болеслава Смѣлаго съ Ярославомъ Владиміровичемъ, бывшей въ первые годы княженія послѣдняго, сообщаетъ о взятіи въ плѣнъ мачихи Ярослава и о посредничествѣ русскаго архіепископа (онъ называетъ его именно такъ) между Болеславомъ и Ярославомъ въ дѣлѣ обмѣна плѣнныхъ. Здѣсь опять выступаетъ связь между архіепископомъ Іоанномъ и болгарыней-женой Владиміра. Связь эта вѣроятно такова, что по смерти 1-го архіепископа Анастаса супруга велик. князя, знавшая съ одной стороны тенденціи грековъ, а съ другой — значеніе церковной автокефаліи, посовѣтовала воспользоваться этимъ правомъ самымъ широкимъ образомъ, т. е. избрать въ архіепископы не грека, а своего человѣка, какимъ тогда едвали могъ оказаться кто-л. изъ русскихъ, и наоборотъ съ удобствомъ могъ быть образованный болгаринъ Іоаннъ. Так. обр. самый фактъ поставленія во главѣ русской церкви не грека снова говоритъ въ пользу ея изначальной автокефаліи. Архіеп. Іоаннъ занялъ каѳедру въ 1008 г. и продолжалъ неизвѣстное время править русскою церковью и въ началѣ княженія Ярослава (1019-1054) (по Дм. Ростовск. † 1035 г., а по Le Quien'у † 1038 г.); подъ 1039 г. упоминается уже митроп. Ѳеопемптъ. Слѣдоват. періодъ предполагаемой автокефаліи русск. церкви ограничивается временемъ двухъ первыхъ ея представителей. Греки, подъ давленіемъ необходимости допускавшіе автокефалію, при первомъ же удобномъ случаѣ постарались упразднить ее, какъ это они дѣлали и съ церкв. Болгарской и Сербской только безуспѣшно.

У насъ же, по смерти Владимира, на Кіевскомъ престолѣ вплоть до 1036 г., т.е. до года единовластія Ярослава, происходили волненія, авторитетъ великокняжеской власти временно ослабѣлъ, и изъ Константинополя прислали къ намъ митрополита, русскіе епископы — въ большинствѣ греки не протестовали, а, нужно думать, только содѣйствовали такому обороту дѣла.
Такимъ путемъ русская церковь стала въ разрядъ обыкновенныхъ митрополій Константинопольскаго патріарха — и даже совсѣмъ обыкновенныхъ, п. что стояла въ разрядномъ спискѣ то на 61 мѣ, то на 70 мъ мѣстѣ, не взирая на ея необычную пространность и мѣстонахожденіе въ особомъ, самостоят. государствѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ на нее простирались и всѣ установившіеся права КП. патріарха въ отношеніи къ подчиненнымъ ему митрополіямъ: 1) право поставленія митрополитовъ 2) вызова ихъ къ себѣ на соборы 3) суда надъ ними 4) — аппелляціи на судъ митрополитовъ и 5) ставропигіи. Право поставленія митрополитовъ принадлежало Кп. п-ху, по каноническимъ правиламъ, въ тѣсномъ смыслѣ посвященія, послѣ предварительнаго избранія достойнаго кандидата окружнымъ соборомъ (4 всел. пр. 28; Сардик. пр. 6). Но патріархи, ко времени учрежденія руск. церкви успѣли создать себѣ обычное право не только посвященія митрополитовъ, но и избранія ихъ при посредствѣ своего синода. На русской церкви эта эволюція власти КП. п-ха отразилась весьма важными послѣдствіями. Будь въ силѣ старый каноническій порядокъ избранія митрополитовъ, — соборъ русскихъ епископовъ безъ сомнѣнія избиралъ бы на этотъ постъ своихъ соотечественниковъ; теперь же къ намъ послѣдовательно

[по]сылались на Русь изъ Кп-ля митрополиты-греки.
[П]ри всей скудости свѣдѣний, сообщаемыхъ лѣтописью
[д]ля истории русскихъ митрополитовъ домонгольска-
[г]о периода, мы однако узнаемъ о двухъ извѣстныхъ
[с]лучаяхъ, когда этотъ установленный порядокъ
[н]арушался, т.е. митрополиты избирались по волѣ
[к]нязей изъ русскихъ домашнимъ соборомъ епископовъ.
[И]нтересны эти случаи съ принципиальной стороны,
т.к. кк большинство имѣетъ на нихъ опредѣленный
взглядъ, какъ на систематическия попытки русской
церкви освободиться отъ подчинения Кп-скому
патриарху, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ
вполнѣ твердыхъ данныхъ для такого именно
взгляда не имѣется. Поводъ для поставления въ
митрополиты вел. кн. Ярославомъ въ 1051г. русск.
священника Илариона, знаменитаго витии,
хотятъ видѣть въ войнѣ вел. князя съ греками.
Но война эта, затѣянная въ 1043г. черезъ три
года закончилась миромъ, скрѣпленнымъ къ
тому же бракомъ сына Ярославова Всеволода
на греческой царевнѣ и потому въ 1051г. не могла
служить для Ярослава основаниемъ къ церковному
раздору съ греками. Съ другой стороны, нѣкоторыя
лѣтописныя извѣстия положительнымъ образомъ
даютъ знать, что поступокъ Ярослава не
нарушилъ мирныхъ церковныхъ отношений къ
намъ грековъ - (въ 1052г. приходятъ на Русь три
греч. пѣвца - устроителя демественнаго пѣния) -
и слѣдовательно не выражалъ враждебной
грекамъ тенденции. Дѣйствительно, если бы
Ярославъ задумалъ впредь самостоятельно
избирать митрополитовъ только изъ русскихъ,
то странно, что онъ не сдѣлалъ объ этомъ

никакого завѣщанія своимъ дѣтямъ, свято чтившимъ его память, и они на другой годъ послѣ его смерти, въ 1055 г., принимаютъ митроп. грека Ефрема; очевидно ничего принципіальнаго Ярославомъ въ данномъ случаѣ предпринято не было. Сдѣлавшись единовластным и сильнѣйшимъ княземъ на престолѣ Кіевскомъ, онъ не хотѣлъ изъ-за строгаго послушанія грекамъ отказать себѣ въ желаніи видѣть на митрополичьей каѳедрѣ исключительно выдающагося образованіемъ, талантами и святостью жизни русск. человѣка, успокоивъ патріарха объясненіемъ, что онъ такъ хочетъ только ради одного лица Иларіона. Поступи такъ для Ярослава было тѣмъ естественнѣе, что на его памяти могло быть и самостоятельное избраніе второго по счету русскаго первосвятителя архіеп. Іоанна, такъ что избраніе Иларіона было какъ бы безтенденціознымъ отголоскомъ только что исчезнувшей автокефаліи русской церкви.

Затрудняются также объяснить, что заставило въ 1147 г. Изяслава Мстиславича допустить такое же самочинное поставленіе Климента Смолятича и съ какою мыслью оно было учинено? Къ разъясненію этого факта можетъ послужить характеристика дѣятельности предшествующаго митроп.-грека Михаила (1131-1147). Въ ту пору Кіевъ былъ ареною ожесточенной, часто недобросовѣстной и вѣроломной борьбы двухъ княжескихъ линій — Мономаховичей и Ольговичей, а доблестный святитель Михаилъ всѣ силы напрягалъ къ тому, чтобы остановить бурныя междоусобія и примирить враждующія стороны, что ему не одинъ разъ и удавалось. Еще въ 1134 г., будучи случайно въ Новгородѣ, м. Михаилъ протестовалъ противъ

войны Мстиславичей съ дядей Юріемъ Долгорукимъ, но былъ посаженъ за это въ заключеніе, изъ котораго вышелъ только послѣ пораженія непослушавшихъ его князей. Въ 1136 г. подъ Кіевомъ готовы были сойтись войска Ольговичей и Мономаховичей, но Ярополкъ Владиміровичъ Кіевскій благоразумно уступилъ Ольговичамъ видимо подъ вліяніемъ митр. Михаила, о которомъ лѣтописецъ говор. честный м. Михаилъ "ходилъ съ крестомъ между двумя враждебными ратями и примирилъ ихъ крестн. цѣлованіемъ. Въ 1140 г. Ольговичи снова подступили къ Кіеву, чтобы прогнать оттуда слѣдующаго сына Мономаха Вячеслава; началось было разрушеніе города, но митрополитъ снова явился предъ войсками нападавшихъ и объявилъ, что Вячеславъ, не желая кровопролитія, безъ боя покидаетъ Кіевскій престолъ. Митроп. Михаилъ съ честью встрѣтилъ новаго кн. Всеволода Ольговича и жилъ съ нимъ въ мирѣ. Так. обр. успѣхи примирительной политики митрополита всякій разъ окупались уступками со стороны Мономаховичей и закончились переходомъ Кіевскаго стола въ руки Ольговича. Не удивительно поэтому, если представитель обиженнаго рода, Изяславъ Мстиславичъ, воротившій себѣ въ 1146 г. власть путемъ нарушенія клятвы, данной Всеволоду Ольговичу, не былъ расположенъ не только къ намѣстному митрополиту, но и вообще къ митрополитамъ грекамъ, которымъ, какъ видно, изъ примѣра Михаила, чужды были родовыя пристрастія князей и дороже всего была нейтральная политика мира. Изяславъ захотѣлъ имѣть митрополита - партизана, защитника интересовъ своего рода, а таковымъ могъ быть только русскій и притомъ въ полномъ смыслѣ его

креатура, т.е. поставленный по волѣ князя безъ спроса патріарха. Вотъ возможный мотивъ дѣйствій вел. князя въ данномъ случаѣ. Стойкость м. Михаила въ своемъ безпристрастіи только болѣе способствовала крупной постановкѣ дѣла. Въ 1145г. м. Михаилъ ходилъ въ Царьградъ, но, чтобы онъ тамъ и скончался (какъ полагали старые историки – Евгеній, Филаретъ), этого ни откуда невидно; даже митр. Макарій оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ, а Татищевъ цитируетъ прямое лѣтописное свидѣтельство: „того же (1147) году умре въ Кіевѣ м. Михаилъ". Поэтому загадочную причину интердикта, наложеннаго имъ на службу в Кіевской Софіи, вѣроятнѣе всего представлять себѣ слѣдующимъ образомъ. Когда въ 1146г. въ Кіевъ вступалъ послѣ битвы Изяславъ Мстиславичъ, т. м. Михаилъ уклонился отъ встрѣчи его какъ законнаго князя, не прощая ему его клятвопреступленія, но вынужден. вслѣдствіе этого покинуть свою каѳедру, можетъ быть даже въ виду неизбѣжнаго заключенія (какъ Изяславъ поступилъ впослѣдствіи съ его приверженцемъ Нифонтомъ Новгородскимъ), м. Михаилъ и прибѣгаетъ къ духовной карѣ новаго князя, - полагаетъ въ Софійскомъ храмѣ рукописаніе, запрещавшее въ немъ службу безъ митрополита. Самолюбіе князя было этимъ еще болѣе задѣто, и послѣ скорой смерти м. Михаила въ 1147г. онъ уже не задумывается въ соглас. съ 6-ю епископами поставить смиреннаго, но образованнаго (схимника) инока Зарубскаго монастыря Климента Смолятича, даже вопреки его собственному желанію (Николаев. с.105). Затѣмъ начинается извѣстная исторія неоднократныхъ побѣговъ Климента изъ Кіева вмѣстѣ съ кн. Изяславомъ и обратныхъ возвращеній,

пока перемѣнная борьба съ Юріемъ Долгорукимъ не окончилась, за смертью Изяслава, въ пользу Юрія въ 1155 г. Занявшій великое княженіе Юрій окончательно удалилъ Климента и досталъ изъ Царьграда новаго м. Константина, который, ревнуя о попранныхъ правахъ своего патріарха, запретилъ всѣхъ ставленниковъ Климента и предалъ проклятію покойнаго кн. Изяслава. Взявшіе, по смерти Юрія въ 1157 г., Кіевъ сыновья Изяслава выгнали м. Константина спасавшагося бѣгствомъ и хотѣли возвратить на его мѣсто Климента, но сѣвшій на великокняжеск. столъ дядя ихъ Ростиславъ Смоленскій воспротивился этому: „се вы являю, сказ. онъ, не хочу Клима у митрополіи видѣти, зане не взялъ благословенія отъ святыя Софіи и отъ патріарха". Вызванъ былъ изъ Греціи м. Феодоръ, жившій не болѣе двухъ лѣтъ. За это время Климентъ чѣмъ-то успѣлъ снискать расположеніе Ростислава, и онъ, по смерти Феодора, отправилъ къ патріарху посольство съ просьбою утвердить Климента (1164). Но патріархъ, всегда имѣвшій черезъ своихъ корреспондентовъ, проживавшихъ на Руси грековъ, свѣдѣнія о настроеніи Кіевской политики, предупредительно поставилъ новаго митрополита Іоанна и спѣшно отправилъ его на Русь съ богатыми дарами. Посольство Ростислава воротилось съ пути. Пришедшій отъ императора посолъ обратился къ Ростиславу съ рѣчью: „молвитъ ти царь: аще приимеши съ мольбою благословеніе отъ святыя Софьи"..... а далѣе во всѣхъ трехъ спискахъ древней лѣтописи (Ипат. Хлѣбн. Погод.) слѣдуетъ пропускъ: видимо, произошелъ уже маленькій конфликтъ: Ростиславъ былъ недоволенъ такимъ маневромъ со стороны грековъ и м. б. сказалъ ч-н. рѣзкое,

что позднѣйшие переписчики лѣтописи, сторонники строгой цензуры, и выпустили къ невыгодѣ для исторіи. В. Н. Татищевъ, дозволявшій себѣ съ поэтическою вольностью перефразировать слова историческихъ лицъ въ цѣлые монологи, въ этомъ мѣстѣ влагаетъ въ уста Ростислава слѣдующую отповѣдь, будто бы сказанную имъ греческому послу: „Я сего м-та за честь и за любовь царскую нынѣ пріиму, но впредь, ежели пх, безъ вѣдома и опредѣленія нашего, противно правилъ св. апостолъ, въ Русь м-та поставитъ, не токмо не пріиму, но и законъ сдѣлаемъ вѣчный избирать и поставлять епископамъ русскимъ съ повелѣнія великаго князя." Принять эти слова за подлинныя никакъ нельзя, а между тѣмъ они пріобрѣтаютъ важное значеніе потому, что всему дѣлу Климента Смолятича придаютъ неправильную окраску. Ростиславъ, такъ убѣжденно противившійся въ началѣ возстановленію въ правахъ м-та Климента и до послѣдняго момента стоявшій за необходимость патріаршаго благословенія, не могъ называть это патріаршее поставленіе „противнымъ правиламъ свв. ап-въ," не могъ высказать по тому же самому и радикальнаго проекта поставленія митрополитовъ, какой здѣсь ему навязанъ. — Дѣло въ томъ, что въ описанной исторіи поставленія Климента Смолятича не видно именно этой принципіальной рѣшимости разъ навсегда измѣнить существующіе порядки, для чего не хватало Изяславу сочувствія ни князей, ни всей іерархіи. Въ лѣтописи сказано, что въ данномъ случаѣ

онъ дѣйствовалъ «особѣ съ шестью епископы»: изъ князей его дѣйствительно не поддержалъ никто, а изъ русскихъ епископовъ воспротивился самый авторитетный и самый искренній — Нифонтъ, и лѣтописецъ, отражающій общее настроеніе русскихъ того времени, называетъ за это его „поборникомъ всей Русской земли и ревнивымъ по Божественнымъ".-

Безъ сомнѣнія указанные два случая самостоятельнаго поставленія митроп. изъ русскихъ за періодъ домонгольскій не имѣютъ симптоматическаго значенія; нужда въ этомъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ дѣйствительно была: такого, съ одной стороны, почтенное желаніе выдвигать иногда достойныхъ людей изъ русскихъ, а съ другой — небезукоризненное стремленіе князей выйти изъ подъ опеки независимаго митроп.-грека.- Большинство русскихъ епископовъ, какъ видно изъ приведеннаго примѣра, при случаѣ тоже открыто склонялось, по понятнымъ побужденіямъ, на сторону автокефальнаго митрополита. Но видѣть во всемъ этомъ доказательство того, будто русская Церковь того времени тяготилась установившейся зависимостью отъ Константинопольскаго патріарха и находила въ послѣдней великія для себя неудобства, совсѣмъ неосновательно. Оцѣнивая ретроспективно фактъ господства у насъ въ данную пору митрополитовъ-грековъ, мы должны признать, что при нѣкоторыхъ неудобствахъ, проистекавшихъ отъ ихъ иностраннаго происхожденія, отъ незнанія ими русскаго языка, они были въ большинствѣ

случаевъ и образованіе русскихъ и главное — именно, какъ иностранцы, сохранили насъ въ удѣльный періодъ отъ великаго зла политическаго и церковнаго.- Благодаря родовому порядку наслѣдованія великокняжескаго стола у нашихъ князей за весь удѣльный періодъ происходили безпрерывныя междуусобныя войны, при чемъ на кіевскомъ престолѣ послѣдовательно смѣнялись врагъ врага; если бы въ ихъ власти было ставить себѣ митрополитовъ, то въ нашей церкви повторилась бы неурядица, подобная западно-европейскому расколу трехъ антипапъ, и самые законные выборы предстоятелей русской церкви крайне затруднялись бы партійными стремленіями различныхъ удѣльныхъ княжествъ.- Доказательствомъ этого можетъ служить исторія Климента Смолятича, который долженъ былъ раздѣлять несчастную судьбу своего патрона-князя и при жизни котораго успѣло появиться на Руси одновременно три митрополита (Климентъ, Константинъ, Феодоръ).- Отъ всѣхъ указанныхъ бѣдъ спасло насъ иностранное происхожденіе митрополитовъ и покорность русскихъ князей власти КПС. п-ха.-

Изъ практики другихъ вышеуказанныхъ правъ КПС. п-ха въ отношеніи къ русской церкви только недавно стало извѣстно о трехъ случаяхъ вызова на соборъ, или вообще присутствія русскихъ митрополитовъ на КПСкихъ патріаршихъ соборахъ. Ὁ Ῥωσίας значится въ соборныхъ постановле-

нія п-ха Николая Грамматика въ 1092 году, п-ха въ 1107 г.,- п-ха Іоанна (1111-1134) и Михаилъ Роѵіас -п-ха Михаила Анхіала, 1171 г., (Павлов. Пр. Об. 1881. № 2).- Объ существованіи остальныхъ правъ п-ха въ примѣненіи къ русской церкви ничего неизвѣстно-

Любопытное обстоятельство открывается изъ только что упомянутаго синодальнаго акта КП. п-ха Михаила Анхіала, изданнаго А.С. Павловымъ въ 1895 г. (Виз. Врем. т. II. с. 384 ff). Въ Византіи епископы при вступленіи въ должность обычно не приносили присяги въ вѣрности императору.- Но Мануилъ Комнинъ -по династическимъ соображеніямъ-вмѣстѣ со всѣми жителями столицы обязалъ къ присягѣ новорожденному своему сыну Алексѣю и духовныя власти столицы: Въ числѣ ихъ приносилъ присягу въ 1171 году и Митроп. Русскій Михаилъ.- Очевидно онъ разсматривался какъ подданный -слуга своего василевса, только состоящій на заграничной службѣ.-

Внутренняя жизнь митрополіи строилась на каноническихъ отношеніяхъ митрополитовъ къ епископамъ, вполнѣ аналогичныхъ съ отношеніями патріарховъ къ нимъ самимъ.- При этомъ въ предѣлахъ митрополіи пріобрѣтало особенно важное значеніе право митрополита созывать ежегодные регулярные соборы изъ подвѣдомыхъ ему епископовъ или вообще функція соборности.- Практически это установленіе цѣнно тѣмъ, что оно всѣ дѣйствія іерарховъ прони-

кается началомъ коллегіальной взаимопомощи и <u>взаимоограниченія</u>, потому что по канону, какъ епископы митрополичьяго округа „ничего важнаго не творятъ безъ разсужденія своего главы, такъ онъ ничего не долженъ дѣлать безъ согласія прочихъ". - Между тѣмъ русская церковь съ первыхъ же шаговъ своей исторической жизни стала повинной въ несоблюденіи этой важной канонической нормы и впослѣдствіи все прогрессировала въ своей виновности. - Вѣроятно причиной тому была роковая пространность русской земли и совершенно несравнимая съ греческими разстояніями отдаленность епископскихъ резиденцій отъ митрополичьяго центра, такъ что епископы не только не помышляли о ежегодныхъ соборахъ, но не слушались даже экстренныхъ приглашеній митрополитовъ на соборы, какъ видно изъ одного правила митрополита Іоанна 2-го. - Но сравнительно съ послѣдующимъ временемъ Кіевскій періодъ, при всей его непродолжительности, представляется еще временемъ частныхъ соборовъ. - Проф. Малышевскій насчитываетъ болѣе 15-ти отмѣченныхъ въ лѣтописи собраній епископовъ въ Кіевѣ, включая сюда и всѣ съѣзды хиротонійные и по случаю церковно-богослужебныхъ торжествъ. -

Что касается внѣшней жизни русской митрополіи, то любопытное явленіе здѣсь представляетъ изъ себя мѣстонахожденіе митрополіи въ продолженіе перваго 50-ти-лѣтія ея существованія не въ столицѣ, а

въ Переяславль (Полтав. губ.), въ 90-слишкомъ верстахъ отъ Кіева. Фактъ этотъ утверждается на прямомъ свидѣтельствѣ лѣтописца, который говоритъ, что „бѣ преже въ Переяславли митрополья" (Лавр. 1089 г.). — Затѣмъ, нѣсколько рукописей полемическаго ~~содержанія~~ сочиненія архіеп. Льва имѣютъ такое надписаніе: Λέοντος μητροπολίτου (ἀρχιεπισκόπου) τῆς ἐν Ῥωσίᾳ Πρεσθλάβας. — М. Чельцовъ въ своей магистерской диссертаціи (Полемика между греками и латинянами по вопросу объ опрѣснокахъ въ XI—XII вв. СПб. 1879 г.) впервые сдѣлалъ опытъ доказать подлинность этого сочиненія и принадлежность его позднѣйшему архіепископу болгарской Преславы. — Если даже и раздѣлять этотъ пока недостаточно убѣдительный выводъ, то для насъ не теряетъ значенія свидѣтельства само мнимо подлинное надписаніе даннаго сочиненія: чтобы переписчикамъ произвольно прибавить къ Πρεσθλάβας поясненіе τῆς ἐν Ῥωσίᾳ, для этого нужно было ему ~~было~~ реальное основаніе, т. е. нужно было знать, что въ русской (~~церкви~~) Преславѣ (= такова, предполагаютъ, древняя форма и нашего названія) дѣйствительно была тоже архіепископія или митрополія. Наконецъ въ лѣтописи епископъ Переяславльскій Ефремъ (послѣд. 1/4 XI в.), котораго, по всей вѣроятности, не слѣдуетъ смѣшивать съ современнымъ ему митрополитомъ кіевскимъ Ефремомъ, — неоднократно называется митрополитомъ, откуда также слѣдуетъ, что переяславльскіе епископы могли быть титу-

лярными митрополитами только потому, что до нихъ здѣсь жили митрополиты настоящіе.- Попытка прот. Лебединцева доказать, что этого не могло быть, потому что Переяславль основанъ позже русской митрополіи въ 993 году - есть повтореніе наивной лѣтописной басни, стоящей въ противорѣчіи съ древнѣйшими договорами съ греками, помѣщенными въ той же лѣтописи, въ которыхъ уже упоминается Переяславль наряду съ другими торговыми русскими городами.- Поэтому слова лѣтописи, что Ярославль въ 1037 году „заложи цьвь святыя Софья, митрополью" - значатъ, что только съ этого времени рѣшено было устроить каѳедральную митрополичью церковь въ самомъ Кіевѣ и при ней помѣщеніе для постоянной резиденціи митрополита. Пр. Макарій должно быть отсюда сдѣлалъ заключеніе, что и первоначальное пребываніе митрополитовъ въ Переяславлѣ объяснялось просто недостаткомъ подходящаго помѣщенія для нихъ въ самой столицѣ. Но ясно, что такое неважное неудобство не могло продолжаться цѣлую половину столѣтія.- Наиболѣе правильную точку зрѣнія на дѣло рекомендуетъ Голубинскій, указывая на аналогіи въ исторіи другихъ славянскихъ церквей „у Болгаръ въ періодъ перваго царства до 1019 года столицей государства былъ Переяславль, а каѳедра митрополита-патріарха, по всей вѣроятности находилась въ Доростолѣ; у Сербовъ все время существованія ихъ государства каѳедра архіепископовъ-патріарховъ была врозь съ столицами государства.- Такъ было у нѣкоторыхъ, если не

у многихъ, и на Западѣ." Въ дополненіе къ этому отъ себя онъ прибавляетъ и еще одну догадку: „можно предполагать, что Владиміръ, поселяя митрополита въ Переяславлѣ, отдалъ ему этотъ городъ въ полную власть и собственность, чтобы такимъ образомъ сдѣлать его своего рода княземъ, а Ярославъ перенесъ митрополію въ Кіевъ - во первыхъ, потому, что нашелъ это неудобнымъ, а во вторыхъ, ~~потому,~~ за тѣмъ, чтобы придать больше блеска столицѣ государства" (I, 1, с. 286-7 прим.). -

Другой фактъ изъ внѣшней исторіи русской митрополіи за это время, достойный упоминанія, это - попытка суздальскаго князя Андрея Боголюбскаго учредить у себя особую митрополію. - Съ тѣхъ поръ, какъ церковь начала жить въ связи съ государствомъ, ея административныя судьбы тѣсно связались съ судьбами этого послѣдняго. - И въ настоящемъ случаѣ причина явленія лежала въ фактѣ передвиженія центра русской государственной жизни къ концу кіевскаго періода съ юга на сѣверъ. - Суздальскій князь Андрей, уже сознавая себя по силѣ и значенію фактическимъ великимъ княземъ, естественнымъ образомъ - пожелалъ видѣть возлѣ себя и митрополита, но не имѣя возможности перевести къ себѣ прежняго митрополита, онъ рѣшилъ создать новую митрополичью каѳедру. Избранный Андреемъ кандидатъ для этой каѳедры - нѣкто Ѳеодоръ - явился въ Константинополь къ патріарху Лукѣ Хрисовергу. - Патріархъ по совѣщанію съ своимъ соборомъ послалъ князю грамоту, - съ рѣшительнымъ отказомъ. На исходѣ дѣла вѣроятно не безъ вліянія осталось

пребываніе тогда въ Константинополѣ посла отъ Кіевскаго митрополита. - Но патріархъ мотивировалъ свой отказъ принципіально, дѣлая общую ссылку на каноны, которые будто бы совершенно запрещали измѣнять предѣлы митрополій и епископій. - Само по себѣ это основаніе разумѣется - неправильно. Каноны, дѣйствительно, предостерегая отъ ненужныхъ передѣловъ границъ епископій, не могли возвести этого во всеобщій законъ; иначе остановилась бы исторія внѣшняго роста церковной жизни. - Наоборотъ - не однажды церковныя правила напоминали, чтобы церковное управленіе сообразовалось съ гражданскими (4 всел. пр. 17; 6 всел., пр. 38) и, такимъ образомъ, свидѣтельствовали въ пользу желаній суздальскаго князя. „Боголюбскій, по словамъ Голубинскаго, подобно Владиміру, не зналъ своихъ правъ, иначе онъ учредилъ бы у себя митрополію самъ, безъ спроса патріарха, ибо это было его правомъ какъ государя даже и по современнымъ ему воззрѣніямъ греческимъ". - Но такъ какъ изъ церковнаго единовластія, насколько даетъ намъ знать исторія, для Россіи и для русской церкви ничего, кромѣ добра не вышло, то остается признать соблазнительную истину, что иногда и незнаніе бываетъ людямъ на пользу.

Затѣянная Боголюбскимъ исторія учрежденія у себя особой митрополіи имѣла, однако, свое очень и очень нехорошее продолженіе. Суздальскій князь видимо не хотѣлъ разстаться съ мыслью о приданіи какого-нибудь особеннаго отличія своей Ростовской каѳедрѣ, а выдвинутый имъ кандидатъ на предполагавшуюся митро-

пайно Өеодоръ и тѣмъ менѣе былъ уступчивымъ въ достиженіи ослѣпившей его перспективы, потому что оказался человѣкомъ весьма дерзкимъ. Не получивъ митрополіи, можно было искать архіепископства обычнаго рода, т.е. съ изъятіемъ отъ подчиненія своему митрополиту, и зависимостью непосредственно отъ патріарха, — и Өеодоръ, дѣйствительно, добился поставленія на Ростовскую каѳедру, вопреки всѣмъ правиламъ, отъ самого патріарха, не безъ помощи конечно презрѣннаго металла, какимъ снабдилъ его князь. Неизвѣстно, получилъ ли при этомъ онъ и титулъ архіепископа, повидимому — нѣтъ, но, по свидѣтельству лѣтописей (Л. 1169 г. Ип. 1172 г.), свое поставленіе у патріарха онъ разсматривалъ, какъ основаніе своей независимости отъ кіевскаго митрополита и не хотѣлъ взять у послѣдняго благословенія. — Тогда митрополитъ отправилъ духовенству ростовской епархіи увѣщательное посланіе, въ которомъ просилъ не признавать Өеодора за епископа. Послушныхъ митрополиту, нужно думать, нашлось не мало. Это обстоятельство, очевидно, и подало Өеодору поводъ или, какъ его уничижительно называютъ лѣтописцы, Өеодорцу — воздвигнуть гоненіе на своихъ противниковъ и проявить такую неистовую жестокость, которой трудно было бы повѣрить, если бы она не повторена была чрезъ нѣкоторое время и другого стороною. „Много", разсказываютъ лѣтописи, „пострадаша человѣци отъ него, въ держанѣи его, и селъ изнебывшии и оружья, и конь, друзіи же и роботы добыша, заточенья

же и грабленья; не токмо простцемъ, но и мнихомъ, игуменомъ и ерѣемъ безъмилостивъ сый мучитель, другымъ человѣкомъ головы порѣзывая и бороды, инымъ же очи выжигая и языкъ урѣзая, а иныя распиная по стѣнѣ и муча немилостивнѣ, хотя исхитити отъ всѣхъ имѣнье: имѣнья бо бѣ не сыть, акы адъ." Вмѣстѣ съ этимъ онъ прибѣгъ и къ церковному наказанію: затворилъ во Владимирѣ всѣ церкви и ключи взялъ къ себѣ, такъ что „не бысть звоненья, ни пѣнья по всему граду."- Трудно понять, какъ могъ дойти до такихъ крайнихъ мѣръ Θеодоръ, если не предположить, что ему развязывало руки молчаливое попустительство суздальскаго князя, который желалъ, чтобы въ концѣ концовъ восторжествовала выгодная для него автокефалія ростовскаго епископа относительно кіевскаго митрополита. На сторонѣ митрополита поэтому стояли, вѣроятно, вмѣстѣ съ епископами и южно-русскіе князья, настроенные противъ возвышенія князя суздальскаго; въ поднявшейся полемикѣ, изъ которой извѣстно о „многихъ посланіяхъ, написанныхъ Андрею Боголюбскому" св. Кирилломъ Туровскимъ, неканоническое положеніе и преступность Θеодора были доказаны съ нескрываемой ясностью, и Боголюбскій наконецъ счелъ нужнымъ выдать своего кліента на судъ митрополита Константина.- Этотъ положилъ всему дѣлу ужасный конецъ: „повелѣлъ ему (Θеодорцу) языкъ урѣзати, яко злодѣю и еретику, и руку правую утяти, и очи ему вынути, зане" - оправдываетъ далѣе лѣтописецъ съ великимъ усердіемъ такую казнь - хулу изъмолви на св. Богородицю (?): потреблеютъ бо ся-

грѣшницы отъ земля и беззаконьници, яко и не быти имъ. И сбыстьбся слово еуангельское (!) на немъ, глаголющее: еюже мѣрою мѣри, възмѣриться вамъ, и имже судомъ судите, судится вамъ; судъ бо безъ милости не сътворшему милости" (Интересное пониманіе евангелія!)

Епархіи и епископы.

Жизненная исторія всякаго института, подобно процессу органическаго развитія, слагается изъ двухъ сторонъ - изъ заранѣе даннаго зерна организующей идеи, или схемы, и изъ условій той среды, въ которой протекаетъ эта исторія. - Поэтому, излагая важный моментъ начальнаго образованія основныхъ формъ управленія въ русской церкви, мы обязаны отмѣчать тотъ общій видъ, въ какомъ эти формы въ X вѣкѣ перешли изъ Греціи на Русь и, сочетавшись здѣсь съ условіями мѣстной почвы, положили начало дальнѣйшему росту русской церковной жизни, всѣ особенности которой органически вытекали изъ этихъ первичныхъ данныхъ. Въ Греціи послѣ временъ первохристіанства, когда въ каждой церковной общинѣ былъ свой собственный епископъ, и послѣ уничтоженія сельскихъ епископовъ, удержался однако обычай, чтобы епископы были въ каждомъ городѣ безъ исключенія, - безразлично-большомъ, или маломъ, губернскомъ, или уѣздномъ. Повидимому, не должно было быть какихъ-нибудь принципіальныхъ препятствій къ перенесенію идеи этого порядка въ ея неизмѣнномъ видѣ на Русь. - Впрочемъ, можетъ

быть уже самая идея въ приложенiи къ Руси потерпѣла измѣненiе подъ влiянiемъ взгляда греков на варварскiя страны, для которыхъ у нихъ опредѣлялось только по одному епископу (въ Европейской Мал. Скиѳiи и въ малоазiатской Исаврiи).- Несомнѣнно однако то, что у насъ совершенно другая, по сравненiю съ греками, традицiя епархiальнаго дѣленiя возникла благодаря чисто домашнимъ условiямъ народно-государственной жизни. Въ то время, какъ въ Грецiи при Юстинiанѣ (Parthey. Hierocl. Synecd) было до 1000 городовъ и епископiй, правда нѣсколько уменьшившихся въ количествѣ къ X вѣку, у насъ на Руси епископы съ самаго начала сдѣлались рѣдкостью въ церковной жизни.- На такомъ же приблизительно территорiальномъ пространствѣ какъ тамъ, у насъ города считались совсѣмъ не сотнями, а только десятками и изъ этихъ десятковъ очень многiе носили почетное названiе городовъ только потому, что обладали военными укрѣпленiями, между тѣмъ какъ по малому числу жителей и по роду жизни были чистыми деревнями, неспособными обезпечить содержанiе особой епископской каѳедры; поэтому, естественно, что вмѣсто сотенъ епархiй на пространной Руси возникли съ самаго начала только единицы.- Къ этой основной причинѣ явленiя присоединялось и случайное обстоятельство.- При открытiи русской церкви къ небольшому числу епископовъ, какое удѣлили намъ греки, Владимiръ могъ присоединить очень немногихъ кандидатовъ, достойныхъ быть архiереями

Но разъ распредѣлена была между этими немногими лицами вся русская земля, то впослѣдствіи уже личный интересъ побуждалъ ихъ ревниво оберегать границы своихъ владѣній, противодѣйствуя дальнѣйшему дробленію епархій. На этотъ счетъ имѣется и положительное свидѣтельство. Когда въ 1137 году Ростиславъ Мстиславичъ князь Смоленскій открылъ у себя епископію, выдѣливъ её изъ епархіи Переяславльской, то епископы послѣдней, не желая терпѣть соединеннаго съ этимъ матеріальнаго ущерба, обнаружили тенденцію возвратить со временемъ отрѣзанную область обратно, что и дало поводъ князю въ своей жалованной грамотѣ епископіи сдѣлать такую оговорку: „аще епископъ который начнетъ несытствовать, хотя, или въ Переяславль и сію епископью приложити къ Переяславлю, да буди ему клятва". – При кн. Владимирѣ св. возникли епархіи въ Новгородѣ, Черниговѣ, Ростовѣ, Владимирѣ-Волынскомъ и Бѣлгородѣ; вѣроятно, при немъ же открылись епархіи Туровская и Полоцкая; сюда же къ общему составу молодой русской церкви присоединялась и старая епархія Тмутараканская. – Принимая во вниманіе гражданское значеніе городовъ, въ которыхъ учреждены были епископіи, подмѣчаемъ, что это были въ большинствѣ случаевъ стольные княжескіе города, ставшіе впослѣдствіи удѣльными, т. е. единицы административнаго дѣленія русской церкви сразу же стали сообразоваться съ дѣленіями

гражданскаго порядка, хотя и не съ буквальной точностью.- Муромъ былъ стольнымъ городомъ, но епископа не получилъ, какъ городъ чисто инородческій, не принадлежавшій къ собственной Руси.-Черниговъ, напротивъ, ставшій удѣльнымъ городомъ только послѣ Владиміра, былъ еще при немъ почтенъ епископской каѳедрой какъ городъ древній и богатый.- По особымъ соображеніямъ была учреждена каѳедра въ Бѣлгородѣ, находившемся всего въ 20-ти съ небольшимъ верстахъ къ юго-западу отъ Кіева (въ наст. время мѣстечко Бѣлгородка).- Вѣроятно, въ лицѣ Бѣлгородскаго епископа кн. Владиміръ давалъ викарія Кіевскому митрополиту, нужнаго на случай хиротоніи и для отправленія церковныхъ службъ въ столицѣ, въ то время какъ самъ митрополитъ проживалъ въ Переяславлѣ. Въ Бѣлгородѣ у Владиміра былъ свой дворецъ и имѣнье; поэтому, вѣроятно, Бѣлгородскій епископъ становился какъ-бы придворнымъ епископомъ - episcopus curialis-, каковые бывали на западѣ.- Епархіальному вѣдѣнію этого эпископа могла быть подчинена область Древлянская (въ сѣверо-восточномъ углу нын. Волынск. губ.), въ неизвѣстномъ по имени главномъ городѣ которой не было учреждено особой каѳедры, или даже и Кіевская до времени переселенія сюда митрополитовъ изъ Переяславля.- Послѣ св. Владиміра и до монголовъ также въ связи съ удѣльнымъ ростомъ и дробленіемъ Руси еще возникло новыхъ 8 епархіе: въ Переяславлѣ и Юрьевѣ при Ярославѣ по особымъ причинамъ, о которыхъ сейчасъ скажемъ, затѣмъ въ Смоленскѣ въ 1137 г., въ Галичѣ

до 1165 г., въ Рязани до 1207 г.; во Владимирѣ на Клязьмѣ въ 1204 г., въ Перемышлѣ около 1220 г. и въ Угровскѣ около того же времени.- ~~Если в~~ Въ послѣднемъ городкѣ галицкаго княжества, лежавшемъ на территоріи нын. Люблинской губ. (при впаденіи рѣчки Угеръ въ Зап. Бугъ противъ мѣстечка Опалина) епископская каѳедра была открыта княземъ Даніиломъ Романовичемъ послѣ того, какъ онъ покинулъ Галичъ и задумалъ основать свою новую резиденцію въ Угровскѣ; вскорѣ онъ вмѣстѣ съ епископіей переселился въ сосѣдній Холмъ.- Переяславльская епископія образовалась при Ярославлѣ послѣ перехода отсюда митрополитовъ въ Кіевъ.- Какъ епархіальные владыки Кіевскіе митрополиты съ этого времени, разумѣется, потеряли власть надъ Переяславльской землею,- и взамѣнъ этого вступили въ обладаніе кіевской областью, если только она дотолѣ завѣдывалась еп. Бѣлгородскимъ, а можетъ быть и однимъ только Кіевомъ, что хотя мало вѣроятно, но не невозможно, потому что, какъ извѣстно, патріархъ Константинопольскій какъ прежде, такъ и послѣ владѣетъ въ качествѣ епархіальнаго епископа только однимъ Константинополемъ.- Не иначе какъ въ видѣ второго викаріатства при митрополитѣ открыта была Ярославомъ Юрьевская каѳедра, потому что помѣщалась она въ той же Кіевской области - верстахъ въ 80-ти къ юго-западу отъ Кіева (нынѣ - сел. Бѣлая Церковь, жел.-дорожная станція на юго-западной линіи отъ Кіева на Николаевъ).- Такимъ образомъ, за весь изучаемый періодъ у насъ образовалось всего только 15 епархій, исклю-

чая 16-го Тмутараканскую, прекратившую свое существованіе къ XII-му вѣку вмѣстѣ съ политической потерей для Руси этого удѣла. Эта цифра приведена нами не ради отвлеченной статистики, а какъ фактъ чреватый весьма большими послѣдствіями въ жизни русской церкви, продолжающимися существовать вплоть до нашихъ дней. Малое количество епископовъ и необычайная обширность епархій, равныхъ по протяженію иногда цѣлымъ сотнямъ епархій греческихъ (каковы Новгородская, Ростовская епархіи), начавшись, по указаннымъ причинамъ, во времена св. Владиміра навсегда стали отличительными особенностями русской церковной жизни, побуждавшими такихъ знатоковъ Востока, какъ епископъ Порфирій Успенскій и архимандр. Антонинъ (Капустинъ), мечтать о перенесеніи въ Россію порядковъ греческихъ, гдѣ церковь благодаря обилію епископовъ, представлялась первому изъ нихъ „многоочитою". Число единицъ церковно-административнаго дѣленія совсѣмъ не такое формальное явленіе, которое отразилось бы въ исторіи русской церкви послѣдствіями только формально-количественнаго характера; наоборотъ оно весьма опредѣленно и весьма глубоко повліяло на качество, на духъ нашего церковнаго управленія и, нужно напередъ сказать, въ неблагопріятномъ смыслѣ. Епископъ по своей идеѣ и правамъ есть пастырь своихъ духовныхъ овецъ въ полномъ смыслѣ этого слова, а не только администраторъ и судья подвластнаго ему духовенства, съ какою онъ все болѣе и болѣе превращался съ теченіемъ вѣковъ христіанской

исторіи.- Но въ Греціи въ изучаемое время епископы еще не утратили своего пастырства; объемъ епархій ихъ, равный приблизительно нашимъ благочиніямъ, давалъ возможность имъ ежегодно обходить всѣхъ своихъ пасомыхъ даже по домамъ, не пропуская и жилища бѣдняка, какъ заповѣдуетъ имъ, напр., императорскій указъ Алексѣя Комнина (1081-1118.) напоминая, что „всякій архіерей обязанъ на этотъ трудъ и онъ долженъ это исполнить, какъ и блаженные оные отцы и самые божественные апостолы во всю жизнь творили это".- Легко вообразить себѣ, какая физическая невозможность быть дѣйствительными пастырями создалась у насъ на Руси съ обширностью епархій, когда тысячеверстныя разстоянія и первобытные пути сообщенія навсегда разделяли архипастыря съ большинствомъ его паствы и окончательно пріучали его смотрѣть на себя почти только какъ на административного начальника вверенного ему приходского духовенства.- Ежегодные объезды епархій во всемъ ихъ объемѣ оказывались невозможными и становились, во-первыхъ, ограничивались лишь немногими пунктами, расположенными по большимъ дорогамъ и, въ третьихъ, пріобрѣтали чисто начальнический и фискальный характеръ.- Подъ воздѣйствіемъ той же общей причины въ отношеніяхъ епископовъ къ пресвитерамъ создался не меньше, если еще не болѣе-грискорбный изъянъ. По первоначальному церковному устройству, когда не было приходовъ безъ епископа (апостольское „поставленіе по всѣмъ градамъ пресвитеровъ" вѣдь не иное что значитъ

какъ именно поставленіе епископовъ Тит. I, 5-7; срв. Дѣян. XX, 17. 28; 1 Петр. V, 1-2 (греч.)), пресвитеры тѣсно примыкали къ своему епископу, какъ его сотрудники и вмѣстѣ соначальники, въ единомъ Пресвитеріумѣ, управлявшемъ городской общиной.- Со временемъ, съ увеличеніемъ округовъ, подчиненныхъ епископскому вѣдѣнію, изъ пресвитеріума выдѣлились нѣкоторые члены съ обязательствомъ завѣдывать отдѣльными частями внѣшней епископу общины - въ собственномъ смыслѣ приходами - и чрезъ это неизбѣжно удалились отъ источника возвышавшей ихъ власти и стали изъ правителей въ разрядъ подчиненныхъ и поднадзорныхъ исполнителей воли выросшаго надъ ними начальства.- Таковъ былъ результатъ очень древней перемѣны въ развитіи епископской власти.- Въ Греціи, однако, при пространственной близости всѣхъ подчиненныхъ епископу священниковъ и при частомъ, поэтому, ихъ личномъ обращеніи съ своимъ архипастыремъ, уцѣлѣла значительная доля первобытной простоты и живого взаимообращенія обѣихъ сторонъ. Цѣлая пропасть, наоборотъ, легла между ними у насъ на Руси: пространственная отдаленность раздѣлила ихъ и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ; рѣдко видѣнный, а иногда и однажды только въ жизни - при посвященіи, начальникъ представлялся недосягаемымъ и грознымъ, предъ лицемъ котораго окончательно забывались собственныя высокія іерархическія права священства. Съ другой стороны, и сами епископы, какъ рѣдкія особы въ государствѣ (кня-

зей было больше, чѣмъ епископовъ), властители обширныхъ территорій невольно возвышались въ собственномъ сознаніи и не избѣгли соединеннаго съ этимъ соблазна любоначалія и превозношенія.- Привыкшихъ къ такому взгляду на архіерейскую честь русскихъ людей очень поражала, при столкновеніи, простота греческихъ епископовъ.- Стефанъ Новгородецъ, бывшій въ Константинополѣ въ ½ XIV в., записалъ въ своемъ Странникѣ случай, какъ патріархъ Цареградскій Исидоръ, увидѣвъ его съ спутниками въ храмѣ св. Софіи, запросто разговорился съ ними.- Стефанъ замѣчаетъ по этому случаю: „о великое чудо! колико смиренія бысть ему, иже бесѣдова съ странники, ны грѣшніи: не нашь бо обычай имъ есть".-

Въ Греціи ко времени учрежденія русской церкви установился обычай различать епархіи по степени ихъ достоинства и располагать въ опредѣленномъ порядкѣ или разрядной лѣствицѣ.- У насъ этого не замѣчалось: лѣтописецъ во всѣхъ случаяхъ перечисленія епископовъ называетъ ихъ въ случайномъ распорядкѣ.- Преимущества чести очень рано выпали на долю только Новгородскаго епископа.- Онъ, вопреки греческому обычаю и въ совершенномъ согласіи съ обычаемъ нашимъ современнымъ, получилъ въ 1165 г. отъ митрополита кіевскаго (а не отъ патріарха, какъ это слѣдовало бы ожидать) титулъ архіепископа - только одинъ титулъ, безъ соотвѣтствующихъ ему по греческимъ установленіямъ правъ.- Это русское нововведеніе по отношенію къ Новгородскимъ епископамъ, имѣло своимъ прецедентомъ дѣйствительное временное дарованіе имъ правъ

архіепископства въ лицѣ извѣстнаго Нифонта, противника Климентова постановленія. За ревностную защиту греческихъ интересовъ, патріархъ взялъ его подъ свое покровительство съ наименованіемъ архіепископомъ; это было личной привилегіей Нифонта, окончившейся для Новгородцевъ съ его смертью въ 1156 г. Но разъ извѣданное благо преимущественной чести ихъ каѳедры побудило ихъ снова добыть себѣ её, хотя и не въ прежнемъ смыслѣ.

Что касается избранія епископовъ на каѳедры и прежде всего самыхъ кандидатовъ на епископство, то въ самомъ началѣ, при св. Владимірѣ ими были едва-ли не исключительно греки. Съ одной стороны, если преданіе позднихъ лѣтописей, приписывающее митрополиту Михаилу приведеніе изъ Греціи 6^{ти} епископовъ относить къ дѣйствительному первому нашему митрополиту-архіепископу Льву, то придется допустить, что большинство вновь открытыхъ русскихъ каѳедръ замѣщены епископами-греками уже посвященными у себя на родинѣ, а съ другой стороны, названіе перваго Новгородскаго епископа Іоакима Корсуняниномъ говоритъ за то, что и остальные потребные епископы поставлены въ Кіевѣ изъ тѣхъ-же греков-корсунскихъ священниковъ. Затѣмъ за цѣлое полстолѣтіе мы совсѣмъ не имѣемъ никакихъ свѣдѣній откуда брались кандидаты на русскія каѳедры. Съ ½ XI в. съ появленіемъ у насъ монастырей появился достаточный контингентъ русскихъ людей подготовленныхъ къ архіерейству; особенную услугу въ этомъ отношеніи оказалъ монастырь Кіево-Печерскій,

изъ котораго, по свидѣтельству Симона еп. Владимірс., къ его времени вышло болѣе 50^{ти} епископовъ. - Но въ первое время, до устройства на Руси собственныхъ монастырей, въ епископы ставились, вѣроятно, въ большинствѣ случаевъ, - монахи-греки, состоявшіе при митрополитахъ въ качествѣ соборныхъ клириковъ и отчасти изъ бѣлыхъ русскихъ священниковъ, предварительно постригавшихся въ монашество, а можетъ быть иногда и не постригавшихся. - Установившійся къ [?] вѣку въ Греціи обычай постригать въ монашество поставляемыхъ на архіерейство, долго, однакоже, допускалъ возможность исключеній, и Симеонъ Солунскій даже въ XV вѣкѣ - хотя говоритъ о немъ, какъ объ обычаѣ рѣшительно господствующемъ, но лишь въ смыслѣ подавляющаго большинства случаевъ (ἐπὶ πλέον), но не абсолютно. - Практика русской церкви въ домонгольскій періодъ допускала, поэтому, случаи архіерейской хиротоніи надъ бѣлыми священниками. - Можетъ быть сюда относится посвященіе Иларіона русина въ митрополиты (1051 г.), но несомнѣнно извѣстно это о нѣкоторыхъ новгородскихъ епископахъ: о двухъ родныхъ братьяхъ - Иліи (1164)[1] и Гавріилѣ (1185), потому что сохранилось свидѣтельство о постриженіи ихъ предъ смертью, и, вѣроятно, объ епископѣ Іоаннѣ (1109), о которомъ Новгородскія лѣтописи выражаются такъ: „поставленъ бысть епископъ Новугороду Иванъ

1) Это тотъ самый Илія, въ монашествѣ Іоаннъ, который совершилъ единственное въ своемъ родѣ путешествіе въ Іерусалимъ...

попынъ", или – „поставленъ бысть епископъ Новугород[у] Иванъ; попомъ жилъ 20 лѣтъ".– Есть и еще одно лѣтописное сообщеніе подъ 1214 г. (Лавр.) о еп. Ростовскомъ Іоаннѣ, который „отписася епископьи и постричеся въ Черньцѣ въ монастырѣ въ Боголюбовомъ". Обычнымъ, однако, правиломъ было поставленіе епископовъ изъ монаховъ.– Встаетъ послѣ этого вопросомъ,– чѣмъ руководились при выборѣ изъ данной среды кандидатовъ на епископство, только-ли ихъ личными духовными достоинствами или еще и посторонними, такъ сказать – житейскими соображеніями относительно ихъ фамильнаго происхожденія, потому что избираемые во всякомъ случаѣ становились людьми высокаго ранга, вхочими къ боярамъ и князьямъ. Одно обстоятельство, повидимому, говоритъ за то, что для возведенія въ епископы необходимо было обладать если не знатностью рода, то, по крайней мѣрѣ,– богатствомъ.– Въ Греціи был[ъ] очень старый обычай, чтобы поставляемый въ санъ епископа платилъ большія пошлины [по]ставляющему.– Для ограниченія крайност[ей] въ подобныхъ случаяхъ императоромъ Юстиніаномъ была издана нарочитая новелла, гдѣ узаконялись нормы ставленныхъ пошлинъ; однак[о] умѣренныя закономъ, цифры эти оказывают[ся] весьма высокими: за епархіи самаго высшаго разряда узаконялось взимать 400 золотыхъ монетъ, а самаго низшаго – 28 такихъ монетъ. Опредѣляя каждую изъ этихъ "ομισμ"(?), вслѣдъ за спеціалистами, въ 20½ франковъ, получаемъ пошлину за епархіи высшаго разряда 8200 франковъ.– Исключительно-громадныя русскія епа[рхіи]

ріи цѣнились несомнѣнно никакъ не ниже этого высшаго разряда.- Указаніе какъ на существованіе этихъ пошлинъ у насъ на Руси, такъ и на ихъ высоту, есть въ Кіево-Печерскомъ Патерикѣ, гдѣ княгиня Верхуслава говоритъ, что она для поставленія монаха Поликарпа въ епископы не пожалѣла бы и тысячи гривенъ серебра.- Если мы поймемъ это въ буквальномъ смыслѣ, то должны будемъ перевести эту цифру на 17 тысячъ современныхъ рублей, а если -въ смыслѣ гиперболическомъ, то и тогда придется предполагать необходимыми для полученія епископскаго сана такія все-таки серьезныя суммы, какія едва-ли могли найтись у монаха изъ простого народья.- Однако не слѣдуетъ еще спѣшить съ выводами отсюда.- Прежде всего намъ положительно извѣстны лишь немногіе случаи, когда князья и знатные люди становились монастырскими подвижниками и, съ другой стороны, не извѣстно ни одного примѣра такого высокаго происхожденія кого-либо изъ до-монгольскихъ епископовъ.- Затѣмъ, какъ бы то ни было, обѣтъ монашеской нестяжательности не всегда, конечно, не препятствовалъ людямъ состоятельнымъ не терять своихъ личныхъ правъ на покинутое мірское богатство.- Словомъ, практика должна была хотя бы для нѣкоторыхъ только случаевъ создать такой исходъ изъ затруднительнаго матеріальнаго положенія рукополагаемаго во епископа, который бы освобождалъ его отъ невозможной для него затраты, или замѣнялъ ему нынѣшній кредитъ. Изъ примѣра

кн. Верхуслава можно выводить предположеніе, что князья въ большинствѣ случаевъ сами платили за поставляемыхъ къ ихъ городу архіереевъ, особенно если послѣдніе были ихъ личными избранниками; а, вовторыхъ, возможенъ былъ и такой оборотъ дѣла, когда несостоятельный ставленникъ давалъ при посвященіи обязательство уплатить требуемую дань изъ своихъ будущихъ архіерейскихъ доходовъ.- Но если мыслимъ былъ выходъ изъ указаннаго затрудненія для всякаго изъ монашествующихъ кандидатовъ на епископство, то, слѣдовательно, изъ самаго факта ставленой дани еще нельзя дѣлать заключенія къ привиллегированному сословному происхожденію древне-русскихъ епископовъ.- Есть одинъ маленькій намёкъ въ лѣтописи, подтверждающій предположеніе о демократическомъ происхожденіи нашей высшей іерархіи съ первыхъ же шаговъ исторіи русской церкви.- Именно,- князь Олегъ Черниговскій князьямъ, призывавшимъ его на судъ предъ ними, боярами и епископами, заявилъ, что онъ не хочетъ судиться предъ епископами и смердами; хотя подъ смердами онъ здѣсь буквально разумѣетъ бояръ, но на одну доску съ ними ставитъ и епископовъ,- очевидно, какъ людей тоже низкаго происхожденія.- Итакъ наше отличіе отъ Запада, гдѣ члены аристократическихъ, королевскихъ и даже императорскихъ фамилій зачастую становились аббатами монастырей и наполняли высшіе слои іерархіи, слѣдуетъ признать въ нашей исторіи фактомъ изначальнымъ.-

Порядокъ избранія кандидатовъ на архіерейство на Руси уже къ ½ XII-стол. принялъ опредѣленную наклонность въ сторону омірщенія. По церковнымъ правиламъ выборъ епископа долженъ производиться соборомъ епископовъ и подъ предсѣдательствомъ митрополита; но греческая практика изучаемаго періода уже дозволяла избраннымъ гражданамъ принимать въ этомъ дѣлѣ значительную долю участія, которая по традиціи могла передаться и на Русь. — Но въ первое время послѣ крещенія Руси, когда всѣ земскія силы еще не вжились въ интересы церковной жизни, мірскими участниками въ епископскихъ выборахъ могли являться только князья, но и ихъ участіе было сначала по всей вѣроятности не непремѣннымъ, потому что, напр., Новгородцы до II ½ XII в. получали себѣ епископовъ изъ Кіева и, нужно думать, отъ митрополита, а не отъ великаго князя, отъ котораго они давно уже не желали получать и своихъ удѣльныхъ князей.[1] Если же въ Новгородѣ цѣлыхъ 1½ вѣка держался такой порядокъ, то тѣмъ болѣе его предполагать слѣдуетъ въ другихъ областяхъ русской земли, не заявившихъ себя такимъ стремленіемъ къ народоправству. Со

---

1) Немного позже, когда новгородцы уже самостоятельно избирали себѣ владыкъ въ случаяхъ выборныхъ разногласій ихъ мысль возвращалась именно къ митрополиту. Въ 1219 г. „Князь и Новгородци рекоша" двумъ спорнымъ кандидатамъ на епископство „Митрофану и Онтонію: идита къ митрополиту, да кого намъ пришлетъ, то нашь владыка". — П. С. Р. Л. III, 38.

II ½ XII столѣтія мы встрѣчаемъ однако цѣлый рядъ лѣтописныхъ свидѣтельствъ, говорящихъ о рѣшительномъ преобладаніи и исключительномъ значеніи воли князей при выборѣ епископовъ. Такая специально-русская практика несомнѣнно сложилась подъ вліяніемъ удѣльной системы въ политической жизни древней Руси, когда каждый мѣстный князь менѣе всего былъ склоненъ въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ быть послушникомъ центральной кіевской власти не только гражданской, но и церковной. Замѣчательно при этомъ то обстоятельство, что только одна изъ лѣтописныхъ замѣтокъ о поставленіи епископа княземъ относится къ южной Руси (Лавр. 1126 г. о постав. еп. Переяславльскаго), всѣ-же остальные къ Руси сѣверной; видимо сказался въ данномъ случаѣ властительный духъ сѣверорусскихъ князей, создавшихъ впослѣдствіи московское государство. Въ Новгородѣ, сообразно съ его внутреннимъ политическимъ строемъ мѣсто княжеской воли при избраніи епископовъ замѣнила воля народа, выражаемая на вѣчѣ. - Первымъ, такимъ путемъ избраннымъ, новгородскимъ владыкой былъ Аркадій (въ 1156 г.) въ моментъ отсутствія на Кіевѣ митрополита; хотя послѣдній прибылъ на Русь въ этомъ же году, но посвященіе Аркадія произошло только спустя два года, можетъ быть, изъ-за нѣкоторыхъ недоразумѣній съ митрополитомъ, которому, понятно, было непріятно новгородское нововведеніе. - На вѣчевомъ избраніи епископовъ участвовало на правахъ полноправныхъ гражданъ и все мѣстное духовенство. Такъ, напр., въ 1193 г. „новгородьци съ княземъ Ярославомъ, и съ игумены и съ Софьяны (т.е. съ соборнымъ Софійскимъ духовенствомъ), и съ попы, сѣдуще

ше, изволиша Богомъ избрана Мартурія". - Разногласія, возникшее при выборѣ этого епископа, когда предлагались еще два кандидата, было устранено путемъ жребія, взятаго съ софійской трапезы посланнымъ отъ вѣча слѣпцомъ. - Водворившійся такимъ образомъ на Руси порядокъ гражданскаго избранія епископовъ вскорѣ-же укоренился и по мнѣнію лѣтописцевъ XII вѣка былъ безусловно нормальнымъ. - Когда въ 1185 г. митроп. Никифоръ II-й поставилъ епископомъ въ Ростовѣ за хорошія деньги нѣкоего Николая грека, а не предложеннаго мѣстнымъ княземъ Всеволодомъ Юрьевичемъ игумена Луку, то князь не принялъ Николая и приказалъ поставить Луку; „наскакати на святительскій чинъ на мьздѣ, но его же не Богъ позоветь и св. Богородиця, князь въсхочеть и людье", а по другому лѣтописцу отсылаетъ князь отъ себя Николая Гречина съ словами: „не избраша сего людье земли нашеъ". -

Разъ избранные на извѣстную каѳедру епископы въ древней Руси, согласно съ обычаемъ греческой церкви и съ каноническими постановленіями, почти исключающими возможность архіерейскихъ перемѣщеній (1 всел. пр. 15; Сердик. пр. 1; но-ап. пр. 14.), уже обрекались на пожизненное служеніе этой каѳедрѣ. - Въ митрополиты избирался всегда какъ въ обычныхъ, такъ и въ указанныхъ исключительныхъ случаяхъ, человѣкъ новый, не изъ епископской среды. - Съ другой стороны, епископіи не дѣлились на старшія и младшія. - Думать, такимъ образомъ, о движеніяхъ по службѣ" епископамъ совсѣмъ не приходилось. -

Свою власть надъ обширными епархія-

-ми епископы осуществляли не безъ вспомогательныхъ органовъ управленія.- Въ лѣтописяхъ и другихъ памятникахъ домонгольскаго періода встрѣчается довольно много упоминаній о клиросахъ или крылосахъ и клирошанахъ соборныхъ епископскихъ церквей.- По аналогіи съ греческимъ словоупотребленіемъ, гдѣ κλῆρος означало какъ вообще духовенство, такъ въ частности и въ техническомъ смыслѣ духовенство, состоящее при архіереяхъ въ качествѣ ихъ чиновниковъ[1], изъ самаго названія клирошанъ, такимъ образомъ, мы имѣемъ право догадываться объ ихъ должностной роли при епископахъ.- Что это не богослужебный только штатъ при каѳедральныхъ церквахъ, видно еще и изъ цѣлаго ряда признаковъ. Лѣтописецъ прибавляетъ къ названію клироса эпитетъ „пресвѣтлый".[2] Въ житіи Авраамія Смоленскаго протопопъ соборнаго клироса называется „первымъ отъ старѣйшихъ"; значитъ клирошане мыслятся старѣйшими среди духовенства своей епархіи.- Но рѣшительнымъ образомъ удѣляютъ въ означенномъ качествѣ клирошанъ нѣсколько позднѣйшія свидѣтельства.- Въ посланіи одного владимирскаго епископа великому князю начала II ½ XIII в. говорится, что церковные суды даны клирошанамъ на потребу, т. е. клирошане облечены были правами судей, за что и получали въ свою пользу судебныя пошлины.- Затѣмъ, въ самомъ концѣ XIII в. митроп. Максимъ, перенося свою резиденцію

---

1) На Западѣ также обстояло дѣло съ терминомъ canonicus.-

2) Такъ сказ. Ihre Durchlaucht - ихъ сіятельство.-

изъ Кіева во Владиміръ, взялъ съ собой и весь свой клиросъ; очевидно,- здѣсь разумѣется штатъ чиновниковъ, а не простыхъ соборныхъ священнослужителей, какіе нашлись бы и во Владимірѣ. Наконецъ, ясныя свидѣтельства изъ послѣдующей исторіи западно-русской церкви, гдѣ клиросъ при епископахъ продолжалъ свое существованіе до позднѣйшихъ временъ, снова убѣждаютъ въ томъ-же. Какъ же слѣдуетъ представлять себѣ права и дѣятельность крылоса? Общій отвѣтъ на этотъ вопросъ дастъ указаніе на историческій генезисъ даннаго установленія.- Въ первобытномъ епископскомъ пресвитеріумѣ не было спеціальнаго распредѣленія различныхъ функцій епархіальнаго управленія между его членами.- Всѣ пресвитеры являлись какъ-бы исполнителями того или другого соборнаго рѣшенія, того или другого порученія своего предстоятеля.- Въ собственномъ смыслѣ исполнительными низшими чиновниками при епископахъ съ древнѣйшихъ временъ были діаконы.- Они-то съ теченіемъ времени, все больше и больше специализируясь въ завѣдываніи опредѣленными отраслями церковной административно-судебной дѣятельности, и явились сначала старшими канцеляріями (καγκελλάριοι) при епископскихъ каѳедрахъ въ родѣ нашихъ столоначальниковъ, а затѣмъ переросли по своему значенію окружавшихъ епископа пресвитеровъ и превратились въ сановниковъ, въ епархіальныхъ министровъ съ извѣстными именами: велик. сакелларія, вел. скевофилакса, вел. хартофилакса, вел. эконома и проч.- Въ такомъ видѣ ихъ встрѣчаемъ уже въ концѣ XI в. Но изъ „Обрядника“ (Ἔκθεσις τῆς βασιλείου τά-

3(101). - Конст. Порфир. видно, что въ ½ X в. эта лѣстница чиновъ еще не сформировалась даже при самомъ патріархѣ; тѣмъ болѣе мы должны предположить это за весь X-й и даже XI в. относительно рядовыхъ митрополій и епархій, отстававшихъ въ процессѣ своего административнаго развитія отъ столицы и усвоявшихъ заднимъ числомъ обычаи великой церкви. - Слѣдовательно, со всею вѣроятностью можно думать, что мы переняли отъ грековъ организацію епископскаго клироса не въ ея позднѣйшей рельефно-бюрократической формѣ, а въ старомъ видѣ клироса, еще хранившаго въ себѣ черты древняго пресвитеріума съ преобладаніемъ пресвитерскаго вліянія и съ отсутствіемъ строгой спеціальности въ дѣятельности входившихъ въ составъ его членовъ. Въ самомъ дѣлѣ, только этимъ обстоятельствомъ мы и можемъ уяснить себѣ, почему въ московскій періодъ епископскіе клиросы такъ быстро исчезли, уступивъ свое мѣсто, какъ и въ Греціи, спеціалистамъ-чиновникамъ, хотя и на свой образецъ. - Если бы члены русскаго крылоса представляли изъ себя корпорацію чиновъ съ строго-опредѣленными правами каждой, то едва ли бы они поступились послѣдними такъ легко и безобидно, а если это произошло именно такъ, то только потому, что наши крылошане нечувствительно для себя теряли то, чего не имѣли, т. е. не имѣли каждый въ отдѣльности спеціальныхъ, закрѣпленныхъ традиціей полномочій. -

[Кр]ылосъ, такимъ образомъ, представля

собою органъ епархіальнаго управленія, состоявшій непосредственно при епископѣ. - Но обширность русскихъ епархій создавала потребность имѣть личныхъ представителей епископской власти и внѣ каѳедральнаго города въ какомъ либо или въ какихъ-либо изъ главнѣйшихъ пунктовъ епархіальнаго округа. - Вѣроятно въ удовлетвореніе этой главнымъ образомъ потребности и создалась у насъ должность епископскихъ намѣстниковъ. - Даже въ древнихъ греческихъ епархіяхъ при всемъ ихъ незначительномъ протяженіи епископы для лучшаго надзора и порядка въ нихъ поручали особымъ безприходнымъ пресвитерамъ дѣлать съ этой цѣлью объходы приходскихъ общинъ, отъ чего эти пресвитеры и получили названіе περιοδευταί. Нѣсколько позднѣе тамъ бывали случаи, что въ большихъ сравнительно епархіяхъ епископы поручали завѣдываніе ихъ отдѣльными частями своимъ синкелламъ. Очень можетъ быть, что наши намѣстники явились въ параллель этимъ послѣднимъ. Синкеллы у грековъ по началу представляли собою простыхъ монаховъ или іереевъ, сокелліотовъ епископовъ, т.е. жившихъ съ епископами въ одной келліи для свидѣтельства непорочности ихъ жизни, propter testimonium ecclesiasticum, а затѣмъ превратились въ очень важныхъ ав-

тей едо епископскихъ, такъ что при патріархахъ, напримѣръ, становились въ церемоніальномъ порядкѣ выше самихъ митрополитовъ.- У грековъ синкеллы жили при особѣ епископовъ; и у насъ одинъ намѣстникъ состоялъ при каѳедрѣ, а другіе въ неизвѣстномъ, но несомнѣнно весьма ограниченномъ, количествѣ, жили въ завѣдываемыхъ ими епархіальныхъ областяхъ, какъ то позволяютъ намъ заключать немногочисленныя свидѣтельства, уже нѣсколько выходящія за предѣлы домонгольскаго періода.- Симонъ еп. Владимирскій въ посланіи къ Поликарпу даетъ знать, что, напримѣръ, въ его епархіи было два церковныхъ намѣстничества:- одно во Владимірѣ (при самой каѳедрѣ), а другое- въ Суздалѣ.- Судя по этому примѣру -съ вѣроятностью можно предполагать, что епископскія намѣстничества учреждались въ тѣхъ-же областныхъ центрахъ, гдѣ были и княжескіе намѣстники (посадники тожъ), отъ которыхъ они могли получить и свое названіе.- Въ своей дѣятельности церковные намѣстники по возможности во всемъ, кромѣ хиротоніи, старались замѣнять своего архіерея, какъ это видно, напримѣръ, изъ практики митрополичьихъ намѣстниковъ, завѣдывавшихъ кіевской областью по переходѣ митро-

...политовъ въ Москву. Въ частности въ церковныхъ уставахъ кн. Владимира находимъ указанiе на судебную дѣятельность владычныхъ намѣстниковъ. Церковное судопроизводство, было впослѣдствiи, какъ извѣстно, даже специальнымъ содержанiемъ намѣстнической дѣятельности митроп. Алексiя, до его посвященiя въ епископа. Судъ свои намѣстники производили, конечно, подобно епископамъ, соборно, поэтому при нихъ должна была группироваться особые уѣздные клиросы; пережиткамъ послѣднихъ, вѣроятно, и служатъ долгое время называвшiеся клиросами прiюты нѣкоторыхъ уѣздныхъ соборныхъ церквей, оставившiеся иногда свободными и отъ обычной дани епископамъ, что опять указываетъ на ихъ привилегированное положенiе въ прошломъ.

Еще одинъ разрядъ личныхъ органовъ епархiальнаго управленiя въ русской церкви необходимо предположить начавшимъ свое существованiе въ перiодъ до монгольскiй, хотя о томъ и не имѣется положительныхъ извѣстiй. Это — т.к. наз. десятинники, хорошо извѣстные изъ нашей церковной исторiи московскаго перiода, первые по времени свѣтскiе архiерейскiе чиновники, сборщики въ пользу епископа податной десятины и вмѣстѣ низшiе органы епархiальнаго надзора. Предположить ихъ существованiе съ самаго начала устройства русской церкви необходимо потому, что оно не медленно требовалось этимъ самымъ устройствомъ.

Князья обезпечили существованіе епископовъ между прочимъ десятиной изъ своихъ оброковъ, но предоставили собирать её самимъ епископамъ. Для такой неточной и щекотливой обязанности имъ естественные всего было поискать людей свѣтскихъ. А такъ какъ заполярная обширность нашихъ епархій нуждалась въ возможно большемъ количествѣ посредниковъ между отдаленными концами ихъ и каѳедральнымъ центромъ, то не менѣе естественно было начать эксплуатировать десятинниковъ объѣздѣ епархій за сборами въ интересахъ нѣкоторыхъ сторонъ епархіальнаго управленія. Такимъ образомъ въ началѣ по нуждѣ и благодаря русскимъ условіямъ епископскаго обезпеченія незамѣтно зародилось и то чисто русское явленіе въ церковной жизни, что въ церковное управленіе проникъ свѣтскій элементъ, разросшійся до громадныхъ размѣровъ и составившій немалое зло въ послѣдующее время.

<u>Церковные законы</u>. Русская церковь, по самому своему началу становясь филіальной частицей православно-восточной церкви и устраиваясь по образцу и подобію послѣдней, вмѣстѣ съ тѣмъ естественно и неизбѣжно перенимала отъ нея и дѣйствующій кодексъ узаконеній, опредѣлявшихъ какъ главнѣйшія основы церковной организаціи, такъ и частныя условія жизнедѣятельности церкви. Ходячихъ сборниковъ церковныхъ законовъ, бывшихъ въ то время въ практическомъ употребленіи у грековъ, было два. Во первыхъ „Сводъ законовъ

(συναγωγὴ κανόνων) антіохійскаго адвоката VI в. Іоанна Схоластика, впослѣдствіи патріарха Константинопольскаго, систематическій сборникъ церковныхъ правилъ, раздѣлявшійся на 50 титулъ и часто соединявшійся съ принадлежащими тому-же автору извлеченіями изъ Юстиніановыхъ новеллъ. Во вторыхъ „Номоканонъ" въ XIV титлахъ, въ окончательной редакціи приписываемый патріарху Фотію и содержащій въ первой своей части предметный указатель къ церковнымъ и гражданскимъ, касающимися церкви, законамъ, и во 2-ой хронологическую синтагму, канона въ ихъ полномъ текстѣ. Тотъ и другой сборникъ скоро появились и у насъ на Руси въ Славянскомъ переводѣ. Сборникъ или т. к. наз. Номоканонъ Іоанна Схоластика перешелъ къ намъ изъ Болгаріи въ переводѣ, к. к. полагаютъ, еще самого первоучителя Меѳодія. Къ этому Номоканону присоединены были выборки изъ законовъ Юстиніана и нѣкоторыя другія компиляціи изъ разныхъ источниковъ византійскаго права уже болгарскаго происхожденія. Оттуда-же, какъ показываетъ языкъ древнѣйшаго списка, принесенъ былъ на Русь въ готовомъ переводѣ и Номоканонъ, именуемый Фотіевымъ. Если-бы послѣдній переводился у насъ, то переведенъ былъ бы съ Фотіевской редакціи, дополненной правилами новѣйшихъ соборовъ: перво-второго 861 года и Софійскаго 879 года. Между тѣмъ въ домонгольскій періодъ на Руси былъ извѣстенъ XIV-титловый Номоканонъ безъ этихъ правилъ; слѣдовательно онъ представлялъ изъ себя болгарскій переводъ, сдѣланный тамъ еще до редакціи Фотія.

принятіе къ своему руководству канонов
заключенныхъ въ указанныхъ двухъ сборникахъ, яви-
лось для Русской церкви такимъ нормальным
и самомъ по себѣ понятнымъ фактомъ, что
не могло составлять для нея никакого вопроса.
Но вопросъ возникалъ относительно того, кк ру-
кая церковь должна была, въ качествѣ частно
церкви, имѣющей своего собственнаго патрона в
лицѣ вел. князя, посмотрѣть на степень обя-
зательности для себя помѣщенныхъ въ номокан
нахъ гражданскихъ императорскихъ законовъ
по церковнымъ дѣламъ, изданныхъ примѣнитель
къ условіямъ и обстоятельствамъ греческой ж
ни? Тотъ-же вопросъ для русскихъ и преим
щественно для самихъ грековъ представлялся
еще и съ другого конца. Законодательная дѣятель
ность въ церкви не прекращалась, новыя распо-
ряженія выходили и отъ патріарха и отъ им-
ператора греческаго. Русская церковь, если не с
самаго своего начала, то очень скоро послѣ то
стала въ разрядъ обыкновенныхъ митрополій
КПъ патріарха и кк таковая должна была
принимать всѣ эти распоряженія отъ той и
другой инстанціи. Но если не могло быть ника-
кихъ сомнѣній относительно подчиненія русско
церкви патріаршимъ распоряженіямъ и мы зна
емъ изъ Кіевскаго періода одинъ такой случай
(указъ птха Германа отъ 1228 г. русскому мит-
рополиту о недопущеніи во священники невыкуп-
ленныхъ рабовъ), то предъ лицомъ император-
скихъ указовъ русская церковь, де jure обыкно-
венная въ числѣ греческихъ митрополій, стан
вилась совсемъ необыкновенного de facto: въ не

самостоятельный гражданскій источникъ церковной юрисдикціи, которымъ неизбѣжно устранялась въ ея предѣлахъ, подобная-же роль государей греческихъ. Рѣшить этотъ вопросъ, проистекавшій отъ нѣкоторой невыясненности каноническаго положенія русской церкви,- теоретически и прямолинейно съ русской стороны не хватило необходимаго для того развитія, а съ греческой- не было охоты приходить къ невыгодному для себя рѣшенію. Практически все недоумѣніе рѣшалось такимъ образомъ, что императорскіе указы по дѣламъ церкви, по всей вѣроятности, совсѣмъ не сообщались къ свѣдѣнію русскаго м-та, к[а]к безполезная формальность, а русскіе князья въ свою очередь совсѣмъ безъ задней мысли, просто вызываемые самымъ дѣломъ, издавали тѣ или другія узаконенія, опредѣлявшіе права и положеніе церкви, какъ вновь возникшаго въ ихъ государствѣ учрежденія. Такимъ образомъ явилась главнѣйшая категорія частныхъ законовъ русской церкви, о которыхъ собственно и должна быть рѣчь въ настоящемъ отдѣлѣ.

Важнѣйшее значеніе здѣсь принадлежитъ законамъ исшедшимъ отъ гражданской власти потому, что ими опредѣлялись не обязанности, а право русской іерархіи. Собственно говоря, права епископа, к[а]к духовнаго начальника и духовнаго судьи своей паствы, разъ на всегда опредѣлены jure divino и сами по себѣ ни въ какомъ переопредѣленіи не нуждаются. Но іерархическая власть, источникъ правъ которой не отъ міра сего, является признаннымъ дѣятелемъ въ государствѣ,- и ей приходится отвѣсти то или

мѣсто уже на началах juris humani. Гражданская власть по своей доброй волѣ поступается въ пользу епископовъ нѣкоторою долей, въ разныхъ странахъ и въ разное время различного, своихъ собственныхъ правъ, и права іерархіи, всегда себѣ равныя съ догматической точки зрѣнія, так. обр. расширяются или сокращаются на счетъ власти гражданской. Послѣдняя не уступила церкви ни власти законодательной, ни власти административной, тѣмъ болѣе, что каноническія правила воспрещаютъ клирикамъ подъ угрозой изверженія изъ сана вмѣшиваться въ дѣла гражданскаго управленія, но она предоставляла имъ обычно, по нѣкоторымъ историческимъ причинамъ, извѣстную долю власти судебной, по дѣламъ чисто гражданскаго (въ противоположность церковному,) а не уголовному характера. Къ этой власти - potestas, присоединялось еще и дарованіе правъ (jura) имущественныхъ. Въ томъ-же направленіи произошло расширеніе правъ церковной іерархіи и у насъ на Руси.

Въ Греціи право гражданскаго суда епископовъ надъ мірянами узаконено было первымъ же христіанскимъ императоромъ, т. е. Константиномъ Великимъ и являлось продолженіемъ того домашняго епископскаго суда среди христіанъ, къ которому совѣтовалъ прибѣгать еще ап. Павелъ въ письмѣ къ Коринѳянамъ. Организація суда въ древней имперіи была въ томъ отношеніи существенно сходной съ современной намъ, что судъ производился поставленными отъ правительства чиновниками, нисколько матеріально не заинтересованными въ лицахъ имъ подсуди-

ныхъ. Поэтому участіе епископовъ въ судѣ граж-
данскомъ, никого рѣшительно не задѣвало, даже
облегчало трудъ судей и пользовалось широкой
свободой. Епископъ выступалъ въ роли граждан-
скаго судьи всякій разъ, когда только тяжущіе-
ся по взаимному соглашенію желали этого. Сов-
сѣмъ иначе поставлено было судебное дѣло у
насъ на Руси и потому греческіе порядки въ дан-
номъ пунктѣ никакъ не могли быть пересажен-
ы на русскую почву въ ихъ неизмѣнномъ видѣ.
Въ древней Руси большинство преступленій иску-
палось денежными пенями, которые составля-
ли доходную статью князя и средства содержа-
нія самимъ судьямъ. При такихъ порядкахъ и
понятіяхъ вмѣшательство епископовъ въ сферу
гражданскаго суда равносильно было-бы посяга-
тельству на чужую собственность. Вслѣдствіе
этого русскимъ князьямъ, имѣвшимъ побужде-
ніе почтить епископовъ извѣстной долей правъ
судебныхъ, предстояло устроить дѣло такимъ
образомъ, чтобы не нарушить матеріальные ин-
тересы судей гражданскихъ. Постоянное вмѣша-
тельство епископовъ во всѣ дѣла гражданска-
го суда устранялось совершенно, а взамѣнъ это-
го создавался особый кругъ дѣлъ и преступле-
ній, навсегда становившимся собственнымъ су-
дебнымъ вѣдомствомъ епископа. Такимъ пу-
темъ на русской почвѣ все это дѣло получа-
ло совершенно иной смыслъ и значеніе. Предо-
ставленіе права суда гражданскаго епископамъ
въ Греціи вытекало изъ уваженія къ ихъ высоко-
му нравственному авторитету и было только
слѣдствіемъ ихъ пастырскаго положенія; у насъ

И. д. доц. Ант. Карташов
Лито. Богдановой Зуб. пер. 1.

представлениі выражалась главнымъ образомъ забота о матеріальномъ обезпеченіи епископовъ для которыхъ судъ назначался въ частью одной изъ статей ихъ дохода.

Для сужденія о постепенномъ расширеніи правъ русской іерархіи въ нашемъ распоряженіи имѣется по числу достаточное количество документовъ, но къ сожалѣнію большинство изъ нихъ подвергается сильнымъ подозрѣніямъ относительно ихъ подлинности и во всякомъ случаѣ въ настоящемъ своемъ видѣ далеки отъ подлиннаго, первоначальнаго своего содержанія. Таковы прежде всего т.к. наз. уставы кн. Владиміра и св. Ярослава Владиміровича. Древнѣйшій списокъ устава Владимірова находится въ Новгородской Кормчей конца XIII вѣка. Послѣ краткаго предисловія, въ которомъ сообщается кн. Владиміромъ въ первомъ лицѣ о своемъ крещеніи и принятіи перваго митрополита Леона, заявляется о даровании десятины, созданной имъ церкви въ честь Богородицы и затѣмъ указываетъ круги, по которымъ всѣ міряне должны будутъ подлежать суду епископовъ, представляются епископскому надзору городскіе и торговые мѣры и вѣсы, перечисляются лица церковнаго вѣдомства, подсудные епископамъ по всякаго рода дѣламъ церковнымъ и гражданскимъ и заключается все это клятвою не преступать установленнаго церковнаго суда. Проф. Голубинскій вслѣдъ за Карамзинымъ совершенно отвергаетъ подлинность обоихъ разбираемыхъ уставовъ. Его возраженія прежде всего противъ устава Владимірова мы и приведемъ здѣсь, параллельно съ тѣми ослабляющими обстоятель-

ствами, какiе сдаланы были противъ нихъ проф. Ключевскимъ и Малышевскимъ. Во первыхъ въ уставѣ говорится о дарованiи десятины только церкви Св. Богородицы, между тѣмъ при Владимiрѣ она была дана всѣмъ епископiямъ; для подлиннаго устава - это умолчанiе - есть будто бы невозможная несообразность. Но не договариванiе еще знакъ подлинности. Во вторыхъ - десятина церкви Кiевской Богородицы дается „во всей земли русской"; но эта кажущаяся нелѣпость, несовмѣстимая съ десятиннымъ сборомъ въ каждой области въ пользу своего епископа, устраняется тѣмъ соображенiемъ, что подъ „русской землей", могло по обычаю разумѣться, только кiевская велико-княжеская область, какъ она и называется въ лѣтописи неоднократно, даже въ XII в. Въ третьихъ, - въ Уставѣ Владимiръ говоритъ, будто кругъ дѣлъ, по которымъ всѣ миряне должны вѣдаться судомъ у епископа, онъ нашелъ развернувше греческый Номоканонъ." Но это - совершенная неправда, которой Владимiръ не могъ сказать. Однако ниже самъ проф. Голубинскiй находитъ объясненiе тому, какъ могли сюда предполагаемые фальсификаторы привлести греческiй Номоканонъ. Дѣло въ томъ, что къ последнему и въ его славянскомъ переводѣ и въ особенности въ греческомъ подлинникѣ присоединялся рядъ руководствъ къ гражданскимъ судебнымъ уставамъ на тотъ конецъ, чтобы епископамъ греческимъ, имѣвшимъ случай выступить третейскими судьями по самымъ разнообразнымъ дѣламъ гражданскаго и даже уголовнаго характера, имѣть подъ рукою крат-

кій справочникъ по свѣтскому законодательству у насъ, по недоразумѣнію, приводимые въ Номоканонѣ съ указанной цѣлью законы, дѣла и преступленія поняты были, какъ входящіе въ сферу епископскаго суда. Но если такое недоразумѣніе могло имѣть мѣсто у русскихъ книжниковъ, то нѣтъ препятствій отвергать возможность его и для самого кн. Владимира, который также ни въ какой мѣрѣ не былъ ученымъ канонистомъ. Въ четвертыхъ, по всѣмъ спискамъ Владимирова Устава суду епископовъ представляются тяжбы о наслѣдствѣ, тогда какъ по Русской правдѣ при Ярославѣ онѣ подлежали суду княжескому. Но, по увѣренію Ключевскаго, цитируемая въ настоящемъ случаѣ редакція правды II/2 XII в. списками переполнена позднѣйшими добавками, изъ которыхъ трудно выдѣлить несомнѣнно принадлежащее времени Ярослава и ссылка Голубинскаго падаетъ какъ разъ на пунктъ позднѣйшаго происхожденія. То обстоятельство, что Уставъ Владимира совсѣмъ не сохранился въ Кіевской Руси также не имѣетъ особенной силы, какъ показатель его подделки гдѣ нибудь въ Руси сѣверной, потому что и древняя южнорусская лѣтопись найдена въ Костромѣ. Съ разрушеніемъ при нашествіи Монголовъ Десятинной церкви, для которой уставъ этотъ былъ особенно дорогъ, хранить его не имѣли особенныхъ побужденій ни Кіевскіе митрополиты съ ихъ Софійскимъ клиросомъ, потому что богатая десятина Богородицкой церкви не сходилась съ ихъ личными выгодами, ни кіевская лавра, стремившаяся освободиться отъ подсудности мит

политамъ и епископамъ, которая тк энергично закрѣпляется текстомъ Владимирова Устава. Не считая однако возможнымъ относить всю эту группу дѣлъ и лицъ, подсудныхъ епископамъ, которая значится въ сохранившемся видѣ Владимирова Устава, ко времени самого св. Князя и относя многое здѣсь на счетъ постепеннаго нароста вплоть до конца кіевскаго періода, слѣдуетъ признать вмѣстѣ съ тѣмъ-же проф. Голубинскимъ, что кн. Владимиръ какъ устроитель церкви русской долженъ былъ какимъ нибудь образомъ опредѣлить и область суда духовнаго. Но если по ясному лѣтописному свидѣтельству, кн. Владимиръ даже клятвенное завѣщаніе по свое о десятинѣ для храма Пресв. Богородицы, „написавъ положи въ церкви сей", то что препятствовало ему написать и церковный уставъ, занимающій и въ распространенномъ видѣ только одну печатную страницу, разъ была въ томъ неотложная нужда. Кругъ дѣлъ имѣвшихъ еще при Владимирѣ отойти въ вѣдомство церковнаго суда, создался самъ собою вмѣстѣ съ водвореніемъ на Руси христіанства. Кк показываютъ и существующіе списки устава, это были такого рода гражданскія преступленія, которыя не считались преступленіями въ языческой Руси: таковы различныя нарушенія христіанскихъ правилъ семейной жизни, — плотской нравственности, — уваженія къ святынѣ, вѣра въ чародѣянія и т. п.. Всѣ эти пороки епископы начали преслѣдовать и независимо отъ свѣтской власти въ силу своихъ пастырскихъ обязанностей и правъ, но кн. Влади-

миръ, близко принявший къ сердцу интересы христіанства, и самъ взглянулъ на всѣ эти дѣянія съ христіанской точки зрѣнія т.к. на преступленія, и по заведенному обычаю облагалъ ихъ пошлинами, оставивъ и дѣла и пени въ вѣдѣніи епископовъ, ни мало не нарушая тѣмъ интересовъ гражданскихъ судей, область которыхъ осталась незатронутою. Кромѣ того духовенство и нѣкоторые другіе разряды людей, тѣсно примыкавшихъ къ церкви, также отошли въ собственную судебную власть епископовъ. т.к. въ началѣ, надо полагать, съ удобствомъ размѣчевалися области того и другого суда и судъ церковный устроился приспособительно къ уровню юридическихъ понятій нашихъ предковъ.

Съ теченіемъ времени первоначальная сфера епископскаго суда стала расширяться еще болѣе и конечно уже на счетъ области суда гражданскаго, потому что за исчерпаніемъ преступленій собственно церковныхъ, другой области не оставалось. Чемленный шагъ въ этомъ направленіи былъ сдѣланъ спеціально для митрополичьей области при кн. Ярославѣ. Но если, говоритъ Голубинскій, „со всякими усиліями можно еще помаму доказывать подлинность устава Владимирова; то никакими усиліями нельзя доказать подлинность устава Ярослава, т.к. что самая попытка дѣлать это была бы оригинальнымъ упорствомъ и ничего болѣе" Однако-же текстъ Ключевскаго и Мыльшевскаго уполномочиваетъ насъ немного поупорствовать. Уставъ Ярослава сохранился до насъ въ гораздо меньшемъ количествѣ списковъ, чѣмъ

уставъ Владимировъ, причемъ самый ранній изъ нихъ относится къ XV в.; поэтому не всѣ подробности его могутъ имѣть одинаковую древность. Онъ представляетъ собою довольно обширный и скрупулезный списокъ преступленій противъ христіанской нравственности, подлежащихъ суду митрополита и обложенныхъ каждый опредѣленной пеней въ его пользу. Нѣкоторые изъ этихъ преступленій считаются настолько строго духовными, что наказуются только епитиміей, а другіе, напротивъ, настолько преступленіями церковно-гражданскими, что судятся совмѣстнымъ судомъ митрополита и князя и оплачиваются двойной пошлиной въ пользу того и другого. Здѣсь суду митрополита подчиняются различные виды суевѣрій, грѣховъ противъ плотской нравственности, дракъ, обидъ, кражъ и т. п. Начало устава, против котораго прежде всего направлена отрицательная критика, слѣдующее: "Се азъ князь великій Ярославъ, сынъ Володимеръ, по данью /нач. по записи/ отца своего, сгадалъ есмь съ митрополитомъ съ Иларіономъ, сложилъ есми съ греческимъ Номоканономъ, аже не подобаетъ сихъ тяжь судити князю и бояромъ; далъ есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды, что написаны въ правилахъ въ Намоканонѣ, по всѣмъ градомъ и по всей области, гдѣ крестьянство есть". Здѣсь говорится, что Ярославъ сложилъ свой уставъ по данью или записи своего отца. Но, является вопросъ, если Владимиръ имѣлъ намѣреніе написать такой уставъ, то что за охота ему была откладывать это дѣло и поручать

его своимъ дѣтямъ? Недоумѣніе это едвали не плодъ недоразумѣнія. Не говоря уже о томъ, что подобная-же несомнѣнно достовѣрная грамота Ростислава Смоленскаго, написана именно въ завѣщаніи его отца, въ древнѣйшемъ спискѣ Ярославова устава, представляющемъ въ то-же время, какъ показываютъ нѣкоторыя внутреннія его особенности, и древнѣйшую его редакцію не по завѣщанію, или „записи", какъ въ другихъ спискахъ, а по „данью". Это слово буквально можетъ значить „даніе", „дарованіе", т.е. Ярославъ хочетъ сказать, что устраиваетъ судъ церковный сообразно съ тѣми льготами и условіями, какія даровалъ ему еще Владимиръ, при чемъ можетъ разумѣться здѣсь и письменный уставъ послѣдняго, какъ вѣроятно и понимали это позднѣйшіе редакторы, замествовавшіе слово „по данью" выраженіемъ „по записи." Что побудило Ярослава написать церковный уставъ и именно вмѣстѣ съ митрополитомъ Иларіономъ, т.е. не въ началѣ своего княженія, а при его концѣ? На то мы можемъ подискать подходящія основы въ обстоятельствах церковной жизни того времени. Какъ извѣстно Ярославъ рѣшилъ перевести митрополію изъ Переяславля въ столицу. Для этой цѣли онъ въ 1037 году заложилъ Софійскій каменный храмъ и при немъ митрополичій дворецъ. Вѣроятно не раньше какъ черезъ десять лѣтъ была окончена грандіозная постройка и состоялся самый переходъ митрополитовъ въ Кіевъ. Но съ этимъ переходомъ въ Переяславлѣ возникла особая каѳедра и митрополитъ лишался главнѣйшей части своего матеріальнаго содержанія. Съ дру-

гой стороны въ кіевской области княжеская десятина шла на придворную церковь Пр. Богородицы (десятинную). Нужно было изыскать новыя статьи для приличнаго обезпеченія каѳедры митрополита, и вотъ Ярославъ обратился до нѣкоторой степени къ системѣ косвенныхъ налоговъ: расширилъ нѣсколько противъ прежняго предѣлы митрополичьяго суда и обложилъ всѣ относящіеся сюда преступленія повышенными пенями; отсюда, можетъ быть, и та ихъ значительность, которая кажется Карамзину и Голубинскому несообразною. Замѣчательна подробность, не обратившая на себя ихъ вниманіе, что въ данномъ уставѣ совсѣмъ нѣтъ рѣчи о судѣ епископскомъ вообще, какъ то ясно выражено въ церковномъ уставѣ Владимира, а о судахъ данныхъ только митрополиту, титулъ котораго послѣдовательно и упоминается чуть не въ каждой статьѣ устава („судити митрополиту", „тму 6 гривенъ", „князю съ митрополитомъ на полы" и т. п.). А если и сказано въ выше приведенномъ заглавіи устава „далъ есмь митрополиту и епископомъ тѣ суды", то слово „епископомъ", какъ несогласное съ внутреннимъ содержаніемъ самого устава, слѣдуетъ считать за позднѣйшую прибавку, когда Ярославовъ уставъ въроятно пытались примѣнить къ практикѣ вообще суда епископскаго. Спеціальное назначеніе Ярославова устава для митрополичьей области объясняетъ намъ и тотъ фактъ, почему онъ дошелъ до насъ въ меньшемъ числѣ экземпляровъ, нѣмъ общій по содержанію, т. е. не столь удобный въ судебной практикѣ, но не-

сомнѣнно имѣвшій обще-церковное значеніе Уставъ Владимира. Ясно послѣ сказано, почему издалъ свой церковный уставъ кн. Ярославъ только при митр. Иларіонѣ, т.е. въ промежутокъ времени отъ 1051 по 1054 г., когда митрополія только что начала свою жизнь на новомъ мѣстѣ — въ Кіевѣ. Что въ Ярославовомъ уставѣ встрѣчаются такіе пункты, которые совсѣмъ не идутъ въ жалованную грамоту князя митрополиту, т.е. говорится о нѣкоторыхъ правахъ митрополитовъ надъ епископами и духовенствомъ, которые совсѣмъ не зависятъ отъ князя, и затѣмъ — о нѣкоторыхъ преступленіяхъ чисто духовнаго характера, то здѣсь совсѣмъ не доказательство подложности документа, а просто неправильный взглядъ на него. Ярославовъ уставъ не жалованная только грамота князя митрополиту, а цѣлый кодексъ, отграничивающій область суда митрополичьяго отъ суда гражданскаго, составленный княземъ совмѣстно съ митрополитомъ для надобностей послѣдняго, при чемъ жалованная грамота князя вошла въ этотъ кодексъ только кк составная его часть, хотя и главная. Два признака подложности устава Ярославова проф. Голубинскій выставляетъ кк „совершенно и безусловно рѣшительные". Во первыхъ, — расширеніе суда митрополита надъ мірянами по преступленіямъ уголовнымъ до такой степени, кк у насъ это не могло быть во времена Ярослава и несомнѣнно не было никогда и послѣ этого: разумѣются много-образные виды кражъ. Но не слѣдуетъ упускать изъ виду, что весь отдѣлъ о кражахъ причисляется въ Ярославовомъ уставѣ не къ собст-

венно церковному суду, а къ суду смѣшанному, т.е. совмѣстному съ судомъ княжескимъ, а затѣмъ такое необычное расширеніе вызывалось исключительными, кк мы указали, побужденіями и простиралось не на всю русскую церковь. Во вторыхъ, почтенному профессору представляется чѣмъ-то небывалымъ, невозможнымъ и противнымъ человѣческому разуму, часто употребляемое въ Ярославовомъ уставѣ двойное наказаніе за одно и то-же преступленіе: денежнымъ штрафомъ въ пользу митрополита и казнью со стороны князя. Но Ключевскій указалъ ему на примѣръ двойныхъ наказаній и въ Зап. Европѣ и на многія случаи этого рода въ послѣдующемъ русскомъ законодательствѣ, а княжескую казнь совѣтовалъ понимать согласно съ данными Русской Правды въ смыслѣ того-же денежнаго штрафа, потому что казнь и казна — слова одного корня. Появленіе устава Ярослава Голубинскій предположительно относитъ къ рубежу между кіевскимъ и московскимъ періодамъ нашей нашей исторіи, т.е. кон. XIII или нач. XIV вѣка, между тѣмъ въ самомъ содержаніи памятника, отыскалъ достовѣрный признакъ, по которому одна изъ уцѣлѣвшихъ до насъ редакцій устава несомнѣнно принадлежитъ первой 1/2 XII вѣка. Дѣло въ томъ, что въ одной группѣ списковъ за нѣкоторыя преступленія полагается въ пользу митрополита 40 гривенъ, а въ другой въ тѣхъ-же случаяхъ 100 гривенъ. Во всѣхъ подобныхъ документахъ размѣры штрафовъ обыкновенно мѣнялись соотвѣтственно перемѣнамъ, происходившимъ въ паденіи древне-русскаго денежнаго курса. По извѣстіямъ лѣтописей единст-

венные по своей рѣзкости паденіе цѣнности серебряной гривны произошло въ короткій промежутокъ времени отъ ½ XII до XIII в.; тогда какъ въ 1-ой ½ XII в. она равнялась по вѣсу ⅓ фунта, въ началѣ XIII в. изъ одного фунта серебра выходило уже 7½ гривенъ, т. е. гривна упала въ цѣнѣ въ 2½ раза противъ прежняго. Принимая во вниманіе тождество съ этой послѣдней цифрой пропорціональнаго отношенія между 100 и 40, т. е. то обстоятельство, что 100 больше 40 въ 2½ раза, твердо заключаемъ отсюда, что штрафные списки одной изъ сохранившихся редакцій церковнаго устава Ярослава составлены въ XIII стол., а другія не позже 1-ой ½ XII вѣка.

Такимъ образомъ церковный уставъ кн. Владиміра и Ярослава, хотя и покрылись отъ долгаго практическаго употребленія ихъ разновременными и позднѣйшими наслоеніями, тѣмъ не менѣе содержатъ въ своемъ составѣ и первоначальную подлинную основу. Въ ихъ теперешнемъ видѣ они по преимуществу говорятъ намъ о томъ, какъ расширились границы церковнаго суда къ концу домонгольскаго періода,[x] такъ что болѣе точнымъ по-

[x] Хотя, можетъ быть, и не къ самому концу. Существуетъ передѣлка Владимирова устава на имя Новг. кн. Всеволода Мстиславича, который издаетъ его около 1135 года отъ своего имени для мѣстной Новгородской церкви. При условіяхъ удѣльной жизни были всѣ основанія для такихъ переизданій устава Владиміра съ добавками, или прибавками приспособительно къ интересамъ того, или другого княжества. Поэтому али... перепр... переправки „Устава" на имя князя Всеволода Мстиславича можетъ быть.

-казателемъ постепенности этого расширенія, служитъ позднѣйшая ихъ по происхожденію, но зато неизмѣнно сохранившаяся до насъ, граммота по данному предмету Ростислава Мстиславича князя Смоленскаго, написанная имъ въ 1150 г. для своей епископіи. Изъ ней явствуетъ, что въ 1/2 XII в. суду епископовъ, отчасти совмѣстному съ судомъ княжескимъ, подлежали слѣдующія дѣла: 1) о разводѣ, 2) о двоеженствѣ, 3) о бракахъ въ недозволенныхъ степеняхъ родства, 4) объ умычкѣ дѣвицъ, 5) о колдовствѣ, 6) о дракахъ между женщинами и еще о какихъ то двухъ предметахъ, весьма невразумительно указанныхъ. Текстъ граммоты даетъ знать, что кн. Ростиславъ не вновь устанавливаетъ правила епископскаго суда, а только подтверждаетъ ихъ въ томъ видѣ, к[а]к[ъ] они установились раньше его: „а тяжъ епископлихъ", пишетъ князь, „не судити никому же, но судить ихъ самъ епископъ", т. е. нѣкотораго рода судебные дѣла называются прямо „епископскими" по ихъ раннейшей принадлежности компетенціи епископовъ. И дѣйствительно, въ настоящемъ памятникѣ, какъ предполагали мы о начальномъ моментѣ образованія сферы церковнаго суда, въ вѣдѣніе епископовъ относятся преимущественно такія преступленія, которыя не считались преступленіями въ язычествѣ. Но на данныхъ этого документахъ еще трудно уловить ту идею, подъ руководствомъ которой расширялся кругъ епископскаго суда на счетъ суда гражданскаго; почему, напр., здѣсь суду епископовъ поручаются драки еще не служитъ доказательствомъ подлож-ности этой граммоты, а только лишь литературнаго недоразумѣнія.

между женщинами и почему епископъ участвуетъ въ дѣлахъ объ умыканіи? ~~жет~~ Чтобы уловить эту идею, необходимо расширить свои наблюденія, т. е. обратить вниманіе на весь составъ дѣлъ епископскаго суда, к.к. онъ сложился къ концу изучаемаго періода. Съ этой цѣлью обращаемся прежде всего къ тому-же уставу кн. Владиміра въ его существующемъ видѣ. Кромѣ преступленій, явившихся съ введеніемъ христіанства, по нему епископскій судъ впадаетъ и въ такія гражданскія (въ общемъ смыслѣ слова) дѣла, какъ 1) споры о приданомъ, 2) тяжбы между мужемъ и женой объ имѣніи, 3) зубоѣжа (вѣроятно ущемленіе зубами въ дракѣ) 4) драки между свекромъ и отцомъ, дочерью и матерью, снохою и свекровью и т. п. Изъ приведенныхъ данныхъ уже можно съ вѣроятностію выводить отвѣтъ на поставленный нами вопросъ. Но предварительно сдѣлаемъ къ этому еще нѣкоторое замѣчаніе. Наблюдая за пространствомъ епархіальнаго суда впослѣдствіи, въ московскій періодъ, замѣчаемъ еще большее расширеніе его по сравненію съ границами, проведенными во Владиміровомъ Уставѣ. Думать, чтобы это расширеніе произошло въ Московскій періодъ, представляется мало вѣроятнымъ. Московскіе князья, при всемъ ихъ благочестіи и покорности церкви, въ то-же время были ревностными блюстителями принадлежавшихъ имъ правъ власти, которыми они не склонны были дѣлиться ни съ кѣмъ. Охотно признавая всѣ прежде установившіеся привиллегіи церковной іерархіи, они могли продолжать чествовать её всячески, но только безъ ущерба своей власти. Так. обр. вѣрнѣе полагать, что

пространство епархіальнаго суда періода московскаго установилось еще до послѣдняго, т.е. къ концу изучаемаго до монгольскаго періода. Новыя гражданскія дѣла входившія тогда въ составъ епископскаго вѣдомства, были такого рода: 1) дѣла кабальныя и жалобы между господами и рабами, 2) жалобы между мужьями и женами, родителями и дѣтьми, 3) дѣла объ усыновленіи, 4) о незаконныхъ дѣтяхъ и нѣкот. др. Обращая вниманіе на характеръ всѣхъ указанныхъ выше дѣлъ и преступленій, отданныхъ постепенно гражданскою властію суду епископскому, находимъ въ нихъ то особенное свойство, что для удовлетворительнаго рѣшенія ихъ недостаточно было одной юридической формальности, но желательно было болѣе интимное отношеніе къ дѣлу, обращеніе къ совѣсти и нравственному настроенію тяжущихся сторонъ. Для всего этого необходимъ былъ нравственный авторитетъ, какимъ облечены были только лица духовныя. Слѣдовательно всѣ отмѣченныя судебныя дѣла и.к. бы сами въ себѣ имѣли тенденцію стать подвѣдомыми суду церковному. Но какимъ образомъ, все таки, власть гражданская поступилась вѣдѣніемъ этихъ дѣлъ въ пользу епископовъ — это можно нѣсколько уяснить себѣ такимъ положеніемъ. Судъ представляетъ такую функцію общественной жизни, которая и при всѣхъ существующихъ сложныхъ порядкахъ государственнаго судопроизводства можетъ имѣть, по своему призванію тяжущихся, совершенно патріархальную постановку. Поэтому и въ данномъ случаѣ, если сами судящіеся находили для себя болѣе

удобнымъ искать рѣшеній извѣстныхъ тяжбъ у лицъ духовныхъ, то они могли прибѣгать къ ним вначалѣ просто кк къ удачаемымъ третейским судьямъ. А затѣмъ, кк извѣстно, всякая давность рекъ имит или авизит, создаетъ прав и епископы съ теченіемъ времени сдѣлались по многимъ дѣламъ законными, признанными кн зьями, судьями.

Съ большимъ удобствомъ и съ большею бы строгой, надо полагать, распространилось пра во епископскаго суда не на всѣхъ міряне по нѣ которымъ дѣламъ гражданскаго характера, а н нѣкоторыхъ людей по всѣмъ дѣламъ не только церковнымъ, но и гражданскимъ, именно потому, что лица этой послѣдней категоріи составили собственное вѣдомство церкви, „людей церковныхъ богадѣльныхъ" по уставу Владимира сюда принад лежали: 1) Монашествующіе, черное духовенство и бѣлое съ семействами, 2) міряне служившіе церкви - просвирня, лѣкарь, [въ Новгородской грамо тѣ Всеволода Мстиславича: „свѣщегасъ", т.е. церковный прислужникъ] 3), люди убогіе и вообще при зрѣваемые церковію, - странникъ, слѣпецъ, хромецъ, вдовица, задушевный человѣкъ [т.е. холопъ, пожертвованный господиномъ въ услуженіе церкви на помин души, прощенникъ;[1] [по Новгородской

---

[1] терминъ этотъ составляетъ нѣкоторую загадку. По словамъ Герберштейна въ XVI в. русскіе толкователи ему это слово въ смыслъ обозначенія лицъ помилованныхъ какимъ нибудь чудеснымъ помилованіемъ -- eos, qui miraculum ab aliquo sanctorum acceperint, тк толкуетъ и пре-

грамматъ сюда-же принадлежали изгои-неграмотный поповичъ, выкупившійся холопъ, обанкротившійся купецъ и осиротъвшій князь/.

подобный Макарій. Но въ домонгольскую пору едвали была замѣтная категорія такихъ лицъ, потому что чудотворныхъ иконъ почти еще не являлось, а мощи были въ одномъ только Кіевѣ. Поэтому Голубинскій обращаетъ вниманіе на замѣчаніе Маржерета /нач. XVII в./, что въ Россіи есть особенный орденъ, состоящій изъ людей, которые, предчувствуя приближеніе смерти, были соборованы масломъ, однако не умирали. Такіе люди обязываются носить до самой смерти платье, похожее на монашеское, что считаетъ очень богоугоднымъ дѣломъ." Этихъ-то людей авторъ исторіи русской церкви и переноситъ въ домонгольскую эпоху и разумѣетъ подъ прощенниками. Намъ думается, возможно болѣе буквальное пониманіе разбираемаго термина. Изъ русской правды видно, что не состоятельный должникъ въ древней Руси становился полнымъ холопомъ своего кредитора. Но кредиторы по истеченіи нѣкотораго времени порабощенія, подъ вліяніемъ церковной проповѣди, внушавшей милосердіе къ рабамъ, и для спасенія своей души, прощали должнику долгъ и пускали его на свободу. Замѣчательно, что въ нѣсколькихъ редакціяхъ грамоты Всеволода Мстиславича, представляющей буквальное повтореніе съ добавленіями Владимірова Устава, пишетъ не „прощенникъ", а пущеникъ. Такихъ людей могло быть значительное количество и по только что упомянутой грамотѣ именно лица такого юридическаго и экономическаго положенія и приписываются обществу призрѣваемыхъ и судимыхъ церковію. /См. дальше нашъ текстъ/

историки однакоже весьма подозрѣваютъ, чтобы всѣ исчисленные здѣсь разряды лицъ и еще выше указанные разряды дѣлъ дѣйствительно всегда судились церковнымъ судомъ. Т.к напр. несомнѣнно достовѣрном документѣ - въ смоленской грамотѣ кн. Ростислав изъ мирянъ церковными людьми считается только прощенниками и никто болѣе. Съ другой стороны нѣкоторыя данныя Русской Правды и случаи изъ судебной практики XIV в., заставляютъ думать, что не вездѣ безъ конкуренціи съ свѣтскими судами церковь на дѣлѣ осуществляла столь широко очерченный въ приведенныхъ памятникахъ кругъ ея приписанныхъ къ ея вѣдомству дѣлъ, что длинные списки послѣднихъ есть до нѣкоторой степени только pium desiderium духовенства, сознававшаго свою силу во вновь обращенной къ христіанству странѣ. Ссылка княжескихъ уставовъ на Номоканонъ также помогаетъ убѣдиться въ сейчасъ высказанномъ ограниченіи, потому-что по справкѣ оказывается, что и дѣла и вѣдомства составителями уставовъ, а особенно их позднѣйшими духовными редакторами, во многихъ случаяхъ выписывались отвлеченно изъ гражданскихъ греческихъ законовъ безъ соотвѣтствія съ русской дѣйствительностію.[1]

---

1) Въ уставѣ Владимира и за нимъ во Всеволодовой грамотѣ къ вѣдомству церкви наравнѣ съ монастырями причисляются, больницы и страннопріимницы." Т.к-к ни изъ какихъ другихъ древне русс. памятников ничего не извѣстно о подобныхъ учрежденіяхъ при церквахъ, то въ этомъ пунктѣ видятъ чистѣйшее списываніе съ греческихъ порядковъ, отмѣченныхъ въ Ном...нѣ

Кк обстояло дѣло относительно законодательства и практики, опредѣлявшихъ судебныя дѣла русской церкви. Объ установленіи ея имущественныхъ правъ скажемъ нѣсколько ниже, а теперь перейдемъ къ другой категоріи частныхъ законовъ русской церкви, раскрывавшихъ и уяснявшихъ нѣкоторыя обязанности ея членовъ, т. е. законовъ чисто церковнаго происхожденія и авторитета. Частная собственно церковная законодательная дѣятельность русской церкви совсемъ не представляла никакой канонической коллизіи съ ея зависимостію отъ КП. патріарха. Всякая митрополія даже всякая епископія имѣетъ въ извѣстныхъ предѣлахъ право и нужду законодательствовать для благоустроенія церковной жизни внутри себя. Русская церковь не могла поэтому въ домонгольское время не создать для себя своихъ собственныхъ узаконеній тѣмъ болѣе, что это время было ея первоначальнаго устройства. Но благодаря, вѣроятно, устному способу законодательства немногое было записано и еще меньше сохранилось до нашего времени. Характеръ оффиціальныхъ законодательныхъ документовъ имѣютъ только два памятника: „правило церковное вкратцѣ", митр. Іоанна II (+ 1089 г.) и краткое постановленіе Новгородскаго архіепископа Иліи, сдѣланное имъ совмѣстно съ какимъ то Бѣлгородскимъ епископомъ. Первый памятникъ написанъ митр. Іоанномъ въ отвѣтъ на вопросы черноризца Іакова на греческомъ языкѣ, кк показываютъ отрывки греческаго текста „правила", найденные А. С. Павловымъ въ Одессѣ и Венеціи. Наставленія митр. Іоанна касаются вопросовъ вѣры и богослуженія, жизни.

духовенства, дѣлъ семейныхъ и отношеній къ иновѣрцамъ. На содержаніе ихъ намъ придется дѣлать ссылки въ дальнѣйшемъ изложеніи. Въ изданіи пр. Макарія /Ист. II², 369 ff/ „Правило" занимаетъ 7 страницъ и распадается на 35 постановленій. Тонъ постановленій повелительный и за проступки указываются наказанія не только духовныя, но иногда и тѣлесныя. Постановленіе Новгородскаго архіепископа даетъ наставленія для двухъ исключительныхъ случаевъ при совершеніи таинства евхаристіи. /Макар. III² 289/. Къ этой-же категоріи можно пожалуй отнести недавно открытое и изданное Павловымъ /Ж. М. Н. Пр. 1890 г. Октябрь/ поученіе Новгор. еп. Иліи-Іоанна /1165-1186/ произнесенное предъ священниками вѣроятно въ первое воскресенье поста, называвшееся сборнымъ, потому что тогда къ этому дню пріурочивались ежегодные епархіальные съѣзды или сборы приходскихъ священниковъ въ каѳедральный городъ для полученія наставленій и инструкцій отъ епископа. Не краткое наставленіе еп. Иліи касается многихъ пунктовъ пастырской практики и въ одномъ случаѣ угрожаетъ наказаніемъ за неисполненіе предложеннаго правила. Всѣ другія каноническія памятники Кіевскаго періода принадлежатъ къ разряду произведеній частныхъ лицъ хотя нѣкоторыя изъ нихъ имѣли вѣроятно на практикѣ значеніе дѣйствующихъ законовъ. Таково знаменитое „вопрошаніе Кириково", помѣщенное въ Новгород. Кормчей XIII в. „Вопрошаніе" имѣетъ вопросо-отвѣтную форму и распадается на три отдѣла: вопрошаніе Кириково, Савино, Ильино, т. е. принадлежитъ тремъ лицамъ, обращавшимся съ вопросами къ современ-

ному имъ Новгор. еп. Нифонту (1130-1156) и къ нѣкоторымъ другимъ авторитетамъ по части каноники. Практическое употребленіе имѣлъ по всей видимости и т.к. наз. „Уставъ Бѣлечевскій" (для мирянъ), приписанный Голубинскимъ митр. Георгію (ок. 1073 г.), но, к.к. убѣдительно доказано Павловымъ (Пр. Обз. 1881 г. № 2) ему не принадлежащій - объемистый памятникъ, по преимуществу морально-обрядоваго содержанія и въ своей основѣ южно-славянскаго происхожденія. Совершенно частное значеніе имѣло небольшое посланіе преп. Ѳеодосія Печерскаго къ вел. кн. Изяславу Ярославичу о закаланіи животныхъ для пищи въ воскресный день и о постѣ въ среду и пятницу.

Средства содержанія высшей іерархіи. Княжескія узаконенія по церковнымъ уставамъ имѣли еще то важное для русской церкви значеніе, что полагали начало обезпеченію ея іерархіи. На Руси христіанство введено было государственною властію; никакой паствы, добровольно расположенной содержать церковную іерархію на первыхъ порахъ у насъ понятно не было. Поэтому забота о матеріальномъ обезпеченіи духовенства для той-же государственной власти, которая была виновницей крещенія всего народа, являлась актомъ прямой необходимости, помимо всякихъ другихъ возможныхъ соображеній. Но т.к. к.к. самое существенное и самое поучительное въ изученіи историческихъ явленій составляетъ раскрытіе ихъ эволюціи изъ заранѣе даннаго идейнаго или конкретнаго факта и, съ другой стороны, - изъ условій окружающей его среды, то и въ настоящемъ случаѣ опять не приминемъ

привести себѣ на видъ, современные крещенію Рус[и]
порядки греческой церкви относительно обезпече[-]
нія высшей іерархіи, чтобы судить о степени св[о-]
образія начавшихся русскихъ порядковъ и изъ да[н-]
нѣйшей оригинальной, или не оригинальной суд[ь-]
бѣ. Въ древней церкви іерархія содержалась всецѣ[ло]
на добровольныя приношенія христіанскаго об-
щества, но въ промежуткѣ времени отъ Кон-
стантина Великаго и до Юстиніана приблизите[ль-]
но она пользовалась и нѣкоторой долей, вѣроятн[о]
значительной, государственнаго обезпеченія, затѣм[ъ]
была снова предоставлена своимъ собственнымъ
церковнымъ средствамъ. Высшая іерархія так. обр[.]
въ Греціи содержалась отъ слѣдующихъ статей. В[о]
первыхъ, доходами отъ недвижимыхъ имѣній, в[о]
вторыхъ, приходскими доходами отъ всѣхъ ка[-]
ѳедральныхъ церквей, въ третьихъ, платой за тр[е-]
бы, которыя епископы исправляли не только д[ля]
своихъ ближнихъ прихожанъ, но и для прихожан[ъ]
всей ихъ епархіи; въ четвертыхъ, ежегодным[ъ]
сборомъ съ мирянъ всего епархіальнаго округа.
Эта епископская дань, назыв. каноникономъ соб[и-]
ралась епископами деньгами и натурой при
ихъ личныхъ обходахъ своей паствы. Наконецъ
ежегодную также дань платило епископамъ и
приходское духовенство, дань наз. ἐμβατοίκιον-
входное, вступное, въ техническомъ значеніи -
аренда; т.е. епископы поставляя священни[-]
ковъ къ приходамъ, смотрѣли на этотъ актъ
до нѣкоторой степени какъ на отдачу своего имѣ[-]
нія въ аренду. У насъ по указанной причинѣ ос[-]
новной статьей архіерейскаго обезпеченія сразу
же явилась государственная привеллегія на дес[я-]

тину отъ княжескихъ доходовъ. Лѣтопись прямо говоритъ только о дарованіи при св. Владимірѣ десятины Кіевскому Богородицкому храму: практика домонгольскаго періода и прямыя свидѣтельства всѣхъ подлинныхъ и интерполированныхъ документовъ того времени дѣлаютъ несомнѣннымъ, что тѣмъ-же св. Владиміромъ установлена десятина и для всѣхъ епископій. Десятины не было у Грековъ, поэтому мысль готова тотчасъ-же обратиться къ Западу, какъ ея источнику. Нельзя вполнѣ рѣшительно отрицать, чтобы примѣръ Запада не имѣлъ здѣсь никакого значенія, потому что Владиміръ могъ узнать о немъ даже у себя въ Кіевѣ отъ христіанъ Западнаго обряда; но, съ другой стороны, можно объяснить это учрежденіе и нѣсколько иначе, тѣмъ болѣе что наша десятина имѣла весьма важное отличіе отъ западной. Послѣдняя по установленію Карла Великаго, получалась кк съ правительственныхъ доходовъ, тк и съ частныхъ доходовъ всего народонаселенія; у насъ дѣло ограничивалось только доходами княжескими. Учредить такую десятину могли посовѣтовать и греч. епископы, среди которыхъ также держалась мысль, что по примѣру ветхозавѣтной церкви, десятая часть ежегодныхъ доходовъ есть идеальная, богоопредѣленная норма для всякаго вѣрующаго при его жертвахъ на церковь; мысль эта встрѣчается во многихъ учительныхъ русскихъ произведеніяхъ домонгольской эпохи. Опредѣляя десятину цркви пр. Богородицы, Владиміръ по словамъ лѣтописи выразился тк: „даю церкви сей - отъ имѣнія

моего и отъ градъ моихъ десятую часть", т. е. дарованная жертва назначалась, во первыхъ, изъ личныхъ имѣній князя и во вторыхъ изъ его государственныхъ сборовъ, какихъ — точные здѣсь не опредѣляется. Вѣроятно такая-же десятина установлена кн. Владиміромъ и для епископій. Въ 1137 году Новгородскій князь Святополкъ Ольговичъ издалъ граммоту съ спеціальною цѣлію опредѣленія для своего епископа десятины и засвидѣтельствовалъ въ ней, что дѣдами и прадѣдами его назначено епископамъ десятая часть „отъ даній и отъ виръ и продажъ, что входитъ въ княжь дворъ всего", т. е. рѣшительно отъ всѣхъ составныхъ частей княжескихъ доходовъ („дани" — прямые налоги, подати; „виры" — судебные штрафы и пошлины; „продажи" — торговые барыши, потому что торговля существенно характеризующее древне-русскаго князя занятіе). Въ первое время завѣтъ Владиміровъ выполнялся вѣроятно буквально. Но съ теченіемъ времени удѣльные князья, вмѣстѣ съ ослабленіемъ своей зависимости отъ Кіева, сдѣлали попытки измѣненій въ церковной традиціи относительно размѣра епископской десятины, который они постарались ограничить. Такъ напр. Ростиславъ Мстиславичъ очень сильно уменьшилъ десятину для своей Смоленской епископіи; онъ снялъ совершенно со счетовъ и торговые и судебные доходы и даже главный видъ дани — полюдье и выдѣлилъ десятину епископамъ только изъ остальныхъ сортовъ податей; „се даю, пишетъ онъ въ своей граммотѣ 1150г. св. Богородицѣ и епископу десятину отъ всѣхъ даней Смоленскихъ

...что ся въ нихъ сходитъ истыхъ кунъ, кромѣ продажи ...и не кромѣ виры и кромѣ полюдья". О десятинѣ изъ личныхъ владѣній по св. Владимира уже нигдѣ не упоминается. Порядокъ полученія десятины епископами былъ таковъ. Десятина отъ имѣній княжескихъ повидимому тамъ гдѣ она была, возможно доставлялась къ епископу безъ хлопотъ его стороны. Равнымъ образ. и денежная десятина судебная и торговая получались епископомъ одновременно по сведеніи годовыхъ счетовъ на княжемъ дворѣ. Въ Новгородѣ самый размѣръ этой десятины былъ счастливо для епископіи фиксированъ въ 1137 году при кн. Святополкѣ Олеговичѣ. Цифра судебной и торговой десятины конечно была подвержена колебаніямъ и могла иногда чувствительно отзываться на равновѣсіи епископскаго бюджета. Воспользовавшись проступкомъ кн. Святополка противъ каноническихъ условій брака еп. Нифонтъ добился отъ него выгодной для себя компенсаціи. Была написана сохранившаяся до насъ граммота, гдѣ вмѣсто названныхъ частей десятины новгор. епископу назначено было ежегодно получать 100 гривенъ кунъ изъ кассы Онѣйскаго казначея. Третью часть десятины — съ даней или податей поручено было епископамъ собирать самимъ. Для этой цѣли со стороны князей дѣлались соотвѣтствующія вычисленія и выдавались епископамъ окладныя оброчныя росписи, по которымъ тѣ и производили сборъ. Образцы такихъ росписей мы имѣемъ въ названныхъ граммотахъ кн. Ростислава Смоленскаго и Святослава Новгородскаго. Вѣроятно тѣк устроено было дѣло во изъвыманіе

недоразумѣній между князьями и епископами, потому что обычные недоборы податей вынуждали бы первыхъ доплачивать вторымъ причитавшуюся по математическому расчету цифру изъ своего кармана, въ противномъ случаѣ возникало-бы подозрѣніе со стороны епископа въ утайкѣ княземъ слѣдуемой ему суммы. Кк бы то ни было, но такой порядокъ самостоятельнаго сбора епископами десятины на практикѣ уравнялъ нашихъ епископовъ въ формѣ полученія обезпеченія со своихъ прихожанъ съ епископами греческими; у насъ явилось так. обр. подобіе греческой епископской дани съ міряню, которая перешла затѣмъ въ Московскую Русь, уцѣлѣвъ послѣ прекращенія самой десятины. Если-бы данная часть десятины выдавалась епископамъ вмѣстѣ съ другими частями самими князьями, то очень возможно, что она исчезла-бы со временемъ, кк исчезли и тѣ части и тогда перешелъ-бы къ намъ изъ Греціи канониконъ; но послѣдній представлялъ-бы изъ себя уже совершенно новый налогъ на народонаселеніе, между тѣмъ кк десятина, собиравшаяся русскими епископами не являлась новымъ бременемъ для народа, а была только выдѣленной частію прежней привычной княжеской подати.

Другой статьей епископскаго обезпеченія въ параллель Греціи у насъ явились также и недвижимыя имущества. Получались они главнымъ образомъ путемъ пожертвованій со стороны князей, а затѣмъ вѣроятно и путемъ покупокъ кк на церковныя суммы, тк и на личныя, когда епископы были богатыми;

въ послѣднемъ случаѣ, если выполнялись у насъ каноническія правила, ихъ имущества оставались по смерти при каѳедрѣ. Документально извѣстны только случаи перваго рода, т. е. пожертвованія князей, поэтому недвижимыя имущества церкви въ изучаемую эпоху еще нельзя представлять себѣ особенно многочисленными. Князья приписывали къ епископіямъ земли, села и цѣлые города. Такъ Ростиславъ Мстиславичъ въ своей грамотѣ отчисляетъ Смоленской епископіи два села и нѣсколько другихъ земельныхъ угодій. Андрей Боголюбскій далъ своей каѳедральной Успенской церкви „слободы купленныя и съ данями и села лучшая" (1158 г.); послѣднія называются подъ 1176 г. „городами". Никон. лѣт. подъ 1123 г. называетъ митрополичій городъ Синелицъ. Церковное землевладѣніе того времени можно представить въ двоякомъ видѣ; или оно ограничивалось только усадебной формой хозяйства въ видѣ фермерства; при немъ работы исполнялись холопами, или наймитами, или на землю садились арендаторы-крестьяне и тѣмъ полагалось начало церковному владѣнію населенными вотчинами, которое т. к. пышно расцвѣло въ послѣдующій Московскій періодъ. Изъ документовъ несомнѣнно только первое. Вотъ к. к. описываются пожертвованныя Смоленской епископіи имѣнія въ грамотѣ 1150 г.: „село Дросенское со изгои и съ землею, село Ясенское съ бортникомъ и съ землею и съ изгои, земля въ Погоновичахъ Моньшинская, озера Жикомарское съ сѣножатьми — на церковныхъ лугахъ, сѣножати озеро Колодарское, въ Смоленскѣ на горѣ огородъ съ

капустникомъ (т.е. съ огородникомъ) и съ женою и дѣтьми, за рѣкою тетеревникъ (далѣе вѣроятно пропускъ лица) съ женою и съ дѣтьми." Все это условія для усадебнаго хозяйства; изгои не настоящіе насельники, а просто несостоятельные приживальщики. Въ постановленіяхъ Владимирскаго собора 1274 года есть такие указанія на личныя сельско-хозяйственныя занятія епископовъ, именно-жалобы на то, что они сгоняли на эти работы свободныхъ нищихъ живущихъ при церквахъ. Но перечисленныя указанія на церковныя „слободы" и „города, которые слѣдуетъ представлять себѣ тѣми-же селами по роду занятій, какъ будто даютъ основаніе заключать, что они уже были первыми населенными церковными вотчинами.

Приходскіе доходы епископовъ съ каѳедральныхъ церквей предполагаются у насъ сами собой; или епископы должны были по преимуществу дѣлиться съ своими клирошанами. Что же касается платы за требы, употребительныхъ и до сихъ въ епископской практикѣ въ Греціи, гдѣ напр. чуть не всякій считаетъ долгомъ быть погребеннымъ непремѣнно епископомъ, то у насъ они, при условіяхъ быстро создавшагося высокаго положенія епископовъ, едвали не стали просто случайными. О постоянной дани епископовъ, собираемой съ низшаго духовенства, никакихъ свѣдѣній изъ домонгольскаго времени не имѣемъ; однако она существовала у насъ въ ту пору и, можетъ быть, получила начало еще въ изучаемый періодъ. Несомнѣнно-же въ это время утвердились у насъ по преимуществу отъ грековъ ставленическія пошлины, которые

въ Греціи еще со времени имп. Юстиніана были урегулированы закономъ и признавались дѣломъ вполнѣ правильнымъ. Въ постановленіяхъ Владимирскаго собора 1274 г. встрѣчаемся уже съ случаями злоупотребленія этими пошлинами. Такимъ образомъ обезпеченіе русской высшей іерархіи почти по всемъ статьямъ уподобилось греческому.

Приходское духовенство. Въ первоначальной исторіи этого слоя церковной іерархіи у насъ на Руси наблюдается рѣзкій переходъ отъ одной крайности къ другой. Въ то время кк для Владимира св. — создать постоянный контингентъ низшаго приходскаго духовенства составляло весьма не легкую задачу, спустя немного послѣ того является, выражаясь современнымъ терминомъ, чуть-ли не перепроизводство рядового священства. Въ этомъ послѣднемъ, самомъ по себѣ внѣшнемъ, явленіи сказалась однако цѣлая сумма условій, опредѣлявшихъ съ самаго начала судьбу и характеръ духовнаго сословія въ нашемъ отечествѣ: его происхожденіе, предъявляемыя ему практикой требованія и его общественное положеніе.

Кн. Владимиръ, приступая къ устройству русской церкви, могъ располагать не слишкомъ большимъ количествомъ священниковъ, кк мѣстныхъ кіевскихъ, тк и приведенныхъ изъ Корсуня и вѣроятно выписанныхъ изъ Болгаріи. Создать многочисленный классъ кандидатовъ на священство у себя дома — настояла неотложная необходимость. Старѣе историки обыкновенно безхитростно цитировали то мѣсто

лѣтописи, гдѣ она разсказываетъ, что вскорѣ послѣ возращенія изъ Корсуня кн. Владиміръ „пославъ нача поимати у нарочитыя чади дѣти и даяти нача на ученье книжное", отсюда заключали, что дѣти набирались съ спеціальною цѣлью приготовленія къ священству. Не обращалось при этомъ вниманія на ту несообразность, что нужда въ священникахъ была безотлагательна, а здѣсь обучались дѣти, до возмужанія которыхъ приходилось бы очень долго ждать. Кромѣ того дѣти бояръ нужны были больше для княжеской службы и имъ совсѣмъ не улыбалась-бы перспектива приходскаго духовенства. Въ пониманіи даннаго мѣста необходимо согласиться съ остроумнымъ и глубокимъ комментаріемъ къ нему Голубинскаго, который видитъ здѣсь указаніе на попытку кн. Владиміра- ввести среди дѣтей, нарочитой чади, т.е. бояръ, а чрезъ нихъ и во всемъ боярскомъ сословіи, настоящее просвѣщеніе, ту высокую образованность которою украшалась Византія. Так. обр. положительныхъ свѣдѣній о мѣрахъ, принятыхъ Владиміромъ, для обезпеченія вновь устроенной церкви достаточнаго количества священнослужителей не сохранилось. Необходимо думать, что ѣк при набираніи боярскихъ дѣтей въ науку приходилось употреблять насиліе, т.к. и первые наборы кандидатовъ на священство имѣли характеръ государственной повинности, съ ея неизбѣжной принудительностію. Будущіе клирики приводились къ архіереямъ и здѣсь проходили наскоро не хитрую науку грамматы, или только изученнаго способа совершенія богослуженія. Новгородскій лѣтописецъ сообщая о смерти перваго мѣстнаго

епископа Іоакима, прибавляетъ къ этому: „и бяше ученикъ его Ефремъ, иже ны учаше“. Эти слова вѣроятно означаютъ то, что самъ лѣтописецъ былъ изъ числа кандидатовъ на священство, обучавшихся во время первыхъ наборовъ при новгородской архіерейской каѳедрѣ. Послѣ такихъ экстренныхъ мѣръ не замѣдлили приступить и къ систематической школьной подготовкѣ будущихъ клириковъ. Въ 1030 году, сообщаетъ лѣтописецъ, „приде Ярославъ къ Новгороду и собра отъ старостъ и поповыхъ дѣтей 300 учити книгамъ“, т. е. дѣти были набраны чрезъ старостъ изъ низшаго сословія и у лицъ, уже состоявшихъ въ клирѣ. Но вскорѣ княжескому правительству можно было оставить особыя заботы о подыскаціи людей, пригодныхъ для духовной службы, потому что они стали являться сами собою въ большомъ изобиліи. Какъ только было сознано, что христіанство безповоротно утвердилось на Руси и сдѣлалось conditio sine qua non положенія въ обществѣ и государствѣ, а однимъ изъ такихъ положеній явились многочисленныя вакансіи приходскихъ клириковъ, то тотчасъ-же явилось и соответственное спросу предложеніе. Извѣстную долю кандидатовъ на священство поставляло прежде всего само существующее приходское духовенство изъ числа своихъ дѣтей. Наслѣдованіе профессіи родителей ихъ дѣтьми составляетъ такой естественный и общераспространенный фактъ, что ему вся стать была имѣть мѣсто и въ данномъ случаѣ. Усвоить богослужебную практику и грамоту, искуства по тогдашнему очень не легкія, удобнѣе всего было дѣтямъ духо-

венства, и на нихъ сталъ устанавливаться взглядъ, к̃к на естественныхъ преемниковъ служенія своихъ отцовъ. Уже Ярославъ беретъ въ обученіе „отъ поповскихъ дѣтей", а грамота Всеволода Мстиславича Новгородскаго [ок. 1135 г.] считаетъ сыновей священниковъ, не умѣющихъ грамоты, за людей окончательно выбившихся изъ колеи, потерявшихъ свое нормальное общественное положеніе, именно причисляетъ ихъ къ изгоямъ. Так. обр. начало словесности нашего духовенства коренится уже въ самомъ корнѣ русской церков. истории, а не есть явленія совершенно новое. Не одними только дѣтьми наличнаго духовенства первыхъ генераций еще не могла быть удовлетворена быстро возроставшая потребность на очень большое количество священно-церковно служителей. Не завидное матеріально-нравственное положеніе приходскаго духовенства [о чемъ ниже] не могло привлекать сюда высшіе и обезпеченные классы, наоборотъ представляло лучшую карьеру для низшаго духовенства и бѣднѣйшаго класса народонаселенія. Поэтому приливъ слоя народа въ среду клира сталъ обычнымъ на Руси съ самаго же начала церковной жизни и нѣсколько позднѣе былъ закрѣпленъ даже правительственными законами, которые старались удерживать отъ поступленія въ священство, не говоря уже о служилыхъ людяхъ вообще, даже тяглыхъ крестьянъ к̃к лицъ цѣннымъ для государства и охотно предоставляли избирать служеніе церкви тогдашнему пролетаріату: изгоямъ и бобылямъ[1]. Что са-

[1] Грамота велик. кн. Василія Димитріевича и митрополита Кипріана: „а слугъ моихъ князя великаго

-ный вопросъ на священниковъ въ домонгольскую пору -нимъ чрезвычайно большой, это объясняется нѣсколь-кими условіями. тогда не существовало еще никакой нормы, ограничивающей количество членовъ кли-ра при каждой приходской церкви. Для прихожанъ было выгодные имѣть по больше священниковъ, что-бы пользоваться при наличности конкуренціи более дешевыми требами, а для епископовъ, съ другой стороны, наибольшее количество поставлений, равносильно было наибольшему количеству -ставленныхъ доходовъ. Обѣ стороны, так. образомъ -ходились въ томъ, чтобы размножать рядовое -вященство. Немалочисленный классъ бѣдныхъ людей въ свою очередь стремился сюда въ надеждѣ на скудное, но все-же нѣкоторое обезпеченіе. Изобиліе появившихся указаннымъ путемъ священниковъ мы замѣчаемъ уже въ лѣтописной записи подъ 1151 год. гдѣ сообщается, что Ярославъ со -бщалъ держалъ у себя въ селъ Берестовъ „попы многи", потому что „попы любяше по велику," подъ 1159 г. встрѣчаемся и съ случаемъ злоупотребленія епископами умноженіемъ священническихъ поставлений къ доходного статьей. Въ этомъ году Ростовцы прогнали отъ себя еп. Льва „зане умножилъ бяше церкви, грабяй попы", т. е. за то, что онъ сверхъ всякой нужды искусственно открывалъ священническія вакансіи и замѣщалъ ихъ за высокія пошлины. Было еще одно обстоятельство, которое весьма способствовало увеличенію рядовъ низшаго духовенства, это перенятый отъ грековъ обычай всѣхъ людей знатныхъ, или только стремившихся быть таковыми, имѣть у себя собственные домовые церкви

при дешевизнѣ деревяннаго матеріала и самой незатѣйливой простотѣ устроенія, таких церквей, причемъ онѣ стоили не дороже всякой другой дворовой постройки, у насъ нашли широкое примѣненіе. Поэтому поэтому невѣроятныя на первый разъ цифры, обычно возбуждающія историческій скепсисъ семинариста 5 класса, что ко времени смерти св. Владиміра, по свидѣтельству Титмара Мерзебургскаго, въ Кіевѣ было 400 церквей, что, по Никановской лѣтописи, въ пожарѣ 1017 года, ихъ там сгорѣло до 700 и по Лаврентіевской, въ 1124 году — около 600, могутъ быть пріемлемы и объяснимы на счетъ церквей домовыхъ, находившихся на каждомъ барскомъ дворѣ: „Такъ се содержать домоваго священника", по выраженію Голубинскаго, столько-же ничего не стоило, сколько содержать одного лишняго лакея, и единственный дѣйствительный расходъ на него составляла одновременная плата за посвященіе, то необходимо думать, что вообще домовыхъ священниковъ, или капеллановъ имѣли, если не положительно всѣ тѣ, то по крайней мѣрѣ наибольшая часть всѣхъ тѣхъ, которыхъ въ позднѣйшее время стали называть общимъ именемъ дворянства, и слѣдовательно необходимо представлять дѣло такъ, что въ Кіевѣ и потомъ во Владимирѣ - средоточіяхъ этого послѣдняго были цѣлыя тысячи домовыхъ священниковъ, что они были переполнены и такъ сказать кишели ими" /I, 1, 401/ Такъ было это впослѣдствіи и въ Москвѣ. Дошло дѣло до того, что русскіе бояре находили болѣе удобнымъ обзаводиться не свободными, легко подвижными, священниками, а посвящать

своихъ собственныхъ холоповъ и рабовъ, не освобождая ихъ отъ крѣпостной зависимости. Это побудило КПл. патріарха Германа написать въ 1228 г. Кіевскому митрополиту Кириллу 2-му увѣщательное посланіе, въ которомъ онъ пишетъ слѣдующее: „дошло до слуха моего смиренія, что нѣкоторые въ Русской странѣ пріобрѣтаютъ куплей рабовъ, даже и плѣнниковъ, а потомъ отдаютъ ихъ учиться священной грамотѣ и возводятъ ихъ по чину къ священнодостоянію, приводя ихъ къ епископамъ, но не освобождая ихъ напередъ отъ рабства, тѣмъ что и послѣ священнаго поставленія іереи безчествуются рабьимъ именемъ.

Всѣ указанныя условія размноженія низшаго духовенства, стоявшія въ связи съ его собственнымъ происхожденіемъ, сильно сбивали цѣну древне-русскому священнику, какъ члену общества, дѣлали его совсѣмъ не крупной персоной![1] Эта цѣна невысока была еще и потому, что ко всѣмъ многочисленнымъ кандидатамъ на священство по необходимости приходилось предъявлять самыя скромныя требованія—относительно образованія: приходилось довольствоваться умѣньемъ совершать богослуженіе, безразлично—путемъ ли грамоты, или даже наизусть. Правительственное обученіе при архіерейскихъ каѳедрахъ, вѣроятно прекратилось тотчасъ-же, какъ исчезла первая необходимость насильственныхъ наборовъ въ церковный клиръ, и науку священства желающіе достичь его начали проходить кто гдѣ и кто какъ могъ. Наравнѣ съ немногими начитанными и образован

ными священниками крупныхъ городовъ (Кіева, Смоленска, Новгорода), которые и во всѣхъ другихъ отношеніяхъ составляли исключеніе, большинство приходскаго священства, судя по его подбору, сило можетъ быть представлено столь-же полуграмотнымъ, какъ и въ XV вѣкѣ при Генадіѣ Новгородскомъ, и отчасти даже совсѣмъ безъграмотнымъ. Какъ извѣстно еще въ XVIII и даже въ I/4 XIX стол., встрѣчались у насъ священники безграмотные, служившіе хотя не безъ изъяновъ, всѣ службы наизусть, тѣмъ болѣе это нужно предполагать о домонгольскомъ времени, когда книжныя средства представляли величайшую рѣдкость. Если припомнить народныхъ пѣвцовъ, хранящихъ въ своей памяти цѣлыя тысячи эпическихъ стиховъ, - ближайшимъ обр. нашихъ Олонецкихъ сказателей, или нѣкоторые случаи изъ области личныхъ наблюденій, когда какой нибудь старичекъ-слѣпецъ безошибочно читаетъ шестопсалміе и часы не говоря уже о другихъ мелкихъ чтомыхъ частицахъ богослуженія, то указанное явленіе не представляетъ собою ничего необыкновеннаго. Остается послѣ этого подивиться только тому, насколько стихійному человѣку казался противнымъ и тотъ великій умственный трудъ, какой требовался для постиженія искусства чтенія, такъ что ему предпочиталось медленное, путемъ долголѣтней практики, механическое затверживаніе наизусть со слуха всѣхъ церковныхъ чинопослѣдованій.

При большомъ спросѣ на кандидатовъ

въ священническія должности въ изучаемое время; тогда какъ общество еще не въ состояніи было еще дать ихъ въ такомъ изобиліи, чтобы вмѣстѣ съ тѣмъ они удовлетворяли и всѣмъ мелкимъ каноническимъ требованіямъ, условія поэтому послѣдняго рода были нѣсколько шире обыкновенныхъ. Во первыхъ, въ согласіи правда съ греческимъ обычаемъ, бывали случаи и поставленія холостыхъ священниковъ, потому что въ уставѣ Былическомъ повторяется правило перваго Неок. собора „попъ аще женится, престaвити отъ чину"[1]. Во вторыхъ, допускалось и прямое послабленіе относительно брачныхъ условій поставляемаго. Простонародье того времени часто избѣгало брачнаго, по его воззрѣнію, обычая вѣнчаться въ церкви; отсюда иногихъ ставленниковъ приходилось вѣнчать предъ посвященіемъ. Составленное на этотъ счетъ правило того-же „устава" слѣдующее: „аще кто не вѣнчался будетъ, недостоинъ поповства, да вѣнчався съ женою будетъ попомъ, достоинъ-бо ся вѣнчати, аще и дѣти будуть."

Кромѣ этого по завѣдённому обычаю въ Греціи и у насъ къ приходскимъ церквамъ поставлялись іеромонахи. Въ Греціи очень рано утвердился странный взглядъ, что не всякій священникъ можетъ быть духовникомъ-исповѣдникомъ, а только получившій на это специальное полномочіе отъ епископа. Пользуясь этимъ монахи въ теченіемъ времени постарались забрать въ свои руки исповѣдную монополію и въ тѣмъ мѣ-

---

1) Хотя кажется, здѣсь можно разумѣть и вторичную женитьбу послѣ вдовства.

гдѣ не было монастырей, для облегченія міряналь постояннаго доступа къ исповѣди ставились на приходы. Этотъ взглядъ и этотъ порядокъ возъимѣлъ въ извѣстной степени распространеніе и у насъ на Руси. У грековъ приходскіе монахи назывались игуменами, и наша лѣтопись сообщаетъ подъ 1175г. о какомъ-то игуменѣ Владимирской церкви св. Богородицы - Ѳеодулѣ, подъ 1178г. объ игуменѣ Кіевской св. Богородицы - Ефремѣ, очевидно духовникахъ этихъ церквей и въ своихъ неоднократныхъ выраженіяхъ „вси игумени и попове" вѣроятно разумѣетъ тѣхъ-же приходскихъ іеромонаховъ.

Съ обезпеченіемъ приходскаго духовенства вначалѣ повторилась та-же исторія, что и съ обезпеченіемъ высшей іерархіи. Первое поколѣніе низшаго духовенства послѣ крещенія кіевлянъ еще не имѣло предъ собой паствы, расположенной содержать его, и забота о посильнемъ естественнымъ образомъ стала обязанностію самого князя-крестителя. Лѣтопись молчитъ о томъ, какъ поступилъ въ этомъ случаѣ Владимиръ, но проговаривается о Ярославѣ (подъ 1037г.) что усердно занимаясь по своему государству устроеніемъ новыхъ церквей, онъ давалъ имъ „отъ имѣнія своего урокъ," т.е. княжеское казенное содержаніе или ругу; размѣръ его извѣстенъ только относительно церкви Бориса и Глѣба въ Вышгородѣ, которая, разумѣется, была на исключительномъ положеніи. По свидѣтельству Нестора, Ярославъ „повелѣ властелину града того даяти отъ даяній церкви святою десятую часть". Эту десятую

часть городскихъ податей слѣдовало очевидно вычислить изъ 9/10 всей ихъ суммы, которая оставалась за вычетомъ 1/10 въ пользу митрополита. Изъ этого примѣра можно выводить предположеніе, что и вообще княжеское обезпеченіе новоустроеннымъ приходамъ юной русской церкви было въ опредѣленной мѣрѣ выдаваемо изъ городскихъ окружныхъ казначействъ. Всѣ послѣдующія быстро размножившіеся по добровольному почину обществъ, церкви и ихъ причты переходили вмѣстѣ съ тѣмъ на попеченіе этихъ обществъ и духовенство ихъ устанавливало свои матеріальныя отношенія къ паствѣ по точному образу греческихъ преданій. Вѣроятно и многіе изъ первенствующихъ, т.к. сказать приходовъ, обезпеченныхъ на первыхъ порахъ по необходимости княжеской казною, съ наступленіемъ въ нихъ нормальныхъ, взаимно-обязательныхъ отношеній между пастырями и паствой, т.к. же перешли на домашній способъ обезпеченія своего духовенства.

Изъ приходовъ вновь открываемыхъ были счастливыя исключенія, когда удѣльные князья не по необходимости, а по добровольному расположенію усиливали содержаніе ихъ причтовъ особыми средствами. Напр. мы видимъ въ грамотѣ того-же Новгородскаго князя Всеволода Мстиславича, который переиздалъ для св. Софіи новгородской Уставъ Владиміровъ, въ грамотѣ данной имъ церкви Іоанна Предтечи на Петрятинымъ дворищѣ, что на Опокахъ около 1134-1135 г. Этою грамотою при Предтеченской церкви утверждалось автономная купечес-

кая ассоціація, независимо отъ посадника и бояръ, которымъ повелѣвалось не вмѣшиватьс „ни во что Ивановское." Въ обладаніе этой купеческой компаніи отводилось опредѣленное пр странство земли вокругъ церкви, которое пре назначалось на откупъ приходящимъ изъ други русскихъ областей гостямъ для производств торга. Въ притворѣ ивановской церкви устра вались вѣсы, на которыхъ опредѣлялось количество всѣхъ привозимыхъ сюда товаровъ. Какъ плата за право торговли по ивановской землѣ, такъ и вѣсчія пошлины поступали въ ком панейскую казну при данной церкви. Изъ этой то казны и назначался опредѣленный денежны оброкъ всему ивановскому причту. Изъ этих же вѣсчихъ пошлинъ назначалось содержаніе ц церкви спаса въ г. Торжкѣ, также почему-то покровительствуемой княземъ. Подлинность приведенной грамоты Голубинскій совершенн отвергаетъ на томъ основаніи, что князь Все володъ здѣсь титулуется „великимъ княземъ" „самодержцемъ", „владычествующимъ всею Рус скою землею," а юрьевскій игуменъ – „архимандритомъ." Но все это позднѣйшія несообразныя поправки – не больше; напротивъ грамота въ цѣломъ и деталяхъ такъ послѣдовательна и передаетъ о такомъ единственномъ въ своемъ родѣ учрежденіи, что самая эта единичность, а не шаблонность, говоритъ противъ подозрѣній здѣсь фальсификацій. Нѣкоторыя косвенны соображенія, съ другой стороны, помогаютъ убѣдиться въ томъ, что эта грамота, учреждающая ивановское купечество, скорѣе всего

могла принадлежать именно кн. Всеволоду (Гавріилу) Мстиславичу. Кк позднѣйшія западно-русскія братства слагались подъ вліяніемъ западнаго магдебурскаго права и цеховыхъ учрежденій, тк и въ Ивановской ассоціаціи новгородскихъ купцовъ можно находить подражаніе извѣстнымъ имъ балтійско-нѣмецкимъ гильдамъ, которые также группировались около храмовъ и имѣли своими почетными председателями герцоговъ и князей. Самъ кн. Всеволодъ поставленъ былъ судьбою въ весьма близкія отношенія къ одному изъ такихъ учрежденій. Его родная сестра Ингибіорга была замужемъ за герцогомъ Шлезвигскимъ Канутомъ Лавардомъ, который былъ президентомъ Шлезвигской гильдіи св. Канута. Всеволодъ не только могъ быть знакомъ издали съ своимъ зятемъ и покровительствуемымъ имъ учрежденіемъ, но по обычаю времени, кк старшій братъ Ингибіорги провожалъ её къ жениху въ самую Данію, и ознакомившись на мѣстѣ съ гильдіей св. Канута, по ея примѣру учредилъ такую-же ассоціацію въ своемъ торговомъ Новгородѣ подъ патронатомъ Іоанна Предтечи, храмъ которому онъ соорудилъ на собственныя средства.

Обычное обезпеченіе приходскаго духовенства слагалось изъ слѣдующихъ статей: 1) изъ добровольныхъ приношеній прихожанъ, 2) изъ сборовъ съ нихъ самого духовенства, 3) изъ платы за требы и 4) изъ доходовъ отъ недвижимыхъ имуществъ.

Добровольныя приношенія вѣрующихъ, служившія въ первобытной церкви единственнымъ и вполнѣ достаточнымъ содержаніемъ

іерархіи, постепенно уменьшаясь, сохраняли однакоже въ нѣкоторой мѣрѣ свое реальное значеніе въ Греціи даже въ XVIII в. Есть нѣкоторыя данныя основанія полагать, что и у насъ въ домонгольское время практиковались добровольныя приношенія нѣкоторыхъ сортовъ пищи и овощей въ родѣ праздничныхъ подарковъ церковному причту. Въ Греціи по древнему обычаю такія приношенія приносились въ корзинахъ на вечерни предъ праздниками. Названіе корзина перешло и на самый даръ, въ ней приносимый. Поэтому Кирикъ Новгородскій наз. предпразд. приношенія прямо канунами, сообщая, что въ его время у насъ кануны приносились на вечерни, а у грековъ на заутрени. Вотъ на какомъ фактическомъ основаніи привилось у насъ названіе канунъ, для обозначенія дней предшествовавшихъ праздникамъ.

Вторая статья доходовъ приходскаго клирика въ своемъ историческомъ развитіи представляетъ прямой контрастъ первой и усиливалась пропорціонально ея уменьшенію. Разъ ослабѣвало добровольное приношеніе прихожанъ, пастырю приходилось принимать на себя печальную иниціативу „сбора" съ нерадивой паствы. По нѣкоторымъ извѣстіямъ литургическихъ памятниковъ и въ домонгольское время подобно времени настоящему, сборъ производился три раза въ годъ въ Пасху, Рождество и Петровъ постъ.

О размѣрахъ платъ за требы, кромѣ одного не имѣющаго общаго значенія случая, мы ничего въ изучаемый періодъ не знаемъ.

Недвижимыя имущества какими обладали епископскія каѳедры составляли вѣроятно при-

вилленію не многихъ исключительныхъ церквей въ родѣ Кіевской Десятинной, которой принадлежалъ городъ Полонный; причты всѣхъ остальныхъ церквей только въ томъ смыслѣ получали доходъ отъ недвижимыхъ имуществъ, что, т.к. крестьяне зачастую по происхожденію, могли воздѣлывать и свою собственную землю или старались на тѣхъ или иныхъ условіяхъ выговорить для собственной обработки участки земли отъ приходскихъ общинъ.

Так. обр. по примѣру всего православнаго востока наше приходское духовенство съ самаго начала получило невѣрное и скудное обезпеченіе, въ контрастъ съ западомъ, гдѣ оно наравнѣ съ высшей іерархіей получало опредѣленную гражданской властью десятину со всего населенія.

Къ рѣчи о приходскомъ духовенствѣ слѣдуетъ еще присоединить замѣтку объ оригинальномъ русскомъ приращеніи состава церковнаго причта посредствомъ новаго члена - именно просвирень. Въ Греціи и досель просфоры пекутъ всѣ желающіе по домамъ, или покупаютъ у обыкновенныхъ булочниковъ; разнощики булочники наравнѣ съ другими сортами своего производства предлагаютъ также во всеуслышаніе и καλὰ προσφοράκια (хорошія просфоры!) Въ ½ XII в. при Кирикѣ Новгородскомъ у насъ еще не было специальныхъ просфоропековъ при церквахъ; просфоры покупались на рынкахъ (въ городахъ) и еженедѣльныхъ праздничныхъ торгах (по селамъ). А т.к. въ ту пору по селеніямъ былъ странный обычай печь хлѣбы чуть-ли не разъ только въ недѣлю, то отсюда и проистекали непонятныя для насъ затрудненія тогдашнихъ священно-служителей, у которыхъ то недоставало просфоръ для литургіи, то были они крайне застарѣлыя. Преп. Феодосій Печ. потому и возгорѣлся въ юности желаніемъ печь просфоры, что за недостаткомъ ихъ въ Курскѣ рѣдко пѣлись литургіи. Кирикъ спрашиваетъ: „единого просфорою достоитъ-ли служити?" от-

вѣтъ: „аще будетъ далече, яко въ селѣ, а негдѣ будетъ взяти другое просфоры, то достоитъ; аще будетъ близъ торгъ, гдѣ купити, то не достоитъ." Уставъ Бѣлеческій даетъ наставленіе: „проскуры аще изъѣдетъ в дній не пѣти ею, а вопрошаніе гораздо снисходительнѣе: „просфорого, рече, достоитъ просфоримисати за двѣ недѣли."

Не легко изобрѣтаются человѣчествомъ новыя идеи. Тк и изъ всѣхъ указанныхъ затрудненій русскіе догадалися выйти спустя не одно столѣтіе отъ начала своей ея церкви, именно когда то въ промежутокъ времени отъ II ½ XII вѣка до II ½ XIII, потому что во Владимировомъ уставѣ, находящемся въ пергаментской Новгородской Кормчей XIII вѣка значится уже проскурница. Вѣроятно эту роль приняли на себя женщины уже ранѣе причастныя къ служенію церкви. У насъ тк и у грековъ женщины становившись въ церкви отдѣльно отъ мущинъ — въ задней части храма на возвышеніи, или на хорахъ (полатях). У грековъ этими отдѣленіями — гинеконами завѣдывали діакониссы. Вѣроятно была эта должность по мѣстамъ и у насъ и затѣмъ послужила основаніемъ къ національному нашему изобрѣтенію, такъ гармонирующему съ духомъ русскаго благоговѣйнаго отношенія ко всѣмъ предметамъ внѣшняго богопочтенія.

Въ главѣ о церковномъ управленіи надлежитъ сказать еще о взаимоотношеніи властей-церковной и государственной. - Христіанская церковь принесла на Русь новую жизнь: о религіозномъ учрежденіи совершенно отдѣльномъ отъ государства, между тѣмъ какъ до этого здѣсь царило патріархальное сознаніе нераздѣльности всего національнаго и религіознаго или смѣшеніе религіи съ политикой, при чемъ родоначальники и князья считались въ то же время представителями народа предъ богами. - Уже по одному только этому слѣдовало ожидать на русской почвѣ въ той или иной мѣрѣ взаимопроникновенія властей - церковной и гражданской, какъ рефлекса старыхъ языческихъ понятій. - Но для такого взаимопроникновенія или прямо смѣшенія двухъ сферъ существовали и другія болѣе близкія и конкретныя основанія. - Сюда относится - слабое развитіе на Руси государственныхъ понятій, при чемъ гражданская власть не сознавала ясно границъ своей компетенціи и поступалась въ пользу церкви нѣкоторыми своими правами, руководясь лишь экономическими соображеніями; частнѣе - въ данномъ случаѣ играла роль смѣшеніе частнаго права съ общественнымъ, дозволявшее гражданскому правительству передавать въ руки церкви нѣкоторыя отрасли своей дѣятельности на тѣхъ же основаніяхъ, какъ оно дарило ей предметы частной собственности: земли, села, озера. - Будь русская церковь преемницей западно-церковныхъ традицій, она могла бы въ такомъ государствѣ захватить въ свое обладаніе весьма

много политическихъ правъ; но этого не случилось, потому что ей чужда была подобная тенденція, хотя въ греческой имперіи епископы, помимо участія въ свѣтскомъ судѣ, привыкли еще къ очень важной гражданской привиллегіи - быть въ подвѣдомыхъ имъ округахъ какъ бы высшими, поставленными отъ императора, контролерами надъ всѣми дѣйствіями мѣстной администраціи и суда, уполномоченными противодѣйствовать всякимъ несправедливостямъ и обидамъ. Русская дѣйствительность не представила благопріятныхъ условій для примѣненія этой привиллегіи, потому что у насъ вездѣ, гдѣ былъ епископъ, тамъ былъ и самъ князь, чѣмъ указанная наблюдательная роль епископа упразднялась сама собою. По обстоятельствамъ времени русская церковная іерархія пріобрѣла обычное право участія и громадный вѣсъ во внутренней политикѣ русскаго государства. - Домонгольскій періодъ въ политическомъ отношеніи былъ періодомъ удѣльной жизни, съ ея непрерывными междоусобными войнами, правонарушеніями и вѣроломствомъ. Русская іерархія, стяжавшая въ народѣ авторитетъ высшей нравственной силы не могла остаться совершенно въ сторонѣ отъ перипетій бурной политической жизни. Именно какъ сила, духовенство прежде всего обращало на себя вниманіе самихъ борющихся - заинтересованныхъ сторонъ. - Среди быстрыхъ смѣнъ князей на великомъ княженіи, или на какомъ-либо изъ столовъ удѣльныхъ, тотъ князь чувствовалъ себя въ болѣе твердомъ положеніи, права котораго брали подъ свою защиту предстоятели

церкви, и наоборотъ.- Поэтому князья-политики всячески старались ладить съ мѣстнымъ духовенствомъ, особенно если дѣло ихъ, какъ въ большинствѣ случаевъ, было нечисто.- Такъ, напр., въ 1073 г. Святославъ Ярославичъ Черниговскій выгналъ изъ Кіева своего несчастнаго брата Изяслава и сѣлъ на великокняжескомъ столѣ.- Хотя съ политической точки зрѣнія этотъ поступокъ былъ вполнѣ естественнымъ, но съ христіанской - это было преступленіе.- Поэтому, несмотря на извѣстное расположеніе Святослава къ духовенству, онъ могъ всегда опасаться, что изъ среды послѣдняго раздастся обличительный голосъ обличенія его нехристіанскому поступку.- Въ предупрежденіе подобной непріятности предусмотрительный князь тотчасъ же по занятіи ~~Казани~~ Кіева принялся за дѣла благочестія. Онъ является на торжество закладки великой печерской церкви, самъ полагаетъ начало копанію рва, оставляетъ богатый денежный даръ и затѣмъ жертвуетъ печерскому монастырю свое собственное село.- Такая политика безусловно покорила ему сердца всей монастырской братіи.- Но неподкупный игуменъ Θеодосій, не взирая ни на что, одинъ выступилъ обличителемъ князя; и устно и письменно Θеодосій укорялъ его за нарушеніе братолюбія и справедливости въ отношеніи къ Изяславу, считая послѣдняго законнымъ великимъ княземъ, игуменъ запретилъ поминать въ своей церкви Святослава.- Конфликтъ обострился до послѣдней степени.- Ждали гоненія на преп. Θеодосія, и самъ онъ готовился къ ссылкѣ. Но не смотря на такой, по нынѣшнем-

понятіямъ, — явный политическій бунтъ печерскаго игумена, Святославъ счелъ благоразумнымъ ограничиться одной угрозой ссылки, на дѣлѣ-же достигъ нужныхъ ему результатовъ политикой уступокъ: смиренно принималъ Өеодосія съ великой честью, объяснялся съ нимъ, слагая всю вину на брата и тѣмъ успокоилъ строптиваго печерскаго подвижника. — Өеодосій рѣшилъ, наконецъ, по настоянію братіи, поминать Святослава въ церкви, хотя и послѣ имени Изяслава, но при свиданіяхъ съ великимъ княземъ не переставалъ уговаривать его примириться съ братомъ.

Втянутая, такимъ образомъ, въ круговоротъ внутренней политики, русская іерархія имѣла избрать два пути дѣятельности: путь партійныхъ пристрастій и соединенныхъ съ ними дипломатическихъ интригъ, или — пути возвышеннаго, истинно-христіанскаго нейтралитета. — Лѣтописи въ предѣлахъ изучаемаго періода сохранили намъ только два случая недостойнаго поведенія іерарховъ относительно политики. Не безъ удовольствія для нашего національнаго самосознанія слѣдуетъ при этомъ замѣтить, что изъ двухъ данныхъ случаевъ лишь въ одномъ епископъ является несомнѣннымъ интриганомъ и въ тоже время оказывается грекомъ: — Въ 1165 г. умеръ Черниговскій князь Святославъ Олеговичъ. — По принятому порядку ему долженъ былъ наслѣдовать старшій сынъ его старшаго брата. — Таковымъ былъ новгородскій князь Святославъ Всеволодовичъ. — Но всѣ партіи сошлись въ нежеланіи имѣть его у себя княземъ, а призвать сына умершаго князя, Олега Святосла-

...вича, сидѣвшаго въ Курскѣ.- Къ нему и было
...тправлено пригласительное посольство отъ
...лица вдовой княгини, бояръ и епископа. А такъ
...какъ по обычаю того мятежнаго времени изъ пре-
...тендентовъ тотъ могъ захватить княжескій столъ,
...кто скорѣе на него придетъ, то въ интересахъ
...адуманнаго плана было - сохранить до времени
...актъ смерти черниговскаго князя въ секретѣ
...тъ Святослава Всеволодовича новгородскаго. На
...этомъ предметѣ и дана была весьма избирате-
...льными партіями клятва и въ первую голову-
...самимъ епископомъ Антоніемъ.- Но, вѣроятно,
...пископъ могъ большаго ожидать отъ забрако-
...ваннаго претендента.- Какъ бы то ни было, онъ
...опреки крестному цѣлованію, завелъ тайныя сно-
...шенія съ Святославомъ Всеволодовичемъ Новгород-
...кимъ и приглашалъ его спѣшить въ Черниговъ.- Лѣ-
...тописецъ описываетъ этотъ случай довольно
...аркастически: „и цѣловаша святаго Спаса на-
...томъ, яко не послатися къ Всеволодичу Новгоро-
...ду; первое цѣлова пискупъ Антонъ св. Спаса, и
...потомъ дружина цѣловаша.- И рече Гюрги ты-
...сячкый: « намъ было не лѣпо дати пискупу цѣ-
...ловати св. Спаса, занеже святитель есть, а намъ
...я онь не блазнити, занеже князи свои мо-
...мъ» И рече пискупъ: « того дѣля извѣщаюся
...редъ вами, да Богъ ми будетъ и Того Рож-
...шая, яко не послати ми къ Всеволодичу ни-
...кимъ же образомъ, ни извѣта положити; паче
...же, сынове, вамъ молвлю, да не погыбнете ду-
...шею и будете предатели, яко Иуда.» Се же мол-
...вяше имъ, лесть тая въ собѣ: бяше бо родомъ
...речинъ." Дальнѣйшая исторія всего происшествія

та, что Олегъ Курскій явился въ Черниговъ раньше Святослава, но Святославъ въ концѣ концовъ добился отъ него путемъ переговоровъ уступки Черниговскаго стола. Хотя позднѣе такой оборотъ дѣла породилъ новую смуту, но все-таки коварная политика Антонія достигла своей цѣли, и онъ имѣлъ удовольствіе сойтись въ Черниговѣ съ княземъ, до нѣкоторой степени обязаннымъ ему своимъ положеніемъ.— Въ другомъ случаѣ, какой-то подозрительный дипломатическій маневръ епископа остается не совсѣмъ яснымъ.- Дѣло было въ 1187 г.- Рязанскіе князья (Глѣбовичи), притиснутые сильнымъ сосѣдомъ Всеволодомъ III Суздальскимъ, для заключенія мира обратились къ черниговскимъ князьямъ и духовенству, тѣмъ болѣе-что ихъ земля входила въ составъ Черниговской епархіи. Изъ Чернигова рязанскіе послы вмѣстѣ съ еп. Порфиріемъ (неизвѣстнымъ по національности) пришли во Владиміръ. Всеволодъ склонился къ миру и отправилъ своихъ бояръ вмѣстѣ съ черниговскими послами въ Рязань для окончательныхъ переговоровъ, но тамъ еп. Порфирій вступилъ съ рязанскими князьями въ какіе-то переговоры тайно отъ другихъ пословъ и затѣмъ, спасаясь гнѣва Суздальскаго князя, поспѣшно уѣхалъ къ себѣ въ Черниговъ; онъ поступилъ въ этомъ случаѣ, по словамъ лѣтописи „не яко святительскы, но яко перевѣтникъ и ложь."- Однако, поступокъ Порфирія вѣроятно не такъ тёменъ, какъ представленъ его сѣверный лѣтописецъ, пристрастный къ своему князю.- „Мирныя условія, предложенныя Всеволодомъ рязанскимъ князьямъ должно быть были не-

легкія, и естественно, что епископъ агитировалъ противъ этихъ условій, такъ какъ интересы рязанскихъ князей были связаны съ интересами его епархіи...

Но если въ приведенныхъ рѣдкихъ случаяхъ представители церковной власти увлекались соблазнами политики, то справедливость требуетъ засвидѣтельствовать, что въ многочисленной серіи другихъ подобныхъ случаевъ русскіе іерархи вели себя съ примѣрнымъ достоинствомъ, какъ представители христіанской правды и мира.- Ихъ миролюбивому посредству обязаны прекращеніемъ десятки, если не болѣе, жестокихъ княжескихъ ссоръ и кровавыхъ столкновеній.- Чтобы не утомлять вниманіе и память, не будемъ приводить множества примѣровъ, а сошлемся на извѣстные, самые выразительные.- Митрополиты-греки не уступали здѣсь одинъ другому въ доблестномъ служеніи христіанской идеѣ мира. Чуждые мѣстныхъ партійныхъ пристрастій, они стояли за интересы всей земли русской и тѣмъ вполнѣ оправдали передъ русскимъ народомъ свое иностранное происхожденіе.- Митрополитъ Николай съ успѣхомъ уговаривалъ добраго кн. Владиміра Мономаха прекратить возникшія усобицы (въ 1097 г.) слѣдующими словами: „молимся, княже, тобѣ и братома твоима, не мозѣте погубити русьскыя земли; аще бо ~~вы~~ възмете рать межю собою, погани имуть радоватися и возмуть землю нашю, иже бяша стяжали отцы ваши и дѣды ваши трудомъ великимъ и храбрьствомъ".- А Митрополитъ Никифоръ II миротворческую дѣятельность ру

скихъ іерарховъ считаетъ специальной задачей ихъ пастырскаго призванія. „Княже, говоритъ онъ (1195 г.) кіевскому Рюрику Ростиславичу, „мы есмы приставлены въ русской земле отъ Бога востягивати васъ отъ кровопролитья." Миссію мира епископы выполняли не тѣмъ только, что давали перевѣсъ правой сторонѣ, а становились на высшую точку зрѣнія: старались и правыхъ склонить къ миру путемъ уступчивости и самоотверженія. Такъ, переяславльскій еп. Евфимій въ 1149 году со слезами увѣщеваетъ Изяслава Мстиславича кіевскаго уступить крайней притязательности Юрія Долгорукаго, говоря: „княже! смирися со стрыемъ своимъ; много спасенія приимеши отъ Бога, и землю свою избавиши отъ великыя бѣды". Для пресѣченія зла раздоровъ іерархи пускали въ ходъ всѣ мѣры пастырскаго воздѣйствія. Не говоря уже о томъ, что всѣ мирные договоры они скрѣпляли своимъ свидѣтельствамъ, давая цѣловать крестъ примиреннымъ сторонамъ, они прибѣгали иногда и къ мѣрамъ экстраординарнымъ: предупреждали разрывъ союзниковъ произнесеніемъ проклятія на возможныхъ зачинщиковъ такого разрыва, какъ это сдѣлалъ черниговскій еп. Онуфрій въ отношеніи къ союзу князей сѣверскихъ, или - наоборотъ - разрѣшали отъ клятвопреступленія тѣхъ, кто считалъ себя обязаннымъ поднять оружіе по крестному цѣлованію. Такъ, напр., когда въ 1127 году вел. кн. Мстиславъ Владимировичъ считалъ нужнымъ на этомъ основаніи помочь Ярославу Святославичу добыть черниговскій столъ отъ Всеволода

Ольговича, то, за отсутствіемъ митрополита, кіевское духовенство взяло мужественный почин на себя.- Весьма чтимый Андреевскій игуменъ Григорій выступилъ первымъ.- „На мя будеть грѣхъ", говоритъ онъ Мстиславу, „аже преступиши хрестьное цѣлованье; то есть лѣпше (т.е. дозволительнѣе), неже пролияти кровь хрестьяньску." Для большаго впечатлѣнія онъ собралъ затѣмъ весь іерейскій соборъ, который также внушалъ Мстиславу: „на ны будеть тъ грѣхъ; створи миръ", - и - при всемъ нежеланіи, князь покорилс[я] ихъ волѣ.- Новгородскіе епископы аналогичную роль примирителей играли въ своей республикѣ во время раздоровъ между посадникомъ и народомъ, или между вѣчевыми партіями; кромѣ того брали подъ свою защиту преслѣдуемыхъ, такъ что „епископль дворъ" былъ тамъ священнымъ мѣстомъ убѣжища.-

Миротворческая дѣятельность русской іерархіи и соединенныя съ нею посредническія и представительскія обязанности, принимавшіяся ею сначала по собственной инициативѣ, очень скоро создали для іерархіи специальное положеніе въ сферѣ государственной жизни, именно- положеніе посланниковъ.- Духовныя лица стали у князей сама самыми обычными послами какъ во внутреннихъ междукняжескихъ сношеніяхъ, такъ и во всякихъ другихъ случаяхъ.- Страницы лѣтописей переполнены множествомъ указаній на эту роль епископовъ и священниковъ.- Вотъ для примѣра указатели гражданской дѣятельности въ формѣ посольствъ одного только

новгородск. еп. Нифонта: въ 1134 г. онъ призывалъ въ Новгородъ для успокоенія тамошнихъ волненій митрополита Михаила, въ 1135 году ходилъ въ Кіевъ мирить кіевлянъ съ черниговцами, въ 1141 году ходилъ въ Кіевъ съ лучшими людьми за новгородскимъ княземъ, въ 1147 г. ходилъ къ Юрію Долгорукому „мира дѣля", въ 1154 г. ходилъ къ тому же Юрію просить въ новгородскіе князья его сына.- Кромѣ многочисленныхъ примѣровъ посольствъ епископовъ и священниковъ по гражданскимъ и политическимъ дѣламъ, можно указать и на нѣкоторые выраженія документовъ, откуда видно, что такое явленіе въ отношеніи собственно къ священникамъ считалось даже за общее правило.- Въ договорѣ смоленскаго князя съ нѣмцами 1229 года читаемъ: „аже послови пригодится пакость или попови, во всякой обидѣ за два человѣка платити дать",- или - въ договорѣ новгородцевъ съ нѣмцами (ок. 1195 г.): „оже убьють таль (т. е. заложника) или попъ новгородскіе или нѣмецкые Новгородѣ, то 20 гривенъ серебра за голову".- Если на Западѣ и въ Греціи въ составъ посольствъ обычно входили и лица духовнаго званія, то у насъ они составляли центръ и голову самыхъ посольствъ.-

Относительно возникновенія свѣтской посольской дѣятельности священниковъ слѣдуетъ думать, что она основывалась, кромѣ общей вышеуказанной причины, на томъ-же, на чемъ держалось значеніе дьяковъ или дьячковъ.- Послѣдніе, помимо своего служенія въ церкви, благодаря искусству чтенія и пись-

-ма сразу же сдѣлались нужными людьми въ гражданскомъ общежитіи, будучи предшественниками тѣхъ канцелярскихъ секретарей, которые впослѣдствіи, которые впослѣдствіи унаслѣдовали ихъ имя. (Такъ было и на Западѣ; въ Англіи канцелярскіе чиновники и досель наз. клерками, т.е. клириками, обз-ками). - Священники выступили въ роли дѣльцовъ при князьяхъ именно благодаря своей грамотности и сравнительной образованности. - Само собою разумѣется, что честь эта выпала на долю священникамъ столичнымъ, которые и заняли потому аристократическое положеніе въ контрастѣ съ смиренными сельскими пастырями. - Въ началѣ священниковъ приблизилъ къ княжескому двору самъ св. Владимиръ. По словамъ монаха Іакова онъ нерѣдко устраивалъ у себя пиры, первую трапезу на которыхъ поставлялъ митрополиту съ епископами, священниками и монахами. - О подобномъ сотрапезованіи священниковъ съ князьями встрѣчаемъ и впослѣдствіи случайное упоминаніе. - Ипатская лѣтопись при разсказѣ о внезапномъ нападеніи враговъ на Бѣлгородъ 1150 г. замѣчаетъ, что въ то время князь Бѣлогородскій пировалъ у себя во дворцѣ съ боярами и бѣлогородскими попами. - Галичскій князь Владимиръ Ярославичъ по сообщенію той же лѣтописи, отнялъ у попа жену и сдѣлалъ её своею. - Голубинскій по этому поводу строитъ догадку, что попадья могла понравиться князю на одномъ изъ его пировъ. — Вращаясь въ придворныхъ сфе-

рахъ, священники помимо посланническихъ полномочій вѣроятно пріобрѣтали въ качествѣ дьяковъ-секретарей и вообще нѣкоторое значеніе въ дѣлахъ гражданскаго управленія; по крайней мѣрѣ нѣсколько позднѣе въ Галицкомъ княжествѣ священники занимали даже оффиціальный постъ печатниковъ или канцлеровъ при князѣ.-

Благодаря участію въ гражданскихъ дѣлахъ путемъ мирнаго посредничества, посланничества и частныхъ пастырскихъ совѣтовъ, епископы къ концу кіевскаго періода постепенно заняли опредѣленное и постоянное положеніе сотрудниковъ князей въ ихъ государственной дѣятельности. На упомянутомъ договорѣ смоленскаго князя съ нѣмцами 1229 г. находится печать епископа, а епископскій намѣстникъ Лаврентій присутствуетъ на княжескомъ совѣтѣ наравнѣ съ тысяцкимъ и другими боярами по поводу возобновленія смоленской торговой Правды въ 1284 году; вмѣстѣ съ владычнымъ намѣстникомъ въ томъ же совѣщаніи засѣдаетъ и священникъ Андрей.- Изъ письма рижскаго епископа, писаннаго тогда смоленскому князю, видно, что рижанамъ было извѣстно важное значеніе епископа въ Смоленскѣ, а они считали его наравнѣ съ княземъ и боярами представителемъ земли; „Благословеніе отъ митрополита Рижскаго," читаемъ въ текстѣ письма, „къ своему любезному сыну, князю великому Θеодору и его дѣтямъ и владыкѣ и намѣстнику и всѣмъ боярамъ".- Въ Галицко-

-Волынскомъ княжествѣ въ это время епископы стали уже постоянными членами верховнаго княжескаго совѣта.-

Такимъ образомъ, южное русское государство во многихъ случаяхъ охотно допускало къ участію въ своихъ дѣлахъ представителей церковной власти, не злоупотреблявшихъ его довѣріемъ, и до нѣкоторой степени даже прямо вовлекало церковную власть въ эти дѣла, не будучи въ силахъ самостоятельно справиться съ ними.- Это особенно касается сферы законодательства.- Еще князь Владимиръ Святой, по свидѣтельству лѣтописи, совѣщался съ епископами относительно законодательныхъ мѣропріятій - о разбойникахъ, потому что хотѣлъ быть согласнымъ съ духомъ новой религіи и ея законовъ. Что это былъ не единичный случай, о томъ говоритъ митрополитъ Иларіонъ въ похвалѣ кн. Владимиру: „ты, часто собираясь съ новыми отцами нашими - епископами, съ великимъ смиреніемъ совѣтовался съ ними, какъ уставить законъ христіанскій среди людей, недавно познавшихъ Господа". Точно также и послѣ св. Владимира русскіе князья, найдя въ принесенномъ на Русь Номоканонѣ богатый источникъ юридическихъ идей, пригодныхъ не только для церковныхъ установленій, но и для гражданскаго правопорядка, или молчаливо, или открыто поручили церкви задачу переработки и примѣненія къ условіямъ русской жизни византійскихъ узаконеній.- Князья считали въ этомъ дѣлѣ церковную власть болѣе компетентною.-

Такъ, напр., новгородскій князь Всеволодъ Мстиславичъ считалъ даже неудобнымъ для своей христіанской совѣсти рѣшать такія дѣла, указанія для которыхъ имѣются въ Номоканонѣ; для князя Всеволода уже ео ipso кажется болѣе приличнымъ предоставить выработку нормъ для рѣшенія такихъ дѣлъ власти церковной, ближе знакомой съ духомъ и тонкостями византійскаго кодекса.- Въ концѣ грамоты, данной Всеволодомъ Новгородской Софіи, князь упоминаетъ о случаяхъ тяжбы изъ-за наслѣдства между первой женой съ ея дѣтьми съ одной стороны, и третьей и четвертой - женъ съ ихъ дѣтьми - съ другой, и приходитъ къ заключенію, что рѣшить эти дѣла по Номоканону всего приличнѣе епископу: „а тое все приказахъ епископу управливати, смотря въ Номоканонъ. А мы съ своей души сводимъ".-

Обратное отношеніе власти государственной къ власти церковной также характеризуется весьма значительной долей вліянія первой на вторую.- О вліяніи князей и народа на ~~выраніе~~ избраніе епископовъ намъ уже приходилось говорить раньше.- Точно также, не справляясь съ канонами, князья часто относились и къ епископамъ уже поставленнымъ.- Имѣется нѣсколько примѣровъ, когда нежелательныхъ имъ архіереевъ князья прогоняли съ каѳедры, не дожидаясь церковнаго суда, или даже вопреки послѣднему.- Такъ, въ 1156 г. Андрей Боголюбскій удалилъ съ Ростовской каѳедры еп. Нестора и представилъ его

на судъ къ Кіевскому митрополиту Константину; хотя кіевскій соборъ, противъ ожиданій Андрея, оправдалъ Нестора, но князь все-таки не возвратилъ епископу его мѣста, а поставилъ въ Ростовъ нѣкоего Леона или Льва.- Но не посчастливилось и этому Ростовскому пастырю; кн. Андрей, по разнымъ поводамъ, дважды прогонялъ его съ каѳедры безъ всякаго церковнаго суда. Въ 1168 году такимъ-же образомъ поступилъ съ своимъ епископомъ Антоніемъ- Черниговскій кн. Святославъ; епископъ не угодилъ ему тѣмъ, что держался строгихъ взглядовъ на постъ въ среду и пятокъ. Замѣчательно отношеніе лѣтописца къ этому факту: онъ не только не видитъ въ немъ ничего ненормальнаго, но даже обращается съ слѣдующей нотаціей къ потерпѣвшему епископу: „да внимаемъ мы себѣ кождо насъ и не противмся Божью Закону." (!).- Замѣчателенъ также случай суда надъ епископомъ ростовскимъ Кирилломъ, произведенномъ въ 1225 г. собраніемъ князей безъ всякаго участія въ томъ церковной власти.- Еп. Кириллъ оставилъ каѳедру по болѣзни; онъ былъ „богатъ зѣло кунами и селы и всѣмъ товаромъ, и книгами и просто рещи такъ бѣ богатъ всѣмъ, яко ни единъ пископъ бывъ въ Суждальстѣй области".- Князья повели противъ Кирилла „нѣкакую тяжу", т. е. вѣроятно обвинили его въ пріобрѣтеніи имуществъ незаконнымъ путемъ и произнесли судебный приговоръ, которымъ епископъ лишался всего своего богатства.-

Насколько безцеремонно обраща-

ми съ епископами въ республиканскомъ Новгородѣ-это вообще очень хорошо извѣстная исторія. „Въ 1211 г. архіеп. Митрофанъ чѣмъ-то возбудилъ противъ себя гнѣвъ новгородцевъ или, какъ говоритъ лѣтописецъ, «злодѣй и сперва не хотя добра завистъ вламаи людей»;- и безъ всякаго суда и дальнихъ проволочекъ онъ былъ сведенъ съ каѳедры и выведенъ изъ города.- Черезъ 8 лѣтъ этотъ Митрофанъ снова успѣлъ пріобрѣсти благоволеніе Новгородцевъ, и они, возвращая его на каѳедру, занятую Антоніемъ, сказали послѣднему: иди куда знаешь (пойди гдѣ ти любо).- Послѣ смерти Митрофана въ 1223 г. былъ избранъ въ епископы монахъ Хутынскаго монастыря Арсеній, но въ 1225 г. новгородцы возвратили Антонія, предложивъ Арсенію снова вернуться туда, откуда былъ взятъ.- Послѣ удаленія Антонія съ каѳедры за болѣзнію, въ 1228 г. въ другой разъ избранъ былъ Арсеній, но просидѣвъ весьма недолго во дворѣ архіепископскомъ, буквальнымъ образомъ былъ вытолканъ изъ него въ шею (за дурную погоду) и даже спасся отъ смерти только тѣмъ, что укрылся въ св. Софіи.— Вообще, по всему видно, что епископы новгородскіе были недалеки отъ того, чтобы представлять изъ себя простыя игрушки въ рукахъ народныхъ партій.— Замѣчательно, до какой степени наклонны были новгородцы сдѣлать гражданскимъ и собственное церковное управленіе своихъ епископовъ.- Архіеп. Антоній, въ 1225 году вторично возведенный на каѳедру, черезъ 3 года долженъ былъ отказаться отъ нея по

болѣзни онѣмѣнія, которая совсѣмъ препятствовала ему исполнять обязанности епископа; не смотря на это они возводили его на каѳедру въ третій разъ, при чемъ для управленія епархіей поручали двумъ мірскимъ людямъ или какъ бы старостамъ, выборнымъ отъ міра. (Голубинскій, I, 1, 458-59).-

Вліяніе гражданской власти на церковную въ изучаемый періодъ времени доходило, такимъ образомъ, до весьма широкихъ размѣровъ и выражалось преимущественно въ самовластномъ отношеніи къ епископамъ, хотя это и есть самое главное, потому что возможность давленія на епископовъ могла вести къ чему угодно.-

Въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ князья также подъ-часъ становились къ явленіямъ церковной жизни въ положеніе властныхъ хозяевъ своей русской церкви.- Такъ, напр., вторичное перенесеніе мощей свв. Бориса и Глѣба изъ одной церкви въ другую не иначе могло состояться, какъ только съ дозволенія вел. князя. Святополкъ не допускалъ этого перенесенія, и оно произошло уже при его преемникѣ Владимірѣ Мономахѣ.- Даже въ такомъ деликатномъ дѣлѣ, какъ причтеніе новоявленныхъ угодниковъ къ лику святыхъ, сказывалась со всею силою воля князей.- Имя преп. Ѳеодосія Печерскаго было вписано въ литійный синодикъ наряду съ другими святыми послѣ того, какъ вел. кн. Святополкъ въ 1108 г., по просьбѣ печерскаго игумена Ѳеоктиста повелѣлъ митрополиту и епископамъ вписать это имя.-

Монашество въ домонгольское время.

Начало русскаго монашества представляетъ нѣкоторую загадку. Въ то время какъ лѣтопись только подъ 1037 г. въ первый разъ упоминаетъ о появленіи у насъ монастырей, именно о построеніи самимъ княземъ Ярославомъ монастыря Св. Георгія и сопровождаетъ это сообщеніе общимъ замѣчаніемъ, что только при названномъ князѣ получили свое начало русскіе монастыри „черноризцы почаша множитися и монастыреве починаху быти", другіе не менѣе достовѣрные памятники говорятъ иное. Митрополитъ Иларіонъ рисуя картину водворенія на Руси христіанства при Св. Владимірѣ, между прочимъ отмѣчаетъ: „монастыреве на горахъ сташа черноризца явишася." Монахъ Іаковъ говоритъ о поставленіи княземъ Владиміромъ на пирахъ трапезы „митрополиту съ епископы и съ черноризцы и съ попы." Выходитъ, что монастыри и монахи были у насъ уже при Св. Владимірѣ. Что монастыри неизвѣстные по имени и неизвѣстно когда основанные существовали въ Кіевѣ въ значительномъ количествѣ къ концу княженія того же Ярослава который представляется по лѣтописи строителемъ двухъ первыхъ монастырей (Георгіевскаго и Ириновскаго) это видно изъ случайной обмолвки лѣтописи подъ 1051 г. По нему препод. Антоній, возвратясь съ Аѳона и желая начать въ Кіевѣ иноческую жизнь „ходи по монастыремъ". Точно также вскорѣ послѣ того въ началѣ княженія Изяслава преп. Ѳеодосій по житію, писанному Несторомъ, „обходи (въ Кіевѣ) вся монастыря,

хотя быти мнихъ." Послѣ этого естественно возникаетъ предположеніе, не служатъ ли эти мнiе, неизвѣстные по имени, монастыри продолжателями тѣхъ, которые явились при Владимирѣ и не слѣдуетъ ли свидѣтельство лѣтописи о началѣ монастырей при Ярославѣ понимать въ какомъ либо строго-ограниченномъ смыслѣ? На такомъ пути въ рѣшеніи поставленнаго недоумѣнія онъ предлагаетъ оригинальную гипотезу. Въ писцовыхъ книгахъ XII в. мы встрѣчаемся съ особаго сорта монастырями, не представлявшими вполнѣ самостоятельныхъ учрежденій, а ютившимися возлѣ приходскихъ церквей, въ оградахъ церковныхъ, отчего последнія и досель въ нѣкоторыхъ мѣстахъ называются монастырями. На церковномъ погостѣ ставились маленькія избушки или келейки и въ нихъ большею частью въ одиночку проживали любители монашеской жизни, принимая настоящее монашеское постриженіе; около одной церкви строилось 10-20 келлій, въ которыхъ помѣщалось столько или болѣе черньцовъ или черницъ. Голубинскій думаетъ, что необходимо предположить такой порядокъ монашеской жизни обычнымъ въ нашей исторіи и заимствованнымъ изъ Греціи, а время княженія Ярослава считать за начало только монастырей въ собственномъ смыслѣ. Самое построеніе кн. Ярославомъ перваго Георгіевскаго монастыря свидѣтельствуетъ о томъ, что насельники его уже были на лицо, потому что неестественно думать, будто до того времени (1037 г.) на Руси совершенно не было желающихъ принимать

монашество, и они вдругъ явились въ точно опредѣленномъ количествѣ для заполненія пустыхъ стѣнъ созданнаго княземъ (какъ бы на рискъ) монастыря. А такъ какъ изъ всѣхъ 68 извѣстныхъ монастырей домонгольскаго періода цѣлыхъ двѣ трети построены подобно первому Георгіевскому монастырю князьями и богатыми людьми, то слѣдовательно для заполненія ихъ также находились готовые монахи. Послѣдніе очевидно брались изъ монастырей не собственныхъ, приютившихъ около приходскихъ церквей. Дѣйствительно необходимо предполагать существованіе такой формы монастырской жизни съ самаго момента крещенія Руси, потому что необходимо допускать съ той же поры и существованіе самого монашества, какъ естественнаго проявленія первой ревности лучшихъ неофитовъ новой вѣры. Мало того нужно думать что монахи были въ средѣ кіевскихъ христіанъ и до Св. Владиміра и что, съ приходомъ изъ Греціи на Русь новыхъ монаховъ-миссіонеровъ, они, такъ сказать, вышли на свѣтъ Божій, соединились въ общества и за неимѣніемъ монастырей собственныхъ, стали селиться возлѣ вновь возникавшихъ церквей

Если такова была начальная исторія русскаго монашества, т. е. если монахи явились у насъ естественно, сами собою, а не въ отвѣтъ только на кличъ кн. Ярослава, поступившаго первой монастырь, то, казалось бы, они сами и должны были положить начало строенію монастырей, потому что это ихъ собственное дѣло, ни для кого больше не обязательное

и сами должны были строить ихъ впоследствіи по мѣрѣ нужды. Между тѣмъ за время кіевскаго періода въ противоположность московскому времени, когда монахи отличались необыкновенной ревностью къ монастырскому строительству, наблюдается какъ разъ обратное явленіе. Двѣ трети, какъ мы сказали, всѣхъ монастырей были построены князьями и боярами; изъ остальныхъ извѣстно только о 10-ти, какъ построенныхъ самими монахами богатыми, на деньги принесенныя изъ міра, такъ что, по достовѣрной исторіи, одинъ только Кіево-Печерскій монастырь былъ въ истинномъ смыслѣ монашескаго строенія, воздвигнутый безъ всякихъ предварительныхъ денежныхъ средствъ одними трудами и подвигами братіи. „Мнози бо монастыри," замѣчаетъ по этому поводу лѣтописецъ, „отъ князь и отъ бояръ и отъ богатства поставлени, но не суть таци, каци суть поставлени слезами, постомъ, молитвою, бдѣніемъ" (1051 г.). Князья строили монастыри собственно не для монаховъ, т. е. главнымъ образомъ не для нихъ, а для себя, чтобы имѣть собственныхъ молитвенниковъ за свою душу при жизни и по смерти. Это было данью подражанія грекамъ, у которыхъ по давнему обычаю всѣ коронованные, знатные и богатые люди строили для указанной цѣли свои фамильные монастыри и вкладъми или на основаніи ктиторскаго права, что съ теченіемъ времени повело въ Греціи къ эксплуатаціи монастырскихъ доходовъ со стороны обнищавшихъ ктиторовъ. У насъ кромѣ Новгорода кн. Го-

рами монастырей вездѣ явились только княз
и потому у насъ и не было корыстныхъ отноше-
ній къ своимъ монастырямъ. По тѣмъ же
ктиторскимъ побужденіямъ строили мо-
настыри и богатые изъ монаховъ. Такъ напр.
одинъ изъ самыхъ раннихъ кіевскихъ мона-
стырей Спасо-Берестовскій (упом. подъ 1072) на-
зывавшійся Германечь по имени своего стро-
ителя Германа, который былъ въ немъ игу-
меномъ, поставленъ былъ всего въ нѣсколькихъ
десяткахъ саженей отъ монастыря Печер-
скаго и слѣдовательно не для удовлетворенія
нужды въ томъ монашествующихъ, а изъ
желанія строителя имѣть свой собственный
монастырь. Стефанъ преемникъ преп. Өео-
досія по игуменству въ Печерскомъ монастырѣ
послѣ того какъ былъ выгнанъ оттуда недо-
вольной братіей, при помощи сочувствовав-
шихъ ему бояръ тоже строитъ свой мона-
стырь въ Кіевѣ, такъ называемый Кловскій
Влахернскій или Стефанечь. Антоній Римля-
нинъ — богатый Новгородецъ по происхожденію,
въ завѣщательной грамотѣ созданному имъ мо-
настырю великодушно отказывается отъ
передачи кому либо другому своихъ ктитор-
скихъ правъ, которыя подразумѣвались сами
собою: „се поручаю святѣй Богородици и крес-
тьянамъ и дело свободу (пишетъ онъ про свой
монастырь)“. Обыкновенные монахи не усерд-
ствовали въ строеніи монастырей вѣроятно
потому, что не имѣли предъ собой соотвѣт-
ствующаго примѣра въ Греціи, гдѣ множе-
ство монастырей, настроенныхъ въ древнее

время, не возымело труды в новомъ служитель-
ствѣ, а, во вторыхъ, вѣроятно потому, что
удовлетворяясь возможностью монашествовать
при церквах въ монастыряхъ несобственныхъ,
тѣмъ болѣе что въ такомъ способѣ монаше-
ства даны были всѣ удобства къ послабленіямъ
и нарушеніямъ аскетической дисциплины.

Обычай монашествованія при церквах
создалъ на Руси благопріятную почву для широ-
каго распространенія келліотскаго или особно-
жительнаго монастырскаго устава; но у-
ставъ этотъ представляетъ коварный подъ-
копъ подъ самое существо монашества, въ
которомъ вопросъ объ уставѣ имѣетъ не ка-
кое нибудь формальное, а именно существен-
ное значеніе, потому что само монашество
есть формальное установленіе; въ его содер-
жаніи /матеріально/ нѣтъ и не можетъ
быть ничего сверхъ-христіанскаго: оно слу-
житъ лишь особымъ методомъ личнаго спа-
сенія; искаженіе въ методѣ или что то же
въ уставѣ есть потому извращеніе са-
мого установленія. Монашеская методика
спасенія, берущая начало въ чувствѣ собствен-
наго безсилія человѣка устоять противъ
соблазновъ окружающей жизни, есть мето-
дика буквальнаго бѣгства изъ міра въ пу-
стыню по слову Премудраго, „отврати
очи мои во еже не видѣти лжи суеты." Въ
пустынѣ при крайней скудости средствъ
къ существованію, которыми отдѣльно жи-
вущему отшельнику не было возможности
впасть въ какое нибудь излишество. Но

такіе методисты аскетики нашли и то
уже несовершеннымъ въ одиночномъ отшель-
ничествѣ, что подвижникъ при своихъ мини-
мальныхъ заботахъ о тѣлесныхъ нуждахъ все же
заботится и думаетъ о себѣ; чтобы защити-
вать и этотъ нижменно-личный моментъ
и навсегда предохранить отъ возможныхъ
послабленій себѣ въ одинокомъ подвигѣ, препод.
Пахомій создалъ идеально-строгій общежитель-
ный уставъ, по которому каждый членъ
братства вполнѣ освобождался отъ необходимо-
сти помышленій о своей личности и дѣлался
безсрочнымъ рабомъ труда на общую пользу,
по необходимости проводя все время въ постѣ,
бдѣніи и молитвѣ, безъ возможности какихъ
бы то ни было послабленій себѣ, и будучи ли-
шенъ малѣйшей личной собственности, ма-
лѣйшаго комфорта до иголки включитель-
но. Организованное на такихъ началахъ брат-
ство можно смѣло водворить въ какой
угодно Вавилонъ, не рискуя потерять въ его
нравственной высотѣ сколько-нибудь.
Но келліотство, еще имѣющее смыслъ въ
пустынѣ (и въ этомъ видѣ защищаемое Ни-
ломъ Сорскимъ), въ сосѣдствѣ съ міромъ пре-
вращалось прямо въ привольное житье сво-
имъ хозяйствомъ и удобное пользованіе всѣ-
ми земными благами. Поэтому, когда мо-
нашество, возложивъ руку свою на рало,
оглянулось вспять и потянуло къ мірскимъ
городамъ на встрѣчу всѣмъ житейскимъ
соблазнамъ, ему оставалось одно спасенье:
прицѣпиться за твердыню Пахоміева устава

не уступать міру эту вѣрную бастилію аскетической праведности. Но видно не за тѣмъ пришли монастыри въ города, начали изъ нихъ уходить. При первомъ же соприкосновеніи съ міромъ, въ спасительномъ уставѣ пробиты были роковыя бреши въ видѣ неравенства въ содержаніи старшихъ и младшихъ членовъ монастыря, въ видѣ допущенія частныхъ заработковъ, въ видѣ открытыхъ воротъ для грѣха. Монашество превращалось въ прискорбную пародію на свой идеалъ; но отъ окончательнаго вырожденія его спасало хотя частичное послушаніе общежительному уставу. Что же касается келліотовъ, выдѣлившихъ изъ себя еще классъ совершенно несносныхъ, вольныхъ бродячихъ по міру монаховъ, то они дошли до всѣхъ крайностей корыстнаго раболѣпства передъ мірянами, виртуознаго обмана, ханжества и лицемѣрія, достойно осмѣянныхъ въ греческой литературѣ нѣкоторыми ревнителями христіанскаго благочестія.

Русскіе монастыри начинали свою исторію въ томъ отношеніи въ счастливое время, что незадолго предъ тѣмъ въ Греціи произведена была теоретическая и практическая реставрація строгаго общежительнаго устава знаменитымъ Феодоромъ Студитомъ, развиваемая только въ примѣненіи къ его собственному Константинопольскому монастырю. Намъ предстояло лишь усвоить этотъ высокій образецъ во всей цѣлости и, не спѣша, тоже явить міру возрожденный идеалъ древняго монашества,

его, такъ сказать, вторую молодость, или, слѣдуя общему, заурядному примѣру Греціи, понести на себѣ грѣхи отцовъ своихъ, т. е. унаслѣдовать не продолжительно искалѣченное грѣшной человѣческой волей монашество, которому неизвѣстно когда суждено радикально преобразиться. Къ сожалѣнію, какъ мы видѣли, самое начало русскаго монашества было не благопріятно для его готовности слѣдовать высокимъ образцамъ: оно сразу же ознакомилось съ льготными условіями раздѣльножительства или келліотства и тѣмъ навсегда принизило для себя критерій своихъ нравственно-аскетическихъ добродѣтелей. Энергическая попытка ввести на Руси строгій общежительный уставъ не увѣнчалась желаннымъ успѣхомъ и наше монашество въ своемъ историческомъ шествіи прямо со станціи отправленія захромало на обѣ плесны.

О введеніи Студитова устава въ Печерскомъ монастырѣ достойно поревновалъ преп. Феодосій. О внѣшней исторіи полученія этого устава Феодосіемъ лѣтопись и Несторово житіе преподобнаго довольно рѣзко разногласятъ. Первая сообщаетъ, что Феодосій „нача искати правила чернечьскаго и обрѣтеся тогда [въ Кіевѣ] Михаилъ чернецъ монастыря Студійскаго, иже бѣ пришелъ изъ Грекъ съ митрополитомъ Георгіемъ и нача у него искати устава чернецъ Студійскыхъ и обрѣтох у него, испьса" /1051/ Второе говоритъ, что Феодосій „посла единаго отъ братіи въ Константинъ градъ къ Ефрему скопьцю, да весь уставъ Студійскаго монастыря списавъ пришлетъ ему, онъ же преподобнаго

отца нашего повелѣніе ему абіе и сотвори, и весь уставъ монастырьскый исписавъ и пославъ блаженному отцю нашему Феодосію." Согласняютъ это разнорѣчіе предположительно. Такъ какъ уставъ Студитовъ сохранился въ двухъ редакціяхъ - краткой, представляющей запись самого студійскаго монастыря, и пространной редактированной въ IX-XI в. Константинопольскимъ патріархомъ Алексѣемъ - считаютъ возможнымъ думать что въ Кіевѣ у Михаила Феодосій нашелъ краткую запись, но узналъ въ тоже время и о подробной; ее-то и постарался достать изъ Константинополя. Что преп. Феодосій постарался примѣнить у себя на практикѣ полученный уставъ во всей его строгой послѣдовательности, это видно изъ нѣсколькихъ частныхъ упоминаній о порядкѣ Печерскаго м-ря при Феодосіи, всегда буквально соотвѣтствующихъ предписаніямъ Студитова устава. Таково, напр. общее наставленіе преподобнаго къ братіи: „нелѣпо есть намъ братіе, инокамъ сущимъ и отвергшимся мірскихъ, собраніе паки творити имѣній въ келіи своей, - тѣмъже, братіе, довольны будемъ о уставныхъ пещись одеждахъ нашихъ, о пищи, предложенной на трапезѣ отъ келаря, а въ кельи отъ сицевыхъ имѣти ничтоже." Это слово, а вотъ и дѣло.

По свидѣтельству Нестора, Феодосій „многажды хождаше по кельямъ ученикъ своихъ и аще что обрящаше у кого-ли брашно сгодно ли одежено лише уставныя одежды или отъ имѣнія что, сія вземъ, въ пещь вметаша, якоже вражію часть сущу и преслушанія грѣхъ." Или вотъ

еще очаровательнѣй поступокъ въ игумена свидѣтель-
ствующій также объ обычности правенства труда
у печерскихъ иноковъ. Однажды пришелъ къ нему
келарь съ заявленіемъ, что нѣтъ у него дровъ и съ
просьбой нарядить рубить дрова кого нибудь праз-
наго брата. Феодосій отвѣчалъ: я празденъ и пойду
рубить; братія, узнавъ, что игуменъ рубитъ дрова
взяли каждый свой топоръ и пошли помогать
ему. Однако не понравилось русскимъ инокамъ стро-
го-монашеская жизнь, какъ только сошелъ въ
могилу желѣзный игуменъ, бразды правленія
ослабѣли и строгие порядки пошатнулись. Вн
общежитіе сохранялся, но въ него неудержимо про-
никали разлагающія теченія „оттуду". Еще
при Симеонѣ Владимирскомъ въ печерскомъ мо-
соблюдалась общая трапеза, но изъ того же Печерска
Патерика ясно, что и она была не полной, пото-
му что скупой инокъ Арефа ухитрялся морить
себя голодомъ, т. е. очевидно имѣлъ возможность
продавать часть дневной пищи, выдаваемой
на руки. Право частной собственности и сре-
любіе проникли въ среду иноковъ и отравили
ихъ взаимныя отношенія. Въ доказательство до-
статочно сослаться на нѣсколько разсказовъ Па-
терика. Инокъ Алимпій получалъ плату за свою
работу, равно какъ и могильщикъ Маркъ. Чер-
нецъ Еразмъ тратилъ на церковныя нужды при-
несенное имъ изъ міра богатство; но когда
обнищалъ, то впалъ у братіи въ пренебреженіе.
Особенно ярко свидѣтельствуетъ о грубости серд-
ца печерскихъ монаховъ, исторгнутаго денежнымъ
вожделѣніемъ случай съ братомъ Афанасіемъ:
послѣдній умеръ оставивъ ровно ничего изъ иму-

щества и за это долго сравнительно оставалось безъ употребленія: не нашлось сразу братій готовыхъ безкорыстно исполнить послѣдній долгъ по отношенію къ умершему. Такова неутѣшительная судьба истиннаго общежитія; въ самомъ славномъ разсадникѣ древне-русскаго монашества.

На вопросъ, какой уставъ принятъ былъ въ другихъ русскихъ монастыряхъ кромѣ Печерскаго лѣтописецъ даетъ общій отвѣтъ: „отъ того же монастыря /т.е. отъ Печерскаго/ переяша вси монастыреве уставъ“. Отвѣтъ этотъ необходимо ограничить во первыхъ исключеніемъ изъ числа подразумѣваемыхъ здѣсь монастырей всѣхъ монастырей не общежительныхъ, по существу келліотскихъ и во вторыхъ только небольшимъ промежуткомъ времени отъ преп. Феодосія и до 1110 г., на которомъ обрывается разсказъ начальнаго лѣтописца и далѣе котораго свидѣтельство послѣдняго разумѣется не можетъ простираться. Но если даже мы предположимъ за недостаткомъ положительныхъ данныхъ самое большее, т. е. что во всѣхъ монастыряхъ всего періода домонгольскаго вводился студійскій общежительный уставъ то о строгости его практическаго примѣненія послѣ печальнаго примѣра кіево-печерскаго монастыря не имѣемъ права думать что нибудь лучшее. Такъ нужно думать еще потому, что въ слѣдующемъ, московскомъ періодѣ отъ общежительнаго монастырскаго устава не осталось и помину; только въ XVI вѣкѣ начались попытки воскресить его. Слѣдовательно постепенный и быстрый упадокъ всѣхъ высокихъ требованій общи-

почительного устава — вотъ его судьба въ собственныхъ русскихъ монастыряхъ домонгольскаго времени и вмѣстѣ съ тѣмъ судьба самого русскаго монашества. Впрочемъ съ исторической точки зрѣнія было очень естественно, что мы не стали выше греческаго монашества и — очень послѣдовательно, а печально лишь съ идеальной.

Въ связи съ постепенными ослабленіями и искаженіями истинно монашескаго устава стоитъ и разнообразіе въ средствахъ содержанія монастырей. Собственно ни о чемъ другомъ кромѣ дѣла рукъ своихъ, здѣсь не должно бы быть и рѣчи. Но монахи пошли на встрѣчу міру и міръ внушалъ имъ во всю сложность своихъ экономическихъ, несомнѣнно принижающихъ душу, интересовъ. Преподобный организаторъ русскаго монашества еще чуялъ духъ истинно монашескаго отношенія къ обольстительнымъ мірскимъ ~~стороннымъ подаяніямъ въ монастырь~~, предложеніямъ и сначала противоборствовалъ стороннимъ подаяніямъ въ его монастырь: „не хотяше, говоритъ Несторъ, прилагатворити къ монастырю, но бѣ вѣрою и надеждою къ Богу возлагаяся, яко же паче не искати упованія имѣніемъ!" Но самъ Θеодосій не сдержалъ своего pium desiderium. Бояре, приходя къ Θеодосію приносили ему отъ имѣній своихъ на утѣшеніе братіи и строеніе монастырю, „друзіи же и села вдадуще на попеченіе имъ"; какъ видно изъ другихъ многихъ частностей біографіи преп. Θеодосія, Печерскій монастырь владѣлъ селами уже при его жизни. Послѣдующія лѣтописныя извѣстія говорятъ о богатыхъ

пожертвованій, прѣ главнымъ образомъ со стороны князей золотомъ, серебромъ и недвижимыми имуществами. Князь Ярополкъ Изяславичъ †(1086 г.) пожертвовалъ печерскому монастырю „всю жизнь свою (т. е. всѣ свои частныя имѣнія или вотчины), Небльскую волость и Деревскую и Лучьскую и около Кіева" (Ип. 1158 г.) его дочь подарила тому же монастырю „пять селъ и съ челядью" (Ib.) и т. д. Подобно печерскому и другіе русскіе монастыри получали обезпеченіе отъ князей и своихъ строителей. Великій кн. Мстиславъ Владиміровичъ (1125-1132) далъ новгородскому Юрьеву монастырю построенному его сыномъ волость Буйцы и двѣ статьи княжескихъ доходовъ - „вѣно вотское" (вѣроятно брачная пошлина вотской пятины) и „осеннее полюдье даровное" (может б. добровольные дары подносившіеся князю сверхъ положеннаго полюдья). Антоній Римлянинъ купилъ и приложилъ къ своему монастырю соседнее село Волховское и рыбную тоню на Волховѣ. Варлаамъ Хутынскій также богатый Новгородецъ, давшій построенному имъ монастырю два села съ холопами, нѣсколько пожень и ловель рыбныхъ и гоголиныхъ. Такъ было положено начало земельнымъ владѣніямъ нашихъ монастырей.

Вмѣстѣ съ крупными пожертвованіями отъ міра въ монастыри притекали изъ тогоже источника и другія статьи доходовъ. Вѣроятно и у насъ вскорѣ привился греческій обычай, по которому всякій стремившійся быть погребеннымъ съ честью покупалъ себѣ могилу обязательно въ монастырѣ и давалъ

туда, а не въ приходскую церковь, вносъ на поминъ души, потому что уже въ домонгольское время Печерскій монастырь сталъ пропагандировать выгодное для себя суевѣріе, окончательно окрѣпшее въ послѣдующее время, что „всякій положенный въ этомъ монастырѣ будетъ помилованъ, хотя бы и грѣшенъ былъ". Нужно думать, что бояре, избиравшіе себѣ еще при жизни извѣстный монастырь какъ мѣсто погребенія, благотворили ему деньгами и натурой. Изъ возможныхъ родовъ благотворенія монастырямъ мы имѣемъ упоминаніе только объ угощеніи монаховъ трапезами. Великій Князь Ростиславъ Мстиславовичъ †(1168.) во время великого поста приглашалъ къ себѣ каждую субботу и воскресенье 12 чернецовъ печерскихъ и игумена обѣдъ. По окончаніи поста онъ учреждалъ трапезу для всей братіи и кромѣ того часто приглашалъ къ себѣ въ среду и пятницу (именно въ эти, а не другіе дни!)". Эти трапезы не наше изобрѣтеніе, а старый греческій обычай. Какъ видно изъ „правила митрополита Іоанна II" и у насъ міряне не удовольствовались угощеніемъ чернецовъ у себя на домахъ, а при отсутствіи монастырскихъ порядковъ часто задавали пиръ въ самыхъ монастыряхъ, стараясь превзойти другъ друга роскошью яствъ и какъ бы для большей порчи иноческихъ нравовъ приводя вмѣстѣ съ собою туда и своихъ женъ: „иже во монастырехъ" пишетъ русскій митрополитъ, „часто пиры творячи, созывающе мужи вкупѣ и жены и въ тѣхъ пирахъ другъ

[...]руга прельщаютъ, кто лучшій сотворитъ пѣ[...]
[...]я ревность не о Бозѣ, но отъ лукаваго бываетъ
[...]евность си (М. II². 375). Что выходило изъ такихъ
[...]ировъ видно изъ другого артикула того же „Пра-
[...]ла" которое митроп. Іоаннъ начинаетъ сло-
[...]ами: „а еже во пирахъ пити, съѣзжающеся съ
[...]естами безъ смотрѣнія мнихомъ и бѣльцемъ и т. д.

По идеалу всякій вступающій въ мона-
[...]стырь долженъ покинуть „вся яже въ мірѣ" въ
[...]омъ числѣ и свое имущество. Но идеалъ
[...]ялся далеко позади исторіи русскаго мо-
[...]нашества и оно устраивалось по невысокому образ-
[...]у ослабленнаго греческаго монашества. Хотя
[...]оро монастыри сдѣлались хозяйственными
[...]кономическими кооперацiями, то само-
[...]и желательными членами въ нихъ явились богатые
[...]остриженики, приносившіе съ собою всѣ свои
[...]окровища въ монастырскую казну. (Въ особно-
[...]ительныхъ монастыряхъ дѣло ставилось еще
[...]роще: деньги оставались у владѣльца на ру-
[...]ахъ.) Изъ-за блага капитала, монастыри,
[...]ъ сожалѣнію совсѣмъ забыли про свой перво-
[...]ачальный христіанскій соціализмъ и превра-
[...]лись въ большинствѣ случаевъ въ ассоціаціи
[...]и паяхъ т. е. не расчитывали же случайныхъ
[...]анныхъ вкладчиковъ, а сдѣлали вклады для
[...]ихъ вступающихъ обязательными. Насколь-
[...] это было распространено было до насъ со
[...]ремени самаго появленія монастырей
[...]дно изъ случайныхъ замѣтокъ Несторова
[...]итія преп. Өеодосія. Послѣдній обходи
[...]я монастыря, хотя быти мнихъ и младый
[...]мъ, да пріиметъ ими будетъ; аще же видѣвша

отрока грубость и ризами же худыми облеча
на, не начинаше того прияти," подтому хот
онъ самъ сталъ игуменомъ, то принималъ вс
желавшихъ постриженiя „не отрѣваша ни
убога, но вся приимаше со всякимъ усердiем
Тъ бо и самъ въ искушенiи томъ бы". Вклад-
ничество неизбѣжно повело къ грубому наруш
нiю равенства монастырской братiи, раздѣ-
ливъ ихъ на привиллигированныхъ какъ бы ка-
питалистовъ и на неполноправныхъ черныхъ
работниковъ. Такое явленiе можно подмѣтит
даже въ самомъ Кiево-Печерскомъ монастырѣ.
Патерикъ сообщаетъ объ одномъ малосхим-
номъ печерскомъ монахѣ, что онъ „много ра
хотѣлъ постричься (въ великую схиму), но по
по нищетѣ его братiя пренебрегала имъ," сл
онъ не могъ добиться великой схимы по своей н
щетѣ, что очевидно великосхимниками въ мо
настырѣ были только люди денежные или
вкладчики *)

---

*) Слѣдуетъ замѣтить, что въ то время ве
ликая схима представляла изъ себя необхо
димое условiе полнаго монашескаго званiя
и была въ этомъ смыслѣ для всѣхъ обязатель
на. Она была придумана Греками сравнитель
въ позднее время (когда то до IX) и сама по себѣ
имѣла мало смысла, что бы не сказать-ник
кого, потому что человѣку, отрекшемуся от
мiра не остается болѣе ничего, отъ чего бы он
долженъ еще отрекаться, и составители чи
великой схимы доказали невозможность изм
мить для нея специальное содержанiе тѣмъ

При указанныхъ несовершенствахъ монастырскихъ порядковъ, русское монашество изучаемаго періода несомнѣнно имѣло много темныхъ сто-

---

что восставиши постригаемаго слова, не извѣстно для чего, говорить тѣже самые обѣты которые онъ произнесъ, разумѣется не „ради профорима" при своемъ монашескомъ постриженіи и которые при вторичномъ произнесеніи звучатъ для него непонятнымъ анахранизмомъ. („отрицаешися ли отъ міра и яже въ мірѣ. Пребудеши ли въ монастырѣ и въ подвизаніи до послѣдняго издыханія?" - спрашиваютъ слова схимника. Феодоръ Студитъ еще отрицалъ раздѣленіе монашества на два образа и признавалъ только одинъ ~~только~~ подобно крещенію" / Мат P.E.t. 99 p. 1820 п. 12/ но уже по редакціи монашескаго устава патр. Алексѣя вводятся двa образа. Отсюда и преп. Феодосій Печерскій усвоилъ слѣдующій порядокъ монастырскихъ степеней: „вся приходящая пріимаше съ радостію, но не ту абіе постригаше его, но повелѣваше ему въ своей одежди ходити, донелѣже извыкнеть весь устрой монастырскій, таче по сихъ облачашетъ и въ мнишскую одежю, и тако паки во всѣхъ службахъ искушашеть й ти тогда остригій облачашеть и въ мантію, дондеже паки будяше чернецъ искусенъ, ожитиемъ чистъ сы, ити тогда сподобляшеть и пріяти святую схиму" /Нестор. жит./. Но разъ великая схима была признана за совершенную степень монашества, то послѣдовательность требовала-

-ронъ. Нъ особенно прославились оказательствомъ своихъ пороковъ монахи бродившіе по міру, какъ это было и въ греціи. О нихъ имѣется сатирическое замѣчаніе Даніила Заточника: „мнози, отшедше міра сего паки возвращаются, аки псы на своя блевотины, на мірское гоненіе: обходятъ села и домы славныхъ міра сего аки псы ласкосердіи, идѣже браци и пирове, ту чернецы, и черницы беззаконіи, отеческій имѣя на себѣ санъ, а блядивъ норовъ, святительскій имѣя на себѣ санъ, обычай похабъ."

Въ pendant къ ненормальнымъ явленіямъ на фонѣ русскаго монашества слѣдуетъ еще сказать о тѣхъ странныхъ употребленіяхъ этого института, какія русскіе взяли по примѣру грековъ уже въ періодъ домонгольскій, именно о постриженіяхъ при послѣднемъ издыханіи и о насильныхъ постриженіяхъ въ цѣляхъ политическихъ и уголовныхъ. Первой обычай возникъ

по-примѣру пр. Ѳеодосія облекать всѣхъ добропорядочныхъ черицовъ между тѣмъ греки распространили у насъ иной взглядъ на дѣло, превращая схиму въ какую то экстрему. Въ этомъ смыслѣ задаетъ вопросъ еп. Нифонту іеромонахъ новгородскій Кирикъ и получаетъ отвѣтъ положительный. „И аще безъ схимы есмь", вопрошаетъ Кирикъ, „помышляю есмь въ себѣ: коли къ старости: тогда ся постригу, коли буду лучій тогда; по худѣ есмь и болень". Отвѣтъ: „доброе еси помыслилъ еже еси рекъ къ старости постригшися въ схиму."

вѣроятно не безъ связи съ средневѣковымъ монашескимъ взглядомъ на иноческое постриженіе, какъ на таинство, какъ на второе крещеніе, отпускающее отъ грѣховъ. Взглядъ за Псевдо-Діонисіемъ Ареопагитомъ (De eccl. hierarch c 6) взглядъ этой настойчиво развивалъ Феодоръ Студитъ (PG t 99 pp. 1521, 1524, 1596); на той же точки зрѣнія стоялъ и Симеонъ Новый Богословъ (Holl Enthusiasmus und Bussgewalt beim griechischen Mönchtum Lpz 1898. Рец. Виз.Вр. VI 475 sqq.) О случаяхъ предсмертныхъ постриженій у насъ мы знаемъ только относительно князей и княгинь и то начиная съ конца XII вѣка. Этотъ суевѣрный обрядъ, усиливавшій людскую совѣсть, ввелся на Руси не безъ борьбы со стороны людей здравомыслящихъ и въ частности бѣлаго духовенства. Первое по времени лѣтописное упоминаніе о появленіи даннаго обычая подъ 1168 год. (Ип.) сопровождается слѣдующимъ характернымъ вводнымъ: великій князь Ростиславъ Мстиславовичъ, егда отходя живота сего маловременнаго и тлѣннаго, молвяше Семьонови попови, отцю своему духовному: „тобѣ воздати слово Богу, заноже воз(бранилъ) ми отъ постриженья." Точно такоже и Кошкаровъ инокъ Печерскій пишетъ въ Патерикѣ: кто, говоритъ, постригите меня, когда увидите, что я буду умирать, — того суетна вѣра и постриженіе. Случай насильнаго постриженія въ интересахъ политическихъ, опредѣленно и ясно засвидѣтельствованный, кромѣ двухъ менѣе увѣренныхъ, извѣстенъ всего одинъ. Въ 1205 году галицкій кн. Романъ Мстиславовичъ побѣдилъ своего тестя Рюрика Ростиславовича и постригъ его вмѣстѣ

съ женою, однако менѣе чѣмъ чрезъ годъ самъ былъ убитъ, а постриженный Игорь сбросилъ черныя ризы и снова княжилъ въ Кiевѣ и Черниговѣ уже лѣтъ 10 лѣтъ.

Человѣческiе порядки вообще очень несовершенны, и если бы они обладали для всѣхъ непреодолимою силой, прогрессъ былъ бы немыслимъ. Къ счастiю, люди, одаренные незауряднымi силами духа, находятъ въ вѣмощныхъ возвышаться надъ несовершенствомъ порядковъ, надъ „заѣдающей средой" и становятся тѣми праведниками, существованiемъ которыхъ искупляется грѣшный мiръ. Наше русское монашество въ этомъ отношенiи сразу же начало свой золотой вѣкъ просiяло величайшими образцами, суроваго, можно сказать, жестокаго личнаго подвига. Всѣмъ извѣстны подвиги этихъ колоссовъ аскетики-первоустроителей нашего монашества Антонiя и Феодосiя Печерскихъ. Как великiя оранжиламеньми такою ревностью „яже по Бозѣ", что способны были заразить его и увлечь всѣхъ лучшихъ соприкасавшихся съ ними натуръ и создать цѣлую дружину духовныхъ богатырей, которая была лучшею жертвой христiанскаго долга отъ новопросвѣщенной Руси. Объ этомъ сонмѣ подвижниковъ свидѣтельствуетъ въ общихъ словахъ и лѣтописецъ. /1074 г./: „Стефану же, говоритъ онъ, послѣ смерти Феодосiя придержащу монастырь и блаженное стадо, еже бѣ совокупилъ Феодосiй, таки бяху черньцы, яко свѣтилы въ Руси сiяють: ови бо бяху постници крѣпци, ови же на бдѣнье, ови же на поклонѣнье колѣнное, ови на пощенье черезъ день и черезъ два

...нии же ячмень хлѣбъ съ водою, или зелье вареное, другій - сыро." Только объ однихъ кіево-печерскихъ подвижникахъ сохранила намъ память известія, но и то, что известно о нихъ, достойно всякаго удивленія, какъ относительно количества подвизавшихся, такъ особенно относительно качества их подвиговъ. Сами преподобные основатели подвижники положили начало подвигу пещерничества. Частное произошло это слѣдующимъ образомъ. Прел. Антоній по возвращеніи съ Афона предполагалъ сначала поселиться въ какомъ-либо изъ Кіевскихъ монастырей, но ему не понравились условія ихъ жизни („не возлюби"), онъ вошелъ въ черту города и случайно нашелъ двухсаженную пещеру, выкопанную въ холмистомъ берегу Днѣпра Бе... ресто[вск]имъ пресвитеромъ Иларіономъ, впослѣд... митрополитомъ Русскимъ; здѣсь онъ поселился и тѣмъ положилъ начало пещерному монастырю. Не смотря на такую случайность событій, по... ...ичаемъ, что пещерничество вовсе не являя... ...ся совершенно оригинальнымъ русскимъ изо... ...брѣтеніемъ. И Антонію и Иларіону извѣстенъ был примѣръ Греціи, гдѣ иночество часто селилось въ пещерахъ. Пещеры тамъ высѣкались въ каменныхъ бокахъ горныхъ утесовъ, были сухи, прекрасно защищали отъ вѣтровъ и, при мяг... ...кой средней годовой температурѣ страны, как ...досель служатъ удобными жилищами и для ...ителей ...итель... и даже для цѣлыхъ сельскихъ и городскихъ обществъ. Знакомство Антонія съ пещерными монастырями Греціи не подлежитъ сомнѣнію, потому что онъ путешествовал на востокъ, а знакомство съ ними на

примѣрами Иларіона утверждается только на основаніи гипотезъ. Знаменитое Иларіоново слово рѣзко отличается отъ другихъ памятниковъ нашей древней письменности, употребленіемъ титула кагана въ приложеніи къ велик. князьямъ: Владиміру и Ярославу. А каганомъ, как извѣстно назывался царь Хазарскій и затѣмъ князь таврическихъ - тмутараканскихъ руссовъ, среди которыхъ жили и русскіе славяне. При кн. Владимірѣ, посадившемъ на тмутараканскій столъ сына Мстислава, связи между Кіевомъ и Таматархой стали особенно близкими и изъ христіанской Тмутаракани несомнѣнно появились переселенцы въ новокрещенную русскую столицу; они то, по стародавнишней привычкѣ и называли великихъ князей Кіевскихъ каганами. Слѣдовательно этимъ рѣдкостнымъ словоупотребленіемъ Иларіонъ выдаетъ въ себѣ таврическаго славяно-русса. Во-вторыхъ, само слово Иларіона проникнуто настойчивой полемикой противъ іудейства съ намеками на очевидныя ходячія возраженія жидовъ противъ Христіанства, видимо автору приходилось близко сталкиваться съ іудеями, как съ религіозной силой, серьезно препятствовавшей распространенію христіанской истины, а также близость и такое значеніе іудейства имѣло мѣсто для русскихъ христіанъ опять въ той же Тмутаракани, находившейся подъ верховной властью хазаръ, и кромѣ того издревле населенной отчасти настоящими евреями 96) Въ третьихъ, наконецъ, необыкновенная, удивительная эрудиція богословскаго и литературнаго

образования Иларіона нечего будетъ объяс-
нить, если допустить, что онъ свою моло-
дость провелъ по соседству съ просвещенными
греческими городами Тавриды, даже въ самыхъ
этихъ городахъ. Следовательно, если Иларіонъ
пришелъ къ мысли уединенной молитвы вы-
копать себе въ этомъ своемъ днепровскомъ бе-
регу пещеру, что онъ сделалъ это по примеру
и по привычке таврическихъ христіанъ, отъ ко-
торыхъ и досель сохранились какъ пещерные
города, такъ и пещерные монастыри. До-
пуская такимъ образомъ для начала рус-
скаго пещерничества внешній образецъ на сто-
роне, мы должны однако признать тотъ фактъ,
что особымъ родомъ подвижничества оно сдела-
лось только у насъ, благодаря суровымъ кли-
матическимъ условіямъ и благодаря той по-
становке, какую сообщилъ ему преп. Антоній.
Впрочемъ находя невозможнымъ существо-
ваніе въ открытой нарытой пещере, кото-
рая зимой могла заноситься снегомъ и не
содержать въ себе ни малейшаго тепла, Анто-
ній углубился въ землю, этимъ достигалась
некоторая защита отъ внешнихъ стихій,
но за то организмъ обрекался на крайне изну-
рительное существованіе среди вечной сыро-
сти при отсутствіи света и свежаго воз-
духа. Такимъ путемъ самое проживаніе въ
подземныхъ, невиданныхъ въ аскетической практи-
ке Востока, пещерахъ становилось подвигомъ.
Пещерничество, какъ спеціальный подвигъ
продолжалось после Антонія и Феодосія, когда
монастырь уже былъ воздвигнутъ надъ землею,

какъ это видно изъ примѣра преп. Феодора Василія, поселившихся въ такъ называемой варяжской пещерѣ, но въ разсказахъ Патерика оно неоднократно является въ соединеніи с другимъ родомъ подвижничества, позаимствованнымъ оттъ Грековъ, именно съ затворничествомъ. Затворы были, судя по нѣкоторымъ намекамъ лѣтописи и въ другихъ мѣстахъ кромѣ Кіева [Л. 1175] и по всей вѣроятности помѣщались въ подземныхъ монастырскихъ кельяхъ, но въ Печерскомъ монастырѣ они находились въ пещерахъ. Печерскіе затворники Исаакій, Никита, Лаврентій, Іоаннъ въ непрерывномъ постѣ и самоумерщвленіи проводили въ затворѣ не только годы, но даже десятки лѣтъ. Въ формѣ затвора было у насъ и столпничество какъ видно изъ біографіи Кирилла Туровского. Примѣромъ крайняго постническаго подвига служитъ Григорій Лободникъ, который „провелъ безъ хлѣба всю свою жизнь; не вкусивъ отъ хлѣба кромѣ просфоры и никакого овоща или питья, но только лебеду и воду." Исаакій затворникъ по вступленіи въ монастырь придумалъ для изнуренія своей плоти слѣдующую оригинальную одежду: облекся въ колючую власяницу, а поверхъ ея въ сырую шкуру, снятую съ козла, обсохнувъ вокругъ его тѣла шкура тѣсно прижимала къ нему власяницу, не давая ни секунды покоя. Тотъ же Исаакій принялъ на себя впослѣдствіи и подвигъ юродства.

Монастыри по первоначальной своей задачѣ вовсе не имѣли въ виду какого нибудь строенія человѣческимъ обществамъ; они

напротивъ старались какъ можно далѣе
избѣгать отъ нихъ. Но такъ какъ послѣднiи
было за исторiею монастырей, уже связанныхъ
съ мiромъ, то и привыкли съ уважать съ
ихъ какихъ либо заслугъ предъ общественною.
Внѣ всякаго сомнѣнiя стоитъ, конечно,
благотворное влiянiе монастырей направленное
на состоянiе грубого языческого общества. Одинъ
историкъ европейской культуры /Lecky/ такъ
характеризуетъ эту воспитательную заслугу
средневѣковыхъ монастырей: „Первое условiе
всякаго дѣйствительнаго совершенства," говоритъ онъ, „есть духъ полнѣйшаго самопожертвованiя и самоотрицанiя. Привычки къ компромиссамъ, умѣренности, взаимному самоограниченiю и вѣжливости, столь благопрiятныя для развитiя утилитарной цивилизацiи, содѣйствовали воспитанiю лишь второстепенныхъ добродѣтелей; но въ человѣческой природѣ есть способность къ высшему болѣе героическому совершенству. Какъ бы ни были несовершенны и даже нелѣпы идеалы анахоретства, какъ ни глубока была въ немъ примѣсь духовнаго эгоизма, но примѣръ многихъ тысячъ людей, которые повинуясь тому, что они считали истиннымъ, добровольно отбрасывали все, что человѣкъ привыкъ считать дорогимъ, и рѣшались безъ всякаго компромисса отказаться отъ всѣхъ наслажденiй и поставить крайнее самоотрицанiе единственнымъ принципомъ жизни, — такой примѣръ не могъ остаться безъ влiянiя на жизнь. Въ то время когда увеличивающiяся богатства

глубоки испытывали сладости представителей церкви, они одни грешили; любишь радость больше чѣмъ всё остальное; безславное болѣе чѣмъ славу; отдавать болѣе чѣмъ получать — Самая эксцентричность ихъ жизни или грубая формы, ихъ ужасающія покаянія привлекали удивленіе грубыхъ людей, а суевѣрное благоговѣніе къ монахамъ постоянно переходило въ народъ въ чувство милосердія и состраданія, что составляло специфическую черту монастырей".[125] Тоже слѣдуетъ сказать и о нашихъ монастыряхъ. Отношеніе стихійнаго русскаго общества въ наглядныхъ и даже болѣе въ рельефныхъ, бьющихъ въ глаза формахъ съ идеаломъ христіанскаго самоотреченія было первой и главнѣйшей христіанизаторской задачей русскихъ монастырей и изъ нихъ болѣе всего монастыря Кіево-печерскаго. "Предъ очами русскаго міра не по пиршеству княжескихъ и бояръ, а слезами, молитвою и постомъ выросъ Печерскій монастырь, міръ совершенно особыхъ отношеній и непостижимый для полуязыческаго общества бояръ. Міръ подвижниковъ презиралъ то, чему поклонялся міръ человѣческій и особенно языческій и ревновалъ о томъ, чего совершенно не понималъ языческій міръ и о чемъ только въ поученіи слышалъ тогда міръ христіанскій. Кромѣ разнообразнаго проявленія подвижничества Печерскій монастырь выставилъ и примѣръ страданій за вѣру и правду, которые также хорошо постигалъ русскій міръ своего религіознаго настроенія
1866. Иконник., Куприн., 8-стр. [illegible]). Жизнь бл.

Бога до готовности умереть за Него открыла надъ Печерскимъ монастыремъ небо и наполнила его лицами сверхъестественными. Тамъ чудеса. Тамъ изгоняютъ бѣсовъ, умножаютъ медъ и хлѣбъ, исцѣляютъ больныхъ, пророчествуютъ. Туда сходятъ ангелы. Сама Богоматерь принимаетъ участіе въ построеніи Печерской церкви. Словомъ, Печерскій монастырь въ сознаніи современниковъ сталъ „подобенъ небеси". Жизнь Печерскаго монастыря съ его подвигами, мученичествомъ и чудесами и была однимъ изъ крѣпкихъ корней, которыми приросло Христіанство къ русской почвѣ,— была его неотразимой, но блестящей апологіей (С. Смирновъ Знач. Печ. м. с. 14-15). Поэтому авторъ похвалы преп. Өеодосію, помѣщенной въ Кіево-печерскомъ Патерикѣ, вполнѣ основательно ставитъ Өеодосія за его иноческій подвигъ наравнѣ съ крестителемъ Руси, такъ какъ онъ вмѣстѣ съ учителемъ своимъ Антоніемъ первый показалъ русскимъ людямъ путь полнаго отреченія отъ всѣхъ прелестей міра, путь новой, святой христіанской жизни[105].

Неудивительно, что послѣ перваго и такого внушительнаго урока русскій народъ усвоилъ себѣ аскетическое чисто монастырское пониманіе Христіанства. Въ томъ же направленіи монастыри оказывали вліяніе на народъ еще чрезъ такъ называемыхъ учительныхъ монаховъ, къ которымъ, при поголовной почти неспособности приходскаго духовенства къ народному учительству, охотно стекались ново-

просвещенные русские люди. Выдающійся типъ учительнаго монаха представляетъ собою инокъ Авраамій Смоленскій. О Никитѣ затворникѣ печерскомъ извѣстно, что, обладая способностями и даромъ учительства, онъ не былъ въ нихъ этого даже ригористомъ своего подвига и принималъ у себя въ затворъ искавшихъ его наставленій. Правда мы не имѣемъ никакихъ основаній предполагать сколько нибудь значительное количество такихъ исключительно одаренныхъ и исключительно популярныхъ учительныхъ монаховъ; однако и рядовое монашество практиковало пастырскую обязанность учительства въ самыхъ широкихъ народныхъ кругахъ благодаря древне русскому институту духовничества, составъ котораго, какъ мы уже упоминали, пополнялся преимущественно монахами. Право исповѣди, право быть въ тѣсномъ смыслѣ „духовнымъ отцемъ" своихъ пасомыхъ у насъ, по примѣру греческой церкви, не принадлежало всѣмъ безъ исключенія іереямъ въ силу самого ихъ сана, а составляло привилегію болѣе опытныхъ изъ нихъ въ духовной жизни /по идеѣ/, облекавшихся званіемъ духовниковъ по особому епископскому благословенію. Наиболѣе опытными для практики были признаны іереи изъ монаховъ, которые принимали къ себѣ на исповѣдь мужей, женъ и дѣтей, состоя въ этомъ служеніи или при приходскихъ церквахъ, или даже внутри монастырей. Всѣмъ мірянамъ предоставлялась полная свобода въ выборѣ духовныхъ

отцовъ и только рекомендовалось держаться разъ избраннаго руководителя въ христіанской жизни до конца дней своихъ. Вліяніе духовнаго отца на своихъ покаяльныхъ дѣтей обезпечивалось тѣмъ высокимъ и непререкаемымъ авторитетомъ, какой приписывается ему въ многочисленной серіи какъ переводныхъ такъ и оригинальныхъ древне-русскихъ церковно-практическихъ памятниковъ. Въ одномъ древнемъ иноческомъ поученіи послушаніе духовному отцу доводится до такой крайней степени, обращенной къ иноку: „аще вои и повельно будетъ отцемъ твоимъ вовреищися въ море, да речеши ему: «боюся послушанія отче», и аще речетъ «не бойся», — вниди, аки велико имѣніе приобрѣтшій," т. е. рекомендуется безусловное послушаніе даже въ случаѣ угрожающаго преслѣдованія. Находясь въ столь благопріятныхъ условіяхъ для воспитательныхъ вліяній на народъ, древне-русскіе духовники-монахи несомнѣнно сильно повліяли на складъ религіозно нравственныхъ возрѣній нашихъ предковъ. А насколько типично-монашескими, внѣшне аскетическими были взгляды самихъ духовниковъ-монаховъ на христіанскую религію можно видѣть изъ ихъ собственныхъ записокъ относительно своей практики, образецъ которыхъ можно находить въ произведеніи „Вопрошаніе Кирика." Въ основѣ этическаго міросозерцанія Кирика лежитъ идея аскетизма, понимаемой почти исключительно

въ физическомъ смыслѣ. Сущность нравственныхъ обязанностей христіанина Кирикъ видитъ главнымъ образомъ въ его отношеніяхъ къ христіанской святынѣ. Его взглядъ развивается такимъ образомъ. На нашу грѣшную землю явилась святая церковь и принесла съ собой святыню таинствъ, храма и всѣхъ предметовъ богослужебнаго употребленія, а между тѣмъ человѣкъ нечистъ и можетъ осквернить святыню. Источникъ нечистоты его въ плоти: нечисто тѣло человѣка, нечиста пища, нечиста женщина, нечистъ бракъ, нечисто рожденіе... Отсюда у Кирика возникаютъ двѣ главныя мысли: какъ сохранить отъ человѣческой скверны христіанскую святыню, т. е. какъ избѣжать человѣку грѣха и какъ получить прощеніе за грѣхъ, разъ онъ произошелъ; въ послѣднемъ случаѣ онъ „признаетъ достаточными средства чисто формальнаго характера: добросовѣстно выполненную повинность эпитимьи или опредѣленное количество отслуженныхъ литургій" (С. Смирновъ, Др.-рус. духовн. с. 76 и 87).

Кромѣ религіозно нравственнаго строенія русскому народу наши древніе монастыри не запятнали себя невниманіемъ и къ горькимъ житейскимъ нуждамъ мірского человѣка, къ тѣмъ невзгодамъ космической суеты, въ которыхъ даже тварь ему совоздыхаетъ и соболѣзнуетъ. Изъ исторіи Печерскаго монастыря мы знаемъ трогательные примѣры милосердаго участія его лучшихъ братій къ страдающимъ бѣд-

наго не культурнаго человѣка, состоящаго въ тяжеломъ рабствѣ у неумолимой природы и у себѣ подобныхъ. Препод. Ѳеодосій безъ слезъ не могъ видѣть нищаго и убогаго. Для всѣхъ такихъ обездоленныхъ судьбой онъ устроилъ при монастырѣ богадѣльню, на которую и тратилъ десятую часть монастырскихъ доходовъ, не взирая на ропотъ многочисленной братіи, которой онъ напоминалъ въ своихъ поученіяхъ, что сами они пользуются благотворительностью отъ міра и что платить міру должно не одной только молитвой, а и милостыней. Завѣты св. игумена не остались безплодными. Вскорѣ послѣ его смерти, въ концѣ XI в. вслѣдствіе политическихъ осложненій пріостановленъ былъ импортъ галицкой соли. Кіевскіе барышники немилосердно подняли цѣны на этотъ необходимый и послѣднему бѣдняку предметъ. На выручку бѣднымъ людямъ явился Печерскій монастырь, который открылъ для дешевой продажи свои запасы соли и этимъ сбивалъ рыночную цѣну. Во время голодовокъ Прохоръ Лебедникъ прокормилъ многихъ алчущихъ необыкновенными продуктами своей аскетической кухни. Преп. Ѳеодосій показалъ также примѣръ заступничества и благотворенія жертвамъ тогдашняго правосудія. Каждую субботу онъ отправлялъ возъ печенаго хлѣба заключеннымъ въ узахъ. Осужденные находили въ лицѣ св. игумена вѣрнаго ходатая предъ княземъ и тіунами и достигали чрезъ него избавленія, пото-

мучно, по словамъ Нестора, судьи и немо-
ли присмиритися его за его святость.
Однажды явилась въ Печерскій монастырь
неправедно осужденная вдова; встрѣтивъ
Θеодосія и не узнавъ его, попросила его про-
водить ее къ игумену. На вопросъ Θеодосія:
„Зачѣмъ онъ тебѣ нуженъ, вѣдь онъ человѣкъ
грѣшный?" вдова отвѣчала: „Я не знаю это-
го, а знаю, что онъ многихъ избавилъ отъ пе-
чали и напасти и пришла просить его
защиты предъ судомъ".

Что касается просвѣтительнаго
значенія древнерусскихъ монастырей, то
о немъ, можетъ быть, не слѣдуетъ выра-
жаться такъ сильно какъ это обыкно-
венно принято. Монастыри могли слу-
жить весьма богатыми книжными цен-
трами, если бы всѣ они были устроены
по точнымъ указаніямъ общежительна-
го студійскаго устава, въ которомъ за-
ключалось, чтобы въ свободное отъ работы
и молитвы время въ своя келія всяко-
му ходо читати и ту сидѣти и къ бо-
жественнымъ прилежати писаніямъ".
Но такъ какъ уставъ этотъ далеко не
вездѣ выполнялся лишь нѣкоторыми
монастырями и при томъ въ возможно
урѣзанномъ видѣ, то допускать только на
основаніи буквы устава всюду по мона-
стырямъ существованіе библіотекъ четіихъ
и не богослужебныхъ книгъ, книгъ-бреденъ
крайне рискованно. Но насколько усердно
старался выполнить всѣ пункты Сту-

дійскаго устава въ своемъ монастырѣ преп.
Ѳеодосій, настолько усердны были и заботы его
о созданіи у себя монастырской библіотеки.
Чернецъ Иларіонъ, хитрый писать книги
по вся дни и нощи писаше их въ келіи бла-
женнаго," сообщаетъ Несторъ. „Никонъ пе-
реплеталъ книги, а самъ Ѳеодосій пряль для
него нити. Такимъ образомъ если преп.
Ефремъ увѣщевалъ въ одномъ изъ своихъ по-
ученій братію быть бодрыми „на пре-
данья отеческая и монастырская книже-
ния", то, очевидно, говоритъ имѣя въ ви-
ду уже наличное существованіе создан-
ной имъ библіотеки. Само собою
разумѣется, что грамотность въ мона-
стырѣ предполагалась какъ бы обще-
обязательной. О неграмотномъ инокѣ
Поликарпъ сообщаетъ какъ о явленіи ред-
комъ.[126]) О сравнительной высотѣ книж-
наго просвѣщенія монастыря свидѣтельс-
твуетъ рядъ писателей-монаховъ вы-
шедшихъ изъ него /Ѳеодосій, Несторъ, Симонъ,
Поликарпъ/ и драгоцѣнная русская лѣ-
топись, очень многимъ ему обязанная.

Такимъ образомъ просвѣ-
тительная для русскаго народа роль
покрайней мѣрѣ одного печерскаго
монастыря-внѣ всякаго сомнѣнія.

Вліяніе христіанства на русскую жизнь.—
(Въ домонгольскій періодъ)

Всѣ существующія въ человѣческихъ обществахъ организаціи или учрежденія не имѣютъ цѣли въ самихъ себѣ, а служатъ только средствами для устроенія благополучія людей и ихъ совершенствованія.– Всякія правительства существуютъ „не да послужатъ имъ, но послужити".– Поэтому историкъ, изображая различныя стороны того или иного института, обозрѣваетъ только арсеналъ тѣхъ средствъ, при помощи которыхъ данный институтъ осуществляетъ свое назначеніе въ людскомъ обществѣ, и приступаетъ къ центральной проблеммѣ историческаго знанія лишь тогда, когда отвѣчаетъ на вопросъ, что дѣйствительно сдѣлало изучаемое учрежденіе для жизни общества (непосредственно, или посредственно),– такъ какъ дерево познается по плодамъ. Очертивъ, насколько хватило намъ времени, общій строй почти всѣхъ главнѣйшихъ сторонъ русской церкви за первый періодъ ея исторической жизни, спѣшимъ отвѣтить вкратцѣ и на указанный главный вопросъ о плодахъ ея христіанизирующей дѣятельности за тотъ же самый періодъ.–

Начнемъ съ первой, вступительной и въ тоже время основоположительной задачи, предстоявшей устроенной на Руси церкви:– водворить въ языческой душѣ русскаго человѣка

новую христіанскую вѣру.- Выполненіе этой задачи въ своей первой стадіи облегчалось существомъ языческихъ религіозныхъ воззрѣній вообще.- Новая религія принималась язычникомъ съ сравнительнымъ удобствомъ потому, что для него всѣ религіи были одинаково истинны, всѣ боги одинаково реальны; но потому же самому для него немыслима была и перемѣна вѣры, т. е. отрицаніе старой и принятіе на мѣсто ея новой.- Душѣ язычника свойственно было странное на нашъ взглядъ совмѣщеніе или, точнѣе, подъ поставленіе нѣсколькихъ вѣръ.- Сохранилось очень милое по своей откровенной наивности разсужденіе балтійскихъ славянъ-язычниковъ, высказанное въ I ¼ XII в., когда у нихъ вводилось христіанство; вотъ оно: „Nobis consilium videtur, ut Deum christianorum habeamus et tamen antiquos deos nostros non dimittamus et juxta illius aram nostris quoque diis aram constituamus, ut eos omnes pariter colendo illum et istos pariter habeamus propitios." (Acta SS. Boll. Jun. t. I p. 414).- Точно также и на Руси въ первое время послѣ принятія христіанства, хотя искусственныя требища идольскія были разорены и служеніе старымъ богамъ было запрещено, но простыя народныя массы никакъ не могли преисполниться такого дерзкаго раціонализма, чтобы отрицать существованіе національныхъ боговъ, и, привыкая къ служенію христіанскому Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ благоговѣйно чтили и свои прежнія святыни.- Молитва въ христіанскомъ храмѣ не успокаи-

вала пугливой мысли русскаго новокрещенца и вы-спрашивать помолиться въ овинѣ, въ хлѣбное поле, въ рощу и къ водѣ,[1] чтобы не обидѣть исконныхъ покровителей его бытовой жизни, - и приносить обычныя жертвы на болотахъ и у колодцевъ.[2] Періодъ такого чистаго и сознательнаго двоевѣрія, какъ обычное явленіе въ народной жизни, судя по времени написанія памятниковъ, говорящихъ о немъ, обнималъ XI, XII, отчасти даже XIII вѣкъ. - Съ теченіемъ времени однако подъ вліяніемъ настойчивыхъ преслѣдованій духовенства, суду котораго подлежали проступленія противъ христіанской вѣры, безпрерывной проповѣди о томъ, что боги языческіе - это злые демоны, и проникновенія духовнаго вѣроученія, сознательная вѣра въ старыя божества померкла въ сознаніи народномъ. - Вѣроятно духовенству обязанъ своимъ происхожденіемъ тотъ способъ декаганизаціи народно-религіознаго сознанія, по которому черезъ подмѣнъ нѣсколькихъ языческихъ боговъ образами христіанскихъ святыхъ (Перуна - образомъ Иліи Прор., Волоса - св. Власія, Ярилы - св. Георгія) эти боги какъ бы замаскировались и исчезли съ горизонта народнаго міровоззрѣнія. Съ потерею сознательной вѣры въ прадѣдовскихъ боговъ окончился первый періодъ чистаго двоевѣрія. Но христіанству рано еще было торжествовать полную побѣду. - Въ народномъ вѣросознаніи посл…

---

1) Обширн. редакц. Церк. Устава кн. Владиміра (Макар. I², 285) -

2) Правило митрополита Іоанна II (ів - II², 372). -

…тряты особыхъ языческихъ божествъ остава-
…лась еще нетронутою цѣлая обширная область
…язычества, именно-весь, тѣсно сросшійся съ на-
…роднымъ бытомъ, культъ послѣдняго, съ систе-
…мой годовыхъ праздниковъ, съ множествомъ по-
…этически-символическихъ обрядовъ; сюда же принад-
…лежали искорененныя даже у цивилизованныхъ
…народовъ и между тѣмъ характерно-языческія
…пристрастія: съ разнообразными гаданіями о бу-
…дущемъ и къ привлеченію сверхъестественной
…силы путемъ волшебства и чародѣйства. Таким
…образомъ, двоевѣріе сознательное смѣнялось без-
…сознательнымъ, но тѣмъ не менѣе все-таки двое-
…вѣріемъ; при этомъ народное язычество какъ бы
…только возглавлялось христіанской теологіей и
…клонялось весьма частностями христіанскихъ
…[illegible]ніемъ и обрядности. – Русскіе люди – вполнѣ
…авовѣрные христіане – открыто исповѣдывали вѣ-
…у въ волхованія и волхвовъ (напр. лѣтописецъ о Все-
…славѣ Полоцкомъ. Лавр. 1044 г.), не говоря уже о ка-
…кихъ-нибудь простыхъ женщинахъ, всецѣло полагавших-
…ся на силу послѣднихъ. – Въ урочныя времена справ-
…лялись языческіе праздники съ ихъ непристойны-
…ми игрищами и пѣснями, отвлекавшими на-
…родъ отъ посѣщенія христіанскихъ храмовъ. – Въ
…мьяхъ обряды стараго языч. богослуженія сохра-
…нялись во всей цѣлости: тамъ по прежнему
…правлялись традиціонныя трапезы домашнимъ
…божествамъ Роду и Рожаницамъ, при чемъ обряды
…относились ко времени праздника Рождества Хри-
…стова, и былые боги смѣшивались съ образомъ
…Бр. Богородицы, родившей Христа. – Вообще же пе-
…ріодъ безсознательнаго двоевѣрія, продолжающійся

въ ослабленной формѣ въ народѣ и досель, хорошо вамъ известенъ въ своихъ характерныхъ частностяхъ и изъ исторіи литературы и изъ личныхъ наблюденій надъ народной жизнью.- Таковы были результаты отрицательной дѣятельности церкви, направленной противъ старой языческой вѣры русскаго народа.- Медленность успѣховъ въ этомъ миссіонерскомъ дѣлѣ русской церкви зависѣла отъ скудости просвѣтительныхъ средствъ, находившихся въ ея распоряженіи: за исключеніемъ исключеній въ общемъ не было народныхъ школъ, не было книгъ, не было учителей.- Темное, полуграмотное духовенство нерѣдко само не возвышалось надъ двоевѣріемъ народной вѣры.- Авторъ одного обличительнаго поученія о двоевѣрно-живущихъ вооружается противъ обычая освящать торжественныя яства по языческимъ обрядамъ и говоритъ, что „попове и книжницы - одни, видя дѣянія злая и слыша о нихъ, не хотятъ учити, другіе-же и сами пріобщаются имъ, допускаютъ совершеніе языческаго дѣйства и ядятъ моленое то брашно." Что касается положительной стороны дѣла, т.е. насколько народъ ознакомленъ былъ съ самымъ религіознымъ ученіемъ христіанства, то неутѣшительный примѣръ даже настоящаго времени даетъ намъ все основаніе держаться на этомъ счетъ самыхъ пессимистическихъ воззрѣній, именно - предполагать въ народѣ крайнюю скудость понятій о христіанской религіи.- Досель мы имѣли въ виду общую массу русскаго народа, далеко стоявшаго отъ источниковъ просвѣщенія. Что же касается людей богатыхъ, князей, передовыхъ представителей русскаго духовенства и

нѣкоторыхъ жителей крупныхъ городскихъ центровъ, имѣвшихъ доступъ къ сокровищамъ книжной мудрости, то въ ихъ средѣ новая религія въ большинствѣ случаевъ и принята была съ полной сознательностью какъ единая, истинная вѣра, исключавшая всѣ другія, и усвоена съ такою полнотой и глубиной, что по тексту литературныхъ памятниковъ, принадлежащихъ ихъ перу, съ удобствомъ можетъ быть составлена цѣлая православная Догматика. Не принимая на себя такой схоластической задачи, отмѣтимъ только одну, если не характерную, то во всякомъ случаѣ важную черту въ христiанскомъ вѣропониманiи русскихъ книжныхъ людей того времени и, къ сожалѣнiю, черту не положительную. Именно, наряду съ существенными пунктами христiанскаго вѣро- и нравоученiя, точнѣе — преимущественно предъ послѣдними, ихъ вниманiе приковали къ себѣ и самыя мелочныя явленiя церковной обрядности, къ области которой они стремились отнести еще массу бытовыхъ казусовъ, почти не имѣвшихъ никакого отношенiя къ религiи. Такъ, напр., въ Ярославовъ Уставъ попадаетъ стриженiе бороды и головы, какъ церковное преступленiе. Вопрошанiе Кириково изобилуетъ множествомъ недоумѣнныхъ вопросовъ, въ которыхъ сквозитъ крайне преувеличенный взглядъ на значенiе внѣшнихъ мелочей въ дѣлѣ христiанской жизни и спасенiя; вопросы о пищѣ занимаютъ одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ: можно-ли ѣсть рыбью кровь, мясо бѣлки, тетеревину? За послѣднее самъ епископъ велѣлъ не давать причастiя. Далѣе — во что можно одѣваться?

Наконецъ, классическій вопросъ о постукиваніи яйцемъ въ зубы и т. д. Вел. кн. Изяславъ Ярославичъ задается вопросомъ о дозволительности закланія въ воскресные дни животныхъ для пищи и о порядкѣ соблюденія поста въ среду и пятницу, когда на нихъ упадаютъ праздники. – Послѣдній вопросъ спустя менѣе чѣмъ черезъ столѣтіе явился темою горячихъ споровъ, занявшихъ умы русскихъ людей и іерархіи, при чемъ крайне-строгое ученіе ростовскаго еп. Льва окрещено было громкимъ именемъ „ереси". Во всѣхъ этихъ вопросахъ и спорахъ такъ и слышится духъ того религіознаго міровоззрѣнія, на почвѣ котораго могли возникнуть неслыханные въ мировой исторіи скандальные по своему неразумію, пренія о сугубой аллилуйѣ и т. п. „христіанскихъ догматахъ". Преувеличенное вниманіе къ указаннымъ обряднымъ частностямъ людей книжныхъ и лицъ іерархическихъ, единственныхъ учителей и руководителей темныхъ народныхъ массъ, поставленіе ими какъ бы знака равенства между существенными тезисами христіанства и весьма побочными въ немъ мелочами имѣло самое предательское вліяніе на вѣропониманіе простого народа: получилось той ложкой дегтя, которая попортила всю бочку мёда, или тѣмъ малымъ квасомъ, который все смѣшеніе квасить. – Грубый, матеріалистическій взглядъ недавнихъ язычниковъ на отношенія между Божествомъ и человѣкомъ охотно ухватился за цѣпь обрядовыхъ предписаній, предложенныхъ ему въ качествѣ средствъ душеспасительныхъ, и тѣмъ отрѣзалъ себѣ путь къ надлежащему пониманію

уяйствительно спасающихъ началъ христіанской религіи. — Знакъ равенства между нравственной и обрядовой праведностью, такъ непродолжительно поставленный посредъ лицомъ народа его руководителями, ввелъ въ соблазнъ малыхъ сихъ, и они постарались обратить его къ себѣ самой выгодной стороной, т. е., выходя изъ доступныхъ имъ конкретныхъ правилъ обрядовой праведности, заключать отсюда къ самому существу христіанскаго спасенія, какъ чему-то внѣшнему, достигаемому не внутреннимъ возрожденіемъ, а (въ духѣ язычества) — магическими средствами обрядности. Вообще — это только печальная ошибка, будто христіанство должно быть преподносимо народу съ осязательной, обрядной стороны; наоборотъ, — упрощая терминологію и формулировку, христіанскій катехизисъ ни на градусъ не долженъ принижать самаго смысла высокихъ основъ спасительной религіи до уровня низменныхъ тенденцій грѣшнаго человѣка, иначе произойдетъ то, что произошло и происходитъ...

— Отъ характеристики усвоенія и пониманія христіанской религіи русскими людьми переходимъ къ указанію тѣхъ внѣшнихъ дѣлъ религіозности, которые служили выраженіемъ степени привязанности и расположенія русскаго народа къ христіанству и отчасти выраженіемъ того же пониманія вѣроученія. — Источники на этотъ разъ очень мало сообщаютъ намъ свѣдѣній о религіозности простого народа и почти все, что говорятъ, то говорятъ о русскихъ князьяхъ и вообще объ аристократическомъ меньшинствѣ, наиболѣе просвѣщенномъ —

и наиболѣе прочно христіанизированномъ.- Набожность, измѣряемая большимъ или меньшимъ усердіемъ къ молитвѣ домашней и общественной, къ строенію и благоукрашенію церквей и къ нѣкоторымъ др. дѣламъ внѣшняго благочестія, повидимому сразу не сдѣлалась довольно характерною чертою всѣхъ русскихъ людей, хорошо усвоившихъ новую религію.-

Лѣтопись сохранила намъ примѣры необыкновеннаго прилежанія къ молитвѣ.- Изъ разсказа объ убіеніи св. кн. Бориса видно, что онъ имѣлъ обычай ежедневно пѣть заутреню и, вѣроятно, и другія службы дневного круга.- Владиміръ Мономахъ въ своемъ поученіи къ дѣтямъ даетъ имъ съ полной увѣренностью въ удобоисполнимости такое правило: творить молитву каждый день предъ восходомъ солнца, по восходѣ солнца, и вечеромъ; это было не отвлеченное наставленіе: такъ дѣлалъ, по словамъ Мономаха, отецъ его и „вси добріи мужи свершеніи".- Усердіе къ церковной молитвѣ у князей и бояръ облегчалось множествомъ домовыхъ церквей и священниковъ; по нѣкоторымъ даннымъ можно заключать, что и дѣйствительно они имѣли привычку къ постоянному посѣщенію богослуженія.- Отправляясь въ походъ, князья берутъ съ собою священниковъ. Командированный для усмиренія бунта на сѣверъ ростовской земли бояринъ Янъ Вышатичъ также имѣетъ при себѣ священника.- Игорь Святославичъ, кн. Новградъ-Сѣверскій, очутившись въ плѣну у Половцевъ, проситъ, чтобы ему присланъ былъ изъ отечества

понъ со святою службою.-

Усердіе къ построенію храмовъ также весьма рекомендуетъ набожность др.-русскихъ князей, но чего-нибудь необыкновеннаго въ этомъ отношеніи не было.- Нѣкоторые историки, поражаясь числомъ 600 церквей, сгорѣвшихъ въ 1124 г. въ Кіевѣ, заключаютъ отсюда о безпримѣрной ревности князей къ храмозданію, между тѣмъ дешевыя домовыя церкви, каковыя главнымъ образомъ и разумѣются въ этомъ громадномъ числѣ, совсѣмъ не требовали для своего появленія какихъ-либо особенныхъ жертвъ и усилій со стороны людей состоятельныхъ и даже строились не по мотивамъ чистой религіозности, а въ значительной степени изъ житейскаго тщеславія.- Странная грубость понятій наблюдается однако въ отношеніяхъ князей къ святынѣ храмовъ, столь усердно ими созидавшихся и украшавшихся.- Среди своихъ междоусобныхъ войнъ князья слѣпо вѣрили, что небесные покровители ихъ урѣла вмѣстѣ съ ними ревнуютъ о побѣдахъ и обогащеніяхъ на чужой счетъ.- Поэтому Богородица Владимірская украшается награбленной святыней изъ Богородицы Кіевской, Софія Полоцкая – изъ Софіи Новгородской и т.п. Въ 1066 г. Всеславъ Полоцкій при взятіи Новгорода унесъ изъ Св. Софіи колокола, паникандила и церковные сосуды.- Въ 1171 г. войска Андрея Боголюбскаго захватили Кіевъ „и грабиша", говоритъ лѣтописецъ, „монастыри и Софью и Десятинную Бцю: церкви обнажиша иконами и книгами и ризами, и колоколы изнесоша вся, и вся святыни взяты бѣсть".- Въ 1203 г. черниговскіе князья, съ помощью

которыхъ Рюрикъ Ростиславичъ отнялъ Кіевъ у своего соперника, „митрополью св. Софію разграбиша, и Десятинную св. Богородицю разграбиша и монастыри всѣ, и иконы одраша, а иныя поимаша, и кресты честные и сосуды священные и книги, то положиша все собѣ у полонъ“.- Во всемъ этомъ сказалась какъ будто закваска узкаго языческаго политеизма, врагомъ бывшаго божество и святыню на столько ж враждующихъ лагерей, на сколько создавала ихъ человѣческая исторія.-

Очень полюбилось русскимъ еще одно средство внѣшняго богоугожденія, именно - путешествія ко св. мѣстамъ.- Случаи такихъ путешествій намъ извѣстны начиная съ времени преемника св. Владимира, кн. Ярослава; въ это время ходилъ на востокъ преп. Антоній, тогда же хотѣлъ уйти въ Іерусалимъ юноша - Ѳеодосій вмѣстѣ съ группой другихъ странниковъ. Вмѣстѣ съ игуменомъ Даніиломъ въ нач. XII в. въ св. землю путешествовала цѣлая дружина русскихъ людей.- Во II ½ XII в., какъ узнаемъ изъ житія и хожденія преп. Евфросиніи полоцкой, въ Іерусалимѣ былъ особый русскій м̃нрь Пр. Бц̃ы, основанный русскими монахами вѣроятно для пріюта отечественныхъ паломниковъ, которые къ тому времени чрезвычайно умножились. Дорога къ Іерусалиму стала казаться русскимъ людямъ настолько проторенною, что они, по разнымъ поводамъ, давали зачастую обѣтъ сходить въ Св. Городъ, а для большаго обязательства связывали себя клятвой (Вопрош. Кирика).- Еп. Нифонтъ Новгородскій находилъ, что стремленіе къ па

ломничеству возросло до излишества и ко вреду государства отнимало отъ обычныхъ занятій массу рабочихъ рукъ.- Были и положительныя злоупотребленія благочестивымъ дѣломъ. По словамъ того же Нифонта, многіе ходили по святымъ мѣстамъ только за тѣмъ, чтобы праздно ѣсть и пить:, того дѣля идетъ абы порозну ходяче ясти и пити".-

Такимъ образомъ, русская церковь Кіевскаго періода успѣла создать въ религіозномъ отношеніи (въ тѣсномъ смыслѣ этого слова) общій типъ человѣка, искренно исповѣдующаго христіанскую религію, болѣе или менѣе усердно исполняющаго дѣла внѣшняго богопочитанія, но въ тоже время очень мало знающаго и плохо разумѣющаго основы исповѣдуемой имъ религіи и кромѣ того еще опутаннаго сѣтью стараго языческаго міропониманія.-

Религія, какъ доктрина и какъ система мистическихъ вліяній на природу человѣка, однимъ этимъ еще далеко не исчерпываетъ своего назначенія.- И знаніе истины, сообщаемое доктриною, и реальная связь человѣка съ Богомъ, устанавливаемая въ таинствахъ, служатъ опять только средствами для осуществленія центральной, такъ сказать,-сердцевинной задачи религіи:- нравственнаго возвышенія человѣка и его ipso ассимилированія его съ Источникомъ всего существующаго, что въ свою очередь составляетъ уже конечную цѣль религіи,- какъ устроительницы общемірового благополучія.- Поэтому въ исторіи церкви собственно говоря нѣтъ ничего важнѣе, какъ вопросъ о томъ, насколько церковь улучшила людей нравственно

Но обыкновенно параграфы исторій, соотвѣтствующіе этому вопросу, бываютъ краткими очень; это-благодаря нѣкоторой неуловимости предмета, большею частью недостаточно и не прямо отраженнаго въ историческихъ документахъ. Русская церковь начала свою нраво-воспитательную миссію среди народа съ первобытной языческой религіей, нисколько не проникнутой началами нравственными въ томъ собственномъ смыслѣ, въ какомъ мы ихъ обычно понимаемъ. Въ отличіе отъ религій, сложившихся подъ воздѣйствіемъ болѣе или менѣе развитой философской мысли, каковы-древне-персидская, буддизмъ, конфуціанство,- и проникнутыхъ въ извѣстной степени моралью любви, самоотреченія, или по крайней мѣрѣ юридической честности, религіи первобытныя, къ которымъ принадлежатъ даже древнѣйшія религіи грековъ и римлянъ,-стоятъ ниже нашихъ понятій о нравственномъ вообще и могутъ быть названы прямо безнравственными;-въ нихъ боги являются покровителями сильныхъ и коварныхъ и служителями ихъ страстей; поэтому, какъ отношенія людей къ богамъ, такъ и людей между собой пріобрѣтаютъ въ нихъ чисто корыстный, эгоистическій характеръ.- Не даромъ Платонъ считалъ Гезіода и Гомера развратителями народа и говорилъ, что первый изъ нихъ прикованъ въ аду къ мѣдному столбу, а другой повѣшенъ на деревѣ и обвитъ змѣями-за басни о богахъ.- Свидѣтельства о низости нравственныхъ понятій въ норманно-славянской религіи русскихъ и вообще о низости нравовъ въ средѣ

последнихъ можно находить у арабскихъ писателей.- Ибнъ-Фодланъ такъ изображаетъ картину отношеній торговаго древне-русса къ своимъ богамъ. „Во время прибытія русскихъ судовъ къ якорному мѣсту, каждый изъ нихъ выходитъ, имѣя съ собою хлѣбъ, мясо, молоко, лукъ и горячій напитокъ, и приближается къ высокому поставленному столбу, имѣющему лице похожее на человѣческое, а кругомъ его малыя изображенія.- Онъ подходитъ къ большому изображенію, простирается предъ нимъ и говоритъ: „о, господине! Я пришелъ издалека и привелъ много дѣвушекъ, столько-то соболей, столько-то шкуръ...,- пока не перечислитъ всё, что онъ привезъ съ собою изъ своего товара.- Затѣмъ говоритъ: Этотъ подарокъ принесъ я тебѣ,- и оставляетъ принесенное имъ предъ столбомъ, говоря: „желаю, чтобы ты мнѣ доставилъ купца съ динарами и диргемами, который купилъ бы у меня все, что я ему покажу-; послѣ этого онъ удаляется.- Если продажа будетъ затруднительная и время ея продолжается долго, то онъ возвращается съ другимъ подаркомъ во второй, въ третій разъ"...
Корысть и грубый расчетъ - вотъ мотивы служенія богамъ древне-русскаго язычника.- Въ основѣ взаимныхъ отношеній людскихъ полагалась также корысть и право сильнаго.- Ибнъ-Дастa говоритъ, что „всѣ руссы постоянно носятъ при себѣ ножи, потому что они мало довѣряютъ другъ другу и что коварство между ними дѣло самое обыкновенное; если кому удастся пріобрѣсть хотя малое имущество,

какъ уже родной братъ или товарищъ начи-
наетъ завидовать и домогаться — какъ бы убить
его и ограбить". Что касается области личной
нравственности, то здѣсь царила такая необу-
зданная животная чувственность, такое ожесто-
ченное „[illegible]" (по выраженію лѣтописца),
о которыхъ не лѣть есть и глаголати. Ничего
не можетъ быть рѣзче той противоположности,
какую внесла въ кругъ нравственныхъ идей рус-
скаго язычника церковь. — Церковь раскрыла для
него понятіе грѣха и указала его даже въ ма-
лѣйшихъ, ни для кого невидимыхъ движеніяхъ
человѣческаго сердца, а надъ всѣмъ внутрен-
нимъ міромъ человѣка и надъ всѣми частностя-
ми его внѣшняго поведенія поставила Бога,
какъ Бдительнаго Судію. — Мысль о неизбѣжномъ
Божественномъ судѣ производила необыкновенно
сильное впечатлѣніе на пугливое воображеніе
язычника и отрезвляющимъ образомъ влія-
ла на нравственное поведеніе послѣдняго. — Та-
ко именно психологическое значеніе идеи суда
Божія выразилось и въ сказаніи объ обращеніи
кн. Владимира, болѣе всего пораженнаго кар-
тиной загробныхъ страданій, и въ древнемъ рус-
скомъ обычаѣ помѣщать большое изображеніе
Страшнаго суда въ задней части храмовъ.
На примѣрѣ того же кн. Владимира можно
видѣть, какъ принципъ безжалостнаго эгоизма
въ отношеніяхъ къ ближнимъ подъ вліяніемъ
церкви уступалъ мѣсто принципу любви въ ея
доступной формѣ милосердія. — Коварнымъ об-
разомъ убившій своего брата Ярополка и
взявшій себѣ его супругу, Владимиръ становится

…христіанскій въ высшей степени чувстви-
…тельнымъ къ людскимъ страданіямъ: онъ, боясь
…грѣха, не хочетъ убивать даже злодѣевъ и проявля-
…етъ исключительно широкую благотворительность
…къ бѣднымъ и немощнымъ.- Проникнутый ду-
…хомъ новой религіи сынъ его Борисъ вмѣсто того,
…чтобы по языческому обыкновенію воспользовать-
…ся сочувствіемъ къ нему Кіевлянъ и войска и
…прогнать Святополка изъ Кіева, охотно призна-
…етъ его старшинство и затѣмъ мученически
…погибаетъ отъ руки неблагодарнаго брата.-
Наконецъ, разрывъ съ чувственностью, какъ не-
…обходимое требованіе христіанской нравственно-
…сти, точно также выразительно сказался на лич-
…ности крестителя Русской земли.- Лѣтописецъ пере-
…даетъ нѣчто чудовищное о женолюбіи Владими-
…ра-язычника, именно говоритъ о 800 его на-
…ложницъ и кромѣ того еще прибавляетъ, что
Владимиръ „бѣ несытъ блуда, приводя къ себѣ
…мужескія жены и дѣвицы растляя".- Является
…невольно сомнѣніе въ вѣроятности цифры,
…говорящей о такомъ непомѣрномъ сластолюбіи.
…Подъ наложницами здѣсь скорѣе всего разумѣ-
…ются тѣ военноплѣнныя невольницы, какія со-
…ставляли обычный предметъ торговли рус-
…скихъ князей и въ то-же время находились въ
…полномъ распоряженіи ихъ владѣльца. При себѣ
…ихъ Владимиръ могъ держать въ такомъ боль-
…шомъ количествѣ и не для себя только лично, а
…и для своей дружины, которой онъ подлаживалъ
…всячески.- Во всякомъ случаѣ въ поведеніи Вла-
…димира въ этомъ отношеніи было что-то
…выдающееся: монахъ Іаковъ влагаетъ въ уста

новопросвѣщенному Князю такую фразу: «аки звѣрь бяхъ, много зла творяхъ въ поганствѣ и живяхъ акы скотина», а Титмаръ Мерзе-боргскій прямо выражается о Владимірѣ, что онъ былъ fornicator immensus et crudelis. Однако не смотря на свой 30-ти лѣтній возрастъ, Владимиръ нашелъ въ себѣ столько нравственнаго героизма, чтобы совершенно отстать отъ своей крайней распущенности. - Но онъ еще ни въ какомъ случаѣ не представлялъ собой аскета. - Нашлись все-таки вскорѣ по крещеніи русской земли пылкіе идеалисты, хотѣвшіе во всей возможной полнотѣ осуществить идею отверженія плоти, той тяготившей христіанъ плоти, которою всецѣло жило прежнее язычество, - это - кіево-печерскіе подвижники... Правда, всѣ указанные и имъ подобные примѣры столь успѣшныхъ нравственныхъ вліяній церкви говорятъ только о рѣдкихъ единицахъ, а не о всей массѣ русскаго народа, но практически было дорого то, что эти примѣры стали для массы конкретными воплощеніями новыхъ христіанскихъ идеаловъ, и если вообще exempla trahunt, то для простыхъ русскихъ людей, не привыкшихъ къ отвлеченному мышленію, близкіе, національные образцы добродѣтелей и въ особенности служили могущественными нравственно-воспитательными уроками. - Князья старались подражать въ милосердіи своему славному прадѣду. - Образы неповинныхъ страдальцевъ Бориса и Глѣба, положившихъ душу свою ради мира общественнаго, и нежеланіе походить на безчестнаго убійцу ихъ Святополка не разъ удерживали князей отъ междоусобной

вражды и кровопролитий.- Что же касается идеальныхъ образцовъ монастырскихъ добродѣтелей, то на нихъ было обращено исключительное вниманіе русскаго народа; въ нихъ была усмотрена вся полнота христіанской святости и чуть ли не единственный прямой путь спасенія.- Помимо того, что христіанство принесено намъ было уже въ аскетическомъ освѣщеніи, это произошло и потому, что недавнимъ язычникамъ, всецѣло жившимъ интересами земли и своего тѣла, рѣзче всего бросился въ глаза какъ разъ противоположный духъ новой религіи; въ отрицаніи плоти они въ осязательной и доступной для себя формѣ почуяли новый, противный прежнему, характеръ христіанской нравственности и, не постигая другихъ, болѣе утонченныхъ сторонъ евангельской морали, въ тѣлесномъ аскетизмѣ нашли всю сущность христіанскаго спасенія, чрезъ него поняли все христіанство.- Невыгодную, однако, сторону такого монастырскаго пониманія христіанской нравственности представляло то обстоятельство, что мірская христіанская жизнь у русскихъ осталось безъ своего собственнаго полнаго полнаго нравственнаго идеала и въ русскомъ свѣтскомъ обществѣ, который бы служилъ дополненіемъ идеалу монастырскому на подобіе западно-европейскаго рыцарства съ его культомъ личной чести, уваженія достоинства въ другимъ человѣкѣ и поклоненія женщинѣ. Такимъ образомъ, мірской русскій христіанинъ очутился довольно въ отчаянномъ положеніи; онъ чувствовалъ какъ бы роковую невозможность быть настоящимъ христіаниномъ; онъ по необходимо.

сти былъ женатъ, заботился о пріобрѣтеніи средствъ къ содержанію своей семьи, чувствовалъ потребность развивать въ соотвѣтствующей дѣятельности свои природныя дарованія и, наконецъ, отыскать среди какихъ-нибудь жизненныхъ радостей и развлеченій, между тѣмъ идеалъ требовалъ отъ него только умерщвленія плоти, презрѣнія къ женской красотѣ, а чрезъ нее и вообще къ женщинѣ (къ сожалѣнію, - была и такая проповѣдь[1]; наравнѣ, впрочемъ, съ благотворной дѣятельностью церкви въ пользу женщинъ, о чемъ скажемъ ниже), отвращенія отъ всякихъ наслажденій и радостей. Въ виду такого грустнаго положенія сильные волей и прямолинейные смолоду уходили въ монастырь, а остальные принуждены были всю жизнь проводить въ разладѣ съ собственной совѣстью, часто утѣшая себя странною надеждой достичь спасенія путемъ кратковременнаго бы-ства подъ монастырскій кровъ передъ самой смертью.- Характерно это томленіе совѣсти древне-русскаго мірянина выражено въ Ипатьевской лѣтописи въ разсказѣ о вел. кн. Ростиславѣ Мстиславичѣ (1168г.), томъ самомъ князѣ, которому духовникъ попъ Симеонъ воспрепятствовалъ въ концѣ концовъ надѣть черныя одежды.- Ростиславъ часто говаривалъ Печерскому игумену Поликарпу: „поставь мнѣ, игумене, келью добрую; боюсь я внезапной смер-

1) Переводный сборникъ „Пчела", служившій между прочимъ источникомъ для Даніила Заточника.-

ти -- хотѣлъ бы я освободиться отъ мало-временнаго и суетнаго сего свѣта и мимоте-кущаго и многомятежнаго житія сего". - Поли-карпъ благоразумно, но не вполнѣ послѣдова-тельно относительно господствующаго взгляда на спасенія, отговаривалъ князя отъ его намѣ-ренія: - „Вамъ", говорилъ онъ князю, „Богъ такъ велѣлъ быть: дѣлать на этомъ свѣтѣ правду, въ правду судъ судити и держаться разъ при-нятой присяги". - Но послѣдовательный ученикъ тѣхъ же монаховъ - князь не могъ сдѣлать игу-мену этой безпринципной съ его точки зрѣнія уступки и настаивалъ на своемъ: - „Отче, возра-жалъ онъ, княженіе и міръ не могутъ быть безъ грѣха, а я уже не мало былъ на этомъ свѣ-тѣ и хотѣлъ бы поревновать, какъ и всѣ пра-вовѣрные цари пострадали и получили награду отъ Господа Бога своего, какъ святые мученики пролили кровь свою и восприняли вѣнецъ не-тлѣнный, какъ отцы святые, удручивши тѣ-ло свое постомъ и узкимъ и тѣснымъ путемъ ходя, достигли царства небеснаго, какъ слыша-лъ, говоритъ и самъ правовѣрный царь Кон-стантинъ, что если бы зналъ онъ насколько честенъ ликъ черническій, восходящій къ престо-лу Господню безъ доклада („без пристава"), то снялъ бы вѣнецъ и багряницу"... Прежде по-лагали, что противъ исключительнаго господ-ства монастырскаго идеала спасенія въ до-монгольское время высказывался Владиміръ Мо-номахъ. - Съ легкой руки проф. Порфирьева въ его поученіи читали такое мѣсто: „милость Божію заслуживаетъ не одиночествомъ, не-

чернечествомъ, не голодомъ, какъ иные терпятъ, но дѣлами милости и любви". - Новѣйшая критическая провѣрка текста дала другой результатъ; мысль Мономаха, оказывается, такова: можно и въ міру спастись, если уже для насъ трудно отшельничество, монашество и постъ, путемъ которыхъ спасаются другіе добрые люди (Шляковъ. О Поученіи Вл. Мон. СПб. 1900г. с. 93 и 110).-

Понятно, что мірская жизнь, оставшись, такъ сказать, безъ идеала, туго прогрессировала въ нравственномъ отношеніи, ослабляемая отчаяннымъ сознаніемъ невозможности не уступать очаровательнымъ прелестямъ міра, а между тѣмъ грубые языческіе пороки были велики и требовали вѣковыхъ исправительныхъ усилій.- Если не больше, то во всякомъ случаѣ не меньше другихъ народовъ русскіе были преданы пороку пьянства.- О руссахъ-язычникахъ Ибнъ-Фодланъ свидѣтельствуетъ, что „они предаются питью вина неумѣреннымъ образомъ и пьютъ его цѣлые дни и ночи; часто случается, что они умираютъ со стаканомъ въ рукѣ".- При перемѣнѣ вѣры русскіе, по сказанію, выставляютъ conditio sine qua non - дозволеніе „пити", и, впослѣдствіи, какъ изображаетъ преп. Θеодосій, русское пьянство доходило до всѣхъ крайностей: „одни, по его описанію, ползаютъ на колѣнахъ, будучи не въ состояніи стоять на ногахъ, другіе валяются въ грязи и навозѣ, ежеминутно готовые испустить духъ".
Грубое нарушеніе седьмой заповѣди - было другимъ печальнымъ наслѣдствомъ русскихъ

нравовъ отъ временъ язычества. Такъ, наложничество былыхъ русскихъ работорговцевъ съ своимъ живымъ товаромъ перешло въ такія-же отношенія древне-русскихъ бояръ и вообще господъ къ своимъ рабынямъ-холопкамъ.- Ярославова Правда считается какъ съ явленіемъ вполнѣ обыкновеннымъ—съ рожденіями господами дѣтей отъ рабынь.- Въ простомъ народѣ не одно столѣтіе царилъ языческій обычай многоженства и самая безпорядочная легкость разводовъ. Сношенія молодыхъ людей казались настолько неустранимыми, что еп. Нифонтъ, на вопросъ Кирика объ условіяхъ ихъ причащенія, выставляетъ не требованіе совершеннаго воздержанія, а лишь воздержанія въ продолженіи 40 дней передъ причастіемъ (!).- Кромѣ этого, вмѣстѣ со всею древней исторіей, и нашъ періодъ отличался общимъ ужаснымъ порокомъ; именно жестокими физическими расправами людей съ своими ближними. Звѣрскіе поступки этого рода, какъ безпринципное проявленіе наружу человѣка-звѣря (въ ослѣпленіи кн. Василька, въ убійствѣ Игоря Олеговича и т.п.), еще не такъ сравнительно прискорбны случаи жестокости, имѣющей видъ узаконеннаго наказанія, потому что такая постановка дѣла несомнѣнно развращаетъ нравы; но еще болѣе прискорбно сознавать то, что въ нѣсколькихъ подобныхъ случаяхъ повинны такія лица, которымъ это приличествовало всего менѣе, именно-епископы.- Мы уже упоминали о той страшной казни, которой подвергъ митрополитъ Константинъ ростовскаго архіеп. Феодора. Еще

ранѣе этого новгородскій еп. Лука Жидята также поступилъ съ своимъ холопомъ Дудикомъ; послѣдній оклеветалъ въ чемъ-то Луку и подвергъ его чрезъ то суду митрополита и трехлѣтнему заключенію въ Кіевѣ, но за то когда еп. снова возвратился въ Новгородъ, то на каѳедру, то приказалъ Дудику урѣзать носъ и обѣ руки, послѣ чего тотъ убѣжалъ къ нѣмцамъ. - Есть основанія подозрѣвать, что въ этихъ случаяхъ дурнымъ примѣромъ послужило византійское законодательство, въ которомъ, при всемъ его формальномъ совершенствѣ, хранились однако остатки варварской жестокости. - Древнерусская, т. е. національная система уголовныхъ наказаній обыкновенно била виноватаго только по карману и поэтому отличалась значительной мягкостью, между тѣмъ, напримѣръ, въ перенесенной къ намъ славянской компиляціи изъ византійскихъ законовъ, извѣстной подъ именемъ „закона суднаго людемъ", встрѣчается съ урѣзаніемъ носа, какъ наказаніемъ за прелюбодѣяніе съ черноризицей, за связь съ замужней женщиной и даже за женитьбу на кумѣ. - Впрочемъ, это единственная темная съ христіанской точки зрѣнія струйка, переданная намъ византійскимъ законодательствомъ; во всѣхъ другихъ отношеніяхъ послѣднее сдѣлалось въ рукахъ представителей русской церкви крупнымъ средствомъ для проведенія началъ христіанской нравственности въ русскую жизнь. -

Такимъ образомъ кромѣ прямыхъ нравственно-воспитательныхъ вліяній на совѣсть каждаго отдѣльнаго вѣрующаго русскаго человѣка русская церковь домонгольскаго періода возвышала народную нравственность и путемъ косвеннымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ систематическимъ и потому особенно дѣйственнымъ.- Великодушно призванная княжеской властью къ содѣйствію въ гражданскомъ законодательствѣ и вообще въ строеніи земли русской, церковная іерархія тѣмъ самымъ поставлена была въ наилучшія условія для христіанизаціи русскаго общества, и она, дѣйствительно успѣла провести въ законодательство и жизнь нѣсколько такихъ благодѣтельныхъ вліяній, въ которыхъ историкъ находитъ осязательное доказательство выполненія церковью своего идеальнаго служенія обществу.-

Такъ прежде всего обстояло дѣло съ переустройствомъ древне-русской языческой семьи на новыхъ началахъ.- Церковь уничтожила многоженство и приступила къ устроенію положенія женщины, какъ жены и матери, согласно съ духомъ христіанской семьи.- Первымъ препятствіемъ на пути къ этому дѣлу лежалъ языческій пренебрежительный взглядъ на женщину, опасный тѣмъ болѣе, что онъ находилъ себѣ нѣкоторую поддержку въ крайнихъ аскетическихъ воззрѣніяхъ

переводной византійской литературы. Савва совопросникъ еп. Нифонта допрашиваетъ: можно ли служить священнику въ одеждѣ въ которую вшитъ женскій платъ? Епископъ озадачиваетъ собесѣдника принципіальнымъ вопросомъ: а развѣ женщина погана? „Въ этомъ коротенькомъ діалогѣ," говоритъ Ключевскій, — „вся исторія борьбы церковной іерархіи съ русскимъ обществомъ за женщину. Послѣднее, помня приниженіе женщины въ языческой сре- семьѣ, съ сомнѣніемъ спрашивало: не погана ли женщина? Первая, проводя христіанскій взглядъ на семью правилами и поученіями отвѣчала: нѣтъ не погана". Въ борьбѣ съ принципіальнымъ предубѣжденіемъ русскихъ людей противъ человѣческихъ правъ женщины церковь привнесла въ законодательство о бракѣ и семьѣ цѣлый рядъ цѣлесообразныхъ предписаній.

Для возвышенія нравственнаго достоинства выходящей замужъ дѣвицы прежде всего необходимо было признать за нею свободную личную волю, свободное изъявленіе на бракъ и церковь положительно возстаетъ противъ языческаго умыканія невѣсты, замѣняя его свободнымъ договоромъ, закрѣпляемымъ обрученіемъ. Добрая воля невѣсты въ дѣлѣ заключенія брака особенно ярко отмѣчается въ церковномъ уставѣ Ярослава; здѣсь читаемъ такого рода статьи: а) „если дѣвица захочетъ идти замужъ, а отецъ и мать не отдадутъ ее и послѣ этого она что нибудь сдѣлаетъ надъ собою, то митрополиту обязана заплатить пеню

отецъ и мать, а также и отрокъ; в) „если дѣвица не захочетъ идти замужъ, а отецъ и мать выдадутъ силою и она что нибудь сдѣлаетъ надъ собою, то отецъ и мать должны заплатить пеню митрополиту, а также они должны заплатить исторъ т. е. убытки семьѣ мужа, давшей за нее вѣно[127]."

Личная свобода женщины, гарантированная церковными законами въ моментъ заключенія брака, подъ воздѣйствіемъ этой же церкви расширялась и въ сферѣ взаимныхъ отношеній мужа и жены. Въ языческую пору русской жизни жена составляла повторную принадлежность мужа, его рабыню instrumentum vocale. Между тѣмъ идеалъ христіанской семьи требовалъ для жены положенія свободной совѣтницы мужа. Чтобы превратить жену изъ имущества послѣдняго въ его совѣтницу, нужно было самую ее сдѣлать субъектомъ имущественнаго права; этимъ констатировалась ея личная свобода и извѣстная степень гражданскаго равноправія съ мужемъ. Есть документальные намеки, дающіе основаніе предполагать, что еще до всеобщаго крещенія Руси русскія женщины, по крайней мѣрѣ знатнаго происхожденія, начали пріобрѣтать себѣ право на раздѣльное отъ мужей имущество, но несомнѣнно что съ принесеніемъ къ намъ Византійскаго Номоканона явно проводящаго этотъ принципъ раздѣльности, русская женщина окончательно пріобрѣла указанную частичную иму-

щественно-юридическую эмансипацію. Церковь и надзирала за раздѣльностью имущества супруговъ: по уставамъ первыхъ князей она разбирала тяжбы между мужемъ и женою „о животѣ" т. е. объ имуществѣ. Начало особаго имущества жены полагалось приданымъ, и Слово Даніила Заточника говоритъ о приданомъ какъ уже установившемся фактѣ русской жизни.

Наконецъ въ случаѣ смерти мужа церковь опираясь на независимое имущественное положеніе вдовы, старалась укрѣпить ея авторитетъ какъ наслѣдницы семейнаго главенства мужа и воспитательницы своихъ дѣтей: второй бракъ также вдовой дѣтной матери не одобрялся, какъ измѣна высокой обязанности вдовы — быть исключительно преданной служенію и воспитанію оставшейся семьи. Русская Правда выдѣляетъ дѣтной вдовѣ извѣстную часть изъ имущества мужа только подъ условіемъ невступленія ея во второй бракъ, мотивируя свое постановленіе такимъ выраженіемъ: „обидила убо перваго мужа вторымъ бракомъ", что представляетъ довольно близкій переводъ одной фразы изъ византійскихъ законовъ, т. е. свидѣтельствуетъ о проведеніи этого закона представителями церкви.

Такимъ образомъ церковь систематически содѣйствовала возвышенію женщины, какъ полноправной нравственной личности и тѣмъ возвышала и нравственную

атмосферу всей русской семьи.

Въ чести русской церкви слѣдуетъ сказать, что она за краткій даже сравнительно кіевскій періодъ своего существованія успѣла не только провести въ гражданское законодательство нѣсколько нормъ касательно такихъ жизненныхъ отношеній, которыя не были опредѣлены или скрѣплены писаннымъ закономъ, но и сумѣла ослабить и переработать сообразно съ своимъ духомъ такого рода установленія кодифицированнаго русскаго права, которыя прочно срослись съ основами государственной жизни и одинаково противны были христіанскимъ началамъ — именно ростовщичество и холопство. Церковь не призванная въ данной сферѣ къ прямой законодательной дѣятельности, проявила здѣсь свою дѣятельность косвеннымъ путемъ. Она боролась противъ зла своимъ духовнымъ оружіемъ — словомъ обличенія и наставленія, направленнымъ къ совѣсти отдѣльныхъ гражданъ, какъ членовъ церкви. Древне-русскія поученія и духовническія наставленія полны самыхъ рѣзкихъ порицаній ростовщиковъ и [illegible]. Каковы же результаты?

Русская правда узаконивающая законный размѣръ годового роста въ 50%. При Владимірѣ Мономахѣ дѣйствіе этой статьи было сильно ограничено: было дозволено брать такой процентъ только въ теченіи двухъ лѣтъ, когда такимъ образомъ, взятый процентъ сравнивался съ суммою долга, то кредц-

торъ не имѣлъ уже права брать какихъ-либо дальнѣйшихъ процентовъ и ждалъ только возвращенія занятой суммы; если же онъ усиливался взять 50%-ный ростъ въ третій разъ, то по закону, лишался права требовать уплаты самого долга. Помимо внутренняго характера такого узаконенія, явно обличающаго въ себѣ христіанскія побужденія, для него дѣйствительно находится прямой источникъ въ Византійскомъ Прохиронѣ.

Крупную побѣду одержала церковь и въ борьбѣ съ холопствомъ. Особенно крупной институту рабства придавала его недѣлимость т. е. отсутствіе въ немъ переходныхъ ступеней отъ безусловной зависимости раба отъ владѣльца къ условной и ослабленной. Въ греко-римскомъ мірѣ рабство крѣпко было своей недѣлимостью, между тѣмъ на Руси появилось именно такое разнообразіе степеней въ сословіи холоповъ, облегчившее разложеніе и уничтоженіе самого холопства. Историки главной виновницей такого дробленія и разложенія холопства признаютъ церковь. „Холопская неволя таяла подъ дѣйствіемъ церковной проповѣди и духовнаго завѣщанія. Рабовладѣлецъ добровольно, ради спасенія души слагалъ свои права или даже поступался ими въ пользу холопа; многія проявленія человѣколюбія входили въ привычки и нравы, которые потомъ облекались въ юридическія нормы. Такимъ путемъ церковь, сообразуясь съ положеніемъ Византійскаго законодательства

и свободную примыкая надъ къ условіямъ русской жизни, повліяла на установленіе въ русскомъ гражданскомъ правѣ изучаемаго періода нѣсколькихъ случаевъ обязательнаго даровогo отпуска холоповъ на волю: 1., раба прижившая дѣтей съ своимъ господиномъ, обязательно освобождалась послѣ его смерти вмѣстѣ съ прижитыми отъ него дѣтьми, причемъ въ церковномъ уставѣ кн. Всеволода законъ требуется далѣе выдавать такимъ дѣтямъ часть изъ имущества умершаго ихъ господина; 2., свободный человѣкъ совершившій насиліе надъ чужой рабой, этимъ самымъ дѣлалъ ее свободной, т. е обязывался выкупить ее на волю. 3., холопъ или раба, которымъ причинено увѣчье по винѣ ихъ господина, выходили на волю.*) Кромѣ этихъ случаевъ церковь всячески старалась облегчить холопамъ возможность выкупа на волю. Наставленія духовникамъ для исповѣди мірянъ сильно вооружаются противъ различныхъ видовъ варшнищества челядью, (когда корыстные господа съ выкупающихся рабовъ брали плату, высшую по сравненію съ условленной при продажѣ свободы) и настаиваютъ на добросовѣстности только опредѣленныхъ и обычныхъ выкупныхъ цѣнъ. (Рус. Ист. Биб. т. VI с. 836-46) [129]

---

*) Эти данныя - результаты тонкой аналитической работы проф. Ключевскаго (Русск. мысль 1886 кн. 7)

Итакъ русская церковь, выполняя свое главнѣйшее назначеніе, т. е. воспитывая своихъ членовъ нравственно, не ограничивалась при этомъ только вліяніемъ на ихъ индивидуальный душевный строй, но, какъ и слѣдовало того желать и ожидать, содѣйствовала и переустройству общаго гражданскаго порядка на христіанскихъ началахъ.

Воспитывая русскій народъ въ духѣ христіанской религіи и нравственности церковь выполняла свое прямое назначеніе. Этимъ ея вліяніе на русскую жизнь однако еще не ограничивалось, но весьма существеннымъ образомъ сказалось также и на нѣкоторыхъ другихъ сторонахъ этой жизни, отчасти соприкосновенныхъ съ областью религіозной, отчасти нейтральныхъ по отношенію къ ней. Дѣло церковнаго историка отмѣтить и эти побочныя вліянія церкви, потому что созданныя ими условія существованія русскаго народа впослѣдствіи имѣли немаловажное значеніе въ жизни самой же церкви. Сюда относятся: а) созданное церковью разобщеніе русскихъ съ иноземными народами, въ частности съ народами западно-европейскими (предметъ особой лекціи) и в) возвышеніе ею авторитета русской государственной власти (также), не говоря уже о водвореніи на Руси просвѣщенія (что въ полномъ курсѣ должно быть предметомъ цѣлой обширной главы)....

Предложивъ характеристику различныхъ сторонъ русской церковной жизни въ домонгольскій періодъ, мы смотрѣли на каждое одинъ лишь фундаментъ ея исторіи, предпосылки лишь начала, зародыши тѣхъ индивидуальныхъ ея особенностей, которые окончательно развились и опредѣлились только уже въ Московское время.

"Emendanda"

Написано	Слѣдуетъ
Стр. 4, строк. 3-4 св. - предстоящій	предстоявшей
— 6 прим. — 2 св. - исторіи	науки.
— 7 прим. с. 2 сн. — seym	seyn.
— ibid — с. 4 сн. — ant	auf.
— ib. — с. ? сн. nur eine richtge	- nur eine richtige
— 8 прим. 3 сн. на бедрѣ	при бедрѣ
— 10 — с. 5 сн. - хвастливаго	съ одной стороны хвастливаго
— ib. — с. 1 сн. непригодную	непригодною
— 11 — с. 14 сн. въ Руси	на Руси
— ib. — с. 11 сн. еретика	на еретика
— 12 — 9 сн. восполняетъ	выполняетъ
— 13 — 3 св. 283 - 284	233 - 234.
— ib — 8 св. полной	полный
— ib — 19 св. разборъ	обзоръ
— 14 — 7 сн. недугомъ	недосугомъ
— 14 — 4-5 св. симпатія	симпатіи
ib. — 12 сн мѣстной	для мѣстной
— 16 — 9 св. изслѣдованія	изслѣдователя
— 17 — 6 сн. сохранилъ	сохранился
— 32 — 6 сн. увлекаетъ	увлекается
— 39 — 17-18 св. за-слугу	услугу
— 55 — 6 св. Атемиды	Артемиды
58 — 8 сн. будто бы	что будто бы
62 — 5 св. Этихъ	Эти
64 — 7 св. позднѣйшіе	сравнительно позднѣйшіе
64 — 14 сн. уясняетсл	уяснятся
65 — пр. 5 сн. Уличанами	Уличами
66 — 10 св. митійскіе	мизійскіе
67 — 13 св. на Дунаѣ по	на Дунаѣ и по
72 — 7-8 св. значится мѣстность	значатся мѣстности
75 — 2 св. Интереснъ	Интересенъ.

Листъ 6 [illegible]

Листъ 27-й. Добавленіе къ Лекціямъ по Исторіи Русской Церкви.

И. д. доцента Антонъ Карташовъ

Напечатано		Слѣдуетъ
Стр. 76 — 17 св.	n-eß-gotar	kleiß-gotar
81 — 1 сн.	старыхъ	старыхъ мнѣнiй
82 — 12 сн.	(Гностеннаго)	(Гностезнаго)
83 — 7 св.	собратися	ѡбратися
84 — 10 св.	Стефанъ Сурожскiй	Стефана Сурожскаго
86 — 3 св.	династическую (?!	династическую
88 — 7 сн.	Furstin	Furstin
ib — 5 сн.	Батуминъ	Бутуминъ
89 — 10 св.	Bollang.	Bolland.
90 — 11-12 св.	съ противоположными побережьями	съ противоположнымъ побережьемъ
91 — 1 сн.	въ родѣ	въ видѣ
ib. — 5 сн.	иконы	объ иконахъ.
92 — 3 св.	обстановкѣ	обстановки
ib. — 10 св.	— отдаленнаго	сравнительно отдаленнаго
ib. — 2 сн.	пропущ. слово: —	"неясности"
93 11 св.	нежданно	неожиданно
93 — пр. 8 сн.	называемыхъ	называемымъ.
ib. — ib 3 сн.	et familiarimos	ex familiarissimis
ib. — ib 1 сн.	Никита Памф.	Никита Пафл.
94 — 8 св.	ризы	ризу
95 — 10 сн.	racione	ratione
99 — 2 сн.	представленiе	представленiя
101 — пр. 1 св.	Пападуло	Пападопуло
102 2 св	ναυγικὸς lo	ναυγικὸν τον
ib — 13-14 св	одинако	одинаково
ib — 16 св.	князей	мужей
103 — 1 сн.	цифръ	цифры
104 — 10-11 сн.	дѣйствительный	за дѣйствительный
ib. — 9 сн.	860-й,	860-й годъ,
105 — 14 св.	назывался навѣрное	— навѣрное, и звался
106 — 3 сн.	Славянски	Словенски

Написано	Слѣдуетъ
стр. 106 — стр. 1 сн. — рѣчи; да	рѣчи, да
107 — 1 св. — труда	еще труда
108 — 1 св. копской	готской
ib. — 11 сн. пропущ. послѣ „готскаго":	— но и абхазскаго и аланскаго и хазарскаго
109 — 15-16 сн. Россіею	Росіею
110 — 15 св. освятилъ	освѣтилъ
ib. — 21-22 св. по памяти	на памяти
112 — пр. 4 сн. походъ	походъ 904 года
ib. — ib. 2 сн. 415 р.	415 русскихъ
114 — 5-6 св. единоплемен-никами	единоплеменными
ib. пр. 6 сн. прошлымъ	прошломъ
117 — 13 св. само собою	самъ собою
118 пр. 2 сн. по заключенію	по заключеніи
121 — 3 св. земля (!!)	сила
122 — 11 св. по скольку	насколько
ib. — 10 сн. единичнаго	частичнаго
123 — 18 св. вѣкъ	человѣкъ
124 — 2 св. нѣсколько	нѣсколькихъ
125 — 17 сн. княжну	княжну
126 — 1 св. выдающее	выдающееся
ib. — 12 св. даннаго спора	данной проблемы
ib. — 18 св. теорія	теоріи
127 — 12 св. себѣ	собѣ
128 — 8 св. приходилось	приходились
128 — 9 св. число	числа
ib. — 10-12 сн. скопировалъ	скопированъ
129 — 10 сн. мѣсяцы	мѣсяцевъ
129 — 12 св. симпатичными	симпатическими
ib. — 13 св. , наоборотъ, —	(зачеркнуть это слово)
130 — 8 св. меня	мене
ib. — 16 с. устроятся	устранятся

Написано		Слѣдуетъ
130 стр. 13 сн.	сердцѣ	сердце
131 — 17 св.	тенденціозныхъ	тенденціозномъ
ib. 22 св.	было желательно	было бы это желательно
133 — 3 сн.	все	все же
134 — 2 св.	озадачило	озадачила
135 — 3 сн.	Эта эта	Это
136 — 7 сн.	фактъ; о немъ	фактъ, но о немъ
ib. — 15 сн.	церкви	святыни
139 пр. 9 сн.	Germanium	Germaniae
138 — 6 сн.	авторъ его,	авторъ свидѣтельства
138 — 4 сн.	(Wattienbach)	(Wattenbach).
140 — 7 сн.	— въ полноты	а въ полноты
141 — 15 св.	благовременно	благовременна
144 — 6 св.	своей	всей
149 — 2 св.	объяснитъ	объяснитъ
ib. — 5 св.	приблизительной	приблизительно
ib. — 19-21 св.	не могли — если	не могли бы — если бы
150 — 6 св.	землѣ	странѣ
150 — 6 сн.	Кіево-угорскіе (?!)	Кіева угорскіе
ib. — 5 сн.	передавшіе	передававшіе
ib — ib.	въ теченіи	въ теченіе
151 — 8 св.	при перенесеніе	при перенесеніи
ib. — 6-7 сн.	Ruziac	Ruziae
ib. — ib.	linquae	linquae
152 — 5 св.	бабки	бабкой
ib. — 10 св.	Ярополку	Ярославу
153 — 7-8 св.	пропитанную	пропитанною
ib. — 9 св	исповѣдываютъ	исповѣдуютъ
154 — 17 св.	здѣсь	(пропускать)
ib. 11 сн.	женъ	женъ Владиміра
155 — 11-12 св.	Этельбергъ	Этельбертъ
156 — 16 св.	Царю-градѣ	Царю-городу

Написано	Слѣдуетъ
156 стр. — 10 сн. какъ всей Руси	крещенія всей Руси
157 — 1 сн. Христу отъ	Христу, токмо отъ
ib. — 6-7 сн. какъ ты увѣровалъ?	какъ же ты увѣровалъ!
158 — 6 св. земли	землѣ
159 — 1-2 св. (не лѣтописецъ)	это слово нужно зачеркнуть
ib. — 9 сн. проповѣднику	проповѣдники
ib. — 1 сн. Владиміра	Володимера
160 — 16 сн. заставило	заставила
ib. — 12 сн. Это	Эта
ib — 11 сн. зрѣнія и будемъ	зрѣнія навѣрное и будетъ
ib. — 7 сн. носящей	носящій
ib. — 1 сн. буквальный	буквально
161 — 3 сн. посмотрѣть	посмотрѣвъ
162 - 6-7 св. такому человѣку какъ кн. Владиміръ (?!)	для личности кн. Владиміра
ib. — 18 св. процессъ	процессъ при-
ib. — 23 св. создано	сознано
ib. — 3 сн. отношеніи	Смыслъ
163 — 13 св. „основаніе"	„основанія"
ib. — 15 сн. развѣ	развѣ только
164 — 2 св. какая	какая была
166 стр. 2 сн. цѣны	цѣны ея
167 — 3 сн. спискахъ	списковъ
168 — 18 св. хрониковъ (?!)	хронистовъ
ib. — 23 св. пославъ	пославъ
169 — 9 св. совершившемся	совершившимся
176 — 12 сн. обращаясь	обращаясь голового
ib. — 11-12 сн. аделія (?!)	афелія
178 — 15 св. византійскаго народа (?!)	визан-ой исторіи
179 — 10 сн. также	также и
181 — 11 св. неудачи Василія	неудачъ Василія
ib. — 12 св. у Багдада	изъ Багдада

Написано		Слѣдуетъ
185 стр. 14 св.	отношеніяхъ	сношеніяхъ
189 — 13-14 сн.	исторію ??). Нельзя	исторію, нельзя
192 — 7 св.	т. IV.	т. VI
193 — 13 сн.	понималась	понимался
198 — 17 св.	посклали	посылали
199 — 13 сн.	красно	краснаго
202 — 14 св.	дѣйствительнаго	извѣстнаго
204 — 9 св.	въ завоеванномъ	въ завоеванномъ имъ
209 — 15 сн.	Кіевскомъ	Кіевскимъ
211 — 3 св.	христіанской	христіанскій
213 — 10 св.	крестилъ	крестилъ ее
217 — 10-11 сн.	язычества	язычника
ib. — 19 сн.	изолировано	изолированно
226 — 6-7 сн.	начиняетъ	начинаетъ
227 — 15 сн.	дѣтей, такъ	дѣтей, какъ русскихъ, такъ
238 — 8 и 11 сн.	діоцезныхъ	діоцезальныхъ
241 — 7 сн.	умноженіе (?!)	униженіе
247 — 8 св.	честный	что „честный"
ib. — 12 св.	слудующаго	слѣдующаго
251 — 11 св.	не лишенъ	не лишены
ib — 12 св.	симпатическаго (?!)	симптоматическаго
252 — 4 сн.	на соборъ	на соборы
253 — 4 св.	объ существованіи	объ осуществленіи
254 — 11 сн.	частныхъ	частыхъ
255 — 13 св.	подлинность	неподлинность
ib. — 18 св.	подлинное	неподлинное
256 — 12 св.	Ярославль	Ярославъ
259 — 12 сн.	Послушнымъ	Послушныхъ
260 — 10 св.	звонныя	звоненья
263 — 5 сн.	что чтò	что тò
266 — 4 сн.	и не только	а не только
ib. — 2 сн.	съ какого	въ какого

Написано	Слѣдуетъ
267 стр. 11 сн. во первыхъ, ограничивались	во первыхъ, не столь частными, во вторыхъ, ограничивались
270 — 4-5 сн. съ появленіемъ	съ устройствомъ
271 — 17 св. но не абсолютно	а не абсолютно
(+) 273 — 15 св. изъ простого народья	изъ простонародья
276 — 5 сн. на правахъ	въ качествѣ
277 — 14 св. — Луку; „наскакати...	Луку; „нѣсть бо достойно" замѣчаетъ по этому ~~[illegible]~~ случаю одинъ лѣтописецъ, „наскакати...
279 — 16 св. исполнителями	экстренными испо-ми
280 — 9 сн. каждой	каждый
283 — 10 св. должна была	должны были
ib. — 13 св. пріюты	причты
ib. — 14-15 св. оставшіеся	оставшихся
284 — 5 св. имъ	епископамъ
ib. — 9 сн. образцу	образу
285 — 1 св. Συναγωγή	Συναγωγή
286 — 4 св. самомъ	самимъ
ib. — 1 сн. ---- въ ней	въ ней имѣлся
287 — 9 сн. --- или	или
ib. — 8 сн. право	права

ib. — Нужно подчеркнуть на этой стран. слѣд. слова: <u>частныхъ</u> (строка 14-15 сн.), <u>гражданской</u> (с. 10 сн.) и <u>права</u> (с. 8 сн.)

ib. — 1 сн. — или	или иные
288 — 8 св. уступила	уступала
289 — 2 св. задавало	задѣвало
ib. — 8 сн. становившимися	становившійся
290 — 1 св. предоставленіи	въ этомъ предоставленіи
ib. — 3 св. въ частьѣ (?!)	въ качествѣ
ib. — 13-14 св. кн. Владимира и св. Ярослава Владимировича	князей Владимира св. и Ярослава Владимировича
(+) 274 — 14 сн. князь Олегъ	Олегъ
275 — 6 св. и подъ	подъ

Написано		Слѣдуетъ
290 стр. 13 сн.	указываетъ	указывается
ib. — 1 сн.	обстоятельствами	замѣчаніями
291 — 8 св.	еще знакъ (?!) подлинности	еще не - знакъ подлож-ности.
ib. — 14 св.	могло	могла
ib. — 16 св.	XIV в.	XII в.
294 — 4 сн.	текстъ (?!)	авторитетъ
295 — 8 сн.	написаны	писаны
296 — 4-5 св.	въ завѣщаніи	по завѣщанію
ib. — 8 св.	редакцію	редакцію сказано:
ib. — 16-17 св.	заимствовавшіе	замѣнившіе
ib. — 22 св.	основы	основанія
297 — 12 св.	несообразною	несообразностью
298 — 2 св.	сказано	сказаннаго
299 — 11 сн.	отыскалъ	отысканъ
ib. — 2 сн.	паденіе	паденіи
300 — 15-16 св.	церковный уставъ кн.	Церковные Уставы князей
ib. — 8-9 сн.	на имя новг. кн. Всеволода Мстиславича	принадлежащая новг. кн. Всеволоду Мстиславичу
301 — 1 сн.	недоразумѣнія	неумѣнья
302 — 9-10 св.	впадаетъ и въ такія	выдаетъ и такія
303 — 8 сн.	положеніемъ	соображеніемъ
ib. — 4 сн.	по своему	по свободному
304 — 9 сн.	задушевный (!!)	задушный
ib. — 7 сн.	прошенникъ	прощеникъ
ib. — 4 сн.	толкованіеми	толковали
ib. — 2 сн.	помилованіемъ (?!)	исцѣленіемъ
304-305 — 1 сн. 4 св.	преподобный (?!)	преосвященный
305 пр. 10 св.	считаетъ	считается
ib. — 6 сн.	пишетъ	пишется
ib. — 2 сн.	обществу	къ обществу
306 — 3 св.	нужно подчеркнуть	слово: всегда
ib. — 4 св.	несомнѣнно	въ несомнѣнно

Написано	Слѣдуетъ
306 стр. 6 св. считается	считаются
ib. — 7 св. прощенниками	прощеники
ib. — 20 св. дѣла и вѣдомства	дѣла и лица церковнаго вѣдомства
307 — 5 и 7 св. нужно подчеркн. слова:	частныхъ, обязанности
ib. — 18-19 св. это время было ея	это было время ея
309 — 4 св. Бълечевскій	бълеческій
310 — 16 св. отъ всѣхъ	отъ своихъ
ib. — 19 св. ближнихъ	ближайшихъ
ib. — 22 св. каноникономъ	каноникономъ (или въ соотвѣтствіе съ гражданскимъ названіемъ — капкіогъ, у сербовъ — дымница)
312 — 7-8 св. Святополкъ Ольговичъ	Святославъ Олеговичъ
313 — 3 св. владѣній по	имѣній послѣ
ib. — 6 св. повидимому тамъ	повидимому натуральная, тамъ,
ib. — 8 св. его стороны	съ его стороны
ib. — 10 св. одновременно	единовременно
ib. — 13 св. Святополкъ	Святославъ
ib. — 18 св. Святополка	Святослава
315 — 3 сн. Моншиншинская	Моншинская
316 — 1 св. (т.е. съ огородомъ)	(т.е. съ огородникомъ)
ib. — 4 сн. ту пору (?!)	московскую пору
ib. — 2 сн. по преимуществу	по преемству
320 — 9 св. словесности (?!)	сословности
ib. — 10 св. въ самомъ корнѣ (?!)	въ самомъ древнемъ періодѣ
ib. — 12 св. Не одними	Но одними
ib. — 14-15 св. на очень большое количество	въ очень большомъ количествѣ
ib. — 22 св. низшаго духовенства и	низшаго и — —
ib. — 23 св. приливъ слоя	приливъ низшаго слоя
320 — прим. н. — окончено — — —	— : и моихъ данныхъ людей въ діаконы и въ попы митрополиту не ставити". (А. Э. т. I N 9, с. 5)

Написано	Слѣдуетъ
321 стр. 1 св. вопросъ	спросъ
ib. — 17-18 св. затискъ	замѣтокъ
ib. — 18 св. 1151 год.	1051 г.
ib. — 6 сн. пошлины, было	пошлины. Было
322 — 4 св. у насъ нашелъ	у насъ этотъ обычай нашелъ
ib. — 14 св. „такъ се содержать	„Такъ какъ содержать
ib. — 18-19 св. одновременная	единовременная
ib. — 20-21 св. капеляновъ	капеллановъ
323 — 6 св. моего	нашего
ib. — 17 св. собственнымъ (?!)	сословнымъ
ib. — 19-20 св. персоной 1)	пропущено слѣд. примѣч.: 1) Одинъ попъ подписывается уменьшительнымъ именемъ „Демка" (Срезнев. Др. П. Рус. П. и яз. с. 44), а другого лѣтопись называетъ „Иванко" (I Нов. 1193 г.)
324 — 8 сн. великій	невеликій
ib. — 11 сн. представляетъ	представитъ.
ib. — 17 сн. сказателей	сказителей
ib. — 18 сн. тысчи епическихъ	тысячи эпическихъ
325 — 1 св. священническія	священныя
ib. — 5-6 св. условія поэтому послѣдняго рода были нѣ- -сколько....	условія послѣдняго рода были поэтому нѣ- -сколько.....
326 — 2 сн. отъ даяній	отъ даній
328 — 6 св. приходящихъ	приходящимъ
ib. — 11 св. по ивановской	на ивановской
ib. — 15 св. изъ этихъ	Изъ тѣхъ
329 — 15 сн. провожалъ	провожать
ib. — 13 сн. учредилъ	учредить
ib. — 1 сн. содержаніемъ	средствомъ содержанія
330 — 3-4 св. данныя основания полагать	данныя полагать

Написано		Слѣдуетъ
330 стр. 7 св.	въ родѣ	въ видѣ
ib. — 10 св.	корзина-	корзины — κάνεον - κανοῦν.
ib. — 12 сн.	приношеніе	усердіе
331 — 13 сн.	просфоры!)	просвирки!)
332 — 14-15 св.	пергаментской (?!)	пергаменной
ib. — 7-8 сн.	генехонами	чинехонами
333 — 4 св.	жизнь (?!)	идею
ib. — 10 св.	представителями	и представителями
334 — 18 св.	нужно подчеркн. слово:	попыткѣ
347 — 13 сн.	произведенномъ	произведеннаго
350 — 5 св.	монастырь	монастыря
351 — 9 св.	недоумѣнія онъ предлагаетъ	недоумѣнія отцу̂ прот. Голубинскій. Для выхода изъ затрудненія онъ предлагаетъ
ib. — 9 сн.	заимствованнымъ	заимствованными
ib. — 10 сн.	означенныхъ (?!)	изначальныхъ
353 — 10 св.	монахами богатыми	монахами и при томъ почти во всѣхъ случаяхъ монахами богатыми
354 — 11 св.	десятковъ	десяткахъ
354 — 5-7 сн.	„се поручаю св. Бцѣ и крестьянамъ и даю свободу (пишетъ онъ про свой монастырь)	се поручаю", пишетъ онъ, „(свой монастырь) святѣй Бцѣ и крестьянамъ и даю въ свободу".
359 — 17-18 св.	о порядкѣ	о порядкахъ
360 — 10 св.	жизнь, какъ только	жизнь. Какъ только
ib. — 1 сн.	оставивъ	не оставивъ
361 — 11 св.	перяша	переяша
ib. — 1 сн.	декаданъ (?!)	декадансъ
362 — 9 св.	истинно	истиннаго
ib. — 10 сн.	надеждою	надеждею
364 — 11 св.	натурой изъ	натурой. Изъ

Написано	Слѣдуетъ
364 стр. 20 св. къ себѣ	нхъ къ себѣ
ib. — 7 сн. пиръ	пиры
365 — 13 св. греческаго монашества	монашества греческаго
366 — 18 св. монастырскій	монастырскихъ
367 прим. 17 сн. Ман. P.E. (?!)	Мдп. P.S.
368 — 9-10 на себѣ санъ	на собѣ санъ, а
369 — 4 св. очищающееся	очищающее
370 — 2 сн. бранье --- кланян	бдѣнье -- кланянье
372 — 7-8 сн. также	такая
373 — 6 св. уединенной	для уединенной
ib. — 2 сн. послѣ	и послѣ
374 — 10 св. подземныхъ	надземныхъ
375 — 4 св. съ прашивать	спрашивать
376 — 1 св. глубоки	глубоко
ib. — 11 св. монастырей	вліянія монастырей
379 — 3 сн. Въ основѣ	„Въ основѣ
380 — 10 св. плоти:	плоти“:
ib. — 13 св. Отсюда	„Отсюда
ib. — 12 сн. литургіи	литургіи:“
382 — 1-2 св. судьи и не могли присушаться	судьи не могли пре-слушаться
ib. — 13-14 сн. Заключалось	Значилось
ib. — 13 сн. работы	работъ
383 — 11 сн. Поликарпнъ	Поликарпъ
387 — 9 св. съ	къ
392 — 1 св. христіанизированномъ	христіанизованномъ
397 — 2 св. Ибнъ-Фодлафъ	Ибнъ-Фодланъ
401 — 10 сн. идеала и въ рус-	идеала. Не было такого готоваго идеала и въ рус-
405 — 10 сн. прискорбны случаи	прискорбны, какъ прискорб-ны случаи
410 — 10 сн. обручала	обручала

	Написано	Слѣдуетъ
411 стр. 2 сн.	лѣтъ, когда	лѣтъ; когда
412 — 3 сн.	нормы.	нормы.
ib. — 1 сн.	положеніемъ	положеніями

и многое другое менѣе важное

— .. — .. —.

Литографировать въ количествѣ 150 экз. разрѣшается
26 Апр. 1901 г. Ректоръ Академіи Епископъ Сергій

Экзаменаціонный конспектъ по Исторіи Русской Церкви для студентовъ III и IV курсовъ. 1900–1901 учебн. годъ.

Историко-критическій очеркъ систематической обработки Русской Церковной Исторіи.

XVIII вѣкъ, какъ подготовительный къ появленію системы исторіи рус. церкви. Адамъ Селлій; его „de Rossorum hierarchia"; параллельные последнему труды въ Западно-русской литературѣ. Desideratum Шлецера. Екатерининская эпоха. Амвросій Зертисъ-Каменскій. Прот. П. Алексѣевъ. М. Платонъ; „краткая росс. церк. исторія". Отзывъ о ней преосв. Евгенія. Ея положительныя качества: критичность, удачныя историч. мнѣнія и сужденія, безпристрастіе, субъективность.

М. Евгеній: пройденная имъ ученая школа. „Исторія россійской іерархіи" (М. 1807–1815 г.); ея содержаніе и связь съ работою Селлія. „Описаніе Кіево-Соф. собора и исторія кіевской іерархіи" (К. 1825); „Опис. К-П. Лавры." (К. 1826). „Словари" Евгенія. „Исторія Словено-русской церкви отъ начала оныя до нашихъ временъ." „Начертаніе церковной исторіи отъ библейскихъ временъ до XVIII в." еп. Иннокентія (I–II СПб. 1817 г.); ея свойства: положительныя и глав. обр.

И. д. доцента Антонъ Карташовъ

отрицательныя. Ф. Штрауля „Beyträge zur russischen K-G." (Halle. 1827); „Gesch. der russ. Kirche" (I Th. H. 1830); источники и пособія, служившія автору для составленія послѣдняго произведенія; манера повѣствованія; періодизація и распорядокъ матеріала; общая характеристика. А. Н. Муравьева „Исторія россійской Церкви" (Спб. 1838).

„Исторія рус. Церкви" архіеп. Филарета I-V Рига-Мос. 1847-48. Исторія начала и выхода въ свѣтъ этого труда. V-й томъ — Синодальный періодъ. Характеристика Исторіи Филарета: точка зрѣнія; формальная сторона; тонъ. М. Макарій. „Исторія христіанства въ Россіи до равноап. кн. Владиміра, какъ введеніе въ Исторію рус. церкви." (Спб. 1846). Начало „Исторіи" пр. Макарія и время выхода въ свѣтъ отдѣльныхъ томовъ. Общее достоинство „Исторіи"; характеръ первыхъ томовъ и — дальнѣйшихъ. Принципъ дѣленія.

„Руководство по рус. цер. ист." проф. Знаменскаго (1871, -76. 1886-88 гг. 1896 г.). „Исторія р. ц." Е. Е. Голубинскаго. т. I, 1-2. М. 1880-81. Критическая сторона труда; его творческія достоинства; оригинальность освѣщенія; безпристрастіе; публицистическій элементъ; ученый аппаратъ. т. II. 1. М. 1900 г.; общая характеристика. „Руководство по ист. р. церкви" Доброклонскаго (I-IV. м. 1884-1893).

Распространеніе христіанства на Руси. Начальная эпоха.

Древнѣйшее мнѣніе русскихъ людей о началѣ христіанства въ своей странѣ; заступившее его мѣсто сказаніе о посѣщеніи Руси ап. Андреемъ. Литературная исторія сказанія; первичные апокрифы и ихъ дальнѣйшая судьба; каталоги; свидѣтельства: Евсевія, Руфина, Евхерія Ліонскаго; „Дѣянія, похвалы, хожденія" эпохи VIII, IX и сл. вв. Сказаніе монаха Епифанія. Взглядъ на дѣло позднѣйшихъ грековъ: выраженіе Никиты Пафлагонскаго; толкованіе апокрифич. термина „Мирмидонянъ". Письмо имп. Михаила Дуки (1072–1077) в. к. Всеволоду.

Характеръ и элементы русскаго сказанія; варяжскія преданія; Новгородская редакція. Гипотеза проф. Малышевскаго относительно повода къ составленію Сказанія и времени внесенія его въ лѣтопись. Дальнѣйшая исторія преданія объ ап. Андреѣ въ Россіи. Заключительный выводъ объ исторической состоятельности преданія.

Точка отправленія при изображеніи историческаго начала христіанства у русскихъ. Христіанство въ Малой Скиѳіи и сосѣдней съ ней части южн. Россіи (Угличи и Тиверцы). Христіанство на территоріи великой Скиѳіи у Готовъ. Готы въ Крыму; крымское христіанство;

епархіи греческія и — готскія: Воспорская, Дорійская и Фанагорійско-Тмутараканская; основанная при Юстиніанѣ I Готами-Тетракситами.

Руссы въ Крыму; древнѣйшія свидѣтельства и другія признаки ихъ обитанія тамъ. Руссы тмутараканскіе; показанія о нихъ арабскихъ писателей; городъ Ρωδία; локализація его Бруномъ и Кулаковскимъ на основаніи Эдризи. Свидѣтельства о норманизмѣ руссовъ: Константина Порфир., Ал-Бекри (1/2 IX в.), Бертинскихъ лѣтописей (839 г.). „Готская" гипотеза имени Русь. Принятіе христіанства восточными сосѣдями метархійскихъ руссовъ: сѣверо-восточными кавказцами.

Византія и варвары. Древнѣйшія свидѣтельства о знакомствѣ русскихъ съ христіанствомъ: показаніе житія св. Стефана Сурожскаго. Опредѣленіе его истор. цѣнности: русская редакція; слѣды древности; какимъ путемъ попало житіе въ Москву? Сообразность показанія разбираемаго житія съ нѣкоторыми другими данными; общій выводъ. Свидѣтельство житія Георгія Амастридскаго. Время варварскаго нашествія, опредѣляемое по времени написанія житія; намекъ на мѣстожительство Руси.

Нападеніе Руси на Царь-градъ. Свидѣтельства: п. Фотія; — Іоанна Венеціанскаго; — послѣдующихъ хронистовъ (продолж. Амартолы II 1/2 X в.,

Симеон. Логоф. II ½ X в. и Льва Грамм. нач. XI в.). Крещенiе русскихъ; свидѣтельства: п. Фотiя; прод. Феофана (X в.) съ Кедриномъ (XI–XII в.) и Констант. Порфир. (X в.) съ Зонарой (XII в.). Русскiе - по Фотiю, по „повѣсти врем. лѣтъ" и по степенной книгѣ + никоновская лѣтопись. Русскiе, нападавшiе на КП. – въ наукѣ. Вопросъ о годѣ нападенiя: Голубинскiй; Fr. Cumont; генезисъ лѣтописной даты 866 (и вмѣсто 862); предварительный выводъ относительно участiя въ походѣ и слѣдовавшемъ за нимъ крещенiи кiевскихъ русскихъ (Аскольда и Дира). Отнесенiе факта массоваго крещенiя и принятiя епископа къ русскимъ Воспора и Таматархи: письмо п. Фотiя; темное мѣсто изъ житiя св. Кирилла. Мѣсто русской епископiи.

<u>Значенiе факта крещенiя черноморскихъ русскихъ для Руси Кiевской</u>; связь послѣдней съ Византiей и съ Тмутараканью; выводъ относительно христiанства Аскольда и Дира. <u>Кiевское христiанство при Игорѣ</u>; общее указанiе на источники кiевскаго христiанства. Церковь св. Илiи. Христiанизаторская роль варяговъ и вопросъ о началѣ появленiя у насъ западнаго христiанства.

<u>Вел. кн. Ольга</u>; объясненiе ея христiанскихъ симпатiй; вопросъ о ея происхожденiи. Вопросъ о мѣстѣ и времени крещенiя св. Ольги; рус. лѣтопись (+ Кедринъ, Зонаръ, Contin. Reginonis, мн. Iаковъ); запись имп. Константина Порф. Признаки не совсѣмъ благосклоннаго прiема Ольги въ КП.; цѣль Ольгина путешествiя; ея крещенiе. Христi-

анская дѣятельность кн. Ольги на Руси; свидѣтельства и преданія о ней.

Посольство Ольги къ Оттону I. Свидѣтельство Contin. Reginonis; regina Rugorum: Rugi. Достовѣрность свидѣтельства. Предположенія: а) о подложности посольства и в) о дѣйствительномъ обращеніи Ольги къ Западу за іерархіей и ихъ несостоятельность. Предполагаемая цѣль посольства, естественнымъ образомъ вызвавшая религіозную миссію со стороны императора, извѣстнымъ образомъ настроеннаго. Обманъ пословъ и его результаты; кончина Ольги.

<u>Христіанство при Святославѣ</u>: распространеніе его изъ славянскихъ странъ: болгаріи, Угріи, Моравіи; появленіе славянск. богослуженія въ Кіевѣ (булла 972 или 73 г.). Ярополкъ.

<u>Св. Владиміръ</u>; окружавшее его христіанство; причины первоначальной приверженности его къ язычеству. Причины обращенія Владиміра; Иларіонъ, Іаковъ, Несторъ. Лѣтописная „Повѣсть“; краткая истор.-литературная справка („Повѣсть“, „Житіе“, „Слово“). Критика историческаго содержанія „Повѣсти“; внутреннія несообразности въ построеніи „Повѣсти“.

<u>Вопросъ о времени и мѣстѣ крещенія кн. Владиміра</u>; исконное разногласіе относительно мѣста Владимірова крещенія и значеніе этого факта. Даты: м. Іакова, „Сказанія о бор. и Гл.“ и Нестора; вы-

водъ отсюда о мѣстѣ крещенія св. князя, подкрѣпляемый общими свидѣтельствами и другихъ источниковъ. Возникновеніе убѣжденія о крещеніи кн. Владиміра въ Корсуни; историко-литературный элементы въ описаніи корсунскаго крещенія у автора „Повѣсти".

<u>Годъ всеобщаго крещенія Руси.</u> Лѣтописная дата 988; признаки ея искусственнаго внесенія въ текстъ лѣтописи; ея внутренняя несообразность. Годъ взятія Корсуни — 989ый. Свидѣтельство Льва Діакона, Яхъи Антіох. и Ал-Мэкина объ огненныхъ столбахъ; свидѣтельство тѣхъ же и др. о кометѣ. Провиденціальное значеніе двухъ указанныхъ знаменій по толкованію Льва Д. и значеніе этого толкованія для опредѣленія времени осады и взятія Корсуни; примиреніе им. Василія съ Склиромъ, какъ наиболѣе рѣшающее обстоятельство въ данномъ вопросѣ; выводъ о времени взятія Корсуни, женитьбы Владиміра и крещенія Кіевлянъ, подтверждаемый „Исторіей" Льва Д.

<u>Раскрытіе сношеній Владиміра съ Византіей, повлекшихъ за собой его личное крещеніе и крещеніе всего русск. народа.</u> Разсказъ Яхъи Антіохійскаго; поясненіе его обстоятельствами тогдашней византійской исторіи: бунты Варды Склира и Варды Фоки. Посольство им. Василія въ Кіевъ (осень 987 г.) и его миссіонерское значеніе; предполагаемые послы варяги-христіане; гипотетическія посольства къ Владиміру отъ болгаръ, Варды

Фоки и герман. импер.; — объясненіе или разсказа лѣтописной „Повѣсти"; попутное замѣчаніе о „посольствѣ Владиміра для испытанія вѣръ". Выводъ изъ приведенныхъ иностран. свидѣтельствъ о времени личнаго крещенія кн. Владиміра. Военная помощь Владиміра византійскимъ императорамъ, оказанная въ 988-89 гг. Разрывъ союзниковъ; его причина и отсюда объясненіе осады Корсуня.

Крещеніе кіевлянъ; крещеніе сыновей Владиміра. Первые храмы: церковь св. Василія и Десятинной богородицы; назначеніе послѣдняго храма и его украшеніе; праздникъ освященія и праздничная милостыня великаго князя. Милосердіе — общая характерная черта Владиміра — христіанина; установленіе ему празднованія, какъ святому.

Римско-католическія сказанія объ обращеніи русскихъ въ христіанство. Разсказъ Петра Даміани (+1072) и продолж. хрон. Адемара (к. XII) о еп. Бруно. Свидѣтельство о немъ Титмара Мерзебургскаго; письма Бруно къ имп. Генриху II; причина баснословія. —

Попытки папъ привлечь русскихъ на свою сторону незадолго до всеобщаго крещенія Руси и при кн. Владимірѣ; данныя Никоновской лѣтописи; причины неуспѣха папскихъ притязаній.

Вопросъ о личности перваго русскаго митрополита (Михаила). Древнѣйшія и позднѣйшія свидѣтельства объ этомъ предметѣ. Внутренняя несообразность повѣствованій о м. Михаилѣ и ихъ несогласіе съ другими достовѣрными историческими данными. Первое объясненіе появленія имени м. Михаила, какъ перваго святителя рус. церкви., чрезъ смѣшеніе крещенія Руси при Владимірѣ съ такимъ же фактомъ времени п. Фотія (хрон. Георг. Амарт. сербск. извода). Второе объясненіе — изъ содержанія повѣсти о крещеніи Владиміра (символъ Михаила Синкелла); доказательство такого генезиса въ предисловіи къ Ц. Уст. кн. Владиміра по южно-рус. редакціи кормчей 1286 г., списанной въ XVI в.. Мощи м. Михаила; гипотеза Голубинскаго; исторія свѣдѣній объ этихъ мощахъ (Патерикон -1635 г.; Тератургима -1638 г.; св. Димитрій Рост.); надписи на ракѣ. М. Михаилъ (1131-1147 г.).

Кіевскій періодъ исторіи русской Церкви.

Распространеніе христіанства.

Уясненіе общихъ условій миссіонерства рус. Церкви. Характеръ славяно-рус. языческой религіи. Общая точка зрѣнія язычества; благопріятное для нея обстоятельство въ привнесеніи христіанства собственной, національной русской властью; объясненіе противоположныхъ явленій. Путь примиренія двухъ вѣръ. Финская религія. Благопріят-

ное условіе для миссіи со стороны самого христіанства: славянское богослуженіе.

Распространеніе христіанства при св. Владимирѣ; средства и пути распространенія; общія границы миссіонерскихъ успѣховъ. Замѣчаніе о Крещеніи юго-западныхъ русскихъ земель. Христіанство въ Новгородѣ, Ростовѣ и Муромѣ.

Миссіонерская дѣятельность послѣ Владимира; новые факторы ея. Ростовская область: дѣятельность св. Леонтія. Волхвы. Св. Исаія; христіанство въ Суздалѣ. Житіе Авраамія ростовскаго; его несообразности и противорѣчія; мнѣніе Голубинскаго и выводы Кадлубовскаго. Христіанство въ Муромо-рязанской области; — у Вятичей и Радимичей.

Распространеніе христіанства среди инородцевъ зарубежныхъ: A) — среди сѣверныхъ финновъ (вопросъ о подлинности древнихъ датъ); B) среди западныхъ финновъ и леттовъ (Карелія, Эстонія [Угаунія, Толова], Герцике и Кукейносъ).

Распространеніе Хр-ства за предѣлы русск. земли среди сосѣднихъ народовъ: Литвы, Половцевъ, болгаръ.

Церковное управленіе

Греческое ученіе о церковно-административной пентархіи. Вѣроятные планы кн. Владимира. Предположеніе объ изначальной автокефаліи рус. церкви; ея кратковременность; м. Іоаннъ I-й

(гипотеза о его болгарском происхожденіи). Власть КП. патріарха надъ рус. церковью. Случаи поставленія митрополитовъ изъ русскихъ. Поставленіе Иларіона и значеніе этого факта. Поставленіе Климента Смолятича, объясняемое политическими обстоятельствами времени; интердиктъ м. Михаила; судьба м. Климента и всего его дѣла. Принципіальная оцѣнка двухъ вышеуказанныхъ случаевъ. Фактическое выраженіе другихъ правъ КП. патріарха въ отношеніи къ рус. церкви.

Русская митрополія. Функція соборности. Мѣстонахожденіе митрополіи (надписаніе соч. архіеп. Льва; титулъ еп. Ефрема; мнѣніе прот. Лебединцева); объясненіе факта. Попытка Андрея Боголюбскаго — раздѣлить рус. митрополію; каноническая сторона дѣла; продолженіе и конецъ затѣянной исторіи.

Епархіи и епископы. Греческій принципъ епархіальнаго дѣленія и его измѣненіе на русской почвѣ; общая и случайная причины малочисленности рус. епархій. Епархіи и ихъ центры при св. Владимірѣ; — и послѣ св. Владиміра до конца періода; ихъ общее число. Вліяніе малаго числа епархій на духъ церков. управленія: на отношеніе епископовъ къ паствѣ и къ приходскому духовенству. Вопросъ о степеняхъ епархій; титулъ новгород. епископа.

Кандидаты на еписк. каѳедры: греки, русскіе, монахи, бѣлцы; сословное происхожденіе (ставлен. пошлины). Порядокъ избранія во епископа; первый пе-

ріодъ — преобладанія власти кіевск. митрополита и 2й періодъ — преобладанія воли князей и народа (сѣв.-вост. Русь; Новгородъ); взглядъ на дѣло лѣтописцевъ. Крѣпость на каѳедрѣ.

Органы епархіальнаго управленія. Крылосы; документальныя свидѣтельства о нихъ. Права и дѣятельность рус. крылошанъ, уясняемыя изъ исторіи даннаго института; штатъ архіерейскихъ чиновниковъ по „Обряднику" имп. Константина: выводъ о русск. крылосахъ. Епископскіе намѣстники (греч. синкеллы): резиденціи намѣстниковъ; ихъ дѣятельность (уѣздн. крылосы). Десятинники.

Церковные законы. „Сводъ законовъ" Іоанна Схоластика въ L титул. и „Номоканонъ" Фотія въ XIV титул. Отношеніе русск. церкви къ узаконеніямъ греческихъ императоровъ. Частные законы русск. церкви: А) Установленныя рус. гражд. властью права церк. іерархіи. Права судебныя; смыслъ и значеніе ихъ въ Греціи и у насъ. Церков. уставъ кн. Владиміра; возраженія противъ его подлинности со стороны Голубинскаго и апологія — Ключевскаго и Малышевскаго. Естественный переходъ нѣкотораго круга дѣлъ въ подсудность духовенства. Постепенное расширеніе судебныхъ правъ русск. іерархіи. Церк. Уставъ кн. Ярослава; недоумѣнныя выраженія устава и ихъ объясненіе; историч. обстоятельства, вызвавшія появленіе Устава и его спеціальное назначеніе; уясненіе отсюда нѣкоторыхъ его частностей. Признаки подложности Устава, указываемые Голубинскимъ и ихъ ослабленіе. Древность

появленія Устава, опредѣляемая по курсу серебряной гривны. Существующія редакціи Уставовъ Владимира и Ярослава, какъ показатели сравнительно позднѣйшихъ границъ церк. суда (грамоты новгород. кн. Всеволода Мстиславича 1135 г.). Хронологически опредѣленная грамота Ростислава Мстиславича Смоленскаго 1150 г.; опредѣляемый ею кругъ дѣлъ, подсудныхъ духовенству. Общая идея, подъ руководствомъ которой происходило расширеніе сферы церк. суда. Полный кругъ судебныхъ дѣлъ, отошедшихъ къ концу періода въ вѣдѣніе церкви: ихъ общій характеръ, уясняющій ихъ естественное тяготѣніе къ церкви и другія благопріятныя этому обстоятельства.

Лица, подсудныя духовенству по всѣмъ дѣламъ.

В). Чисто церковныя узаконенія, опредѣляющія обязанности членовъ рус. церкви. „Правило" м. Іоанна II (+ 1089). „Постановленіе" и „поученіе" новгородск. архіеписк. Иліи-Іоанна (1165-1185). Канонич. памятники частнаго характера: „Вопрошеніе" Кирика, „Уставъ бѣлеческій", „Посланіе" преп. Θеодосія.

Средства содержанія высшей іерархіи. Источники обезпеченія іерархіи въ греческой Церкви; неизбѣжный характеръ постановки этого обезпеченія на первыхъ порахъ въ рус. церкви. Десятина; ея происхожденіе. Размѣръ десятины кн. Владимира и ея отношеніе ко всѣмъ епископіямъ. Постепенное ограниченіе размѣровъ десятины (грам. Ростисл. Смол. 1150 г.); порядокъ ея измѣренія (новгород. Святослава 1137 г.); уподобленіе десятины греческому канонику. Недвижимыя иму-

щества; форма землевладѣнія (усадебная); первые признаки населенныхъ церков. вотчинъ. Приходскіе доходы; плата за требы; ἐμβατοίκιον; ставленическія пошлины.

Приходское духовенство. Общая черта въ исторіи приходскаго духовенства въ домонгольскій періодъ. Кандидаты на священство при кн. Владимирѣ; правительственные наборы; систематическая подготовка при Ярославѣ. Начало наслѣдственности духовной профессіи; приливъ въ духовную среду низшихъ слоевъ народа. Многочисленность приходскаго духовенства; ея причины и соединенныя съ нею злоупотребленія. Образовательный уровень приходскаго духовенства; каноническія послабленія при поставленіи. Іеромонахи на приходахъ.

Обезпеченіе приходскаго духовенства; первоначальное княжеское жалованье; десятина; послѣдующіе приходскіе источники. Исключительно обезпеченные приходы: напр., новгородск. церковь Іоанна Предтечи на Опокахъ; грамота кн. Всеволода Мстиславича 1134-1135 г.; ея подлинность. Добровольныя приношенія; сборы; плата за требы; недвижимыя имущества. Замѣчаніе о просвирняхъ.

О взаимоотношеніи властей церковной и государственной.

Благопріятныя условія для установленія близкаго взаимодѣйствія двухъ властей на Руси. Греческая традиція и ея непримѣнимость на рус-

ской почвѣ. Обстоятельства, создавшія крупную роль іерархіи во внутренней политикѣ русскаго государства (Преп. Өеодосій). Поведеніе іерархіи; отрицательные случаи (поступокъ Антонія Черниговскаго по смерти Святослава Олеговича въ 1165 г. и еп. Порфирія въ 1187 г.). Миротворческая дѣятельность іерархіи: м. Николай (1097 г.), м. Никифоръ II (1195 г.), еп. Евфимій (1149 г.), кіевское священство (1127 г.); новгородскіе епископы. Епископы и священники въ роли пословъ; священники въ роли княжескихъ дѣльцевъ; постоянное государственное положеніе епископовъ и священниковъ. Участіе іерархіи въ государственномъ законодательствѣ.

Вліяніе гражданской власти на церковную: кн. Андрей Боголюбскій и еп. Несторъ въ 1156 г.; Святославъ Черниговскій и еп. Антоній въ 1168 г.; судъ надъ еп. Кирилломъ въ 1229 г. Отношенія новгородцевъ къ своимъ епископамъ въ 1211, 1219, 1223, 1225, 1228 г.г. Вліяніе князей на дѣла чисто-церковныя.

Монашество.

Кажущееся противорѣчіе въ документальныхъ показаніяхъ о началѣ рус. монашества; примирительная и пояснительная гипотеза Голубинскаго. Строеніе монастырей; монастырь Кіево-печерскій, какъ исключительный въ этомъ отношеніи; строители-ктиторы: князья и игумены; причины равнодушія рядового монашества къ монастырскому строительству. Монастырскіе уставы.

Начальныя условія жизни русск. монашества, благопріятствовавшія распространенію Келліотскаго устава; несовершенства этого устава. Попытки введенія строгаго общежительнаго устава. Разнорѣчивыя свидѣтельства о полученіи преп. Ѳеодосіемъ Студійскаго устава. Признаки послѣдовательнаго проведенія его въ Печерскомъ монастырѣ при жизни пр. Ѳеодосія; примѣры изъ послѣдующей исторіи того же монастыря, свидѣтельствующіе о противномъ. Уставная жизнь въ другихъ монастыряхъ помимо Кіево-Печерскаго.

Средства содержанія монастырей: Мірскія подаянья (преп. Ѳеодосій); недвижимыя имущества (дары кн. Ярополка Изясл. (+1086), Мстислава Владимир. (1125-1132), - Антонія Римл., - Варлаама Хут.). Поминальные вклады; угощенія монаховъ. Вклады постригавшихся. Замѣчаніе о схимѣ. Бродячіе монахи. Постриженія предъ смертью и насильственныя постриженія.

Образцы монашескихъ добродѣтелей. Подвигъ пещерничества; его происхожденіе чрезъ м. Иларіона (гипотеза о происхожденіи самого Иларіона). Затворничество; столпничество; постничество; юродство и др.

Заслуги монастырей передъ обществомъ; ихъ нравственно-воспитательное и религіозно-миссіонерское значеніе. Вліяніе монашества на установленіе аскетическаго пониманія христіанства въ русскомъ народѣ. Учительные монахи. Монахи-

духовники; ихъ авторитетъ и характеристика міровоззрѣнія по „Вопрошанію" Кирика. Служеніе монастырей (Кіево-печер.) житейскимъ нуждамъ общества. Просвѣтительная роль монастырей.

Вліяніе христіанства на русскую жизнь.

Важность вопроса. Перевоспитаніе религіозныхъ взглядовъ русск. народа. Точка зрѣнія язычества, постулирующая къ первоначальному періоду чистаго сознательнаго двоевѣрія; борьба съ нимъ; періодъ двоевѣрія безсознательнаго; недостаточность просвѣтительныхъ средствъ для борьбы съ нимъ. Степень положительнаго знанія христ. религіи въ народной массѣ. Знаніе религіи среди просвѣщенныхъ классовъ; недостатокъ въ пониманіи христіанства у людей передовыхъ и его неблагопріятное вліяніе на религіозную мысль простого народа. — Дѣла набожности, какъ свидѣтельство привязанности къ христіанству: прилежаніе къ молитвѣ домашней и общественной; усердіе къ строенію храмовъ (ограничительное замѣчаніе; грубый взглядъ на церков. украшенія); путешествія ко свв. мѣстамъ.

Нравовоспитательная миссія церкви. Крайне низкій уровень нравственныхъ понятій рус. языческой религіи и рус. язычниковъ. Новый кругъ нравственныхъ идей привитыхъ Церковью: идея альтруизма, идея грѣха и суда божія (ихъ вліяніе на-

И. д. Доцента Ант. Карташевъ.

примѣрахъ св. Владимира и св. Бориса); разрывъ съ чувственностью (кн. Владимиръ; печерскіе подвижники). Значеніе живыхъ образцовъ новой христіанской нравственности, особенно образцовъ аскетизма; отсюда ненормальности въ нравственномъ сознаніи мірскихъ русскихъ людей (в. кн. Ростиславъ Мстиславичъ); взглядъ Владимира Мономаха. Характерные пороки: пьянство, чувственность, жестокость (епископы).

Систематическое вліяніе рус. церкви на народную нравственность чрезъ гражданское законодательство. Устроеніе христіанской семьи; возвышеніе взгляда на женщину; признаніе за ней свободнаго произволенія на бракъ, — имущественной независимости (приданное); закрѣпленіе идеала матери-воспитательницы. Косвенныя вліянія церкви на законодательство о ростовщичествѣ и холопствѣ; результаты церковныхъ усилій въ послѣднемъ направленіи.